

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

Курлаев Е. А., Манькова Н. Л.

ОСВОЕНИЕ РУДНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ УРАЛА И СИБИРИ В XVII ВЕКЕ

*у истоков российской
промышленной политики*

УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

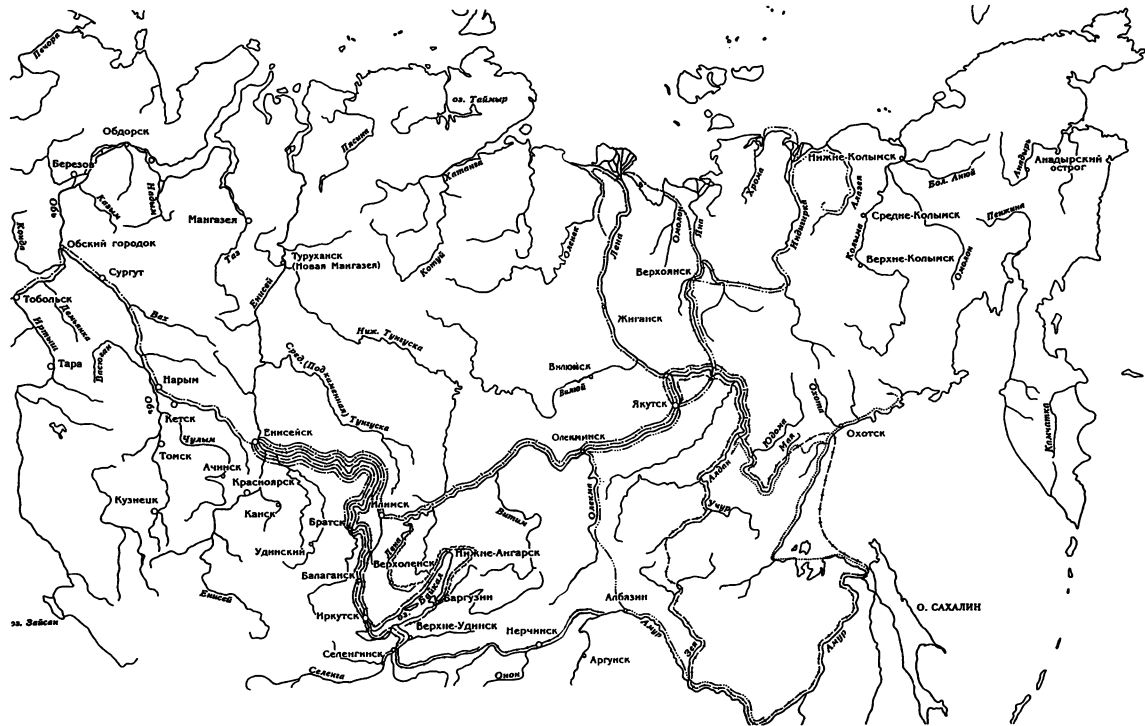

Рис. 9. Экспедиции, занимавшиеся поисками рудных месторождений в Сибири XVII в.

— Хрипунов Я. 1628-30 гг.	— Москвитин И.Ю. 1639-41 гг.	— Поярков В.Д. 1643-46 гг.	— Галкин И. 1648-50 гг.
— Буза Е. 1636-38 гг.	— Зырян (Ерило) Д. 1641-44 гг.	— Колесников В. 1644-47 гг.	— Хабаров-Святыцкий Е.П. 1649-53 гг.
— Иванов П. 1636-37 гг.	— Ерастов и Зырян 1641-44 гг.	— Похабов И. 1644-48 гг.	— Бекетов П. 1652-53 гг.
— Копылов Д. 1636-38 гг.			

ОСВОЕНИЕ РУДНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ
УРАЛА И СИБИРИ В XVII ВЕКЕ:
у истоков российской промышленной политики

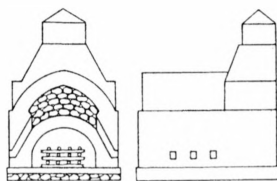

R U S S I A N   A C A D E M Y   O F   S C I E N C E S
U R A L S   B R A N C H
INSTITUTE OF HISTORY AND ARCHAEOLOGY

Yevgeni A. Kurlayev, Irina L. Mankova

**DEVELOPMENT OF THE URAL – SIBERIAN
ORE FIELDS IN THE XVII-th CENTURY**

*by the Origins of the Russian
Industrial Policy*

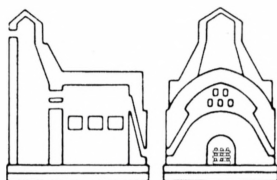
MOSCOW
«Drevlehranilische»
2005

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

Курлаев Е. А., Манькова И. Л.

ОСВОЕНИЕ РУДНЫХ МЕСТОРОЖДЕНИЙ УРАЛА И СИБИРИ В XVII ВЕКЕ

*у истоков российской
промышленной политики*

МОСКВА
«Древлехранилище»
2005

ББК 63.3
К 93

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН

Ответственный редактор
доктор исторических наук Л. В. Сапоговская

*Исследование проведено при поддержке
гранта РГНФ № 98-01-00400*

*Издание осуществлено при поддержке
гранта РГНФ № 03-01-00435д*

Курлаев Е. А., Манькова И. Л.

К 93 **Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке:** у истоков российской промышленной политики. М.: «Древлехранилище», 2005. 324 с.

ISBN 5-93646-081-9

В книге представлено исследование роли государства в создании основ отечественной промышленности на примере развития металлургической базы Урала и Сибири в XVII веке. В связи с этим рассмотрены методы и формы государственного регулирования, процесс выработки управленческих решений и факторы, влиявшие на них и сопряженные с активным колонизационным процессом. Большое внимание уделено участию различных органов власти в инициировании, управлении и контроле над поисками рудных месторождений и их разработкой. Показана преемственность в государственных подходах к развитию промышленности в XVII веке и первой четверти XVIII века. Книга написана на основе значительного комплекса архивных и опубликованных источников, а также данных археологических исследований.

© Е. А. Курлаев, И. Л. Манькова, 2005

© Издательство «Древлехранилище», 2005

ISBN 5-93646-081-9

ВВЕДЕНИЕ

Добыча и обработка железа в России имеет давние традиции. В XVI в. этот промысел был широко распространен на территории всего государства и базировался на доступных поверхностных болотных, луговых и озерных рудах. В тот период определились основные железоделательные центры. Развитие экономических связей способствовало распространению их продукции за пределы рудных месторождений – с Севера на Юг до Москвы, из Лопских погостов до Новгорода, из Серпухова в Тулу. С точки зрения техники, оборудования, размеров производства и его производительности металлургия XVI – первой половины XVII в. сохраняла ручной и мелкий характер. Как правило, кузнецы выполняли весь цикл работ от копки и плавки руды до изготовления из нее уже законченных железных изделий. Исключение составлял железоделательный промысел в Устюжне. Во второй половине XVI – первой половине XVII вв. устюженские мастера выполняли государственные заказы на производство пищалей и ядер, а для этого необходима была вспомогательная рабочая сила молотобойцев. С конца XVI в. крупным центром по производству оружия стала Тула.

На рубеже XV – XVI вв. в России возникло крупное металлообрабатывающее производство – Пушечный двор. У истоков его создания стояло государство, заботившееся об укреплении обороноспособности, создании артиллерии. По сути дела это предприятие было исключено из хозяйственно-экономических связей и обслуживало только нужды военного ведомства¹.

Таким образом, потребности государства и населения в железе и металлических изделиях удовлетворялись продукцией традиционных железоделательных центров Европейской части России (Подмосковье, Устюжна Железнопольская, Тула, Карелия). Высококачественное железо импор-

---

¹ См.: *Заозерская Е. И.* У истоков крупного производства в русской промышленности XVI – XVII веков. М., 1970. С. 199-253.

тировалось из-за границы. Проблемы обеспечения железом и металлическими изделиями вновь присоединенных урало-сибирских территорий во многом были проблемами местных властей и русских поселенцев. Центральная администрация мало чем могла помочь в решении данного вопроса в силу большой отдаленности восточного фронта. Русские поселенцы должны были сами построить на новой территории обитания в значительной степени автономную и самодостаточную систему хозяйствования. Важной составляющей этой системы являлось создание местного железоделательного производства. Однако рудные ресурсы урало-сибирского региона оказались настолько емкими, что в дальнейшем данная территория стала поставщиком металла всей Российской державы.

Осознание этих возможностей на государственном уровне произошло в конце XVII в. Истощение ресурсов традиционных металлургических районов, Азовские походы и начавшаяся Северная война заставили правительство обратиться к потенциалу Урала и Сибири. Под потенциалом данных территорий имеются в виду не только природные факторы, но и технико-технологический опыт. Его накопление происходило и у тех, кто непосредственно занимался поисками месторождений, и у тех, кто руководил ими из центра, поскольку обязательным условием всех геологоразведок XVII в. были присылка в Москву образцов пород, результатов опытов и описания произведенных работ. Несомненно, был важен и административный опыт, нарабатывавшийся в ходе практической деятельности по организации геологоразведочных экспедиций, первых предприятий. Также существенными факторами являлись выросший за XVII в. общий уровень хозяйственного освоения урало-сибирского района и увеличение численности населения. Без этой основы не возможна была бы широкомасштабная промышленная эксплуатация месторождений Урала и Сибири в XVIII в.

К началу XVII в. Россия не имела собственной сырьевой базы для получения цветных и драгоценных металлов. К тому времени единственное месторождение медных руд в Поморье было выработано. Правительство закупало или меняло на пушнину за границей это стратегически важное сырье. Потребности Денежного двора в серебре в основном удовлетворялись покупкой сфимков, которые затем переплавлялись в русские серебряные монеты. Таким образом, страна находилась в значительной зависимости от конъюнктуры внешнего рынка и международной ситуации, правительство вынуждено было предоставлять существенные льготы иностранному купечеству. Поэтому обретение и разработка собственных источников серебра, меди и золота являлись жизненно важными задачами для России. Вместе с тем, стремление иметь собственные месторождения цветных и благородных металлов было связано и с экономическими представлениями того времени, развивавшимися в русле раннего меркантилизма. Считалось, что прибыль создается в сфере обращения, богатство

нации заключается в деньгах и их накопление может быть достигнуто с помощью государственной власти.

Присоединение в конце XVI – первой половине XVII вв. обширной территории Северной Азии вселяло новые надежды на обретение собственных сырьевых ресурсов цветных и драгоценных металлов (хотя их поиски не прекращались и в других районах России). Большая заинтересованность власти в серебре и меди обусловила доминирующую (а в первой половине XVII в. – монопольную) роль государства в поисках и разработке месторождений этих металлов. Если к нахождению месторождений цветных и драгоценных металлов власти относились как к прибыльному делу, то производство железа воспринималось как необходимость, само собой разумеющееся дело в ряду других жизнеобеспечивающих ремесел. Такое разное отношение определило и порядок приоритетов для государства в развитии горнорудной отрасли.

Как правило, исследователи говорят о промышленной политике российского правительства, начиная с эпохи Петра I и понимая под этим систему мер, способствовавших развитию промышленности². Сейчас мало кто оспаривает, что петровские преобразования уходят своими истоками в XVII в. С. Ф. Платонов вообще не видел переворота в экономической политике Петра, в ее задачах и результатах. По его мнению, «Петр ясно определил ту задачу, к решению которой неверными шагами шли и до него – задачу поднятия производительных сил страны. Его программа развития национальной промышленности и торговли была знакома в XVII веке теоретически – Крижаничу, практически – Ордыну-Нащекину»³.

Что же это были за «неверные шаги», которыми шли предшественники Петра к созданию отечественной металлургии? Каков «вклад XVII века» в развитие данной сферы экономики, в формирование основ российской промышленной политики? Для поиска ответов на эти вопросы мы попытаемся построить свои конкретно-исторические исследования на основе подхода, предложенного Л. В. Сапоговской⁴. Этот подход, во-первых, базируется на понимании промышленной политики как «определенным образом мотивируемой и организованной деятельности государства, направленной на сферу промышленности»; во-вторых, структурирует промышленную политику и ее исторический опыт, как объекты изучения.

² Павленко И. И. Торгово-промышленная политика правительства России в первой четверти XVIII века // История СССР. 1978. № 3. С. 49-69.

³ Платонов С. Ф. Лекции по русской истории. В 2-х частях. Ч. II. М., 1994. С. 113-114.

⁴ Сапоговская Л. В. Промышленная политика в контексте российской модернизации XVIII – начала XX в. // Уральский исторический вестник. № 5-6. Екатеринбург, 2000. С. 236-246; Алексеев В. В., Сапоговская Л. В. Исторический опыт промышленной политики в России (краткий научно-практический очерк). К V Российскому Экономическому Форуму. Екатеринбург, 2000. С. 15-19.

В данной работе будут рассмотрены методы и формы оптимизации государственного регулирования развития горнорудной промышленной сферы в XVII в., уровень централизации и систематизации управления. В частности, будет обращено внимание на участие различных органов центральной власти в инициировании, управлении и контроле над поисками рудных месторождений и их разработками; на процесс выработки управленческих решений, выбор которых зависел от уровня экономических и технических знаний, конкретных обстоятельств, владения информацией о ситуации. В качестве важнейших направлений государственной политики будут представлены такие ее составляющие, как социальная (обеспечение рабочей силой, кадрами специалистов), финансовая и технологическая.

В историографии тема истории поисков полезных ископаемых и их разработки на территории Урала и Сибири в XVII в. стала как предметом самостоятельного рассмотрения, так и нашла отражение в контексте других проблем, например, освоения колонизируемых восточных территорий и становления отечественной промышленности.

При анализе историографии нас, в первую очередь, интересует осмысление роли государства в развитии горнорудной промышленности в XVII в. Изучение этих вопросов было связано с накоплением конкретно-исторического материала, введением в научный оборот новых источников.

Первые попытки оценки геологоразведочного опыта предшествующего периода были предприняты в XVIII – начале XIX вв. в трудах В. Н. Татищева, В. И. Геннина, И. И. Веймарна, В. И. Крамаренкова, А. Ф. Дерябина, И. Ф. Германа, А. С. Ярцова – администраторов, непосредственно связанных с организацией металлургического производства⁵. Излагавшаяся в них история промышленности начиналась с преобразований Петра I, а предшествующему периоду, как правило, уделялось незначительное внимание. Тем не менее ряд наблюдений этих авторов имеет определенную ценность. В частности, В. И. Геннин, знакомясь с состоянием уральских рудников в 20-е гг. XVIII в., обратил внимание на старые разработки в районе Пыскорского медноплавильного завода и низкий техно-

⁵ *Геннин В. И.* Описание Уральских и Сибирских заводов. 1735. М., 1937; *Павленко П. И.* Историческое предуведомление о начальном заведении и поныне продолжающемся рудодобном промысле // Вопросы социально-экономической истории феодализма в России. М., 1961; *Крамаренков В. И.* Выписка о горных делах. Рукопись. ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 411; *Дерябин А. Ф.* Историческое описание горных дел в России с самых отдаленных времен до нынешних // Высочайше утвержденные доклады и другие сведения о новом образовании горного начальства и управления горных заводов. СПб., 1807. Ч. 1; *Герман И. Ф.* Историческое начертание горного производства в Российской империи. Екатеринбург, 1810; *Ярцев А. С.* Российская горная история. Рукопись. Библиотека Санкт-Петербургского горного института.

логический уровень получения меди в предшествующий период. Им также были зафиксированы сведения об открытии нерчинских серебряных руд⁶.

Оценка состояния геологоразведки и условий, влиявших на развитие металлургии допетровского времени, дана в трудах В. И. Крамаренкова и А. Ф. Дерябина. По оценке последнего, причиной малых успехов горного производства до 1700 г. были неразвитость внутренней и внешней торговли; исключительное право владения государством (царя) рудными богатствами; недостаток или отсутствие людей, знающих горное искусство; отсутствие централизации управления горными делами, разделение его между воеводами на местах и различными приказами⁷.

Поставленная А. Ф. Дерябиным проблема причинности малоэффективных действий геологоразведочных экспедиций XVII в. стала одной из основных в работах историков второй половины XIX – XX вв. Как правило, поиск ответов на данный вопрос шел в русле сравнения с петровским периодом.

В первой половине XIX в. В. Н. Берхом была опубликована подборка документов по истории Пыскорского медеплавильного завода, которая до сих пор является основной по данному вопросу. Археографической комиссией была проделана большая работа по введению в научный оборот собранной еще в 30 – 40 гг. XVIII в. Г. Миллером в поездке по Уралу и Сибири делопроизводственной документации. Таким образом, увидели свет ценнейшие сборники документов «Акты исторические» и «Дополнения к актам историческим»⁸.

В 1875 г. М. Д. Хмыровым была опубликована первая книга посвященная истории добычи и обработки металлов, «Металлы, металлические изделия, минералы в Древней Руси», в которой также затрагивались и вопросы участия государства в развитии горной промышленности. По мнению автора, и в XVII в. русское правительство обращало внимание на необходимость развития данной сферы производства, но при Петре I пришло более глубокое осознание этой цели и методы ее достижения стали рациональнее. М. Д. Хмыров отметил широкий размах геологоразведочных поисков в XVII в., назвав это «рудонискательской горячкой, охватившей одно время все сословия». Очевидно под «одним временем» автор подразумевал 70–80 гг. XVII в. Он обратил внимание и на такой

⁶ Геншин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов. С. 599-604.

⁷ Дерябин А. Ф. Указ. соч. С. 8-10.

⁸ Берх В. Н. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821; *Он же*. Горный журнал. 1826. Кн. 1-5, 7-12; 1827. Кн. 1-5; 1828. Кн. 4-7; 1829. Кн. 5; Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. II. СПб., 1841; Т. III. СПб., 1841; Т. IV. СПб., 1842; Т. V. СПб., 1842. ; Дополнения к Актам историческим. Т. VI. СПб., 1857; Т. VII. СПб., 1859; Т. IX. СПб., 1875.

фактор, препятствовавший успеху геологоразведок, как уровень развития технологии и техники («состояние горнозаводской науки в техническом отношении»). Правительство же, по мнению М. Д. Хмырова, пыталось компенсировать этот недостаток лишь строгими предписаниями местным властям. Он также отметил в качестве весьма важного препятствия «к распространению горного промысла» отсутствие единого специализированного управления горными делами. На местах оно поручалось либо воеводам тех уездов, где были найдены руды, либо частным лицам, которым эти руды отдавались. М. Д. Хмыров выделил приказы, которые, так или иначе, имели касательство к горному делу: с 1650 г. – Посольский приказ, приказ Большой казны, Сибирский приказ, Оружейная палата, Пушечный двор. По его мнению, с 1660 г. горная сфера была поручена Приказу Большого Дворца. Какой-то внутренней логики в привлечении того или иного приказа М. Д. Хмыров определить не смог. На наш взгляд, эти важные наблюдения нуждаются в дальнейшей разработке и корректировке⁹.

Конец XIX – начало XX вв. – новый этап в расширении источниковой базы для изучения истории горнорудного дела XVII в., в том числе на Урале и в Сибири. В связи с этим необходимо отметить «Пермскую летопись» В. Н. Шишонко, «Обозрение столбцов Сибирского приказа» Н. Н. Оглоблина, издания «Русской исторической библиотеки», «Горного журнала». Также ряд распоряжений центральных властей по горнорудным делам XVII в. вошел в Полное собрание законов Российской империи. Некоторые эпизоды промышленного освоения Урала и Сибири отражены в документах, собранных А. Титовым¹⁰. Интересные данные об организации первого железодельного предприятия в Рудной слободе, известного в литературе под названием «Ницинский» завод, приведены П. Н. Буцинским¹¹. Эти сведения долгое время оставались, по сути, основной характеристикой завода. Впервые же информация о Ницинском заводе и его название были приведены Г. Ф. Миллером в «Истории Сибири»¹².

Наряду с конкретно-историческими исследованиями предпринимались попытки осмысления опыта промышленной политики предшеству-

⁹ *Хмыров М. Д.* Металлы, металлические изделия, минералы в Древней Руси. СПб., 1875. С. 184-185.

¹⁰ *Шишонко В. И.* Пермская летопись: В 7 кн. Пермь, 1880-1889; *Титов А.* Сибирь в XVII в.: Сборник старинных русских статей о Сибири и принадлежащих ей землях. М., 1890; *Оглоблин Н. И.* Обзорение столбцов Сибирского приказа. Т. 1-4. М., 1895-1902; Русская историческая библиотека. Т. VIII. СПб., 1884.; Памятники Сибирской истории XVIII в. Т. I. СПб., 1882; Т. II. СПб., 1885; Полное собрание законов Российской империи. Т. III. М., 1885.

¹¹ *Буцинский П. Н.* Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889.

¹² *Миллер Г.* История Сибири. Т. 2. М., 1941.

ющего периода. В. Витчевский, не углубляясь в промышленную специализацию, дал оценку состояния российской промышленности в целом, назвав ее вплоть до начала XIX в. «зачатками национального промышленного труда». Он считал, что «политические, социальные и культурные условия великокняжеской, а затем царской Руси мало благоприятствовали тому расцвету промышленности, какого достигла западноевропейская индустрия в городском ремесле». Автор обращает внимание на то, что уже в XV в. в Россию привлекались из-за границы «деятельные силы, чтобы насадить в стране высшие формы ремесленного труда». Они без сомнения приносили пользу, но не могли обеспечить прорыв, так как не возникало «школы» в силу их малочисленности и отсутствия условий для широкого распространения промышленных знаний¹³.

Как известно, в советской историографии, в силу утвердившихся марксистско-ленинских подходов, пристальное внимание было обращено на историю рабочего класса и формирование капиталистических отношений в промышленности. В начальных главах работ, вышедших в 1920 – 1940-х гг., например, труда Ю. И. Гессена, статьи М. Ф. Злотникова уделялось внимание и ранней истории развития промышленности, но источниковая база ограничивалась, как правило, уже опубликованными документами, рукописными сочинениями горных деятелей XVIII в., историческими исследованиями предшественников¹⁴.

Несколько особняком стоит в этом ряду работа П. Г. Любомирова «Очерки по истории металлической и металлообрабатывающей промышленности в России», изданная посмертно в 1937 г., в которой XVII веку посвящена отдельная глава. Как справедливо заметил Н. И. Павленко, ценность этого труда состоит, в том, что автору удалось собрать воедино и систематизировать всю накопленную к тому времени информацию, разрозненную по разным изданиям, в том числе и малоизвестным. Исследователем была создана полная картина географического размещения промышленности и собрана наиболее полная библиография по проблеме¹⁵. П. Г. Любомиров отметил, что внимание московского правительства и частных предпринимателей было привлечено к уральским рудам довольно рано. Хотя многие геологоразведочные экспедиции XVII в. завершились безрезультатно, но «все же много пунктов нахождения руд, осо-

¹³ *Витчевский В.* Торговля, таможня и промышленная политика России со времен Петра I до наших дней / Перевод с нем. Г. В. Браудс. СПб., 1909. С. 5-6.

¹⁴ *Гессен Ю.* История горнорабочих СССР: История горнорабочих России до 60-х гг. XIX в. М., 1926. Ч. 1; *Злотников М. Ф.* Первое описание уральских и сибирских заводов (вступительная статья к книге В. И. Геннина). М., 1937; *Металлургические заводы на территории СССР с XVII в. до 1917 г.* / Под общ. ред. М. А. Павлова. М.; Л., 1937. Т. 1 и др.

¹⁵ *Павленко Н. И.* Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в. М., 1953. С. 14.

бенно железных и медных, было уже тогда правильно намечено, хотя, конечно, тогдашние «исследователи» не умели учесть иногда и сотой доли богатств, которые открывали». Он также высказал предположение о причинах прекращения деятельности «Ницинского завода», связав это, *прежде всего*, с незаинтересованностью в далеком зауральском заводе правительства, удовлетворявшего свои потребности с близких к столице Тульских заводов.

П. Г. Любомиров сделал ряд общих наблюдений, которые впоследствии широко использовались историками и имеют значение в качестве контекста для нашего исследования (особенно в отношении железодельного производства). Подводя итоги развитию металлургии и металлообработки в XVII в., он констатировал, что выплавка меди делала первые неуверенные шаги, работа всех трех известных предприятий не отличалась продолжительностью. Золото и серебро не было найдено до 1690-х гг. Главными средоточиями железной промышленности были преимущественно наиболее заселенные центры государства. Кузнечный промысел в большинстве центров имел узко местное значение. Пунктов, поставлявших продукцию на широкий рынок страны, было около полутора десятков, и все они были связаны с рудными месторождениями. И хотя государство прибегало к услугам кузнецов, принудительно возлагая на них свои заказы, свои основные потребности оно удовлетворяло за счет возникавших вододействующих доменных и молотовых заводов. Для размещения этих заводов определяющее значение имела уже близость не к сырьевой базе, а к источникам энергии и путям сообщения. Определяя тенденции последующего развития отрасли, П. Г. Любомиров видел будущее за крупным производством, организованным в формах централизованной мануфактуры со значительным использованием принудительного труда приписных к заводам крестьян¹⁶.

В 1950-ые гг. наблюдается всплеск научного интереса к истории российской промышленности, науки и техники. В связи с этим необходимо упомянуть труды В. В. Данилевского, С. Г. Струмилина, Ф. Д. Бублейникова¹⁷. В 1950 г. была опубликована книга А. В. Хабакова «Очерки по истории геологоразведочных знаний в России»¹⁸. Анализируя историю геологоразведок, автор предпринял важную попытку связать развитие «руднопоискового дела и промысла цветных и других металлов» с процессом «распространения русской государственности» на рудные районы, кото-

¹⁶ Любомиров П. Г. Очерки по истории русской промышленности. М., 1947. С. 290, 291.

¹⁷ Данилевский В. В. Русская техника. Л., 1948; Бублейников Ф. Д. История открытия ископаемых богатств нашей страны. М., 1948; Он же. Геологические поиски в России. М., 1956; Струмилин С. Г. История черной металлургии в СССР. М., 1954.

¹⁸ Хабаков А. З. Очерки по истории геологоразведочных знаний. М., 1950.

рый стал набирать силу с XVI в. Но эта важная мысль, к сожалению, не нашла в данной монографии последовательного развития.

В русле характерной для того времени (в том числе в сфере науки) борьбы с космополитизмом А. В. Хабаков критически разобрал «легенды» об иностранцах, как «пионерах» рудосысского дела на Руси. Доказывая, что именно российским подданным принадлежит приоритет в открытиях полезных ископаемых, А. В. Хабаков в качестве основного аргумента отметил, что поводами для поисков являлись «старинные находки, объявленные местными жителями», и привел большое количество примеров. С этим нельзя не согласиться, что подтверждается и нашими наблюдениями. Но в своем предвзятом отношении к иностранному опыту исследователь не обратил должного внимания на ключевую роль иностранных специалистов в поиске и оценке промышленных залежей руд.

Ценность работы А. В. Хабакова заключается в том, что он стремился проследить эволюцию в геологоразведочном деле на протяжении XVII в. Исследователь связал этот процесс с «постепенным повышением (усложнением) поисковых заданий» (в наказах 1680 – 90-х гг. появились новые требования оценки запасов и рентабельности месторождения), широким привлечением местных жителей к поискам железных руд в конце XVII в. При этом он предложил эволюцию типов рудознатцев: служилые посольные (XV – XVII вв.), своекоштные и профессионалы (XVII в.), «династии» рудознатцев. На наш взгляд, нет оснований выстраивать эти типы рудознатцев в хронологической последовательности. В XVII в. они существовали параллельно и зачастую довольно сложно выделяем «чистый» тип. Например, во владениях Строгановых уже в начале XVII в. известна династия рудознатцев – Яков и его сыновья Василий и Моисей Литвиновы. Прапорщик Лаврентий Нейдгарт – рудозналец-профессионал второй половины XVII в., посылался властями как служилый человек на поиски руд в Казанский уезд и в Нерчинск.

А. В. Хабаков также отметил условия, которые затрудняли развитие поискового дела в допетровской Руси, – отсутствие научно-технической литературы и светских школ, общего понимания пользы реальных знаний, регулярного и единого управления рудопоисковым делом, а также иностранное противодействие русским культурно-техническим связям с Западом.

Еще одной этапной работой этого периода отечественной историографии стала монография Н. И. Павленко «Развитие металлургической промышленности России в первой половине XVIII в.», в которой главное внимание уделено промышленной политике государства в первой половине XVIII в. Исследователь, вскользь касаясь истоков петровской промышленной политики, сделал ряд важных наблюдений. Автор обратил внимание на различия в развитии металлургической мануфактуры в центральном районе и на Урале и в Сибири. Эти различия коренятся в предпосылках возникновения, влиянии социально-экономических сред этих

районов, находившихся на разных ступенях развития. Неодинаковыми были результаты воздействия феодального государства на экономическую природу мануфактуры в этих районах. Данные замечания касаются первой четверти XVIII в. Нам представляется важным проследить истоки этих различий. Есть ли основания переносить эту дифференциацию на организацию горнорудной сферы в XVII в.?

Еще на одну мысль Н. И. Павленко хотелось бы обратить внимание. Критикуя буржуазных историков за представление об уральской промышленности как возникшей по мановению Петра в силу слабой связи с экономикой остальной России, он считает, что в действительности это было перемещение уже созревших форм промышленности из центра на восток, перемещение пространственное. Вслед за Б. Б. Кафенгаузом¹⁹ Н. И. Павленко сделал вывод, что предпосылки развития уральской промышленности следует искать в металлургии Европейской России, при этом вне поля зрения исследователя остался анализ развития и готовности края к размещению мануфактурной промышленности.

Характеризуя развитие железоделательного промысла в XVII в. Н. И. Павленко увидел обусловленность его распространения в экономической необходимости (развитие других промыслов, где применялся металл). В то же время, уровень развития экономики страны предъявлял к металлургии новые требования («надобность» в крупных металлических предметах), а также важнейшим стимулом развития являлись интересы обороны страны. В развитии мануфактур XVII в. исследователь увидел громадную роль государства. Он попытался объяснить этот феномен с позиции формационного подхода, определив государство как надстройку, активно укреплявшую свой базис и господство класса феодалов. Государственное участие в организации мануфактур выражалось в форме либо непосредственного строительства заводов на государственные средства, либо оказания материальной поддержки частным предпринимателям. Н. И. Павленко совершенно справедливо отмечает, что создание первых мануфактур было крайне трудным делом и в качестве аргумента ссылается на их недолговечность, но при этом совершенно не обращает внимания на причины непродолжительной деятельности этих предприятий. Вся деятельность государства по созданию отечественных мануфактур в XVII в. названа Н. И. Павленко «робкими попытками», которые сменились «твердым, энергично осуществлявшимся курсом всемерного поощрения строительства крупных предприятий»²⁰. На наш взгляд, эти наблюдения Н. И. Павленко нуждаются в серьезной разработке.

¹⁹ Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII-XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. Т. 1. М.; Л., 1949.

²⁰ Павленко Н. И. Развитие металлургической промышленности России... С. 28-51.

В контексте данного исследования следует обратить внимание на статью Н. Я. Новомбергского, Л. А. Гольденберга и В. В. Тихомирова «Материалы к истории разведки и поисков полезных ископаемых в Русском государстве XVII в.»²¹. Она является тематическим обзором документов Сибирского приказа, который дал авторам возможность предложить периодизацию истории поисков полезных ископаемых: 1) 1620 – 60-е гг.; 2) 1670 – 80-е гг.; 3) 1690-е гг. Исследователи не сформулировали критерии своей периодизации, но наиболее пристальное внимание в статье обращается, во-первых, на постепенное включение поисково-разведочного дела в систему государственного хозяйства, во-вторых, на этапы перемещения доминант поисковых интересов (ареалы рудоносности поисков) с востока на север и вновь на восток. По мнению авторов статьи, успешное выполнение задач по разведке и поиску полезных ископаемых могло состояться лишь при наличии подготовленных кадров рудознатцев, выявленных рудных районов, а также некоего имевшегося опыта использования найденных подземных богатств. Последнее замечание уместнее было бы отнести не только к поисковой деятельности, но и к развитию производственной сферы.

Тема открытия рудных месторождений в России с XVI до середины XIX вв. стала предметом монографического исследования А. А. Кузина²². Автором привлечен значительный массив материалов из опубликованных и неопубликованных источников. Этим данная книга, несомненно, выделяется из всех предшествующих и последующих трудов. Однако, работая более основательно с частью «Открытия месторождений в Московском государстве в XVI – XVII вв.», мы столкнулись с большим количеством фактологических ошибок, неправильным прочтением документов. Что касается освещения в монографии проблемы роли государства в проведении геологоразведок на восточных территориях, суждения автора не последовательны. Так, отмечая, что центральная власть, хорошо понимая пользу от развития в стране руднометаллургической промышленности, содействовала организации разведок и предлагала разведчикам в случае обнаружения руд основывать железодельные предприятия, А. А. Кузин, буквально через несколько страниц, сам себе противоречит. «Д. Тумашев, — заключает он — мог бы организовать крупное железодельное производство, но правительство не оказывало ему поддержки, напротив, постоянно отвлекало его на поиски драгоценных камней, медной и серебряной руды».

²¹ Новомбергский Н. Я., Гольденберг Л. А., Тихомиров В. В. Материалы к истории разведки и поисков полезных ископаемых в Русском государстве XVII в. (Документы Сибирского приказа) // Очерках по истории геологических знаний. М., 1959. Сб. 8.

²² Кузин А. А. История открытия рудных месторождений в России до середины XIX в. М., 1961.

А. А. Кузин пытается определить факторы, оказавшие благоприятное влияние на развитие рудодобывающего дела и металлургии во второй половине XVII в.: общее развитие производительных сил, складывание всероссийского рынка, активная внешняя политика, развитие ремесел, возникновение железоделательных заводов. Трудно согласиться с автором, утверждавшим, что увеличения добычи руды также требовали реформы 1649 г. (уничтожение белых мест, раскрепощение ремесленников от феодальной зависимости и превращение их в свободных горожан, работавших на рынок — это утверждение, по меньшей мере, вызывает удивление — *авт.*), введения единого таможенного устава 1653 г., способствовавшего товарному обращению, развитию национальной промышленности и притоку в страну серебра.

В связи с широким обсуждением проблем генезиса капитализма в России в 1960 – 70-е гг. вышел цикл работ, посвященных исследованию данного процесса в промышленности, в частности, зарождения крупного производства. Эта проблема стала предметом фундаментального исследования Е. И. Заозерской «У истоков крупного производства в русской промышленности XVI – XVII вв.»²³, в котором представлена широкая панорама развития мелкого металлургического производства и предприятий мануфактурного типа на всей территории России. Такой подход дал возможность выявить региональные особенности и общие тенденции развития.

Отметим важнейшие наблюдения Е. И. Заозерской, получившие развитие и уточнение в нашем исследовании. Опираясь на работы по истории уральской металлургии А. А. Преображенского, С. В. Бахрушина, Д. А. Кашинцева и др., Е. И. Заозерская обратила внимание на некоторые региональные особенности. В качестве специфической региональной черты она отметила взимание десятого пуда с железоделательных промыслов, в то время как в других центрах практиковались казенные заказы кузнецам, причем данная форма ренты фиксируется только во второй половине XVII в. На наш взгляд, необходима дифференциация в формах ренты кузнецов и рудоплавильщиков. Исследовательница констатировала, что необходимость снабжения железом осваиваемых русскими территорий по обе стороны Урала обусловила поиски руд. Требования военного времени делали актуальным производство оружейного железа. Автор ввела в научный оборот новые данные о Невьянском железоделательном заводе, но ошибочно считала его еще одним предприятием, возникшим на Урале в начале 1630-х гг. параллельно с Ницинским заводом (см. главу 2).

В заключительной части историографического обзора необходимо отметить исследования, имеющие локальный характер, т. е. посвященные

²³ Заозерская Е. И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI – XVII вв. М., 1970. С. 297-298.

истории отдельных металлургических районов, предприятий или даже фактов, дополняющих сведения о разработке горнорудных богатств того или иного района Урала и Сибири.

Первым трудом, появившимся в советское время и посвященным истории металлургии Урала, является монография Д. А. Кашинцева²⁴. Автор использовал в основном труды В. И. Геннина, В. И. Крамаренкова, И. Германа, хотя ввел в научный оборот также и весьма ценные архивные источники. Д. А. Кашинец впервые обследовал производственные остатки некоторых старых заводов, что позволило ему сделать ряд важных замечаний относительно заводского устройства и положить тем самым начало новому методу в изучении промышленности.

В связи с дискуссией о генезисе капитализма исследователи обратились к углубленному изучению на региональном материале отдельных проблем ранней горнорудной и заводской деятельности. В научный оборот был введен новый комплекс архивных документов. В этом плане примечательны работы А. А. Преображенского, посвященные различным аспектам колонизации Урала и Сибири в XVII – начале XVIII вв. и промышленному освоению края. В частности, он обращался к изучению возникновения первых частных металлургических предприятий, формирования рабочей силы на частных и государственных предприятиях XVII в., деятельности первых уральских плавильщиков меди Тумашевых²⁵.

Также отметим ряд работ, посвященных отдельным сюжетам из истории горнорудного и заводского дела на Урале. Первым геологоразведочным экспедициям посвящена статья Е. В. Ястребова²⁶. Е. В. Вершинину выявление нового документа позволило объединить комплексы документов, отнесенных Е. И. Заозерской к разным заводам XVII в. – Ницинскому и Невьянскому²⁷. Попытки изучения развития мелкого железоздела-

²⁴ Кашинец Д. А. История металлургии Урала. М.; Л., 1939.

²⁵ Преображенский А. А. Очерки колонизации Западного Урала в XVII – XVIII вв. М., 1956; *Он же*. Из истории первых частных заводов на Урале в начале XVIII в. // Исторические записки. 1958. Т. 63. С. 156-159; *Он же*. Работные люди на Урале в XVII – начале XVIII в. // Из истории рабочего класса Урала: Сб. статей. Пермь, 1961. С. 17-64; *Он же*. Предприниматели Тумашевы в XVII в. // Московское государство в XVII в. М., 1961. С. 110-130; *Он же*. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972. В последних своих работах А. А. Преображенский вновь обратился к деятельности Тумашевых в связи с изучением истории предпринимательства в России и формирования буржуазной собственности. См.: Преображенский А. А., Перхавко В. Б. Купечество Руси. IX – XVII в. Екатеринбург, 1997. С. 162-163; Собственность в России. Средневековье и новое раннее время. М., 2001. С. 179, 197, 207, 211.

²⁶ Ястребов Е. В. Поиск полезных ископаемых на Урале в XVII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. М., 1974. С. 54-97.

²⁷ Вершинин Е. В. Источники по истории организации первого железодельного предприятия на Урале (XVII в.) // Источники социально-экономической истории Урала дооктябрьского периода. Екатеринбург, 1992. С. 16-26.

тельного промысла в XVII в. на уральском материале предпринимались А. Г. Томиловым и В. А. Маниным²⁸.

История металлургии XVII в. на территории Западной и Восточной Сибири нашла отражение в трудах С. В. Бахрушина, В. Н. Шерстобоева, В. А. Александрова, А. Н. Копылова, З. Я. Бояршиновой, В. Н. Скалона, О. И. Кашик, О. Н. Вилкова, В. Н. Курилова, Л. В. Машановой²⁹. Данная тема стала предметом специального исследования И. И. Колмогорцева, М. К. Одинцовой, В. Н. Кашина, С. М. Лукиной, В. И. Сергеева³⁰. Большое значение для экономики России Нерчинского сереброплавильного завода объясняет широкий интерес исследователей к истории его возникновения и деятельности³¹.

Рассматривая степень изученности темы, следует отметить, что, несмотря на немалое число публикаций, проблема освоения в XVII в. руд-

²⁸ Томилов А. Г. Металлургические промыслы уральского крестьянства в горнозаводской промышленности начала XVIII в. // Металлургические заводы и крестьянство. Екатеринбург, 1992. С. 144-149.

²⁹ Шерстобоев В. И. Илимская панна. Т. 1. Иркутск, 1949; Скалон В. И. Русские землепроходцы – исследователи Сибири XVII в. М., 1951; Бояршинова З. Я. Основание города Томска. // Вопросы географии Сибири. Сб. 3. Томск, 1953; Бахрушин С. В. Научные труды. Т. IV. М., 1959; Александров В. А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. Копылов А. И. Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск, 1965; Вилков О. Н. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М., 1967; Он же. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск, 1990; Кашик О. И. Ремесло и промыслы в Прибайкалье в XVII – XVIII вв. // Очерки истории Сибири. Вып. 4. Иркутск, 1973. С. 12-15; Лукина С. М. Промышленное освоение районов Предбайкалья в XVII в. // Хозяйственное освоение и заселение районов Сибири (дореволюционный период). Иркутск, 1975. С. 48-55; Курилов В. Н. Сибирская промышленность в XVII в. // Промышленность Сибири в феодальную эпоху (конец XVI – середина XIX в.). Новосибирск, 1982. С. 6-22; Машанова Л. В. Русская хозяйственная колонизация Забайкалья в конце XVII – начале XVIII в. СПб., 1999.

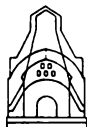
³⁰ Кашик В. Н. Крестьянская железодельная промышленность Кузнецкого края в XVII – XVIII вв. // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1934. № 7-8; Одинцова М. К. О производстве железа в XVII веке в Восточной Сибири // Труды Иркутского государственного университета. Т. XVI. Вып. 3. Иркутск, 1956. С. 165-183; Колмогорцев И. И. Очерки истории черной металлургии Восточной Сибири. Новосибирск, 1965; Сергеев В. И. Железодельное производство в Томске и Кузнецке в первой трети XVII в. // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. С. 125-128

³¹ Трошин А. К. Иван Евстафьевич Власов, воевода – рудознатец XVII в. М., 1963; Кашик О. И. Основание первого в России сереброплавильного завода // Иркутский гос. педагогический институт. Ученые записки кафедры истории СССР и кафедры всеобщей истории. Вып. XI. Иркутск, 1955. С. 5-90; Изгачев В. Г. Строительство первого Аргунского сереброплавильного завода в XVII в. // Ученые записки Читинского педагогического института. Вып. IX. Общественные и гуманитарные науки. Чита, 1963. С. 66-80; Александров В. А. На дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969.

ных богатств Урала и Сибири в целом представлена в отечественной историографии достаточно фрагментарно. Исследователями затрагивались различные аспекты и этапные особенности хода процесса освоения, выводы концентрировались, прежде всего, на анализе факторов пренебрежавших развитию горнорудного дела. В целом в современной исторической науке не сложилось единой точки зрения на характер управляющего воздействия государства на становление горнорудного дела в России, преемственность опыта XVII в. в контексте формирования истоков национальной промышленной политики. Система накопленных базовых положений нуждается в дальнейшем развитии и комплексном освещении. Определенным шагом в преодолении указанных недостатков историографии проблемы является данная монография.

При работе над монографией нами привлекались комплексы опубликованных и неопубликованных источников из архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Тобольска. Типологически это законодательные материалы; деловая переписка представителей центральных властей и местной администрации (царские указы и памяти, посланные из различных приказов воеводам, отчеты и отписки воевод центральным властям), между приказами, воеводами, воеводами и воеводской приказной администрацией; а также переписные, писцовые и дозорные, крестоприводные, именные книги, челобитные, материалы судебно-следственных дел; хозяйственная документация (описи имущества, приходно-расходные, окладные книги). При исследовании были использованы результаты археологического поиска и раскопок остатков промышленной деятельности, которые позволили уточнить или дополнить данные исследований, основанных на письменных источниках.

Е. А. Курласвым написаны Введение, главы 1, 2, 3, 5, Заключение;
И. Л. Маньковой — Введение, главы 4, 6, 7, Заключение.

ГЛАВА 1 ГОСУДАРСТВО И ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЧЕРНЫМ МЕТАЛЛОМ ВОСТОЧНОГО ФРОНТИРА

Поставки железа из метрополии

По мере продвижения российских границ на восток возникла проблема обеспечения железом переселенцев на присоединенных территориях. Русские начали заселять Приуралье еще в XV – XVI вв. Поэтому к началу XVII в. в городах, слободах, деревнях и починках Верхнего Прикамья кузнечный промысел получил необходимое развитие, базируясь и на местном, и на привозном сырье. Относительная близость этого района к Центральной России и единство речного бассейна позволяли без особых трудностей осуществлять поставки железа и металлических изделий в Пермь Великую. Строгановы решали эту проблему самостоятельно, не обременяя государство.

Стремительная колонизация отдаленных и малонаселенных районов за Уральским хребтом требовала немедленных мер по обеспечению русского населения железом. Естественным первым шагом в решении проблемы обеспечения переселенцев металлом была организация поставки его за Урал из традиционных районов крестьянских железоделательных промыслов России. Документы конца XVI – начала XVII вв. изобилуют сведениями о поставках товаров первой необходимости, отправляемых за Урал. Среди наиболее важных и часто упоминавшихся в перечнях можно назвать хлеб, соль, железо и изделия из него, церковную утварь. Эти поставки начались с первых лет освоения и строительства городков и острогов за Уралом. Уже в 1597 г. для постройки амбаров в новом городе на Верхотурье потребовалось 30000 скоб и 500 больших гвоздей прибойных¹. В 1601 г. на верхотурские нужды необходимо было закупить у торговых людей и отправить

¹ Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII века / Сост. Е. Н. Ошанина. М., 1982. Т. 1. №1. С. 11.

из Устюжны Железнопольской 27600 скоб и 1100 гвоздей, «а если не хватит, то кузнецам подготовить вскорее»².

Государство было вынуждено поставлять в первую очередь готовые изделия, так как на осваиваемых землях кузнецы были еще редки. Сведения о поставках железа, ассортименте и количестве изделий из него нашли отражение в документах того времени. Среди снастей, посланных в 1602 г. по указу царя Бориса Годунова через Верхотурье из Вологды и Ярославля для «Мангазейского хода», упоминаются 20 якорей и 40 пудов железа³. В 1607 г. в сибирские города был отправлен обоз с хлебными запасами, церковным строением и инвентарем, среди которого корабельная утварь – канаты и 10 двоерогих якорей. В Великом Устюге закупились для 200 пашенных крестьян по 200 сох, кос, серпов и топоров⁴. К тому времени в Верхотурском уезде начиналась активная распахка земель, а собранный урожай отсылался далее на восток.

Перечень изделий, посланных в 1606 г. из Москвы и Вологды за Урал через Соликамск, несколько иной: сошники трех размеров, белозерское железо, уклад для сельскохозяйственных орудий⁵. В этом документе необходимо отметить важную деталь – изготовленные в России сошники передельвались на месте, а из железа в Соликамске должны были изготавливать косы, серпы, топоры «по образцу сибирских». Видимо, условия ведения хозяйства на новых территориях требовали изменения в конструкции сельскохозяйственных орудий, а кузнецы Тобольска, Верхотурья и других сибирских городов не могли выполнить эту работу или таких специалистов попросту еще не было за Уральским хребтом.

В обеспечении осваиваемых восточных территорий участвовали в первую очередь северные районы России. Хлебные запасы и изделия из железа отправлялись из Перми, Вятки, Устюга, Соли Вычегодской и др.⁶ Со строительством главной государевой (Бабиновской) дороги этот поток пошел через Соль Камскую и Верхотурье. С развитием железоделательного производства в Устюжне Железнопольской (Устюжский уезд) в Сибирь стало поступать устюженское кричное железо. В 1610 г. по царскому указу в Устюжском уезде на Чиво озере было взято 76 мелких криц (20 пудов) и 25 больших криц (19 пудов) для отправки в Верхотурье и сибирские города⁷. В 1615 г. среди отправленных железных изделий из Великого Устюга на Верхотурье и далее в Тюмень и Тобольск были уклад и 50 пудов кричного железа⁸. Перевозка кричного железа была менее выгодной. Тем не менее, та-

² Там же. Т. 1. № 69. С. 118.

³ АИ. Т. VIII. СПб., 1843. С. 412.

⁴ Там же. С. 188-190.

⁵ АИ. Т. II. СПб., 1841. С. 110-111.

⁶ Верхотурские грамоты .... Т. 1. С. 237.

⁷ Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1941. Т. II. С. 217-218.

⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Д. 27. Л. 7.

кое железо давало возможность в любой момент сделать необходимые изделия, а не переделывать готовую продукцию и обеспечить работой кузнецов. На появление этой категории ремесленников в Зауралье и Сибири в первом десятилетии XVII в. указывает именно изменение ассортимента металла. В Приуралье у Строгановых обработка железа началась еще в XVI в.

Кроме казенных поставок, железные и прочие товары в край доставлялись и купцами. В 1609 г. такое разрешение получил торговый человек Богдан Данилов, которому разрешалось торговать в гостиных дворах сибирских городов и привозить для служилых и нашенных людей топоры, ножи, уклады, полицы, косы, серпы и прочие железные товары с уплатой порублевой пошлины⁹.

Для Сибири трудный и долгий путь доставки железа из районов его производства делал металл несравнимо дорогим. Его покупали в Великом Устюге и Соликамске по 60 коп. за пуд, а в Тобольске пуд уже стоил больше рубля, о чем сообщал тобольский воевода А. Н. Трубецкой в 1620-х гг.¹⁰ В 1646 г. енисейский воевода Ф. Ф. Уваров писал в Москву об острой нехватке железа на изготовление якорей, гвоздей, скоб, инструмента, сельскохозяйственных принадлежностей. В Енисейском остроге у купцов цена железа составляла более 5 руб. за пуд, сошники стоили по 1 руб. 20 коп. Сибирский приказ рекомендовал Ф. Ф. Уварову решать эти проблемы в Тобольске. По мере продвижения вглубь Сибири и удаления от центра все более очевидной становилась необходимость не только организации там обработки железа из привозных полуфабрикатов, но и освоение местных источников сырья.

Организация кузнечного производства

Важной составляющей в обеспечении населения металлическими изделиями являлось наличие кадров кузнецов. В начале XVII в. их количество за Уралом исчислялось единицами. Кузнецы были только в отдельных городах и относительно крупных населенных пунктах. Известны случаи, когда центральные власти пытались решить проблему выполнения насущных кузнечных работ путем перевода кузнецов внутри урало-сибирского региона. Так, в 1605 г. поступил указ о посылке кузнеца в Томск на жилье. Его необходимо было взять из Верхотурья или с солеваренного завода в Кошае вместе с кузнечной снастью и железом¹¹. До конца 30 – начала 40-х гг. XVII в. проблема кадров кузнецов стояла крайне остро даже для таких центров, как Верхотурье и Тобольск. В окладных книгах 1640/41 г. в Верхотурском уезде были отмечены 3 кузнеца¹². Нужды города обслуживал только кузнец Петр Иванов, который «делает на государевой мельнице

⁹ Верхотурские грамоты... Т. 1. С. 223.

¹⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 457. Л. 42.

¹¹ Верхотурские грамоты... Т. 1. С. 169.

¹² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 43. Л. 53 об., 55.

всякие мельничные железные снасти и городовые поделки поделывает и судово дело судовым плотникам топоры и напари и булавцы починивает беспрестанно и того делать не успевае¹³. В Тобольске в это время также был один кузнец, но того по царскому указу отправили на р. Лену.

В Москву то и дело отправлялись просьбы воевод прислать кузнецов. В 1640 г. кузнецкий воевода Д. Кафтырев писал царю, что «в Кузнецком остроге кузнец один, прислан из Томского города, да и тот худ и для твоей государевой пашни пашенным крестьяном сошников, кос, серпов ковать не успевае, оружие порченное поделать не умеет, накопилось много кузнечной поделки, всякой кузнечной переделки в Кузнецком остроге делать некому, а Томской город от Кузнецкого острогу далеко и для кузла ездить далече». И это было не единственное обращение воевод Томского разряда по данному вопросу к царю Михаилу Федоровичу. Они писали, что кузнецов в сибирских городах нет, «а которые кузнецы присланы были из русских городов и те померли».

Первоначально предполагалось решить проблему за счет посылки московских кузнецов. В 1640 г. по указу царя Михаила Федоровича приказом Большого прихода была составлена роспись кузнецов, «кто куе в кузницах на Москве и во всех слободах, чей хто-нибудь для сибирские посылки». Однако в конечном итоге было принято решение послать в томские города из Перми Великой и Соли Камской трех кузнецов «добрых и семьянистых, которые умели самопальное и всякое кузнечное дело делать».

На усмотрение томского воеводы оставлялось решение, в какие именно города определить присланных кузнецов. Об исполнении указа местная администрация должна была сообщить в Сибирский приказ. Чуть позже было определено послать двух кузнецов в Тобольск из Великого Устюга и четверых — из Перми Великой и Соли Камской на Верхотурье. Однако с посылкой кузнецов по каким-то причинам медлили, а сибирские власти с большим нетерпением ожидали их приезда. Так, в январе 1642 г. тобольский воевода П. И. Пронский сообщал, что «в Тобольске и на Нейве у железного дела за кузнецами и за плавильщиками железное и всякое кузнечное дело встало. Да и из Томского города стольник и воевода князь Семен Клубков-Мосальский с товарищи о кузнецах в Тобольск писал беспрестанно...». Любопытно, что в отношении тех кузнецов, которых посылали в Тобольск, сначала было записано, чтобы они умели делать «всякое кузнечное дело, *руду плавить и крицы ковать и самопальное дело*», но затем, выделенное нами курсивом, было зачеркнуто.

Можно проследить тенденцию в изменении требований к профессиональным навыкам кузнецов на протяжении XVII в. В документах начала столетия речь шла об обычных кузнецах. Они появлялись в городах и слободах через некоторое время после основания, чтобы обеспечивать теку-

¹³ Там же. Д. 5. Л. 17.

щий ремонт оружия и изготовление разнообразной железной утвари. С момента находок железной руды посылаются запросы и о рудоплавильщиках, а с середины века наблюдается потребность в подготовленных специалистах определенных специальностей (укладники, оружейники). Как правило, кузнецы присылались из ближайших к Уралу районов традиционного распространения железоделательного промысла.

При просмотре окладных, крестоприводных, именных, переписных книг населения Верхотурского уезда первой половины XVII в. удалось обнаружить фамилии редких кузнецов, причем исключительно казенных.

Таблица 1. Оплата труда казенных кузнецов в Верхотурском уезде*

Имя	Сфера деятельности	Оклад			Дата уном. в докум.
		Панья	Деньги	Натур.	
Богдан Якимов (Ефимьев)	изготовл. с/х инвентаря плавильщик «у тобольского дела у железной руды»	4 ч., 8 ч. ч. перелюга	4 руб.	60 копен сена 7 ч. ржи, 4 ч. овса	1623/24 1624/25 1625/26 1631/32 1662/63
Сергей Амосов			4 руб.	5 ч. ржи 0,5 ч. круп 0,5 ч. толокна 1,25 п. соли	1623/24 1624/25 1625/26
Петр Иванов	Изгот. мельничных и судовых снастей, орудий труда		3 руб.		1631/32 1640/41
Федор Иванов вместо Семена Елистратьева			2 руб.		1631/32
Елисей Харитонов поверстан в 1653/54 г. из гулящих людей вместо П. Иванова	Обслуживание мельниц		5 руб.	4 ч. ржи, 3 ч. овса 0,75 п. соли 1,75ч. ржи (добавлено из оклада выбылого прбитского кузнеца Абрама Максимова)	1662/63 1665/66
Петр Микифоров				3 ч. ржи, 3 ч. овса	1662/63
Алексей Чапурич поверстан в 1653/54 г. из гулящих людей вместо Б. Ефимьева			4 руб.	7 ч. ржи, 4 ч. овса	1665/66

* Таблица составлена на основе дозорной книги М. Тюхина 1624 г., окладных книг г. Верхотурья 1624, 1625, 1626, 1632, 1641 гг., крестоприводных книг 1646, 1682 гг., именной книги 1663 г., переписной книги 1666 г. (РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 5; Д. 6. Л. 99, 243 об., 244 об.; Д. 10. Л. 78; Д. 43. Л. 53 об., 55. ТГИАМЗ к. п. 12692 Л. 62 об.; Л. 132.) Выражаем искреннюю признательность за предоставленные материалы Ю. В. Коновалову, А. Г. Мосину и другим членам Уральского историко-родословного общества.

Как следует из таблицы 1, лишь в одном случае, и то в самом начале века, государство попыталось «посадить» кузнеца на пашню. С началом действия железодельного производства на р. Нейве у Б. Ефимьева появились дополнительные обязанности плавильщика. Времени на сельскохозяйственные занятия у него явно уже не оставалось, и власти перевели его на денежное, хлебное и соляное жалование аналогично обеспечению служилых людей. Если сравнивать размеры окладов кузнецов и служилых людей, то наиболее высокооплачиваемые кузнецы находились на уровне основной массы пенных казаков и стрельцов¹⁴.

До 1660-х гг. в переписных книгах Верхотурского уезда встречаются только казенные кузнецы, привлеченные для обслуживания мельниц, а частных металлургов пока нет¹⁵. Исходя из данных таблицы 1, можно сделать вывод, что с середины XVII в. формирование кадров казенных кузнецов в Верхотурском уезде шло как за счет присылки ремесленников из центра, так и за счет прибора из гулящих людей на местах. Этому способствовало удачное географическое положение уезда, через Верхотурье проходила главная государственная дорога в Сибирь, по которой шел основной поток переселенцев на восток.

Примерно с 1660-х гг. можно с уверенностью говорить о появлении в Тобольском и Верхотурском уездах, да и в Сибири в целом, в среде ремесленников-металлургов – частных предпринимателей. В переписной книге Верхотурского уезда 1668/69 г. имеются данные о посадских и слободских ремесленниках и уникальные сведения о побочных занятиях верхотурских стрельцов, среди которых упомянуты торговое, портное, кожевенное, плотничное, судовое, конское, кузнечное и серебряное дело, битье шерсти, шитье женских шапок и сапог, площадное письмо и письмо икон, изготовление жерновов. Из стрельцов в Верхотурье с металлом работали Степан Микитин, занимавшийся кузнечным ремеслом и содержавший на своем дворе двух гулящих людей. Михаил Пахалуев и пушкарь Иван Максимов занимались серебряным делом, Василий Макаров – котельным. Посадский человек Емельян Кирилов был серебряником. У верхотурских ямских охотников, живших в Тагильской слободе, никаких ремесел не указано, очевидно работа ямщика не оставляла времени для иных занятий.

У подгородных Верхотурского уезда пашенных и оброчных крестьян ремесленных занятий практически не встречается (один занимался судовым делом и один дубил кожи). Кузнецы отсутствуют в Ростеских, Кырьинских, Косвинских переписных книгах 1668/69 г., не упоминаются и среди пашенных и оброчных крестьян Тагильской, Арамашевской и Ницинской слобод. Кузнец Петр Микифоров наряду с мельником и засыпкой числился в штате казенной Мугайской мельницы. В Невьянской сло-

¹⁴ Ср.: *Никитин П. И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 107.

¹⁵ ТГИАМЗ. К. П. 12692. Л. 1-266.

боду беломестный казак Василий Богданов Серебряников, поверстанный в службу из пушкарских детей, занимался также и серебряным делом. Кузнечным ремеслом в слободе владели пашенные крестьяне Бажен Иванов, Герасим Прокопьев, Максим Клементьев Ремезов. В Невьянском Богоявленском монастыре с 1650 г. жил в закладчиках кузнец Осип Фролов. В 1668/69 г. ему было 65 лет. В Краснополюской слободе кузнечным ремеслом занимался сорокалетний захребетник Иван Матвеев Базаров, пришедший на Невью с Мезени в 1668 г. К сожалению, эта переписная книга неполная и обрывается на сведениях о Ницинской слободе¹⁶.

По «Росписи Верхотурского уезда пашенных и оброчных крестьян и всяких чинов людей денежных доходов и годовых оброков» за 1673 г. в уезде было учтено 20 кузниц. Слободские приказчики вместе со старостами и волостными людьми должны были их переписать и установить для них оброк наряду с другими ремесленниками и промысловиками. В Верхотурье было выявлено 4 кузницы. В Тагильской и Верхнетагильской слободах у пашенных и оброчных крестьян упомянуты 4 кузницы, в Невьянской – 9, в Арамилской – 2, в Белослудской и Усть-Ирбитской – 1. В Ирбитской, Пышминской, Краснополюской, Ницинской, Красноярской, Чусовской, Новой Аяцкой, Ростеской, Арамашевской слободах кузниц не значилось. В Белослудской слободе приказчик Семен Ведмин внес в перепись кузницу крестьянина Кондратия Васильева и оброк в 20 коп. «на ней со старостой и крестьянам положил»¹⁷.

Общая картина экономики Зауралья хорошо представлена в описях Верхотурского и Тобольского уездов Л. М. Поскочина 1680 – 1683 гг. Отмеченное в них количество мельниц и кузниц является основным показателем промышленного освоения и экономического развития края. Здесь значится немалое число частных кузнецов, осевших в слободах.

В Верхотурском уезде – в Подгородной волости, в Арамашевской, Аятской, Белослудской, Ирбитской, Камышевской, Краснополюской, Красноярской, Невьянской, Ницинской, Пышминской, Тагильской, Усть-Ирбитской, Чусовской-Уткинской слободах, пашенных крестьян по прежним верхотурским именованным книгам насчитывалось 2226 душ мужского пола, проживавших в 1655 дворах и 17 кузниц. За время, прошедшее от предыдущей переписи до переписи 1680/81 г., прибавилось 218 дворов и 7 кузниц*. Всего стало 1873 крестьянских двора, 4773 человека и 24 кузницы. В общее число засчитывали «и детей и братьев и племянников и внучат и пасынков и зятей»¹⁸.

* В документе нет указания, какая из предыдущих переписей использовалась Л. М. Поскочиным при составлении переписи 1680 г. Известно, что переписные мероприятия в Верхотурском уезде проводились в 1659, 1666, 1669 гг.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 3. Д. 23. Л. 6-352.

¹⁷ Там же. Оп. 2. Д. 216. Л. 11-72, 98-99, 111-136.

¹⁸ Там же. Ф. 214. Оп. 1. Д. 697. Л. 100 об.-929 об.

Позже, в сентябре 1687 г., в памяти верхотурскому стрельцу предписывалось ехать в слободы Верхотурского уезда, составить роспись кузнецов и привезти их в Верхотурье для государева кузнечного дела. В итоге в город прибыли 2 кузнеца из Тагильской, 12 — из Невьянской, 9 — из Арамашевской, 4 — из Белослудской, 1 — из Пышминской, 6 — из Чусовской, 3 — из Краснопольской, 1 — из Камышловской, 7 — из Аятской, 2 — из Новоышминской слободы¹⁹. Всего 47 кузнецов. Любопытно, что по росписи ирбитских всяких чинов людей, которые платили оброчные деньги в 1685 г., в Ирбите не было владельцев кузниц.

Подобная картина складывалась и в Тобольском уезде²⁰. По переписи в Подгородной волости, Атбашском, Исетском, Катайском, Колчеданском, Туринском острогах, Арамильской, Барневской, Белоярской, Новой Белоярской, Бишкильской, Будкинской, Ингалинской, Калиновской, Киргинской, Красногорской, Красномыской, Куларовской, Куярской, Маслянской, Мехонской, Миасской, Мурзинской, Нижненицинской (Красной), Верхненицинской (Яланской), Верхненицинской (Ощенковской), Окуневской, Рудной, Терсютской, Утяцкой, Чубаровской, Шадринской, Юрмыцкой, Ялуторовской слободах, Демьянском и Самаровском ямах выросла численность населения, количество мельниц и кузниц, появились новые слободы и промыслы. Так, число крестьянских дворов увеличилось с 2043 до 2395, мельниц с 281 до 296 и, особенно, кузниц с 9 до 55 (в 6 раз). Более высокие темпы роста числа кузниц в сравнении с количеством мельниц в Тобольском уезде объясняется, скорее всего, тем, что пик расширения мощностей по переработке хлеба, выращенного в Зауралье, уже был пройден, в то время как частный кузнечный промысел только начинал развиваться.

Слободы значительно отличались по численности населения. В старейшей Невьянской слободе и прилегающих деревнях насчитывалось 531 двор и 1533 души мужского пола, 62 мельницы и 8 кузниц. В свою очередь, в Красноярской слободе, где было 28 дворов и 38 человек мужчин, имелась только одна мельница и ни одной кузницы. В самой крупной административной единице Тобольского уезда — Подгородной волости насчитывалось 530 дворов, 1335 человек и всего 3 кузницы.

Основываясь на переписи Л. М. Поскочина, невозможно согласиться с утверждением, что рост количества частных кузнецов происходил за счет прибывавших из старых ремесленных центров²¹. В большей степени это подходит для категории казенных кузнецов и рудоплавильщиков. Частные кузнецы в основном — это ремесленники первого поколения — местные на-

¹⁹ Там же. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 155. Л. 390-392.

²⁰ Там же. Оп. 5. Д. 261. Л. 67-1658.

²¹ *Манин В. А.* Развитие горного, железоделательного и кузнечного промыслов на Урале и в Сибири во второй половине XVII в. // Северный регион. Наука, образование, культура. № 2. Тобольск, 2000. С. 37.

пленные крестьяне, занявшиеся промыслом. Хотя среди владельцев кузниц встречались и представители других социальных групп: бобыли, драгуны, беломестные казаки, пушкарь, ротный подьячий, воротник, захребетники.

Переселенцы, ставшие кузнецами-предпринимателями, скорее исключение, чем правило. Кузнец Пышминской слободы Д. Манойлов прибыл в Сибирь в 1667 г. из Чаронской округи, но там он был крестьянином. Кузнец Красногорской слободы Федор Ленихин вообще перебрался в слободу в 1680/81 г. с тюменского посада. Ремесленники продолжали заниматься сельским хозяйством, за ними оставались пашни и сенные покосы.

Размер оплаты годового денежного оброка с кузниц отличался, но система его начисления при этом оставалась неясной. В Невьянской слободе Верхотурского уезда и прилегающих деревнях имелось 8 кузниц с платой оброка от 15 до 25 коп. В Мехонской слободе Тобольского уезда с кузницы драгуна Кузки Клементьева в дополнение к 20 коп. добавили оброк в 10 коп., с кузницы пушкаря Сергушки Карбышева к 15 коп. – 25 коп. На вновь заведенные кузницы драгуна Ивана Алексея и пашенного крестьянина Филки Прокопьева наложили оброк по 30 коп., а на кузницу Левки и Сачка Прокопьевых – 45 коп. Последние были уличены в том, что «шабашат, оброку не платят». Очевидно, построив кузницу, мастер должен был дважды заплатить налог – разовый налог при постройке, а затем производить ежегодную плату. Кузнецу Пышминской слободы Д. Манойлову назначили оплатить вновь наложенный денежный оброк в 50 коп. и ежегодно платить за кузницу по 20 коп. При имеющемся разнообразии, наиболее распространенные суммы налогов составляли 10 коп. (годовой оброк) или 20 коп. (оброк за два года). На такие же суммы происходило и увеличение налога.

В Восточной Сибири крупным центром производства металла и металлообработки стал Енисейск. Первые кузнецы появились вслед за первыми поселенцами. Об этом свидетельствует появление в ассортименте привозных товаров «с Руси» необработанного железа и уклада. По мнению А. Н. Копылова, с появлением в Енисейске посадских людей (1630 – 40-ые гг.) кузнечное дело стало приобретать значение самостоятельной отрасли ремесленного производства. В 1669 г. в енисейском посаде насчитывалось 18 ремесленников, работавших с металлом, в то числе 10 кузнецов, кроме того, были кузнечные промыслы в деревнях Енисейского уезда. В конце XVII в. в Енисейске работали 44 кузнеца, в том числе 41 посадский человек, 1 служилый, 2 церковных кузнеца. В деревнях насчитывалось 46 кузнецов, преимущественно прибывших с посада²². К 1670-х гг. частные кузнецы появляются в Красноярском уезде. В переписи Красноярского острога 1671 г. числилось 2 кузнеца, проживавших в городе²³.

²² Копылов А. Н. Русские на Енисее... С. 123.

²³ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. IV. М., 1959. С. 225.

В последней четверти XVII в. около Иддинского острога, основанного в 1671 г. на правом берегу р. Ангары, возникла кузнечная слобода. По данным 1694 г. в этом небольшом остроге действовало 15 кузниц. Развитие кузнечного промысла было обусловлено наличием местного железоделательного производства²⁴.

Со второй половины XVII в. в урало-сибирском регионе получила распространение обработка меди, в первую очередь, в крупных городах, где возникали винокурни. При них появлялись мастера – котельники и медники. В Енисейске некоторые кузнецы делали ножи, в изготовлении которых применялись медь и олово. С середины XVII в. в енисейском посаде появились и мастера-серебряники. В 1669 г. их насчитывалось уже 5 человек. Основным занятием этих ремесленников было изготовление и ремонт ювелирных изделий, крестов, окладов к иконам, посуды.

Среди мастеров-серебряников были нередки случаи заработка денег в странствиях по городам. В 1679 г. чердынский посадский человек Терентий Степанов обучал Мартына Бессонова серебряному мастерству и посылал последнего с изделиями в другие города Урала и Сибири²⁵. В ноябре 1688 г. из Верхотурья «за поруками» отпустили пушкарского сына Никиту Серебренникова с братом Петром и двумя учениками «кормиться серебряным мастерством» по слободам до Туринска, Тюмени и Тобольска²⁶.

По мере освоения присоединенных территорий возрастала потребность в кузницах для ремонта оружия, изготовления и починки сельскохозяйственного инвентаря, обслуживания хлебных мельниц, солеваренных промыслов, строительства речных судов и др. Несмотря на то, что в деятельности кузнецов требовался универсализм (в т. ч., умение плавить руду), не все они могли выполнять необходимые виды работ. Например, кузнецы Туринского острога, проводившие в июне 1628 г. осмотр болота с рудой, признали, что плавить ее не умеют. Специализация была слабой, особенно в начале колонизации. К концу XVII столетия картина изменилась: из наиболее квалифицированных кузнецов выделились мастера, специализировавшиеся на ремонте и изготовлении оружия. Специализация кузнецов определялась приоритетами государственных потребностей.

Государственные приоритеты и специализация кузнецов

Оружейное дело. Основное количество готового оружия поступало за Урал из России непосредственно со служилыми людьми или целенаправленной присылкой отдельными партиями. Так, в 1642 г. верхотурским стрельцом М. Вискуновым было привезено в Тобольск 252 московских

²⁴ Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 147.

²⁵ Преображенский А. А. К проблеме общественного разделения... С. 140.

²⁶ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 164. Л. 213-215.

мушкета, в том числе 130 мушкетов без скоб, 22 мушкета с побитыми ложами, и 198 самопалов казанского производства. Всего было принято в казну 450 мушкетов московских и казанских самопалов²⁷.

Несмотря на поставки, изготовление и ремонт оружия, обеспечение боеприпасами стояли в ряду главных задач для русского населения Урала и Сибири на протяжении всего XVII в. С самого начала освоения края правительство использовало любую возможность организовать там оружейное производство. Первые же известия об обработке железа в Кузнецкой земле вызвали большой интерес в Москве, а в начале 1620-х гг. в Томск был направлен запрос о возможности начала производства там железа и артиллерии²⁸.

Примером первостепенной заинтересованности государства в налаживании оружейного дела может служить ассортимент продукции из опытного железа на первых государственных железоделательных предприятиях в Томске и в Рудной слободе. В случае успешного начала выплавки железа томским воеводам приказывалось начать безостановочное производство пицалей полукорпусных, полковых, скорострельных и ядер к ним. При строительстве завода на Нице в 1630 г. из первого железа было изготовлено 20 затинных пицалей²⁹.

Важнейшей была и проблема ремонта вышедшего из строя оружия. То вооружение, с которым направлялись на восток служилые люди, выходило из строя и требовало ремонта или замены. Прибывшие на воеводство в 1629 г. в г. Томск князь П. И. Пронский и А. С. Собакин писали в Москву, что у многих служилых людей пицалей нет, служат с луками, «а у которых ружье попортится и у тех починить не у кого, кузнецов и мастеров таких в Томском городе нет, а которые, государь, были кузнецы, ковали пицали железные полковые, и те кузнецы во 137 (1628/29) году до нашего, холопов твоих, приезде взяты в Тобольск, а ныне, государь, в Томском городе пицаль медная полковая испорчена, да пицаль железная полковая не доделана и тех пицалей доделать некому»³⁰.

К 1634/35 г. в Томске уже существовал центр починки оружия. В этот год в казенный амбар приняли 120 ручных пицалей без замков и с испорченными стволами и 22 пицали со сломанными замками. В 1636 г. из этих пицалей сделали 73 действующих и раздали томским и кузнецким служилым людям. В том же году в Томск прислали еще 100 пицалей с испорченными замками из Тобольска, из которых 74 пицали после ремонта раздали служилым людям, а 8 испорченных ружейных стволов передали на мельничное дело³¹.

²⁷ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 328. Л. 1.

²⁸ РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Д. 6. Л. 613.

²⁹ Там же. Оп. 2. Д. 457. Ч. 1. Л. 41.

³⁰ Там же. Оп. 2. Д. 25. Л. 182.

³¹ Там же. Оп. 3. Д. 176. Л. 11.

Кузнечное ремесло, связанное с оружейным делом, по оценке С. В. Бахрушина считалось первоочередным и в Красноярском уезде. Для отряда А. Дубенского, посланного возводить Красноярский острог в 1626 г., ружья посылались из Москвы. Недостающее холодное оружие, корабельные скобы, гвозди предполагалось ковать в Енисейске, присланным кузнецам из тобольского железа. В 1636 г. для ремонта пищальных стволов и замков из Казани в Красноярск прибыл первый казенный кузнец Потенка Иванов. Для него была сделана казенная кузница, а в 1637 г. служилый человек сделал специальный станок для ствольного дела. За оклад в 5 руб. деньгами, а также мукой, крупой и солью, помимо починки оружия он выполнял и другую кузнечную работу. Тем не менее, самоналы, где требовался сложный ремонт, нередко приходилось отдавать оружейникам Томска, Енисейска, Иркутска. С 1653 г. в Красноярске появились поверстанный в бронные мастера ссыльный П. А. Дорогобужский, а с 1670-х гг. профессиональные бронные мастера К. Моисеев и Б. Микифоров³².

Из-за сложной военной обстановки в регионе правительство стремилось регулярно контролировать состояние боеспособности сибирских гарнизонов. Между 1676 и 1682 гг. был разослан царский указ, предписывавший воеводам в Тобольске, Томске, Енисейске, Илимске, Якутске и других городах сибирских разрядов осмотреть городские стены, вооружение, починить оружие, а если его ремонт был невозможен, то изготовить новое силами местных кузнецов и бронников³³. Аналогичные указы появлялись регулярно. Однако их выполнение порой было проблематично из-за нехватки средств, материалов, рабочей силы и кузнецов. В марте 1682 г. нерчинский воевода стольник Ф. Д. Воейков писал в Москву о приготовлении китайцев к походу под Нерчинск и Албазин и об отсутствии в Нерчинске средств для защиты. Имевшееся оружие проржавело, а присланный ранее бронный мастер Куземка Федоров «стал дряхл и стар и слеп и с оружейной починкой не сможет»³⁴.

Проблема нехватки оружейных мастеров в сибирских городах нашла отражение в отписке якутского воеводы А. Барнешлева в 1676 г. Он писал в Москву, что Якутск город окраинный и без оружейных мастеров там быть нельзя, а служилые люди чинить оружие не умеют, и новое делать некому. В то время в Якутске был только один кузнечный мастер – ссыльный новгородец Тимофей Гаврилов. Его взял в Енисейске в 1667 г. воевода И. П. Борятинский по пути в Якутск. Но Тимофей жаловался, что он стар и увечен и просил отставить его от дел. В 1671 г. в Якутск из Енисейска должны были прислать кузнеца и бронного мастера, но к 1676 г. они так и не прибыли.

³² Бахрушин С. В. Научные труды. Т. IV. С. 148-149.

³³ ДАИ. Т. VII. СПб., 1859. С. 346, 349.

³⁴ Там же. Т. IX. С. 108.

Иногда мастеров бронного дела не было даже в столице Сибири. В 1679 г. тобольский воевода боярин П. В. Шереметев сообщал в Москву, что в Тобольске имелось 20 горелых пищальных и мушкетных стволов, 23 карабинных ствола, 518 пистолетных стволов, но городские кузнецы не могли отремонтировать этот арсенал, так как не владели бронным и оружейным делом. В то же время в ведомости Сибирского приказа было отмечено, что в Тобольске бронное дело знали пехные казаки литовского списка Степан Волохов и Симонка Захаров³⁵.

К этому времени относятся меры по централизованному ремонту оружия и подготовке мастеров в сибирских городах Томского разряда и в Якутском, Илимском, Даурском острогах. В царской грамоте приказывалось починить все испорченное оружие, делать его заново силами городских кузнецов и бронных мастеров, организовать обучение молодых ремесленников. В случае если оружейных мастеров в городах не находилось, то предписывалось посылать их из развитых центров кузнечного промысла, таких как Енисейск. К прибывшим мастерам предполагалось приставить учеников из казачьих и стрелецких детей, чтобы в городах и острогах появились новые кузнецы и бронные мастера. Ученикам назначалось питание, а тем, кто выучится, определялось жалование по 2 коп. в день. После завершения обучения мастеров-наставников отсылали на прежнее место жительства, а новые кузнецы и бронные мастера должны были чинить оружие для сибирских гарнизонов. В дальнейшем вместо денежного, хлебного и соляного жалования эту работу предполагалось делать по найму без оброка³⁶.

Царской грамотой 1674 г. предписывалось при возникавшей необходимости ремонта оружия в острогах брать кузнецов и бронных мастеров из сибирских центров металлообработки и, в первую очередь, из Енисейска. В 1685 г. там отмечали «многолюдство» кузнечных и бронных мастеров. Енисейские мастера посылались в Илимск, Якутск, Иркутск, Красноярск и другие города Восточной Сибири. Ремесленников отправляли «на постоянное житье» или для выполнения временных работ. Власти рассчитывали на то, что присланные мастера смогут организовать оружейное производство и обучить мастерству местных жителей.

Ремонт пищалей и мушкетов с середины XVII в. упоминается и в Ирбитской слободе Верхотурского уезда. В 1651 г. в связи с угрозой набега кочевников приказчику Ирбитской слободы Г. Дирину предписывалось починить имевшееся оружие: «А одноплично бы тебе велеть ирбитским беломестным казакам к пиццалам и мушкетам замки и ложки поделать тотчас»³⁷. Этот ремонт осуществлялся собственными силами, на что указывает память верхотурского воеводы Л. Т. Измайлова ирбитскому приказчику от 6 ноября 1654 г.³⁸

³⁵ ДАИ. Т. VII. СПб., 1859. С. 349-350.

³⁶ Там же. С. 134-136.

³⁷ ДАИ. Т. III. СПб., 1848. С. 530.

³⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Д. 585. Л. 1-3.

Особенно остро проблема починки вооружения в Тобольском и Верхотурском уездах встала во время башкирского и калмыцкого нашествия на зауральские слободы в 1662 – 1667 гг. В срочном порядке требовались кузнецы, умевшие ремонтировать ружья, которые «развалились». В 1661 г. в преддверии войны с кочевниками из Катайского острога и других пограничных слобод извещали об отсутствии бронного мастера и катастрофическом положении с ремонтом оружия³⁹. В 1662 г. в Верхотурье отправляли неисправные пушки и ружья, а также шведское железо для их починки. Здесь ремонт осуществлялся собственными силами. В 1664 г. в Верхотурье для починки раздувшейся при стрельбе пушки прислали кузнеца из Невьянской слободы. В 1665 г. ремонтом пушки занимался сам пушкарь, разместившийся в съезжей избе⁴⁰. Можно предположить, что к 1670 г. в Верхотурье существовала некая мастерская по ремонту оружия, так как в это время из Ирбитской слободы в Верхотурье посылались детали оружейного производства: мушкетные замки, полнцы и ружейные ложки⁴¹.

В 1670-ые гг. одним из центров по ремонту ручного огнестрельного оружия в Зауралье стала Пышминская слобода. В марте 1672 г. из Краснополянской слободы отправили в Пышминскую для ремонта 4 сломанных мушкета, но пышминский приказчик Григорий Ежевский отослал их назад. В ответе краснопольскому приказчику он утверждал, что кузнецу велено чинить оружие только из Пышминской и Красноярской слобод, а о других указа не было. Но в Верхотурье считали по-другому, указывая в памяти пышминскому восводе: «И то ты плутуешь, что ружья того починивать не велено. И как память придет и ружье привезут, вели кузнецу чинить тотчас»⁴².

К сожалению, в этом документе не указано имя кузнеца. Возможно, это был бронный мастер кузнец Семен Лотов. Самое раннее из имеющихся упоминаний о Семене, как пышминском кузнеце, относится к 1680 г. В марте этого года он передал в Далматовский Успенский монастырь избу, двух быков «по своей душе», а на помин умершей жены – корову⁴³. Согласно документу

³⁹ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. II. ... С. 546.

⁴⁰ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Д. 1729. Л. 3-4.

⁴¹ Там же. Д. 1761 Л. 1-2.

⁴² АИ. Т. 4. С. 541.

⁴³ Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря. (Последняя четверть XVII – начало XVIII в.). Свердловск, 1992. С. 28. В 1685 г. в качестве вклада Далматовская обитель получила от Семена коня. Возможно, эти вклады были связаны с тем, что С. Лотов готовился принять участие в самосожжении. Волна массовых старообрядческих «гарей» буквально захлестнула Зауралье с конца 1670-х гг. В декабре 1688 г., после очередного самосожжения, властями был проведен сыск одного из идеологов «гарей» Якова Лепихина и его единомышленников. Как следует из донесения сына боярского М. Библикова, вместе с расколоучителем искали и Семена Лотова, но найти их не удалось. См.: Шапков А. Т. Воеводское управление на Урале в XVII в. (Верхотурский «розыск» о служилых людях 1678 – 1679 гг. и судьба Я. Б. Лепихина) // Уральский исторический вестник. № 3. Екатеринбург, 1996. С. 57.

1689 г. Семен пахал на себя пашню, промышлял различными промыслами, налогов не платил, но за это жил в Пышминской слободе и делал бронное дело. К концу 1680-х гг. бронный мастер Семен Лотов был известен далеко за пределами своей слободы. К нему приезжали «и из иных уездов, изо всех слобод всяких чинов люди» чинить ружья и пшцалы. Возможно, у мастера не всегда хватало времени выполнять в срок все заказы. В 1689 г. пышминские казаки жаловались на него, что он длительное время не ремонтировал их оружие⁴⁴.

Есть основания предполагать, что в 1670-ые гг. в районе Пышминской слободы производились добыча руды и выплавка железа. В 1675 г. с просьбой о содействии в ремонте оружия из Красноярской слободы в Верхотурье обратился атаман беломестных казаков Яков Борисов Лешихин. В слободе скопились негодные к стрельбе мушкеты со сломанными замками. Но проблема заключалась не в отсутствии мастера, а нехватке необходимого металла. Требовался хороший уклад и мягкое «немецкое» железо. Через полгода из Верхотурья было прислано по 5 гривенок (около 2 кг) карельского уклада и железа. Пытались использовать пышминское железо, но оно оказалось твердым в оружейном деле⁴⁵.

В 1660-х гг. бронный и всяких дел кузнец Яков Перфильев упоминается в Тюмени. В 1680 г. в тюменском посаде числились кузнец Елисей Ефимов и еще шесть кузнецов, среди которых был и бронного дела кузнец Яков Ляпин. Сын его был часовых дел мастером и бронником⁴⁶.

Починка оружия не столь остро, но продолжала оставаться одной из ключевых проблем для правительства до конца столетия. В некоторых случаях, исходя из острой необходимости, в оружейников переквалифицировали рядовых сельских кузнецов. Так, в 1693 г. оброчному крестьянину Моисею Горбунову приказали быть бронником, хотя бронного дела он не знал и не имел специального инструмента. Моисей просил вернуть его к прежним занятиям — ковать ножи и косы с уплатой оброка по 15 коп. в год⁴⁷.

В одном из старейших городов Сибири, Сургуте, проблема починки оружия так и не была решена в течение всего столетия. На обеспечение периферийных городов возможностей у государства не хватало. В июне 1654 г. сургутский воевода Н. Ф. Мещерский сообщал в Москву о наличии в казне испорченного огнестрельного оружия, отсутствии кузнеца и проблеме ремонта оружейных замков. Ситуация не улучшилась и к концу XVII в. Согласно городскому списку 1697 г. в казенном амбаре продолжало скапливаться сломанное оружие, «и у тех мушкетов стволы раздуло и замки переломаны, а починить мушкетов и замков некому»⁴⁸.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 164. Л. 231.

⁴⁵ Там же. Д. 155. Л. 284-285. О судьбе Я. Б. Лешихина см.: *Шашков А. Т.* Воеводское управление на Урале в XVII в...

⁴⁶ *Преображенский А. А.* К проблеме общественного разделения труда... С. 133, 138.

⁴⁷ Там же. С. 137.

⁴⁸ *Вершинин Е. В., Шашков А. Т.* Документы XVII в. по истории Сургутского уезда // *Материалы и исследования по истории Северо-западной Сибири.* Екатеринбург, 2002. С. 191, 231.

Надо отметить, что к концу столетия в Сибири наметились качественные изменения в производстве оружия. Здесь еще не было постоянного пушечного двора, но литье пушек уже не являлось единичным случаем. В 1672 г. в Енисейске воевода К. А. Яковлев организовал местное производство пушек из меди и железа. Не уточняется, какие мастера, и в каких условиях изготавливали эти сложные изделия, но из ломаной меди и денег было отлито 5 медных пицалей и выковано 12 железных. В 1672 г. тюменец стрелецкий пятидесятник Иван Михайлов отлил пушку весом 9 пудов 19 гривенок (около 147 кг), за что получил жалованье в 8,53 руб. В 1694 г. тюменец Андрей Колокольников вылил из расплавленной в верхотурском пожаре пицали пушку весом 11 пудов 10 гривенок (около 178 кг), «и для целости и ведомства из той пушки опытом стреляно»⁴⁹. По окладной книге 1684 г. в Тобольске имелись 2 медные пицали тобольского литья⁵⁰. Зачастую, в оружейном производстве были заняты не только профессиональные кузнецы и бронные мастера, но и служилые люди. В ведомости доходов и расходов сибирских городов за 1698/99 гг. обращают на себя внимание оклады служилым людям за починку ружья, пушечное литье и гранатное дело в Тобольске, Иркутске и Нерчинске⁵¹.

Появление у соседних племен огнестрельного оружия стимулировало развитие оружейной отрасли и качественное перевооружение войск. Если в первые годы колонизации края русские столкнулись с наличием у кочевников только холодного оружия, то все последующее время противник интенсивно осваивал «огненный бой». В связи с постоянной военной угрозой на юго-восточной границе государство стремилось не только укрепить оборону русских поселений, но и пресечь возможности оснащения противника привозным вооружением. Еще в 1609 г. купцу Б. Данилову было запрещено везти заповедные товары (панцири, племы, копыя, самопалы, сабли, наконечники стрел) и продавать их местному населению⁵². Торговля этими товарами была под строгим запретом на протяжении всего XVII в.

В 1675 г. в очередном указе о запрете продажи пороха, свинца, пицалей и другого военного снаряжения калмыкам и прочим «иноземцам» верхотурскому воеводе Ф. Г. Хрущеву сообщалось, что у башкир по обе стороны Уральских гор появилось много пицалей «и пицальной стрельбе научились, а лучшую стрельбу покинули. А те пицали и порох привозят из сибирских городов. Учинить заказ крепкой, тайно, чтоб русских всех чинов и всякие ясачные иноземцы пороху и свинцу, пицалей, сабель, бердышев, ножей, топоров, пансырей, лат, шиняков, наручей и никакого ружья и рат-

⁴⁹ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 158. Л. 175.

⁵⁰ ДАИ. Т. XI. С. 267.

⁵¹ РИБ. Т. 8. СПб., 1884. С. 689, 819, 829.

⁵² СГГД. Т. 2. С. 223.

ной сбруи калмыкам и мунгалам и китайским людям, бухарцам, башкирам и другим не продавали». Предписывалось скупать в государеву казну панцири у туземцев, а за продажу им оружия следовало жестокое наказание⁵³.

С 1670-х гг. отмечены факты привлечения центральной властью для выполнения крупных военных заказов представителей малочисленной прослойки оружейников-ремесленников периферийных территорий. В октябре – ноябре 1678 г. из Новгородского приказа последовала череда царских указов уездным воеводам о необходимости московским и городовым кузнецам делать мушкетные и карабинные замки «наспех» и о срочной высылке в Москву всех известных кузнецов-оружейников для починки и изготовления ружейных замков. Появление указов, несомненно, было связано с резким увеличением потребности в оружии, выполнением крупного оружейного заказа в условиях военного конфликта с Турцией из-за украинских земель. Распространялись эти указы как минимум на территории, подчиненной Новгородскому приказу (Вятка, Арзамас, Кайгородский, Кеврольский, Пустозерский, Мезенский, Кольский и другие уезды). Указы были посланы и в города Приуралья: Кайгородок, Соликамск, Чердынь, Кунгур. Воеводам предписывалось составить списки оружейных и замочных мастеров и «выслать мастеров наспех» в Москву в Новгородский, а затем в приказ Оружейной палаты⁵⁴.

Очевидно, нехватка квалифицированных оружейных мастеров возникла в столице не раз. Вновь за замочными мастерами в города и уезды, подчиненные Новгородскому приказу, обратились в 1680 г.⁵⁵

В отписках воевод вырисовывалась общая картина развития кузнечного промысла и ремонта оружия к концу 1670-х гг. в северных и приуральских уездах. К тому времени кузнецов не оказалось в посадах Кольского и Кеврольского острогов. В Пустозерск для мелкой починки оружия кузнеца доставляли с Двины. О 4 кузнецах извещал из Кайгородка воевода С. Загряжский, но двое из них были стары, а молодые не умели делать оружейных замков⁵⁶.

В сметном списке г. Кунгура 1675/76 гг. среди оброчных промыслов кузниц не упомянуто⁵⁷. Примерно в это же время воевода Д. Жуков сообщал, что в Кунгуре ружейных мастеров нет и поломаных лож и ружейных замков починить некому⁵⁸. В 1678 г. в Кунгуре числились три кузнеца – замочных мастера. Один из них, О. Шестаков, после получения прогонных денег скрылся и был объявлен в розыск⁵⁹.

⁵³ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 158. Л. 116, 131, 135.

⁵⁴ Там же. Ф. 159. Оп. 3. Д. 911. Л. 187-189.

⁵⁵ ДАИ. Т. IX. С. 145, 154.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 159. Д. 909. Л. 134-136.

⁵⁷ Там же. Д. 746. Л. 1-33.

⁵⁸ Там же. Д. 1297. Л. 1.

⁵⁹ Там же. Д. 1205. Л. 1.

Из Чердыни сообщали об 11 мастерах: «Мишка Шилов с товарищи – десять человек». Среди них – 4 с чердынского посада, 4 околгородных, 1 из Вильгорта, 1 с Лансыри, 1 с Кирсева. Из Соли Камской отправили 10 кузнецов. Об их высылке в Москву сообщал чердынский и соликамский воевода Д. Наумов⁶⁰. Выполняя царский указ, воевода переусердствовал и переоценил возможности чердынских кузнецов. Из челобитной М. Шилова «с товарищи», поданной в Москве, следовало, что ружейного дела они не знают, и ничего кроме черной кузнечной работы делать не могут. В январе 1679 г. их отпустили из Москвы обратно.

Обслуживание мельниц. Бесперебойная работа мельниц, переработка зерна и снабжение хлебом Сибири находились в центре внимания царской администрации. Первая мельница за Уралом была построена в 1603 г. вблизи Верхотурья на р. Неромке, но в 1607 г. из-за обмеления реки она была перенесена на р. Актай⁶¹. В том же году из центра последовало указание: «да и в иных местах, допрося мельников, где будет пригодится, велели мельницы поставить, чтоб вперед в сибирские города запасы отпущати мукою»⁶². По данным 1628 г. в Верхотурском уезде уже действовало несколько казенных мельниц. Среди них – Режевская на р. Реж, в Невьянской и Тагильской слободах, велось строительство на р. Бобровке, активно подыскивались места для возведения новых мельниц⁶³.

Из основных металлических полуфабрикатов на ремонт мельничного оборудования требовались уклад и железо. Первоначально для ремонта и обновления оборудования власти выпущены были организовать постоянную доставку из районов Архангельска, Великого Устюга необходимого в этом деле «уклада жильного и карельского», прутового железа и даже «шведского» железа. В 1669 г. в Ирбитскую слободу из Верхотурья были отправлены «3 пуда уклада жильного и пуд уклада карельского для мельничных поделок»⁶⁴. Ровно через год, в декабре 1670 г., вновь потребовалось такое же количество уклада. Практически весь XVII в. уклад на мельницах был привозным.

С появлением собственных металлургических промыслов в крас часть железа местного производства также стали использовать для мельничных поделок. В 1675 г. на ремонт тагильской мельницы было отправлено «клеветное» железо, взятое в качестве десятого пуда с промысла

⁶⁰ Там же. Д. 1096. Л. 5-7, 41-43.

⁶¹ *Ошанина Е. П.* Архив верхотурской приказной избы конца XVI – начала XVIII века в собрании П. П. Румянцева // ГБЛ. Записки отдела рукописей. Вып. 41. М., 1980. С. 45.

⁶² Верхотурские грамоты конца XVI – начала XVII века. Т. II. № 128. С. 196.

⁶³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Д. 171, 210, 213.

⁶⁴ Там же. Д. 1446. Л. 6-7.

Д. Тумашева⁶⁵. В одной из верхотурских памятней 1696 г. содержится указ о присылке десятого пуда железа из слобод на государственную мельницу и всякие поделки.

В 1630-1640 гг. крупные мельницы возникли в Ирбитской слободе и вновь на р. Неромке. Большое значение придавалось непрерывной работе и поддержке мельничных механизмов в исправном состоянии. Казенные «колесчатые» мельницы были по тем временам крупным и сложным сооружением. В их штате, помимо мельника и засыпки, обязательно должен был быть квалифицированный кузнец. Его так и называли «мельничный». Среди оснащения тагильской мельницы упоминаются 9 кругов на шестернях, 12 кругов на валах, а также различные механизмы, пальцы и т. д.⁶⁶ В 1664 г., когда прорвало плотину режевской мельницы, то унесло амбар и всю оснастку, после чего «подпятка и двух кругов шестерных не нашли»⁶⁷.

Простой мельницы дорого обходился администрации из-за отсутствия кузнеца или необходимых деталей и механизмов. В 1607 г. из Москвы в Тобольск был послан мельник Алексей Иванов с семьей. По пути на выданные для покупки мельничных снастей деньги 9 руб. 60 коп. они закупили в Великом Устюге 2 пуда уклада, 8 пудов железа, а в Перми — 4 мельничных жернова. По приказу Казанского дворца в 1628 г. в Верхотурье были направлены мельники для работы на Нейве и Тагиле, а также кузнец с семьей для работы на верхотурских мельницах⁶⁸.

Показателем приезда кузнеца Богдана Ефимьева (Колмогора), который впоследствии длительное время работал у выплавки железа в Рудной слободе. В 1621 г. по указу царя Михаила Федоровича его послали из Казани в Верхотурье, где ему надлежало быть в Невьянской слободе при режевской мельнице «у дела всяких мельничных снастей». Когда им была обнаружена железная руда и организован казенный железоделательный завод, из-за нехватки специалистов Богдан Ефимьев выполнял одновременно функции слободского, мельничного кузнеца и «проварщика» кричного железа на «Невьянском рудном железном деле»⁶⁹. В 1680 г. эта крупнейшая (с тремя жерновами) мельница, находившаяся на р. Реж вблизи Невьянской слободы продолжала работать. В ее штате, кроме мельника и засыпки, для починки мельничных снастей числился кузнец А. Чапурин с денежным жалованьем в 2 руб. 60 коп., а вместо хлебного оклада он пахал 3,5 дес. земли.

Немало сведений сохранилось о кузнецах ирбитской мельницы. В 1660 г. кузнецом ирбитской мельницы был Абрам Максимов. В 1665 г.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 155. Л. 312-314.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 155. Л. 316.

⁶⁷ Там же. Л. 93.

⁶⁸ Ошанина Е. Н. Архив верхотурской приказной избы... С. 45.

⁶⁹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Д. 231. Л. 4.

на ирбитской мельнице работал кузнец Семен Григорьев Новгородов, поверстанный в кузнецы из крестьянских детей в 1661/62 г. по приказу верхотурского воеводы И. Камынина. Денежный оклад ему достался от прежнего ирбитского кузнеца Обранки Фадеева — 3 руб., но без хлебного и соляного жалованья⁷⁰. В 1671 г. Семен утонул, и вместо него в кузницах приказали быть оброчному крестьянину Матвеем Солдатову (Лукину) «по нужде, чтобы простою мельницы не учинить». Денежный оклад ему назначили Семена, а вместо хлебного жалованья он должен был пахать пашню умершего кузнеца. Низкая квалификация не позволила Матвеем долго работать при мельнице. С жалобой к приказчику на «мастерство» новонспеченного кузнеца обратился мельник. Из его челобитной следовало, что М. Солдатов мог ковать только новые снасти, но не умел чинить старые, клепать «насек» и в железе «силы не знал». Чтобы не остановить мельницу, он просил немедленно заменить его прежним кузнецом Василием Силиным, который ранее «был написан в усылку в русские города», но вернулся в Сибирь с «отпускной»⁷¹. Челобитная мельника не осталась без внимания, так как через три года, в январе 1674 г., ирбитский мельничный кузнец Василий Силин Матюков жаловался на неуплату ему трехлетнего жалованья⁷².

В 1671 г. на место утонувшего мельничного кузнеца С. Новгородова бил челом и гулящий человек Иван Иванов Затыкин, пришедший в Сибирь в 1666/67 г. из Великого Устюга. По каким-то причинам только с 1680 г. он был поверстан в кузнецы к ирбитской мельнице за оклад в 3 руб., вместо хлебного жалованья он наделялся нашеней. У него же были сенные покосы на 20 копен⁷³. В большинстве случаев другие кузнецы, обслуживавшие мельницы, получали от государства жалованье около 2 руб. деньгами, по 3 четверти ржи и 1 четверти овса⁷⁴.

Иногда из-за нехватки специалистов ирбитских мельничных кузнецов приглашали в ближайšie слободы и монастыри. В то же время для ремонта ирбитской мельницы привлекались кузнецы из Верхотурья и Ницинской слободы, а мельничные снасти ремонтировали там, где в тот момент ближе всего можно было найти мастера, например, с ирбитской мельницы их везли в Невьянскую слободу⁷⁵.

Судостроение. Постоянную потребность в железе и изделиях из него испытывало и речное судостроение. Основные центры судостроения нахо-

⁷⁰ ТГИАМЗ. К. П. 12692. Л. 220-220 об.

⁷¹ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 204. Л. 19, 47, 49.

⁷² Там же. Д. 216. Л. 141.

⁷³ Там же. Ф. 214. Оп. 1. Д. 748. Л. 23 об. ; Ф. 1111. Оп. 1. Д. 161. Л. 60.

⁷⁴ Там же. Ф. 1111. Оп. 3. Д. 23. Л. 14-15.

⁷⁵ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Д. 351. Л. 12; Д. 331. Л. 1-2; 340. Л. 12; Д. 351. Л. 12; Д. 353. Л. 6.

длись в Верхотурском уезде, меньше плотниц было в Туринском и Тюменском уездах⁷⁶. На протяжении XVII в. количество верфей в Верхотурском уезде увеличивалось. Судовые верфи были в Верхотурье, деревнях Морозово и Меркушино, расположенных на р. Туре, в Ницинской, Невьянской и Ирбитской слободах, находившихся на р. Нейве и р. Нице. Отсюда отправляли хлеб из «пашенного» Верхотурского уезда в Тобольск и далее в Сибирь. Верхотурские, туринские и тюменские дощаники в конечном итоге предназначались для плаваний по Иртышу и Оби.

Судовой транспорт для Енисейского бассейна сооружался в нескольких деревнях Енисейского уезда (Родюковой, Марковом городище, Костыльниковой, Стреловской, Усть-Тунгусской, Казачьем лугу), а также в Маковском остроге. В Мангазейском уезде из-за отсутствия корабельного леса суда не строились, но около россох и волока, соединявших верховья Таза и Турухана, существовала верфь, где сооружались небольшие каюки и лодки. В Красноярске строились только мелкие суда⁷⁷.

В первой половине XVII в. имела место практика посылки судовых плотников из поморских уездов для изготовления дощаников на верхотурском и других плотницах, а вместе с ними осуществлялись посылки и судовой оснастки. Со временем от практики присылки плотников отказались, дощаники стали строить подрядным способом слободские плотники. «Дощаничное дело» стало нелегкой государственной повинностью для крестьян, приписанных к Невьянской, Тагильской и Ирбитской слободам. Кроме казанного производства судов выполнялись и частные заказы торгово-промышленных людей, которые подряджали судовых плотников и работных людей. Поставки оснастки «с Руси» сохранялись до конца столетия. В 1640-х гг. в ассортименте покупаемых в Великом Устюге, Соли Вычегодской, Архангельске товаров для Верхотурья наряду с обычным железом упоминаются десятки тысяч судовых скоб и гвоздей, медь для винокурен, карельский уклад для мельничных поделок, инструмента и ремонта оружия.

15 марта 1673 г. в памяти ирбитскому приказчику И. Будакову сообщалось о посылке зерна на обмолот в ржаную муку, крупы и толокно, а также 70 рогож, 8100 скоб судовых, 350 гвоздей четвертных. По присылке требовалось раздать плотникам по 1350 скоб и по 50 гвоздей на дощаник, а рогожи крестьянам на мешки⁷⁸. 19 марта 1685 г. в памяти ирбитскому приказчику Е. Шубину говорилось о посылке из Верхотурья в Ирбит на строительство 7 дощаников 9450 судовых скоб и 105 гвоздей четверт-

⁷⁶ См.: *Вершинин Е. В.* Дощаник и коч в Западной Сибири (XVII в.) // Проблемы истории России. Вып. 4. Екатеринбург, 2001. С. 87-131.

⁷⁷ *Александров В. А.* Русское население Сибири... С. 252-253.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 165. Л. 142.

ных. Их требовалось принять житничным целовальникам, а, приняв, раздать на дощаники плотникам по 1350 скоб и по 15 гвоздей на дощаник⁷⁹. Как видно на дощаник шло фиксированное количество скоб и гвоздей, что позволяет представить примерное количество дощаников, которое намечались построить после каждой посылки. В покупках, произведенных в «русских городах» в 1694 г. значились 32500 судовых скоб по 52 коп. за тысячу, 2000 четвертных гвоздей, 2 пуда карельского уклада по 1 руб. 20 коп. за пуд.

Солеварение играло важную роль в обеспечении края одним из важнейших компонентов питания и консервирования продуктов – солью. Поиски соляных источников и организация солеварения были одной из первостепенных задач для местных административных органов. Соляной промысел не мог существовать без железа. На соляных варницах, где главной частью являлся щеп (железная сковорода больших размеров для выпаривания рассола), существовал постоянный спрос на железо.

Уже в самом начале освоения Зауралья в 1599 г. тобольский пушкарь Ворошилко Власьев обнаружил соляной ключ на р. Нагре (ныне с. Кошай на р. Негле, левом притоке р. М. Сосьва). Открытие соляного источника положило начало строительству наряду с первыми городками и первого солеваренного промысла. В ноябре 1602 г. по царскому указу верхотурскому воеводе князю М. Д. Львову и письменному голове У. В. Новосильцеву приказывалось организовать солеваренный завод на р. Негле⁸⁰. На его строительство с Чусовой через Пелым привезли 7 пудов уклада и 556 криц железа весом 175 пудов. Только для изготовления одного щепна доставили 800 «щепных полниц» – толстостенных железных листов. Тобольским восводой С. Сабуровым предписывалось впредь обеспечивать В. Власьева железом и послать к нему кузнеца, «чтоб за железом соляное варенье не ставилось»⁸¹. Но солеварение здесь оказалось невыгодным и непродолжительным. В 1605-1606 гг. из Кошая с помощью 46 стрельцов и казаков перевезли всю казенную соль и щепную снасть в Верхотурье.

Дальнейшее распространение солеварения в Сибири требовало большого количества железа. В XVII – XVIII вв. варницы в Поморье имели по два щепна. Размер щепна в XVII в. доходил, по данным Н. Устюгова, до 16 кв. сажень со стороны по 4 сажени и высотой бортов в 8 вершков. В работе А. А. Савича отмечены размеры – 144 кв. аршин, со стороны по 12 аршин. Оба автора указывали одно число полниц в щепне – 140-150 шт. и общий вес гвоздей для скрепления полниц – 3 пуда. Срок службы его

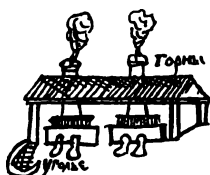
⁷⁹ Там же. Д. 156. Л. 93.

⁸⁰ АИ. Т. II. СПб., 1841. С. 52.

⁸¹ Миллер Г. Ф. История Сибири... Т II. С. 160-161.

составлял около года. В XVI – XVII вв. полнцы были толщиной не менее 10 – 11 мм. При этом годовая потребность в железе для одного црена приближалась к 6 – 7 тоннам⁸². Металлоемкое солеварение успешно развивалось в Сибири в течение всего XVII в. В 1620-е гг. возникли крупные промыслы на соляном Ямыш-озере. Позже добыча соли была организована на р. Лене, в начале 1640-х гг. посадскими людьми братьями Жилиными – в Енисейске, а с 1670 г. в Иркутском Усолье – пятидесятиником А. Михалевым. В дальнейшем частная добыча соли на Енисее и Лене была вытеснена деятельностью Туруханского Троицкого и Енисейского Спасского монастырей. Потребности солеваренного производства в металле подтолкнули к поискам железных руд и организации в 1670-х гг. в Троицком монастыре выплавки железа для внутренних потребностей⁸³. К концу столетия край был в достаточной степени обеспечен солью. Только на соляных приисках Ямыш-озера в 1699 г. для Сибири было сварено 39773 пудов соли⁸⁴. Кроме месторождений Ямыш-озера соль вываривали из колодцев Усть-Кутского усолья.

Потребность переселенцев в оружии, инструментах, сельскохозяйственных орудиях, судовых снастях, гвоздях и других материалах, острый дефицит и дороговизна привозного железа и изделий из него, доставляемых по длинному и сложному пути из европейской части России, делали жизненно необходимым исследование этих обширных территорий и подталкивали правительство к следующему шагу в решении проблемы обеспечения Урала и Сибири металлом – созданию в крае собственной рудной и металлургической базы. Надежду на успех вселяли предания и легенды о несметных рудных богатствах Уральских гор и Сибири.

⁸² Василевский Л. П. Очерк по истории металлургии Олонецкого края в XVI – XVII вв. Петрозаводск, 1949. С. 15.

⁸³ Александров В. А. Русское население Сибири... С. 248-250; Копылов А. И. Русские на Енисее... С. 108-109.

⁸⁴ РИБ. Т. VIII. СПб., 1884. С. 891.

ГЛАВА 2. ОСВОЕНИЕ МЕСТОРОЖДЕНИЙ ЖЕЛЕЗНОЙ РУДЫ И СТРОИТЕЛЬСТВО КАЗЕННЫХ ЗАВОДОВ

Направления колонизационных потоков и открытия рудников

Направления поисков месторождений руд и их результаты зависели от направлений переселенческих потоков и интенсивности заселения края. Они начинались в районах Среднего Урала. Северные районы были неблагоприятны для поисков из-за своей незаселенности и короткого по времени полярного лета. Южные районы Урала являлись местом обитания кочевых племен (башкир, калмыков, казахов), препятствовавших распространению здесь русского населения. Эти же причины оказали существенное влияние на проведение геологоразведок и на просторах Сибири. Почти всю территорию Западной Сибири занимает заболоченная низменность. В Восточной Сибири рельеф сильно меняется, переходя в горный, состоящий из множества хребтов.

Географические особенности территории создавали ограниченные возможности транспортного сообщения. В Западной и Восточной Сибири колонизационное движение шло двумя основными потоками на восток – северным через Мангазею и южным через Енисейск. Эти потоки расходились на более мелкие, но, тем не менее, определялись основными транспортными артериями – реками. Наибольшее значение имели реки широтного направления, судоходные и волоковые. Прокладка маршрутов по ним предопределяла возникновение в стратегически важных и удобных местах первых населенных пунктов, которые стали опорными базами в сборе ясака и контроля над территориями. От этих населенных пунктов начинались поиск и освоение близлежащих рудников. Суровый климат и кратковременность поисковых сезонов, протяженность территорий ограничивали возможность геологоразведочных работ на осваиваемых землях. Поэтому почти все первые доступные месторождения руд и полезных ископаемых были открыты у населенных пунктов или вдоль транспортных путей (в берегах рек или вблизи них).

Большую часть сибирской тайги и тундры малочисленные русские отряды прошли, не встретив серьезного сопротивления. Это объяснялось слабой заселенностью сибирской территории. Лишь по мере приближения к стеной полосе, сравнительно густо населенной воинственными кочевыми племенами, это движение замедлилось. Первопоселенцы подошли к горам Алтая, а в Забайкалье вышли к р. Амур, где были остановлены маньчжурами. На Урале и в Зауралье в течение XVII в. граница оформилась по р. Исеть. Тем самым ограничивался доступ к месторождениям Южного Урала и Зауралья. Внешние границы, а также степень освоения вновь присоединенных территорий, определяли последовательность обнаружения рудных залежей на этих территориях. Именно из-за недоступности рудников, полагал С. В. Бахрушин, было незначительным развитие железодобывательных промыслов в Красноярском уезде, так как «богатые залежами металла районы железной руды в бассейне Тубы и на верхнем течении Абакана, сделавшиеся впоследствии известными, в XVII в. находились в руках киргизов»¹.

С увеличением населения росли и потребности края в железе и металлических изделиях, что также стимулировало создание местного железодобывательного производства. К началу XVII в. оседлое русское население, занимавшееся земледелием, сосредоточивалось в Приуралье в верховьях р. Камы, у Соликамска, Чердыни, Орла-городка. В процессе заселения западные районы, находившиеся ближе к Руси, естественно, осваивались раньше и более активно. Царскими указами в сибирские города переводились пашенные крестьяне, призванные своим трудом облегчить снабжение края продовольствием, а также кузнецы и прочие ремесленники. Сюда же направляли различного рода преступников и ссыльных людей. Существовал и все возрастающий поток вольных переселенцев. Только население Кунгурского уезда со времени возникновения г. Кунгура в 1648 г. возросло к началу XVIII в. в 12 раз. Численность населения Верхотурского уезда выросла с 278 дворов в 1624 г. до 1989 дворов в 1680 г. (более чем в 7 раз), где проживало более 6200 человек².

Начало активных поисков в Приуралье было связано с деятельностью рудознатцев и мастеровых людей вотчины Строгановых. Это произошло в конце XVI – начале XVII вв., в процессе перемены соледобычи и деловой активности Строгановых из Сольвычегодска в эти районы. Наличие собственного производства железа было крайне необходимо для бесперебойной работы, удешевления и расширения достаточно металлоемкого производства соли. Решение этой проблемы упиралось в находку сольвычегодскими кузнецами подходящих болотных руд. В начале XVII в. поиски увенчались успехом: писцовые книги 1623 – 1624 гг. зафиксировали здесь выплавку кричного железа в кузнечных горнах³.

¹ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. IV. С. 119.

² РГАДА Ф. 214. Оп. 2. Д. 697. История Урала... С. 178-179.

³ Дмитриев А. А. Пермская старина. Пермь, 1894. Вып. 4. С. 148.

В 1595 – 1597 гг. была проложена короткая дорога через горы от г. Соликамска до верховий р. Туры, а в 1598 г. возник г. Верхотурье. Закономерно было бы расселение с запада на восток по разведанным и доступным путям через верховья рек Тагила и Чусовой. Но с возникновением города и государственной таможни все грузы и люди пошли только здесь, а иные пути через хребет – Тагильский, Вишерский волок и другие маршруты – были закрыты. Это коренным образом повлияло на картину освоения Зауралья и, особенно, знаменитых впоследствии рудных месторождений восточного склона гор.

В 1659 г. был поставлен вопрос об организации пути и государственном контроле «новой верхотурской дороги» через Утку и Кунгур на Каму и устройства на ней заставы⁴. В 1679 г. последовала очередная царская грамота верхотурскому воеводе Р. М. Павлову о наблюдении, чтобы торговые промышленные и всякого звания люди не провозили товары из Сибири в Россию и обратно, минуя верхотурскую таможенную заставу⁵. Этот указ появился в связи с известиями из Верхотурья о проезде людей, минуя таможенные заставы. В этот год из Кунгура проложили новую зимнюю дорогу, проходившую мимо Чусовской слободы выше Бисертских татарских юрт, по которой ездили в Сибирь и обратно «слободские, промышленные люди и иноземцы». Дорога пролегла в 40 верстах южнее русских слобод и выходила к Колчеданскому и Китайской острогам. В связи с этим сократились поступления в казну от таможенных сборов. Тогда было принято решение «засечь дорогу накрепко, если в чертеже Верхотурского уезда, чтобы ездили старой прежней дорогой через Чусовскую слободу, где пошлины брать по-прежнему»⁶. В 1680 г. был объявлен указ о запрете проезда по старой Казанской дороге, шедшей по степям от Кунгура к Китайскому острогу⁷.

В 1683 г. были устроены засеки на вновь проложенной дороге из Сибири через Чусовские вотчины Строгановых. Причина закрытия дороги была очевидной, «... потому что из Сибири и в Сибирь многим дорогам быть непристойно, беречь накрепко, чтоб вновь дорог с верхотурского уезда из Сибири не проискивали и не прокладывали...»⁸. Аналогичная грамота поступила верхотурскому воеводе Г. Ф. Нарышкину в 1689 г. о не пропуске через Уткинскую и другие заставы Верхотурского уезда едущих из Сибири людей: «... велено из Тобольска торговых и всяких чинов людей отпускать к Москве и в иные русские города через Верхотурье, а по иным дорогам на Уфу и на Казань не отпускать, и на заставах никаких людей не пропускать, кроме скорых гонцов, чтоб от той таможенной пошлины истери

⁴ АИ. Т. IV. СПб., 1842. С. 284.

⁵ ДЛИ. Т. VIII. СПб., 1862. С. 256.

⁶ Там же. С. 257.

⁷ АИ. Т. V. СПб., 1842. С. 90.

⁸ Там же. С. 181-183.

не было»⁹. В 1695 г. последовала грамота кунгурскому воеводе С. Сухотину о закрытии Сибирской дороги, пролегавшей через Кунгурский уезд, а «торговых и всяких чинов русских людей и иноземцев, воевод с родственниками из Сибири и в Сибирь пропускать через Кунгур по указам»¹⁰.

С середины XVII в. появление русских поселений в верховьях р. Чусовой и предгорьях Среднего Урала объективно вызывало потребность появления новых путей. Но запрет проезда, минуя верхотурскую таможню, сохранялся практически в течение всего XVII в., направляя потоки колонизации по определенному пути.

Русское население, закрепившись на основных речных транспортных артериях, текущих через Уральский хребет далее в Сибирь, таких как Лозьва, Сосьва, Тура, Тавда, Тобол, стало осваивать и их притоки – Тагил, Ницу, Нейву, Реж, Исеть, Пышму, смещаясь к юго-востоку. Первоначально поселенцы появились в среднем течении этих рек, на наиболее подходящих для пашенного земледелия плодородных землях (Рис. 1). В дальнейшем они стали расселяться как выше, приближаясь к горам с востока, так и ниже по течению вдоль речных долин, одновременно знакомясь и с рудными богатствами края (Рис. 2). По выходам руды в берегах были обнаружены первые месторождения.

Примерно в 1619 – 1621 гг. было основано первое русское поселение на р. Нейве – Невьянская слобода. Далее поселения начали активно возникать как ниже, так и выше по реке. Ниже по течению, после слияния с Режом, река именуется Ницей. В июне 1628 г. туринский ясачный татарин Тантелейка Тентюков сообщил в Туринском остроге об открытии руды в болоте, неподалеку от его юрт. Это были ясачные территории Туринского уезда, где одновременно вдоль р. Ницы селились и строили слободы крестьяне, подчиненные верхотурскому воеводе. Через некоторое время обнаруженная железная руда стала основной сырьевой базой государственного железоделательного завода, возникшего на р. Нице.

В верхотурской дозорной книге 1624 г. Михаила Тюхина упоминаются деревни Кабакова, Сизикова и другие, основанные выше слияния рек Нейвы и Режа и сохранившие свои названия до настоящего времени. В 1639 г. выше по Нейве верхотурский сын боярский Андрей Буженинов основал Мурзинскую слободу, а в 1645 г. при слиянии рек Нейвы и Вилюя заложил Краснопольскую слободу.

Верховья Нейвы впервые описал в декабре 1661 г. староста Краснопольской слободы Евсей Гаев, который получил указание ехать вверх по р. Нейве и там «на пустом и порожнем месте по доезду осмотреть и сметить накрепко сколько того пустого места»¹¹. В челобитной верхотурско-

⁹ Там же. С. 317.

¹⁰ Там же. С. 455.

¹¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 3. Л. 16-16 об.

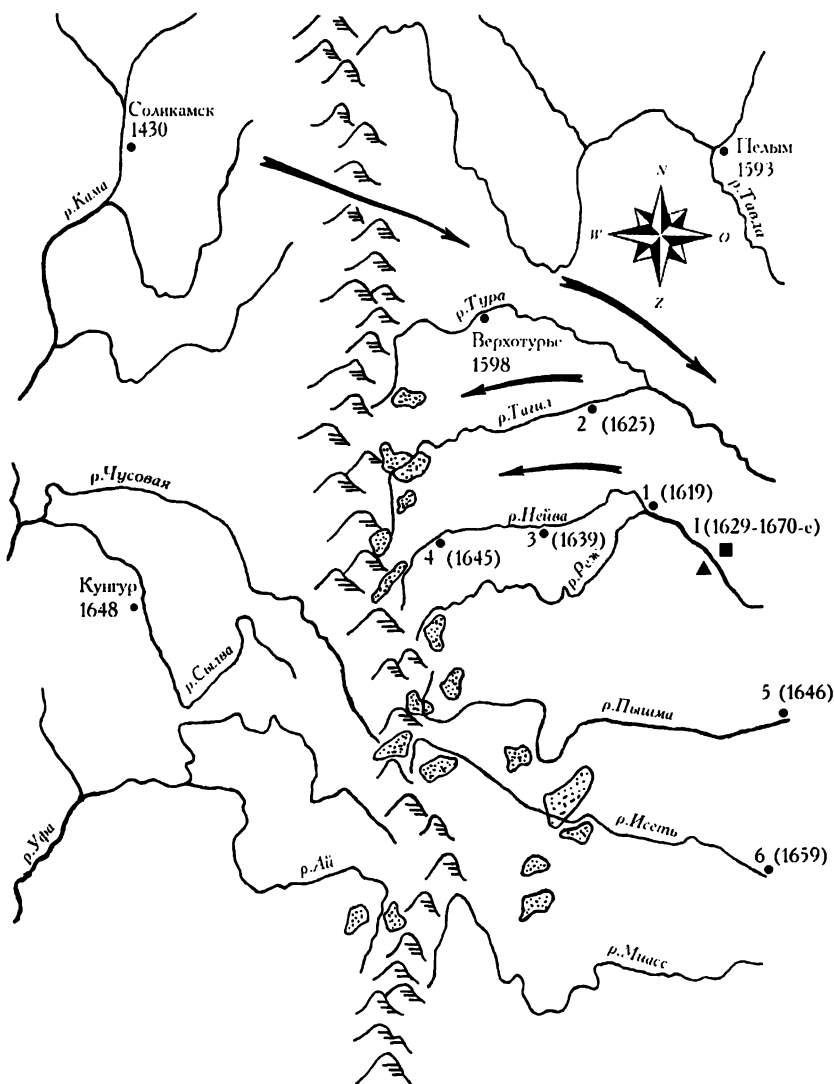

Рис. 1. Карта-схема расселения русских в Зауралье в первой половине XVII в.

Слободы: 1 – Невьянская; 2 – Тагильская; 3 – Мурзинская; 4 – Краснопольская;
5 – Пышминская; 6 – Катайский острог

I – Невьянское рудное железное дело (Ницинский завод)

← — направление колонизационных потоков

▲ — месторождение железа

■ — железодобывающий завод

му воеводе И. Б. Камышину он сообщал о своей поездке, где осматривал по обоим берегам Нейвы «пустые и порожние места под пашни и сеньные покосы» от рек Молвы и Таволги до рек Шуралы и Фетки Южакова*. Здесь предполагалось расселить черемисские (марийские) семьи для обработки пашни на условиях денежного оброка. Но марийским и русским крестьянам-переселенцам недолго пришлось обжиться в этих местах.

В 1668-1669 гг. именно в этих местах нашел железную руду медеплавильщик Пыскорского завода Дмитрий Александрович Тумашев. В 1670 г. в челобитной на имя царя и верхотурского воеводы на него жаловался мирской староста Краснопольской слободы Ф. Югринов с крестьянами. Из жалобы следовало, что, найдя руду, Д. Тумашев не давал никому охотиться, ловить рыбу и селиться вверх по р. Нейве. Он сжег все крестьянские заимки с постройками и прогнал марийцев¹². Последние вынуждены были убежать в Мурзинскую слободу, хотя считались оброчными крестьянами Краснопольской слободы**. В 1675 г. завод Тумашева прекратил работу, но один из его заброшенных рудников был вторично выявлен в двух верстах от д. Федьковки в процессе обширного обследования залежей руд, проводимого в 1697 г. по указу из Москвы местными кузнецами и рудоплавильщиками. Этот рудник, названный «Поперечным», стал первым месторождением, при котором возник знаменитый Невьянский завод. Удалось обнаружить и все упомянутые в описании Тумашевского завода рудники. Они представляют собой скопления поросших лесом ям и рвов, достигавших размеров от 10 до 100 м. В центре некоторых из них видны провалы обвалившихся шахт, в которых добывали бурый железняк. Самый крупный рудник, находившийся на левом берегу р. Нейвы, не оставил без внимания С. У. Ремезов, отметивший здесь «рудные ямы»¹³. Наконец, на небольшом участке берега были обнаружены характерные остатки сыродутного производства – шлак, обломки фурм и криц.

К концу XVII в. было открыто месторождение железной руды «Гусельникова рудного места на Зыряновой горе» у р. Нейвы, которое впоследствии стало одним из рудников будущего Алапаевского завода. К моменту начала строительства доменных мануфактур оно уже эксплуатировалось промышленниками Невьянской слободы, и из-за него разгорелся конфликт с рудоплавами соседней Мурзинской слободы. В 1700 г. против невянских рудоплавильщиков «...Мурзинской слободы прикащик тобольский сын боярский Степан Федилов присылал беломестных каза-

* Река Федки Южакова (Фетковка, Федьковка) считалась границей сеньных покосов Федора Южакова – основателя деревни Южаковой. От этой реки произошло название деревни Федьковки, возникшей задолго до строительства Невьянского завода.

** К востоку от Невьянска до сих пор сохранилась село Черемисское, основанное переселенцами-марийцами.

¹² Там же. Л. 171-171 об.

¹³ Ремезов С. У. Служебная чертежная книга Сибири. РО ГПБ, Эрмитажное собрание. № 237. Л. 67 об.

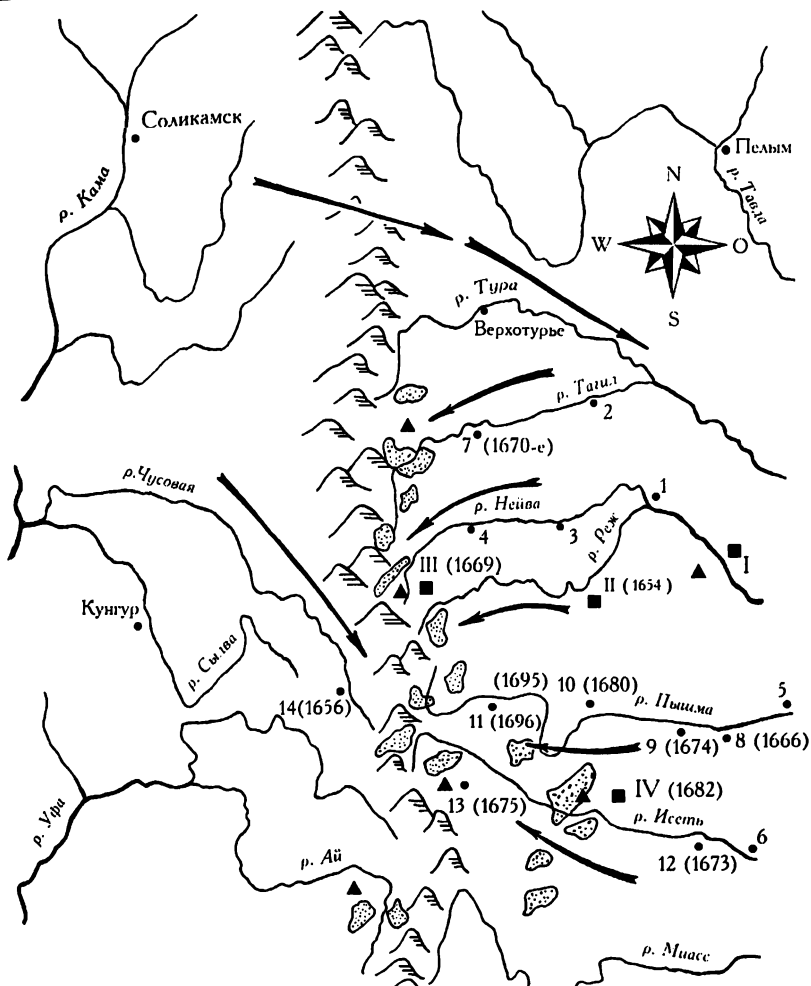

Рис. 2. Карта-схема расселения русских в Зауралье во второй половине XVII в.

Слободы: 1 – Невьянская; 2 – Тагильская; 3 – Мурзинская; 4 – Красноольская; 5 – Пышминская; 6 – Катайский остров; 7 – Верхнетагильская; 8 – Камышловская; 9 – Калиновская; 10 – Арамилская; 11 – Белоярская; 12 – Колчеданский остров; 13 – Арамилская; 14 – Чусовская-Уткинская

I – Невьянское рудное железное дело (Ницинский завод); II – Железное и укладное дело в Арамашеве; III – Завод Тумашевых; IV – Железенское поселье Далматовского Успенского монастыря

← — направление колонизационных потоков

▲ — месторождение железа

■ — железоделательный завод

ков, и от той горы их, Стеньку Пятакова с товарищи отбил и копать ис той горы железные руды им не дали. А которая руда готовлена у них, Стеньки с товарищи, летним временем и тое руду Мурзинской слободы крестьяне всю развозили»¹⁴.

В 1625 г. в низовьях р. Тагил был основан Тагильский острог, а в верховьях Тагила в 1670-х гг. возникла Верхнетагильская слобода и другие поселения. Эпохальной находкой стало открытие магнитного железняка в горе Магнитной, обнаруженной в верховьях р. Тагил. В отечественной исторической литературе существует мнение, что гора Магнитная (Высокая) и ее богатства были открыты в 1696 г. Известие о находке там месторождения магнитного железняка послужило толчком к организации массового обследования всех известных на тот момент железных рудников и началу масштабного строительства металлургических заводов. Выйский медеплавильный (пущен в 1722 г.) и Нижнетагильский железоделательный (пущен в 1725 г.) заводы возникли на базе этого знаменитого месторождения. Новые данные о поисках руд на р. Тагил в XVII в. дают возможность утверждать, что рудники здесь были открыты уже в 1640-х гг., а, возможно, и ранее.

С середины XVII в. крестьяне активно расселялись в южном направлении на плодородные земли лесостепи, выйдя на берега рек Пышма и Исеть к границе с кочевниками. В 1646 г. была основана первая слобода на р. Пышме – Пышминская. Продвигаясь выше по течению реки, русские поселенцы основали в 1666 г. Камышловскую, в 1674 г. в 12 верстах от нее – Калиновскую, в 1680 г. – Новопышминскую, а в 1695 г. – Белоярскую слободы (Рис. 2).

Аналогичная картина наблюдалась при заселении бассейна р. Исеть. В 1659/60 гг. на ее берегу возник Катайский острог, а позднее вверх по течению – Колчеданский острог (1673 г.), Арамильская слобода (1675 г.), на притоке Исети р. Багаряк – Багаряцкая слобода (1689 г.). Вместе с продвижением населения и постройкой острогов и слобод вверх по рекам Исеть и Пышма были выявлены и первые месторождения руд в этом районе. К 1667 г. относится известие о находке и разработке железной руды в окрестностях Пышминской слободы, которую копали люди «Исетского монастыря от Далмата и из иных слобод». Приказчику велели взять 10 беломестных казаков и оброчных крестьян, описать местность, накопать пудов шесть руды и привезти в Верхотурье для опыта. При осмотре оказалось, что «того места есть на десятину, где копают руду, а в глубину сажень в печатную и больше»¹⁵. В 1681 г. монахи того же монастыря обнаружили железную руду в 15 верстах выше Колчеданского острога на р. Железенке, впадающей в Исеть. С просьбой о владении участком били челом царю игумен Исаак, старец Далмат, келарь старец Никон, казначей старец Луки-

¹⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 611. Л. 203.

¹⁵ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1297. Л. 2-3.

ан с братией. В ответном указе земли с рудой были пожалованы монастырю «для монастырских великих нужд на монастырскую потребу»¹⁶. Освоение новых земель в верховьях р. Исети позволило с 1660-х гг. поселенцам Далматовского монастыря обнаружить здесь и начать эксплуатировать месторождения железной руды, ставших первой сырьевой базой Каменского железодобывающего завода.

Продвижение к рудным ископаемым Уральских гор происходило не только по рекам восточного склона, но и по реке Чусовой, пересекающей хребет с юга на север. В 1656 г. возникла Чусовская-Уткинская слобода на р. Чусовой. В 1678 г. была открыта и впервые упомянута в документах местность в верховьях реки Чусовой. В этот год, как следует из памяти приказчику Чусовской слободы Семену Будакову, крестьянскому «садчику» Фролу Арапову было приказано обследовать места и «вновь слободу строить на порожном месте, а межи тем землям от Казанской дороги вверх по Чусовой реке до Чусового озера, а вниз по Чусовой реке до Волчьей горы, на востоке до Исетских вод»¹⁷.

В конце 1670-х гг. русская колонизация с разных направлений, наконец, достигла верховьев рек Чусовой, Исети и Пышмы, где были сосредоточены крупнейшие залежи железных и медных руд. Именно в результате заселения этого района в конце XVII – начале XVIII в. было обнаружено сразу несколько месторождений в окрестностях Арамильской и Чусовской слобод, а на их базе возникли Уктусский, Исетский, Полевской, Шайтанский и прочие известные заводы.

Таким образом, открытие залежей железных руд, меди и других полезных ископаемых, сосредоточенных в горах и предгорьях, напрямую зависело от направления и последовательности освоения края. Месторождения были открыты лишь, после того как население приблизилось к предгорьям в районы, где имела руда. Можно проследить прямую зависимость между последовательностью освоения края и выявлением месторождений руд. Заселение проходило сначала по р. Туре, а далее вдоль ее основных притоков – Тагила, Нейвы, Режа, Пышмы, Исети – от их среднего течения к истокам, т. е. обратно к горам, где и были сосредоточены залежи полезных ископаемых. Поднимаясь вверх по Нейве, Тагилу, Чусовой, Исети и основывая новые поселения, крестьяне постепенно приближались к горному хребту, к местам, где впоследствии были найдены промышленные запасы руд и возникли петровские мануфактуры. Но почему колонизация Среднего Зауралья происходила с востока? Такая картина заселения сформировалась в значительной степени из-за утверждения в XVII в. официального маршрута и запрета передвижения по иным речным транспортным путям в горах: по Тагилу, Чусовой, Исети,

¹⁶ СПФ ААН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. Л. 88 об.

¹⁷ Там же. Д. 3. Л. 265 об.

где находились месторождения руды. Существование единственной Бабиновской дороги надолго отодвинуло освоение рудных богатств Урала.

Наряду с особенностями заселения края большое значение имели геологические характеристики руд, позволявшие приступить к их эксплуатации. Из железных руд на Урале широко распространены и использовались: магнитный железняк или магнетит с 50 – 70 % содержания железа, обладающий магнитными свойствами; наиболее распространенный красный железняк и бурый железняк или водный оксид железа¹⁸. Разновидность лимонита органического происхождения, образовавшегося в результате отмирания концентрирующих железо растений, обычно называют «болотной рудой». Именно она явилась основным сырьем для производства железа в малых горнах, использовавшихся крестьянскими металлургами в железоделательных районах Центральной и Северо-Западной России. Еще одним преимуществом этого вида сырья было его достаточно широкое распространение, границы которого практически совпадают с границами зоны леса.

По оценке современных геологов наибольшее значение в медеплавильном производстве Урала имели медистые песчаники, колчеданные и контактово-метасоматические залежи (из них было получено до 99% всей здешней меди). Для района западного склона Урала характерны месторождения руд из медистых песчаников, состоящих из малахита, азурита и других окисленных медных минералов. Эти рудные залежи со средним содержанием в них 2 – 3% меди сформировались в виде прослоек, гнезд и линз от нескольких сантиметров до нескольких метров в поперечнике, которые залегали на значительной площади, на глубине от 3 до 40 и даже 90 метров от поверхности. На восточном склоне хребта в зоне вулканической толщи широко распространены колчеданные месторождения, содержащие 1 – 2% меди. Их рудные тела, выходящие на поверхность, обычно имеют вертикальную зональность. В верхней зоне окисления находятся бурые железняки. Окисленные руды в отличие от сульфидных были наиболее легкоплавки и доступны в древности. Контактново-метасоматические месторождения встречаются исключительно на восточном склоне Урала, в основном на территории Свердловской области. Одно из старейших и типичных месторождений такого типа – Гумешевское, было обнаружено и эксплуатировалось с начала XVIII в.¹⁹

Из краткой геологической характеристики можно почерпнуть несколько важных моментов: рудные залежи меди и особенно железа (за исключением болотных руд) находились вблизи или в горном массиве

¹⁸ *Бабич В. К.* и др. Основы металлургического производства (черная металлургия). М., 1988. С. 16.

¹⁹ *Фирсов В. Я., Мартынова В. И.* Медь Урала. Екатеринбург, 1995. С. 10-15.

Уральского хребта. Нередко эти руды залегали вместе: в одной горной породе, месторождении. Поселенцы должны были обладать достаточным техническим и технологическим уровнем, позволявшим начать выгодную добычу отдельных разновидностей руд. Также важным ориентиром для рудознатцев XVII – XVIII вв. были следы от древних разработок рудников, так называемые «чудские копи».

Первые сведения о месторождениях железной руды за Уралом русские землепроходцы получали от аборигенного населения в ходе присоединения новых земель. В 1604 г. в Москву было отправлено сообщение о 200 кузницах-аборигенах, которые жили в верховьях р. Томи и делали «доспехи и железца стрельные», а также выковывали котлы²⁰. В 1622 г. томским воеводам было предписано организовать в Кузнецкой земле производство железа и огнестрельного оружия. Однако томские власти решили наладить производство железа вблизи от Томска на крайне бедных рудах. В связи с этим в Кузнецке возникла проблема, как использовать железо, сдаваемое в ясак вместо мехов ясачными людьми. Из Москвы было дано указание, чтобы это железо продавали в Тобольске. В Кузнецке в 1624 г. была построена кузница для переделки на месте криц в полосы. Но в Тобольск на продажу кузнецкое железо так и не поступило. В 1625-1629 гг. по р. Томи кузнецкое железо доставляли в Томск для артиллерийского производства. После его прекращения в 1629 г. вновь встала проблема использования кузнецкого ясачного железа, которое перед этим даже пытались отправлять в Москву, но «в том государеве казне в подводах в дальней возке чинилась многая убыль». В наказе кузнецкому воеводе Ф. И. Нащокину в 1631 г. было указано железо брать в ясак лишь от тех, которым больше нечем было платить. Местным властям предлагалось из ясачного железа делать сошники и косы для пашенных крестьян или «продавать всяким людям и татарам, и осяткам по тамошней цене». Ясачное железо местной переделки использовалось в Кузнецке еще в середине XVIII в.²¹

В районе будущего Енисейского острога и Дубчесской слободы до прихода русских железную руду добывали и плавил обитавшие здесь осятки и тунгусы. Впервые в Енисейском крае железную руду под Енисейским острогом обнаружила экспедиция Я. И. Хрипунова в 1628 г. Разведка железорудных месторождений получила распространение в районе Енисейска с середины XVII в.²²

К середине столетия железо было выявлено и вблизи Якутского острога, основанного в 1632 г. Сведения о местах добычи руды поступили от ме-

²⁰ РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Д. 611. Л. 136.

²¹ *Сергеев В. И.* Основание Кузнецка и его уезда в Западной Сибири. // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. М., 1974. С. 300-301

²² *Копылов А. Н.* Русские на Енисее... С. 120-121.

стных жителей. В отписке якутского воеводы В. Н. Пушкина от 1648 г. дана самая высокая оценка якутским промыслам: «их якутского дела железо есть самое доброе, а плавят они то железо из камня не помногу, не на большое дело, а большого у них никакова железного дела нет и многово железа плавить не умеют». Но разработке месторождения препятствовало отсутствие русских плавильщиков и «добрых кузнецов, хто то железо в крицы плавить умел». Еще с первым воеводой Петром Головинным в Якутск были отправлены два кузнеца, но им не хватало мастерства и универсализма: «железа плавить и кузнечного доброго и циренного и оружейного дела делать» они не умели. Якутский воевода В. Пушкин просил прислать мастеров, обещая с их помощью не только удовлетворить местные потребности, но и принести немалую прибыль казне, «потому что на Лене под Якуцким острогом такова камени, ис которого железо делают, много». Опытная переплавка показала, что из якуцкого железа можно было делать уклад, а качеством «то железо против лутчего немецкого»²³. Разработка местных рудников была для якутской администрации особенно актуальна, потому что привезенного торговыми людьми железа не хватало, и оно продавалось по очень высокой цене, а полученное из Тобольска казенное железо оказалось плохого качества.

В отписке якутского воеводы М. О. Кровкова от 1685 г. сообщалось о находке руды в 5 верстах от Якутского острога, из которой казаками было выплавлено 47 пудов кричного железа. В то время в Якутске в продаже было только енисейское железо по цене 3,5 и 4 рубля за пуд²⁴.

В Забайкалье одно из первых месторождений руды и железоделательных производств возникло в конце 1670-х гг. около Телембинского острога, основанного в 1658 г. на р. Конде. В 1680-е гг. телембинское железо шло в Албазин и в Даурию²⁵.

Таким образом, придя в Сибирь русские поселенцы не испытывали необходимости в поиске месторождений железной руды, многие из них уже были открыты аборигенным населением. Однако проблема их освоения была связана с отсутствием квалифицированных мастеров и дополнительных казенных средств на их разработку. Отсутствие на Урале аборигенных промыслов по добыче железной руды можно объяснить тем, что редкое местное население, которое застали здесь русские, в силу ограниченных знаний об обработке железа не могло эксплуатировать коренные месторождения бурых и магнитных железняков. Металлургия коренных жителей к тому времени приспособилась либо к привозным с Руси полуфабрикатам, либо к использованию редких на Среднем Урале болотных руд.

В литературе отмечено три основных способа добычи железной руды. Сбор кусков руды на поверхности имел место в древности, но еще в XIX в.

²³ РГАДА Ф. 160. Д. 181. Л. 10-12.

²⁴ ДАИ. Т. X. С. 317.

²⁵ Резун Д. Я., Васильевский Р. С. Летопись сибирских городов... С. 249-250.

его наблюдал в Прикамье В. Берх²⁶. В другом случае болотная (озерная, дерновая, луговая) руда залегала слоями толщиной до 30 см. Ее добывали открытым способом на месте исчезнувших озер и болот или со дна с помощью плотов или лодок черпаками с длинными рукоятками.

Часто случалось так, что слой руды выходил в разрез берега реки или озера, и его можно было выбрать сбоку. Именно на таком сырье работали «Невьянское рудное железное дело» и Красноборский завод. Неподалеку от местонахождения первого из этих заводов на значительной площади сохранились следы добычи руды, извлекавшейся открытым способом. В зависимости от места, где бралась руда, иногда определялся и ход плавки. Так, у жителей Белоозера и Устюжны считалось, что «руда отысканная под березняком и осинником почиталась лучшей, потому, что из оной железо бывает мягче... а под ельником жестче и крепче»²⁷.

В третьем случае рудные залежи находили среди горных пород. В основном это была гематитовая руда или красный железняк. Руда встречалась так называемыми гнездами и разрабатывалась системой горных выработок – шахтами, подкопами, рвами. Историки ошибочно считали, что все небольшие железоделательные заводы Урала в XVII – начале XVIII вв. использовали исключительно болотные руды. Натурное обследование мест добычи показало, что на Тумашевском и Железном поселке Далматовского Успенского монастыря и крестьянских металлургических промыслах, возникшие при Советной горе в районе Кунгура, для производства железа использовали бурый и красный железняк, а их рудники впоследствии стали источниками сырья для Невьянского, Каменского и Суксунского заводов. Организация и техника добычи этой руды, подготовка и выплавка из нее железа несколько отличалась от работ, связанных с болотной рудой.

Болотную руду начинали копать в августе, промывали, около двух месяцев сушили, дробили и потом обжигали на кострах, что, в некоторой степени, способствовало восстановлению окислов железа, удалению воды и вредной при плавке серы. В дальнейшем обожженную и обогащенную руду в октябре, часто по санному пути, доставляли к месту плавки. Красный железняк добывали из подземных выработок круглый год. Предпочтение при добыче с помощью шахт отдавалось зимнему периоду, «когда земля крепкою станет». Для обжига руду выкладывали в длинные вытянутые кучи, в виде «грядок», перекладывая колотыми дровами.

При первых попытках использования магнитного железняка в сыродутных печах уральские рудоплавильщики столкнулись с неэффектив-

²⁶ Берх В. И. Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей. СПб., 1821. С. 91.

²⁷ Севергин А. И. О железоделательных промыслах в Новгородской губернии // Технологический журнал. СПб., 1812. Т. IX. Ч. IV. С. 89.

ностью его выплавки и отсутствием у них необходимого опыта. В 1697 г. они производили опытную плавку из руды г. Магнитной (Высокой) на р. Тагил. В местных условиях в малых печах было получено всего 1,2 % железа из той руды, в то время как в Амстердаме — 45 %, в Риге 30 %²⁸. Тем не менее, несмотря на технические затруднения при плавке магнитного железняка, в конце XVII в. местное население все же использовало эту руду²⁹. В начале XVIII в. именно это месторождение на Магнитной горе стало сырьевой базой крупного промышленного производства на Урале.

Строительство казенных железоделательных предприятий

В течение XVII в. на территории Урала и Сибири были организованы по нашим подсчетам 5 казенных заводов по изготовлению кричного железа: производства вблизи Томска, в Ницинской (Ощепковской) слободе на р. Нице, в Арамашевской слободе на р. Нейве, «Невьянское рудное железное дело» (Ницинский завод), Красноборский завод на р. Вишере.

Железоделательное и оружейное производство в Томске. В 1622/23 г. томские воеводы И. Шаховской и М. Радилов послали кузнеца Федора Еремеева, который ранее нашел вблизи Томска «в горах камня и руду», искать признаки железа. Ф. Еремеев и казак Пятулька Кизыл должны были привести образцы породы, а затем воеводы «велели железо варить при себе». По мнению местных специалистов, «родилось ис той руды и ис камня железо добро, такое ж, что в Кузнецкой земле». В октябре 1623 г. Ф. Еремеев с образцами руды и железа был отправлен в Москву. Проведенные столичными мастерами опыты свидетельствовали о высоком качестве железа («будет из него сталь»). За находку Ф. Еремееву увеличили в 2 раза денежное и хлебное жалованье и наградили отрезом сукна. Был отмечен и казак П. Кизыл. В приказе Казанского дворца Федор сказал, что в Томске можно делать не только железо, но и оружие (пищали, ядра), однако для этого необходимы «такие кузнецы, кому б то дело было за обычай».

Было решено для организации железоделательного и оружейного производства отправить из Устюжны Железнопольской в Томск «на житье» двух кузнецов Ивана Безниина с семьей и Вихорку Иванова Богомолова «со всею кузничною снастью»³⁰. Оба мастера были представителями династий кузнецов, сведения о которых сохранились более чем за сто лет. Безниины специализировались на выделке горшков, привлекались к опытам по выделке решеток и ядер. Представители династии Богомоловых

²⁸ АИ. Т. V. С. 489.

²⁹ См.: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1280. Л. 130.

³⁰ Там же. Ф. 214. Оп. 1. Д. 103; Оп. 2. Д. 102.

были хорошими специалистами укладного дела, особенно уклада «вертенного», используемого в мельничном деле³¹.

В Москве устюженские кузнецы получили «подмогу»: Иван с семьей — 18 руб., Вихорко — 12 руб. Также им были назначены равные годовые оклады — по 7 руб., 7 четв. ржи и 4 четв. овса. Первый оклад они должны были получить в Тобольске. Главной задачей кузнецов являлось изготовление военной продукции: «велено тем кузнецам делати ис томского железа беспрестанно пищали полоторные и полковые и скорострельные, и к тем пищалам ядра, сколько к которой пищали надобен...». Обязательно должны были проводиться испытания («выстрелить хотя бы одинава») в присутствии воевод. Временно до указа готовое оружие должно было оставаться в Томске. Не забыли и о мирной продукции: велели ковать для крестьян в сибирских пашенных городах сошники, косы и топоры, «чтоб не покупать».

Кузнецы прибыли к месту назначения и начали работать. Однако в августе 1625 г. томские воеводы А. Гагарин и С. Дивов прислали тревожное сообщение. Ф. Еремеев с товарищами начал добычу руды и ее переплавку в 3 верстах от города, но железа получалось мало («на неделю по пуду, а на иную неделю и не родитца пуда»), за 4,5 месяца было выковано в крицах 11 пудов, из них на пушку выковали 5 пудов. В конечном итоге пушка была сделана, так как в описании Томского острога 1626 г. упоминается «пищаль железная, что делана в Томском городе в новом железе...». Для вспомогательных работ (заготовка леса, углежжение) нанимали гулящих людей на казенные средства. Воевод беспокоили высокая себестоимость пуда железа (5 руб.) и проблема вспомогательной рабочей силы, поскольку гулящие люди были людьми вольными и могли уйти в любой момент. А. Гагарин и С. Дивов просили прислать указ как им действовать дальше.

3 октября 1625 г. из Москвы последовало распоряжение тобольским воеводам А. Хованскому и М. Вельяминнову послать в Томск письменного голову. Ему поручалось вместе с Ф. Еремеевым и П. Кизылом вновь отправиться в те места, где они брали пробы руды, привезенные в Москву, взять образцы и затем в его присутствии провести опытные плавки, в том числе, и руды из рудника, где шла добыча. Если письменный голова решит, что железа получается много и дело является прибыльным, то продолжать производство оружия, а также сельскохозяйственных орудий труда, чтобы «вперед с Руси железново наряду к пашенным крестьяном железа не посылати, и кос и серпов и сошников и топоров не покупати, и крестьяном в подмогу на то денег из пашне казны не давати». Таким образом, в указе

³¹ *Сербина К. И.* Крестьянская железоделательная промышленность северо-западной России XVI – первой половины XIX в. Л., 1971. С. 37-40

четко сформулирована государственная цель по развитию местного железодобывающего производства: положить конец затратным поставкам железа «с Руси» и такой статье казенных расходов, как помощь крестьянам на покупку орудий труда. Если выяснится, что железа получается мало, то письменный голова должен был провести сыск и выяснить, почему же в 1623 г. из Томска приходили совершенно другие известия³².

В данном случае для центральных властей важным было определить позволяет ли местная сырьевая база организовать рентабельное производство железа в Томске, решение же чисто организационных вопросов (дрова, рабочая сила для пожога и добычи руды) оставлялось полностью на усмотрение местных воевод («смотря по тамошнему делу, как бы казне было прибыльнее»), хотя А. Гагарин и С. Дивов рассчитывали, что и эти проблемы будут решаться в Москве.

Столь необходимое для края железодобывающее производство проработало в Томске недолго, хотя первое железо и пушки, несмотря на трудности, были здесь сделаны. В конце 20-х гг. XVII в. была найдена более выгодная в производстве железная руда вблизи недавно построенных Тагильской и Невьянской слобод.

«Невьянское рудное железное дело». Первое казенное железодобывающее предприятие Урала, известное из литературы под названием «Ницинский завод», фигурирует в различных изданиях, посвященных истории металлургии, уже более 250 лет. Впервые данные о находке руды в 1628 г. и сохранившихся остатках производства в Рудной слободе сообщил Г. Ф. Миллер³³.

Сведения о заводе без каких-либо дополнений использовались историками в течение XVIII и XIX вв., пока П. Н. Буцинский не ввел в научный оборот сведения, относящиеся к основанию завода³⁴. Эту информацию впоследствии включали в свои исследования А. А. Дмитриев, М. Д. Белоусов, С. П. Сигов, М. Ф. Золотников, Н. В. Бакланов и др.³⁵

К скудным сведениям свои личные наблюдения добавил Д. А. Кашинцев, побывав в 1930-х гг. на заводской площадке в с. Рудном³⁶. Он провел своеоб-

³² Миллер Г. История Сибири... Т. II. С. 324-326.

³³ Там же. С. 77-78.

³⁴ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Харьков, 1889. С. 50.

³⁵ Дмитриев А. А. Пермская старина. Пермь, 1889-1897. Вып. 7. С. 77; Белоусов М. Д. Исторический очерк медного производства на Урале // Пермский край. Вып. III. Пермь, 1895. С. 234; Сигов С. П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936. С. 11; Золотников М. Ф. Первое описание уральских и сибирских заводов (вступительная статья к книге В. И. Генина). М., 1937. С. 18; Бакланов Н. Б. Техника металлургического производства XVIII в. на Урале. М.; Л., 1935. С. 13.

³⁶ Кашинцев Д. А. История металлургии Урала. М.; Л., 1939. С. 27-32.

разную разведку и составил вероятную схему расположения завода. В дальнейшем факты о предыстории и первых годах деятельности предприятия дополнялись отдельными документами в трудах Б. Б. Кафенгауза, Е. И. Заозерской, Е. В. Вершинина³⁷. Археологические раскопки на месте заводских остатков проводились в 1972 г. А. И. Рассадович³⁸, которая ввела в научный оборот еще и так называемый «Шульгинский завод»³⁹, а в 1991 г. одним из авторов⁴⁰. В последнее время появились новые данные в работе Ю. В. Коновалова⁴¹.

Сложность изучения истории завода объяснялась слабой источниковой базой, разрушенной заводской площадкой и рядом ошибочных утверждений, ставших традиционными. Историки безуспешно пытались обнаружить упоминание Ницынского завода в документах XVII в.

По нашему убеждению, в XVII в. не было завода, названного «Ницынским». Ни один из исследователей не встретил и не мог встретить его в документах того времени. Тем не менее, в литературе, со ссылкой на «Чертеж всей Сибири», встречается прямое указание на «имя» предприятия, его местонахождение и расстояния относительно близлежащих слобод: «от Ощепковы-Ницынские слободы до Невьянского железного дела 6 верст, а от железного дела до Невьянского острогу 10 верст»⁴².

Полное наименование железодельного завода – «Невьянское рудное железное дело». В нем закрепились характеристика всего цикла производства: добыча руды, ее переплавка и получения готовой продукции. Часть названия – «Рудное» сохранилось в именовании села, где были обнаружены заводские остатки. Необходимо обратить внимание и на то, что название за предприятием закрепилось не от р. Нейвы (Невы), а от старейшей Невьянской слободы (острога), возникшей в 1619 г., через которую осуществлялось строительство и управление «железным делом».

³⁷ Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII – XIX вв.: Опыт исследования по истории уральской металлургии. Т. 1. М.; Л., 1949. С. 49-50; Заозерская Е. И. У истоков крупного производства в русской промышленности XVI – XVII вв. М., 1970. С. 337-343; Вершинин Е. В. Источники по истории организации первого железодельного предприятия на Урале (XVII в.). // Источники социально-экономической истории Урала дооктябрьского периода. Екатеринбург, 1992. С. 16-26.

³⁸ Рассадович А. И. Археологический отчет Нижнетагильского и Свердловского краеведческого музеев за 1972 г. П. Тагил. 1973. ЛИА. Р-1/5925.

³⁹ Она же. К вопросу об истоках уральской горной промышленности // Уральский археографический ежегодник за 1971 г. Свердловск, 1974. С. 189-190.

⁴⁰ Курлаев Е. А. Отчет об археологических раскопках Ницынского завода и поселения Сараншауль-3 в 1991 г. Свердловск, 1992. АКА УрГУ Ф. 2. Д. 616; Она же. Политика государства по обеспечению Урала и Сибири железом в XVII в. и организация первого государственного железодельного предприятия России // Ирбитский край в истории России. Екатеринбург, 2000. С. 47-63.

⁴¹ Коновалов Ю. В. Ницынский железодельный завод и крестьяне Рудного дела // IV Татищевские чтения. Екатеринбург, 2002. С. 269-272.

⁴² Книга Большому Чертежу. М.; Л., 1950. С. 187.

Причиной последующих противоречий стало вольное «крещение» Г. Ф. Миллером видимых остатков этого предприятия «Ницинским заводом», и дальнейшее заимствование из его рукописи «Истории Сибири» другими историками, в частности, В. И. Крамаренковым⁴³. В типографском варианте труда Г. Ф. Миллера и у П. Н. Буцинского, это название не упоминается, а говорится о железоделательном производстве в Рудной слободе. Е. И. Заозерская, обнаружив в документах «Невьянское железное дело», поспешила ввести в научный оборот еще один завод – современник Ницинскому, плохо ориентируясь в географической ситуации⁴⁴. Связь между Ницинским заводом с приписанной Рудной слободой и Невьянским железным делом 40 – 60-х гг. XVII в. не исключал А. А. Преображенский⁴⁵. Е. В. Вершинин верно объединил все выявленные документы с деятельностью одного железоделательного предприятия⁴⁶.

Не внесло ясности в исследования и значительные различия в расстояниях до «железного дела», что дало повод выявлять несуществующие заводы. Г. Ф. Миллер встречает его остатки в 21 версте от Невьянского острога; П. Н. Буцинский, Б. Б. Кафенгауз, Е. И. Заозерская помещают в 15 верстах, а А. Титов в 10 верстах от того же пункта. Но в основе этого разнообразия, по нашему мнению, всего лишь употребление верст различной длины. Сам Г. Ф. Миллер использовал типичную для XVIII в. путевую версту в 1080 м (1066,8 м), 21 верста равнялась 22680 (22403) м. В документах, приводимых Г. Ф. Миллером, Е. И. Заозерской, Б. Б. Кафенгаузом, измерение проводилось поморской верстой в 1480 м (15 верст равнялись 22200 м). У А. Титова мы сталкиваемся с использованием межевых верст XVII в., по 2160 м (10 верст равнялись 21600 м)⁴⁷.

Реальное же расстояние между современным Невьянским селом и заводской площадкой в селе Рудное около 22 км. Разнобой в числе верст, по-видимому, вполне естественно воспринимал Г. Ф. Миллер. Он использовал документы, где расстояние до места находки руды определялось в 15 верст, но, тем не менее, в исследовании ту же дистанцию определил в 21 версту. Расхождение в указанных расстояниях могло произойти и в том случае, если место добычи руды и выплавки металла были бы на значительном расстоянии друг от друга. Но обследование окрестностей показало, что завод возник в непосредственной близости от одного из рудников (Рис. 3).

Возвращение исторического названия заводу – «Невьянское рудное железное дело» и отказ от придуманных – «Ницинский», «Шульгин-

⁴³ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 411. *Крамаренков В.* Выписка о горных делах. Рукопись. 1777. Л. 7.

⁴⁴ *Заозерская Е. И.* У истоков крупного производства... С. 341.

⁴⁵ *Преображенский А. А.* Работные люди на Урале... С. 53.

⁴⁶ *Вершинин Е. В.* Источники по истории организации... С. 17-18, 25-26.

⁴⁷ *Куратов А. А.* Метрология России и Русского Севера. Архангельск, 1991. С. 7.

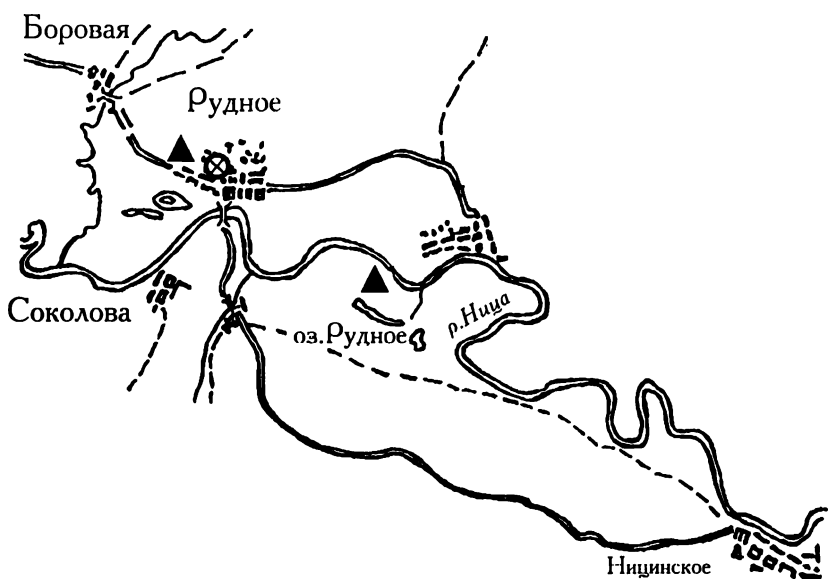

Рис. 3. Местонахождение Невьянского рудного железного дела и рудников (1619–1670-е гг.)

- ⊗ — местонахождение Невьянского рудного железного дела
- ▲ — рудники

ский» развязывает узел многих противоречий. В первую очередь, появляется возможность привлечь источники по истории предприятия второй половины XVII в. На настоящий момент нами выявлено более 50 различных документов.

Попытки организовать железоделательное производство в районе недавно основанных Тагильской и Невьянской слобод тобольским сыном боярским Иваном Шульгиным относятся еще к 1626 г., но об этих событиях сохранились весьма скудные сведения⁴⁸. В 1627 г. по государеву указу из Верхотурья был послан верхотурский сын боярский Андрей Перхуров для испытания найденной руды, в свою очередь из Tobольска для выполнения аналогичных задач послали тобольского сына боярского Ивана Шульгина, который не дал А. Перхурову для проведения опытов кузнеца, мастеров и домницы, сославшись на отсутствие указа из Tobольска⁴⁹. Об этом сообщал в своей челобитной тобольскому воеводе А. Перхуров.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 2. Д. 30. Л. 594-595.

⁴⁹ СПФ ААН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 2. Л. 142, 144.

К тобольскому воеводе обратился и И. Шульгин. 25 мая 1627 г. он поехал к найденному руднику, чтобы вывезти руду с болота в Невьянский острог, и просил воеводу написать невяянскому приказчику о выделении ему для этого людей и подвод. При подготовке производства возник ряд проблем.

Уже 25 июня 1627 г. (135 г.) И. Шульгину из Тобольска было приказано поставить там, где была найдена железная руда избу и сарай, «и весь завод завести к зиме готовой», но встала проблема с транспортом. Было принято решение брать подводы в Верхотурье и ехать к руднику на Нейве, где накопив руды, переплавить ее в железо и отправить в Тобольск водным путем. Таким образом, прокладывался маршрут и определялись средства транспортировки.

Чем закончилось это строительство и как оно связано с последующими находками руды в 1628 г. и строительством «Невянского рудного железного дела» у нас пока нет ясного ответа. Известно, что весной 1628 г. сообщение о железной руде поступило от кузнеца Невьянского острога Богдашки Ефимьева, который сообщал, что в «селе Невье есть кряж, а в том кряжу руда железная и из той руды можно плавить железо»⁵⁰.

Удалось проследить основные вехи биографии Богдана Ефимьева (Колмогора). В 1621 г. по указу царя Михаила Федоровича он был послан из Казани в Верхотурье, где ему надлежало быть в Невьянском остроге при Режевской мельнице «у дела всяких мельничных снастей». Когда им была обнаружена железная руда, его привлекли и к работе на «Невянском рудном железном деле». На этом предприятии Б. Ефимьев проработал в качестве «проварщика» кричного железа 38 лет, до 1659 г., одновременно выполняя обязанности кузнеца в Невьянском остроге и на Режевской мельнице. Богдан был отстранен от работы по старости. Последние упоминания о нем встречаются в документах 1663 г.

В первой половине 1628 г. руду обнаружили в 5 верстах от Верхотурья, по другим источникам «вниз по Туре по городской стороне в болоте ... и железные де ржанцы в тех местах есть». Верхотурский воевода С. Н. Гагарин велел тагильскому приказчику В. Муравьеву прислать в город кузнеца Богдана Ефимьева (Колмогора) и гулящего человека Тимофея Дурницина. Последний, очевидно, имел опыт поиска и плавки железных руд, так как ранее уже плавил руду с Б. Ефимьевым, Т. Дурницин в это время находился в Невьянском острожке и в силу своих познаний в железоделательном производстве должен был участвовать в организации железоделательного промысла вблизи острога⁵¹.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 16. Л. 187.

⁵¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Д. 211. Л. 33-33 об.; Д. 780. Л. 8-10.

Известная в литературе находка руды в 1628 г. ясачным туринским татаринном Т. Тантиюковым произошла позже, в июне 1628 г., но именно с этим событием исследователи связывают начало организации железодельного завода на р. Нице. Существует несколько толкований этого происшествия, основанных на различных документах⁵². На первый взгляд эти источники не взаимосвязаны между собой, и возникает впечатление, что здесь описаны различные события. Тем не менее, речь идет о находке железной руды в том месте, где позднее было основано Невьянское рудное железное дело (с. Рудное).

Дело в том, что известие об открытии руды в болоте, неподалеку от юрт туринского ясачного татарина Т. Тентюкова поступило практически одновременно тобольскому, верхотурскому и туринскому воеводам. Это были ясачные территории Туринского уезда, где одновременно вдоль р. Ницы селились и строили слободы крестьяне, подчиненные верхотурскому воеводе. По этому поводу возникали конфликты и писались челобитные царю⁵³.

Попытаемся восстановить события по порядку. 1 июня 1628 г. ясачный татарин Т. Тентюков сообщил о рудном болоте в съезжей избе Туринского острога. Туринский воевода Воин Корсаков немедленно отправил туда служилых людей, и несколько пудов руды были переданы в туринскую воеводскую канцелярию⁵⁴. В результате чего и произошел конфликт с тобольским воеводой. Туринский воевода вынужден был уступить приоритет в находке руды⁵⁵, так как весной 1628 г. о находке руды почти одновременно узнали верхотурский и тобольский воеводы. Руду испытали и в Верхотурье, и в Тобольске. Для осмотра и освидетельствования находки из Тобольска прислали сына боярского Ивана Шульгина. Попутно они обнаружили и обследовали «вместе с гуляющим человеком с мастером железной руды», еще одно болото, находящееся в 15 верстах от того же острога. Найденное в 15 верстах местонахождение болотной руды стало источником сырья для первого железодельного завода на Урале – «Невьянского рудного железного дела».

Уже позже, в качестве заслуги, находку руды и организацию на Нице завода причислял себе управлявший тогда Тобольским разрядом (в него

⁵² *Оглоблин И. И.* Обзорение столбцов Сибирского приказа. Т. IV. М., 1902. С. 17; *Миллер Г. Ф.* История Сибири... Т. II. С. 475; *Кафенгауз Б. Б.* История хозяйства Демидовых... С. 49-50; *Заозерская Е. И.* У истоков крупного производства... С. 336.

⁵³ *Миллер Г. Ф.* Там же. С. 475.

⁵⁴ Там же. С. 338.

⁵⁵ *Буцинский П. И.* Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Т. I. Тюмень, 1999. С. 57-58.

кроме 1688-1693 гг. входили Верхотурье и Туринск) тобольский воевода А. Н. Трубецкой. Тем не менее, впоследствии, борьба за право копать руду и управлять производством еще длительное время имела место в отношениях администраций городов Верхотурья и Тобольска.

Как и при организации железодельного производства в Томске главной задачей завода было изготовление и ремонт оружия. Найденная на Нице руда обнадеживала, но опыт организации завода в Томске сочли неудачным и оценили все произошедшее как хитрость и воровство. Поэтому тобольскому воеводе С. М. Гагарину предписывалось быть осторожным и осмотрительным при организации железодельного производства. Он был обязан сам присутствовать при опыте руды, «чтоб хитрости и воровства не было. Не так как в Томском городе, кузнец плавил из руды же, хотя тем взяти у нас послуги, а воеводы сделали то простотою, сами недосматривали и писали и нам и железо и кузнеца прислали. И железо оказалось добро и кузнец за то был пожалован и велено было из того железа делати пушки. И мастера с Москвы для того были посланы и то железо после того объявилось худо и поставитца дорого. И кузнечное воровство сыскали и указ ему за то учинен был жестокий»⁵⁶. Результаты опытов для окончательной оценки должны были так же отослать в Москву в приказ Казанского дворца.

Длительное время представления о деятельности железодельного завода в Рудной слободе основывались на кратких сведениях, обнаруженных П. Н. Буцинским. Из них следовало, что после открытия на р. Нице в 1628 г. железной руды неподалеку от места находки в 1630 г. был заведен завод и основана Рудная слобода. Правительство поселило там 16 семей, которые должны были работать на заводе с 1 сентября по 9 мая с обязательством производить 400 пудов железа. При этом они освобождались от податей и повинностей, пользовались землей, не платя «пятинного снопа», получали жалование в 5 рублей. Автор с сожалением отметил, что не обнаружил никаких сведений о жителях Рудной слободы после 1630 г. так как из-за особенного положения население этой слободы не писалось ни в «списках пашенных крестьян», ни в «ужимных», ни в «сметных книгах хлебных запасов», считая их единственными по которым можно было судить о населении слобод⁵⁷. находка комплекса новых документов значительно пополнила представление о деятельности завода на протяжении всего XVII в.

В 1631 г. воеводы князь Алексей Трубецкой и Григорий Загряжский писали, что в прошлом в 138 (1629/30) г. были получены первые крицы, из которых выковали 66 пудов 23 гривенки чистого железа. Первое вы-

⁵⁶ СПФ ААН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 2. Л. 143-143 об.

⁵⁷ Буцинский П. Н. Заселение Сибири и быт... С. 57-58.

плавленное железо в крицах отплавляли для обработки в Верхотурье. После недосмотра в Томске проверка качества железа осуществлялась с особой тщательностью. Металл использовали на первостепенные нужды, по которым можно судить о самых важных на тот момент отраслях деятельности. Из первого железа сделали 20 затинных пицалей, которые стрельбой испытывали в присутствии воевод. По их строгой оценке следовало, что «пицалы при стрельбе крепки». Кроме пушек для судебного дела были сделаны 2 якоря «к Мангазейскому ходу», корабельные скобы и гвозди различных размеров, оставшуюся часть металла использовали на строящейся на р. Нице мельнице.

А. Трубецкой с удовлетворением отмечал, что полученное железо было значительно дешевле того, которое покупали в Великом Устюге и Соликамске. Выгодность производства железа признавалась очевидной. Сам А. Трубецкой оценивал пуд произведенного чистого железа в 50 денег с полуденьгой (25, 5 коп), в то время как в Соликамске и Великом Устюге приходилось платить по 20 алтын (60 коп.) за пуд и более, а в Тобольске привозное железо стоило и того больше: более рубля за пуд. Что говорить о ценах на металл в острогах, основанных далеко в Сибири. Выходило, что производство удешевляло стоимость железа более чем в 4 раза⁵⁸.

Всего в 1630 – 31 гг. к государеву железному делу из ближайших Невьянской и Тагильской слобод было выбрано в «деловые люди» 12 человек из пашенных крестьян. При этом были оговорены условия их работы. В течение определенного срока с «Семенова дни летопроводца да по Николин день вешней» (с 1 сентября по 9 мая) они должны были изготовить 400 пудов «чистого» (дельного) железа. В летний период «с Николина дни по Семена летопроводца» производство железа прекращалось, и крестьяне возвращались к своей обычной работе на пашне и прочим крестьянским промыслам⁵⁹.

За работу у железного дела им назначался общий годовой оклад в 40 руб., который включал плату 12 человекам «деловым людям» по 2,5 руб. и двум «затворщикам» по 5 руб. каждому. Этим числом в 14 человек и определялся заводской штат Невьянского железного дела. Кузнецы в этом первом штате не упоминаются. Исходя из составленного заводского штата, стоимость произведенного «чистого» железа становилась еще дешевле — по 16 коп, а годовая прибыль планировалась более 300 руб.⁶⁰

Впоследствии заработная плата менялась. Оклад «затворщика» Богдана Ефимьева составлял 7 рублей, но в него входила и зарплата за рабо-

⁵⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 2. Д. 457. Л. 40.

⁵⁹ Там же. Л. 41.

⁶⁰ Там же. Л. 40.

ту кузнеца в Невьянском остроге и на Режевской мельнице⁶¹. Когда начинался период заводских работ, Б. Ефимьева «призывали» из острога «проваривать» казенное кричное железо. В 1659 г. он был отстранен от работы у печи, так как оказался «стар и увечен». Его место занял кузнец Иван Бахорев с сыном Савватием и учениками, которые прибыли из Соликамска еще в 1642 г.⁶² Новый кузнец оказался знающим свое дело, «то железо проварил все сполна, а застою не учинил»⁶³.

По-видимому, норма годовой выработки (с 1 сентября по 9 мая) в 400 пудов, назначенная при постройке завода, выполнялась, так как по отписке невянского приказчика, датированной 30 апреля 1668 г., на дощаник было погружено 500 криц невянского железа⁶⁴. Вес криц, выплавленных в тот же период в аналогичных печах Тумашевского завода, был близок к пуду. Судя по дате, отправка продукции производилась сразу же после ледохода. Следовательно, все железо было произведено в течение одного осенне-зимнего рабочего периода.

Помимо кричного железа, предназначенного для отправки в Тобольск и дальнейшей переработки местными кузнецами в «дельное» железо и изделия, на Невьянском железном деле изготавливали топоры «деловым людям». Для их производства необходима была непрерывная поставка уклада, который, как уже упоминалось, прибывал «с Руси». Все поставки необходимых компонентов для производства: уклада, кож для мехов, дегтя для их смазки и прочего осуществлялись из Верхотурья⁶⁵.

Одной из форм повинности работавших на заводе крестьян оставалась сдача «выдельного» хлеба. В 1648 и 1649 гг. верхотурские «выдельщики» П. Перхуров и А. Бабайлов собрали «с пахоты деловых людей железного дела» хлеба по 155 четвертей с осьминою ржи и по 240 четвертей без четверика овса в год⁶⁶.

Технико-технологический уровень производства железа того времени определял организационную структуру производства, а в связи с этим и необходимое количество людей занятых в производстве.

Первые рудные выходы для данных заводов были обнаружены в берегах рек или вблизи них. Эти природные транспортные артерии также сыграли немалую роль в выборе места строительства, поскольку по ним осуществлялась связь с центрами обработки и потребления железа. Само местонахождение завода на значительном удалении от воды и заводские остатки, характерные для сыродутного производства, подтверждали, что завод производил кричное железо (Рис. 4). Немаловажным фактором при

⁶¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Д. 388. Л. 17-18.

⁶² Там же. Д. 342. Л. 2.

⁶³ Там же. Д. 780. Л. 8.

⁶⁴ Там же. Д. 1387. Л. 3.

⁶⁵ Там же. Д. 328. Л. 5.

⁶⁶ Там же. Д. 490. Л. 1.

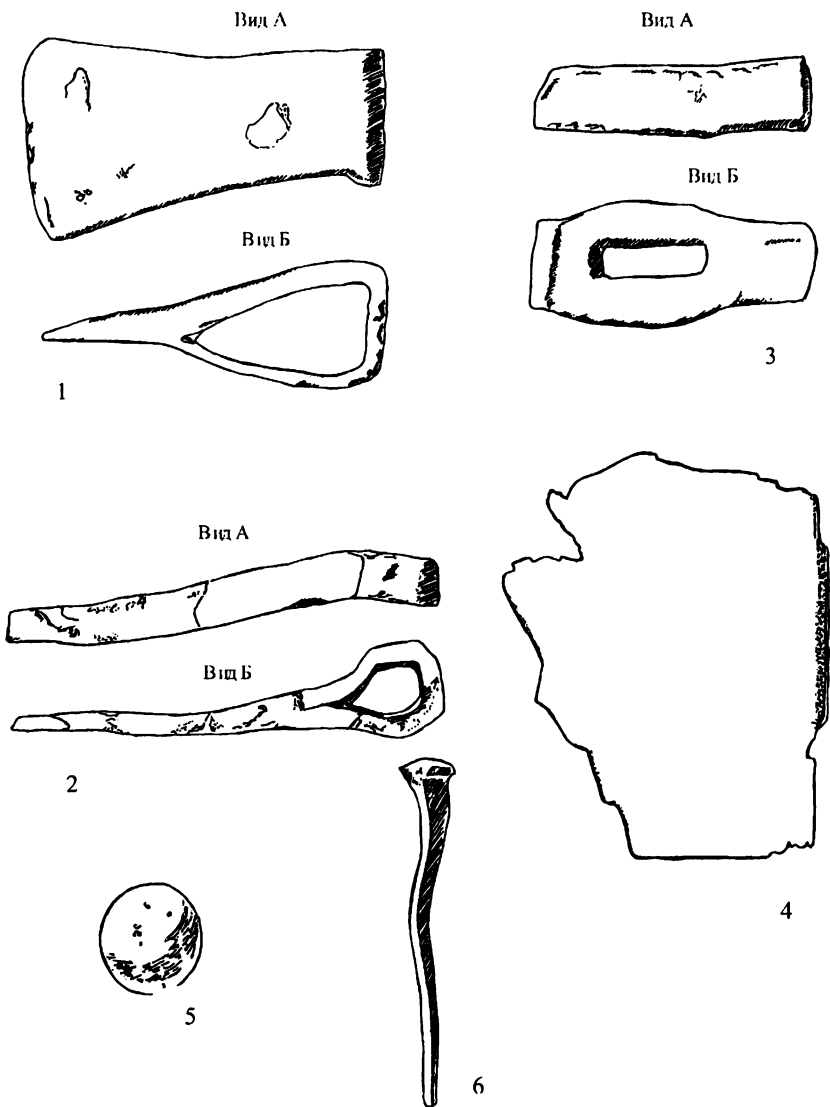

Рис. 4. Находки на месте Невьянского рудного железного дела из раскопок 1991 г.

1 -- топор; 2 -- дверной навес; 3 -- молоток; 4 -- обломок «црешной полницы»;
5 -- ядро; 6 -- гвоздь; (1–6 – железо)

организации завода был выбор места для его строительства. При отсутствии вододействующих механизмов, заводское производство располагалось неподалеку от мест добычи руды и здесь же, вблизи, в удобном для жилья месте основывалось поселение рудокопов.

Говоря о планировке завода, надо отметить, что обязательным условием для успешного функционирования предприятия было наличие при нем угольного, известкового и рудного амбаров. Это было вызвано не только тем, что для непрерывного производства под рукой был необходим постоянный запас компонентов шихты. Не менее важным было и то, что для проведения качественной плавки и выхода крицы сырье должно было быть постоянно сухим.

Здесь же на заводской площадке, помимо плавильного амбара, находились также кузница с горном для проковки криц, починки инструмента, изготовления продукции; изба, где находились работники (так как «варка» могла продолжаться сутками); амбар для хранения инструмента и готовой продукции.

По нашему мнению, на Невьянском железном деле имелись две печи для плавки железа и два кузнечных горна. На это указывают следующие сведения. В декабре 1641 г. при приемке управления заводом и всего заводского хозяйства от верхотурского сына боярского Дмитрия Лобутина тобольский сын боярский Савватий Мокринский писал, что принял он «по два меха домничных и кузнечных»⁶⁷. Археологические раскопки выявили следы четырех, расположенных в линию, «прокалов» (следов на грунте, оставшихся от длительного горения огня), где, очевидно, стояли плавильные печи и кузнечные горны⁶⁸. Прежде историки говорили о трех плавильных печах, но не подкрепляли свои высказывания никакими документами (Рис. 5).

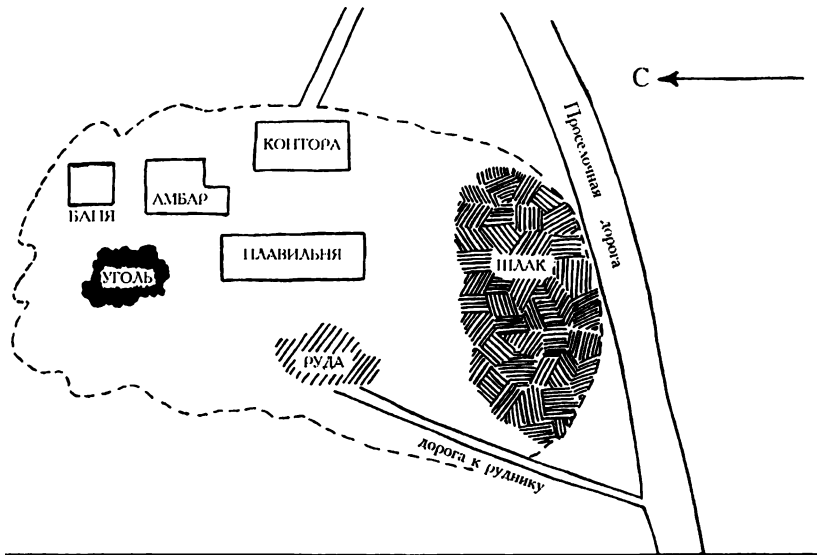
Ключевой фигурой в выплавке железа считался «затворщик», который осуществлял общее руководство технологическим процессом и выполнял наиболее ответственные производственные операции: подготовку печи к плавке, процесс «варки» железа, изготовление крицы. Он же, затворщик, изготавливал «трунки» – глиняные фурмы, предназначенные для подачи воздуха в печь. Их обломки в избытке встречались при раскопках среди заводских остатков. Мехи же дули все кузнецы сообща. Для перевозки руды и угля использовали приобретенную казенную лошадь и наемных лошадей.

В XVII в. еще не сложилась самостоятельная система управления горным производством, в первую очередь, из-за маломощности и малочисленности предприятий, контроль и руководство ими осуществлялись через административные территориальные органы из столицы и с мест. Железодельное предприятие и возникшая при нем Рудная слобода, как

⁶⁷ Там же. Д. 328. Л. 5.

⁶⁸ Рассадович А. И. Археологический отчет... С. 15-32.

А. Схема площадки Нищинского завода по Д.А. Кашинцеву

Б. Схема сохранившейся части заводской площадки, выполненная на основании результатов раскопок 1972, 1991 гг. в том же масштабе

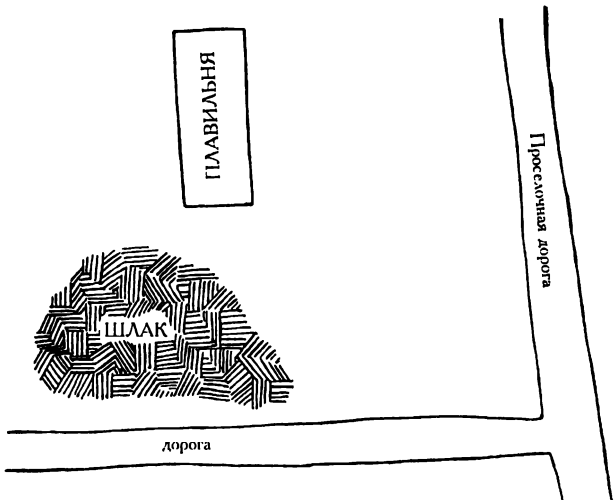

Рис. 5. Примерная схема Невьянского рудного железного дела по Д. А. Кашинцеву и на основании результатов археологических раскопок 1972, 1991 гг.

и другие слободы, управлялись детьми боярскими, присланными из Тобольска или Верхотурья.

Административное подчинение железоделательного производства оказалось принципиально важным. С момента находки руды и основания Невьянского рудного железного дела сложились напряженные отношения между воеводами Верхотурского и Тобольского уездов, которое продолжалось и в дальнейшем. Никто не хотел уступать полного права на управление производством. Одной из привлекательных сторон управления была возможность сбора «выдельного хлеба» с железного дела «деловых людей». При этом возникла двойственность управления предприятием. Несмотря на то, что завод длительное время был в ведении Тобольска, он находился в окружении слобод Верхотурского уезда. Работников к «железному делу» брали из ближайших Невьянской и Тагильской, а позже из Ницинской-Ощепковской, Ирбитской и других слобод, принадлежащих к Верхотурскому уезду. Выдельный хлеб в житницы верхотурских слобод сдавали тобольские приказчики, что требовало постоянного согласования с воеводами. Эти противоречия отчетливо проявились при организации рабочей силы и беспорядках, возникших при этом. Жители слобод, слободские приказчики и старосты не принимали к исполнению прямые указания из Тобольска, требуя согласования с властями Верхотурья (и наоборот).

До 1650 г. Рудная слобода была в ведении г. Верхотурья, также как и соседние Невьянская и Ницинская слободы, хотя приказчиком железного дела мог быть тобольский дворянин. Непосредственным организатором и первым руководителем был тобольский сын боярский Иван Шульгин. В дальнейшем из Тобольска были посланы другие управляющие: с декабря 1631 г. во главе стоял «от железного дела» тобольский сын боярский Карп Павлоцкий, в 1632 г. его сменил Василий Муравьев⁶⁹. В 1642 г. в качестве заводского приказчика упоминается тобольский дворянин Савватий Мокринский⁷⁰, в 1645 г. – Богдан Назимов⁷¹, в 1648 г. – Богдан Поливанов⁷², в 1658-1659 гг. – Влас Заливин⁷³, до 1658 г. и в 1670 г. – Григорий Мокринский⁷⁴, в 1680 г. – Федор Кобылинский⁷⁵. При этом функции сбора «выдельного хлеба» с «деловых людей» выполняли верхотурские сборщики, в частности, в 1648-1649 гг. Панкратий Перхуров и Артемий Бабайлов⁷⁶, а в 1680 г. сын боярский Тимофей Мокринский⁷⁷.

⁶⁹ Заозерская Е. И. У истоков крупного производства... С. 338.

⁷⁰ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Д. 328. Л. 7.

⁷¹ Там же. Д. 391. Л. 2-3.

⁷² РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Ч. 3. Д. 102. Л. 152.

⁷³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Д. 780. Л. 8.

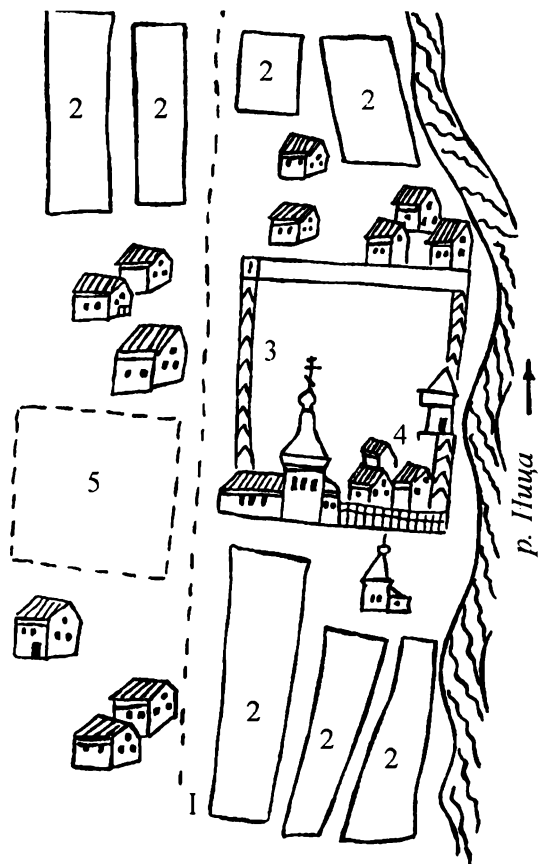
⁷⁴ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 63. Л. 1; ДАИ. Т. VI. СПб., 1857. С. 52.

⁷⁵ Там же. Оп. 2. Д. 296. Л. 27.

⁷⁶ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Д. 490. Л. 1.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 302. Л. 17.

1. Большая дорога
2. Дворы
3. Острог
4. Хлебные житницы
5. Площадь под строения

Рис. 6. Схема Рудной слободы из «Служебной чертежной книги Сибири»
С. У. Ремезова (нач. XVIII в.)

К 1663 г. Рудная слобода находилась в ведении Тобольска. В отписке за этот год тобольского воеводы князя И. А. Хилкова сообщалось о сборе «выдельного хлеба» в слободах Верхотурского уезда, «за исключением Невьянского железного дела деловых людей, у которых будут выделять хлеб тобольские выделщики»⁷⁸. Раздоры из-за «железного дела» продолжались и позднее. В 1668 г. верхотурский воевода И. Колтовский обратился к царю с жалобой на тобольского воеводу П. Годунова в том, что он писал намяти приказчикам, минуя его, «и без чести меня холопа твоего в отписках лает и придирается». Также он просил вернуть в Верхотурский уезд Рудную слободу. Из его челобитной следовало, что прежде Рудная слобода бы-

⁷⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Д. 1082. Л. 11-13.

ла в Верхотурском уезде, «и ту, государь, слободу взял под тобольское по-
бранье тобольский воевода князь Алексей Буйносов»^{*79}.

Двойственная ситуация в управлении порождала путаницу и различные конфликты. В 1642 г. верхотурским сыном боярским Осипом Несенцовым с товарищами был избит заводской приказчик тобольский сын боярский Савватий Мокринский с приставленными к железному делу невянскими крестьянами⁸⁰. За получение жалования в 1644 г. одновременно в Тобольске и Верхотурье верхотурский воевода М. Ф. Стрешнев приказал невянскому приказчику Андрею Буженинову прислать в Верхотурье для наказания батогами кузнеца Богдана Ефимьева. Но приказчик оказался бессилён сделать это, так как того в Невьянской слободе не оказалось, «а живет у железной руды проваривает железо, готовит к тобольскому отпуску», поэтому взять его без тобольской отписки он не смеет⁸¹.

Контроль количества произведенного и отправленного железа осуществлял целовальник. До 1648 г. им был верхотурский посадский человек Кирилл Соколов, который пробыл у железного дела почти 5 лет без замены. На смену ему в августе 1647 г. верхотурские «писарские люди» выбрали писаря Ивашку Гурыгу⁸².

При создании производства происходило и определение наиболее подходящих форм его организации, набора рабочей силы. Первый набор рабочих («деловых людей») для заготовки угля, руды, дров был осуществлен за счет внутренних резервов из пашенных крестьян ближайших и единственных в округе Невьянской и Тагильской слобод. Летом-осенью 1631 г. такой способ привлечения рабочей силы дал сбой, и наступил кризис. Набранные из крестьян Невьянской и Тагильской слобод «деловые люди» не выдержали условий работы и сбежали от «железного дела». Запущенное с таким трудом производство встало.

Тобольский воевода, сообщая в Москву, утверждал, что люди были «взяты к железному делу по своей воле, а не по неволе, потому что им то дело вмочь стало»⁸³. Как показали сами крестьяне, набор производился принудительно по указке И. Шульгина и подьячего Н. Чаплина. При этом были определены и поручители из «отцов и братьев» выбранных крестьян, которые обязаны были продолжить работу вместо сбежавших. Такой принцип набора работников без учета возможностей крестьянской общины, когда основной обязанностью крестьян продолжала оставаться работа на «государевой пашне», оказался выше их сил. «И побежали от

* А. Буйносов был тобольским воеводой в 1656-59 гг.

⁷⁹ Там же. Д. 1407. Л. 4.

⁸⁰ Там же. Д. 328. Л. 8.

⁸¹ Там же. Д. 388. Л. 17-18.

⁸² РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Ч. 3. Д. 102. Л. 151-152.

⁸³ Там же. Ф. 214. Оп. 2. Д. 457. Л. 43.

железного дела все деловые люди с затворщиком Кубаской Федоровым, да с кузнецом с Ивашкой»⁸⁴.

Вместо них к работе привлекли родственников, поручившихся за благонадежность беглецов. Но оказалось, что по различным причинам и они не могут работать у выплавки железа. На 12 крестьянских семьях, из которых были выбраны «деловые люди» и порученцы, оставалась обязанность пахать 22 десятины «без чети» государевой десятинной пашни. Они жаловались, что «на отцах и детях пашни большие, и изделия делают, и поборы дают и с сена деньги платят, а пыше на них государева пашня прибавлена...»⁸⁵. Верхотурские воеводы предписывали слободским приказчикам, чтобы вместо беглых работников они выбирали «охочих людей» среди крестьян, сняв с них пашню и распределив ее по крестьянскому миру. Но приказчики воспротивились этим указаниям из Верхотурья, требуя на то указ из Тобольска, так как «наперед того выбрал к железному делу деловых людей тобольский сын боярский И. Шульгин да подьячий Никита Чаплин, а не миром»⁸⁶. Побег работников, остановка производства и конфликт верхотурского воеводы с приказчиками породил длительную переписку тобольского воеводы Ф. А. Телятевского и верхотурского воеводы Федора Михайловича Бояшева, дающую представление о способах и проблемах найма рабочей силы на «Невьянском рудном железном деле».

Причина конфликта заключалась в острой нехватке людей в крае и неумении на тот момент должным образом организовать набор рабочей силы для завода. К 1630 г. Невьянская и Тагильская слободы были единственными населенными пунктами, находившимися от него поблизости. Эти слободы были малочисленными, и каждый житель в них был на счету. По переписи 1633 г. в Невьянской и Тагильской волостях числилось по 337 и 196 душ мужского пола соответственно⁸⁷. При этом местной администрации предстояло решить дилемму: крестьяне должны были справляться с обязательной работой на десятинной пашне и одновременно работать на заводе. Власти пытались решить проблему заготовки руды, угля, дров и других заводских работ за счет внутренних резервов волостей.

Бегство крестьян и остановка завода вынудили администрации Тобольска и Верхотурья сосредоточиться на поиске выхода из создавшейся ситуации путем изменений в организации производства. Был поставлен вопрос о снятии с работавших на заводе крестьян «государевой пашни» или, по крайней мере, облегчения повинностей, так как «если не облегчить, то крестьяне разбредутся».

⁸⁴ СПФ ААН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 2. Л. 159 об.

⁸⁵ Там же. Л. 161 об.

⁸⁶ Там же. Л. 159.

⁸⁷ РГАДА Ф. 1111. Оп. 1. Д. 15. Л. 115-148.

Первоначально, чтобы производство не останавливалось, верхотурский воевода принял решение оставить у «железного дела» поручившихся родственников. Но в грамоте из Тобольска содержались только упреки верхотурскому воеводе в неумелой организации рабочей силы: «охочих» крестьян к железному делу не выбрал и государевой пашни с работников не снял, а потому и «впредь то дело будет с великим мотчаньем и крестьяне разбредутся». В конце концов, это приводило к неутешительному итогу: если крестьяне разбредутся, все равно придется пахать «миром»⁸⁸.

Тобольский воевода пытался найти выход из сложившейся ситуации по принципу – «как бы крестьянам было прочнее и железное дело не стало». Его прежнюю озабоченность усилило известие, присланное от заводского приказчика Карпа Павлоцкого, что посланные на завод крестьяне не прибыли, а были задержаны слободскими приказчиками. Для уточнения всех обстоятельств, привлечения крестьян к работе и выяснения причин их бегства Ф. А. Телятевский поставил ряд вопросов, которые дают представление о спектре организационных возможностей властей в привлечении крестьян к заводскому производству: «Присланы деловые люди или по мирскому выбору? Быть людям постоянно или переменяясь по годам? Посланы с прежним установленным жалованьем или им как по прежнему договору указано, или им какая прибавка с миру указана? Государственную пашню им же вели пахать и впредь или же десятинная пашня с них будет снята, и кому ту пашню пахать, и поручные записи какие взяты?». Предложением же самого тобольского воеводы было снять с работников всю пашню (государево тягло) и распределить ее между другими крестьянами.

Выход из спорной ситуации все же был найден с учетом мнения крестьянского мира. После побега и взятия порученцев тагильские крестьяне обратились с челобитной о возможности перемены у «железного дела» и выбора между собой вместо беглых «крестьян семьянистых, на которых государева десятинная пашня небольшая». Они просили также снять с них десятинную пашню и распределить по крестьянскому миру, среди тех, кому было под силу ее пахать. Верхотурский воевода пошел навстречу этим просьбам, но велел тагильским пашенным крестьянам «крепиться» между собой записями, чтобы быть на заводе постоянно. Жалования им было определено столько же, что и прежним работникам.

6 ноября 1632 г. в Верхотурье поступило сообщение от приказчика Тагильской слободы Мирона Будакова, что тагильские крестьяне выбрали к железному делу вместо беглых, 4-х человек во главе с Гришкой Соколовым, а десятинную пашню с тех крестьян сняли миром и разложили на всех.

Таким же образом поступили и крестьяне Невьянской слободы, которые узнали о выборе, проведенном в Тагильской слободе. 9 крестьян во главе с Михаилом Усовым подали челобитную в съезжей избе Тобольска

⁸⁸ СПФ ЛАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 2. Л. 160.

с просьбой сделать на Нейве так же, как и на Тагиле: заменить крестьян у железного дела, выбрать и послать новых из меньшей статьи, пашню с них снять и распределить на всю волость. В результате в Верхотурье из Тобольска была послана грамота, в которой приказывалось «невьянских крестьянских детей и братьев Мишку Усова с товарищами переменить также как и на Тагиле. Выбрать из невянских крестьян из меньшей статьи, которых в семье по 2 или 3 человека, а пашни государевы пахнут по чети десятины и по полдесятины и отослать к железному делу, а на их место набрать из гулящих людей или захребетников. Тех крестьян, которые будут у железного дела в деловые люди пашнями и санными покосами устроить у железного дела и о том для ведома велено вам отписать ко мне в Тобольск, а до тех мест, как выберут новых деловых людей, от железного дела, старых деловых людей имать не велено»⁸⁹.

Компромисс был найден, и с 1632 г. выбранных в Невьянской и Тагильской слободах работников на оговоренных условиях стали расселять непосредственно у производства, основав тем самым, первое специализированное поселение металлургов – Рудную слободу. Очевидно, они были частью тех 16 семей, упомянутых П. Н. Буцинским⁹⁰. Этим людям следовало переправить на завод «с женами с детьми и со всеми их животы», взяв поручные записи, чтобы «впредь у железного дела деловых людей укрепить и железному делу мотчанья и порухи не было»⁹¹. Иными словами, требовалось создать при заводе поселение, крепко связанное с производством, и избавить в дальнейшем власти от хлопот, вызванных системой «рабочих смен»: чтобы «невьянским бы пашенным крестьянам в частых выборах и государевой пашне убыли не было».

При организации специализированного поселения, администрация пыталась погасить то недовольство, которое охватило крестьян ближайших к заводу деревень, Невьянской и Тагильской слобод, забросивших и железное дело, и десятинную пашню. Несмотря на то, что первоначально крестьяне отказывались работать и даже выступали против организации «железного дела», впоследствии проблемы с привлечением рабочей силы, по-видимому, решились. В течение 40 – 80-х гг. XVII в., встречаются данные о «рудных крестьянах», «деловых людях», привлеченных к Невьянскому железному делу из Невьянского острога, Ницинской-Ощепковской и даже из Ирбитской слобод⁹².

Имеющиеся в нашем распоряжении архивные и литературные данные, позволяют говорить о том, что деятельность «Невьянского железного дела» не закончилась пожаром 1637 г., как утверждали некоторые ис-

⁸⁹ Там же. Л. 161 об.-162.

⁹⁰ Буцинский П. Н. Заселение Сибири... С. 50.

⁹¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Д. 260. Л. 17.

⁹² Там же. Д. 328, 1262, 1583, 1776.

следователи, а продолжалась непрерывно до конца XVII в. По крайней мере, в 1642 г. завод уже продолжал работать⁹³. В дальнейшем производство, очевидно, было достаточно регулярным. Выявлены отдельные документы, связанные с деятельностью предприятия, в период второй половины XVII в.

Время закрытия предприятия уточнил Ю. В. Коновалов. По его мнению, это произошло до 1679 г. Ко времени написания приправочных книг в 1679 г. и проведения Л. М. Поскочиным переписи Тобольского уезда в 1681 – 1683 гг. «Невьянское рудное железное дело» было преобразовано в оброчную слободу⁹⁴. Это соответствует и расчетам Д. А. Кашинцева, основанным на величине шлаковых отвалов⁹⁵.

Острог в Рудной слободе был построен лишь на рубеже XVII – XVIII вв., до этого времени выдельный хлеб свозили в Невьянскую житницу и с пристани в Невьянской слободе отправляли в Тобольск. Вместе с хлебом вывозились и изготовленные крицы⁹⁶. В первые годы XVIII в. производства давно уже не было, а на схеме Рудной слободы С. У. Ремезова на его месте обозначено пустое пространство «под строения» (Рис. 6). В это время в слободе уже существовал острог, внутри которого находились «государевы хлебные житницы»⁹⁷. Проезжая через Рудную слободу Г. Ф. Миллер еще видел возвышающиеся остатки печи, которая «в течение многих лет снабжала всю Сибирь железом, пока в начале нынешнего столетия все горное дело в тех краях не получило другой характер»⁹⁸.

Около 1654 г. некоторые запасы железной руды были обнаружены вблизи Арамашевской слободы. По указу верхотурского воеводы Льва Измайлова была предпринята попытка организовать здесь «государево железное и укладное дело». Из исследователей на это событие обратил внимание только А. А. Преображенский⁹⁹.

«Железное и укладное дело» в Арамашевской слободе. Из небольшого комплекса обнаруженных документов, охватывающего период организации завода с ноября 1654 г. по март 1655 г., следует, что в ноябре 1654 г. в Ирбитской слободе была проведена перепись кузнецов и гулящих людей для посылки в Арамашевскую слободу. Перепись и отсылку необходимо было сделать после того, как верхотурский сын боярский Панкратий Перхуров, которому было поручено заниматься организацией государственного железного и укладного дела в Арамашевской слободе,

⁹³ Там же. Д 328. Л. 7-8.

⁹⁴ Коновалов Ю. В. Ницынский железоделательный завод... С. 270-271.

⁹⁵ Кашицев Д. А. История металлургии Урала... С. 32.

⁹⁶ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Д. 1744. Л. 2.

⁹⁷ Ремезов С. У. Служебная чертежная книга Сибири... Л. 145.

⁹⁸ Миллер Г. Ф. История Сибири... Т. II. С. 78.

⁹⁹ Преображенский А. А. Работные люди на Урале... С. 53.

представил бы отписку ирбитскому приказчику Григорию Дирину о необходимом количестве людей¹⁰⁰.

На основании государева указа и по верхотурской наказной памяти для завода было приказано брать людей из всех верхотурских волостей. Из Ирбитской слободы в декабре 1654 г. требовалось послать кузнецов со снастями, женами и детьми и 20 гулящих людей. Причем они отправлялись уже на смену прибывшим ранее кузнецам и гулящим людям из Невьянской слободы¹⁰¹. Одновременно привлекали работников и из Усть-Ирбитской слободы¹⁰².

Судя по документам, завод заработал. К марту 1655 г. из Ирбита пришло вместо 20 только 10 человек, на что П. Перхуров укорил Г. Диринна: «и тепере государеву рудному делу простой учинился»¹⁰³. Общее руководство и контроль над строительством завода осуществлял верхотурский воевода Л. Т. Измайлов, который к тому времени уже вполне мог опираться на внутренние резервы уезда. К сожалению, пока нет достоверных данных о том, какими результатами закончились эти начинания.

Помимо данных об организации железного дела в Арамашевской слободе обнаружены отрывочные сведения о попытке организации еще одного железодельного производства. В 1668 г. тобольский воевода П. И. Годунов сообщал в Москву о новой находке железной руды на р. Нице в районе Нижненицинской слободы. Из трех пудов руды было получено железо «пуд без чети, и то железо старого невянского железа гораздо лучше, а по свидетельству будет то железо против свицкого...»¹⁰⁴. По оценке воеводы в этот момент в Тобольске железа не хватало. Ожидая прибыль государству, П. И. Годунов распорядился пачать производство в следующем 1669 г. в Нижненицинской слободе силами местных крестьян, «которые пашню с себя сдали», а работников Невьянского железного дела предполагалось вернуть к работе на государственной пашне (возможно с закрытием производства).

Итак, в начале XVII в. первые уральские и сибирские кузнецы работали исключительно на поступающих «с Руси» полуфабрикатах: крицах «черного» железа, чистом железе, прутах и т. д. Успехи в разведке и разработке рудных залежей в Зауралье в течение XVII в. постепенно уменьшили зависимость ремесленников от привозного железа и содействовали переходу их к работе на местном сырье.

Эту динамику, заключающуюся в постепенном уменьшении доли привозного металла и изделий из него, особенно проявившуюся во второй половине XVII в., убедительно продемонстрировал О. Н. Вилков на основе

¹⁰⁰ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Д. 585. Л. 4.

¹⁰¹ Там же. Д. 587. Л. 2.

¹⁰² Там же. Д. 594. Л. 17.

¹⁰³ Там же. Д. 592. Л. 2.

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 2. Д. 869. Л. 76. Благодарим Е. В. Вершинина за предоставленную информацию.

данных таможенных книг Тобольска. В этот период среди привозных изделий уже отсутствует железо в крицах, хотя потребность в укладе на протяжении всего столетия оставалась достаточно стабильной¹⁰⁵. Развивая мысль о том, что со второй половины XVII в. значительную часть продукции тобольские кузнецы изготавливали не из привозного железа, а из сибирского, автор озадачивается вопросом: откуда брали железо сибирские кузнецы и их заказчики? И сам же пытается на него ответить: «Видимо, они покупали его у подгородных кричных и укладных мастеров»¹⁰⁶.

По нашему же мнению, именно регулярные ежегодные поставки в Тобольск до 400 – 500 пудов криц на протяжении полувека с первого государственного железоделательного предприятия Урала – «Невьянского рудного железного дела» (Ницинского завода) значительно снизили дефицит основного полуфабриката – кричного железа. С достаточным количеством железа в слободах Тобольского уезда столкнулся в 1672 г. краснопольский выборный крестьянин Даниил Осипов, который был послан, чтобы продать железо с Тумашевского завода, взятого в казну в качестве десятого пуда. Д. Осипов ездил до Киргинской слободы «и того железа продал 1 пуд, а больше продать не мог»¹⁰⁷.

В 1671 г. такую же попытку предпринимал Василий Тумашев, пытаясь самостоятельно продать произведенное на заводе железо в Тобольском и Верхотурском уездах. Поскольку рынок Тобольского уезда был вполне насыщен железом, произведенным на Невьянском железоделательном заводе, а верхотурский воевода достаточно ревниво относился к первоочередности обеспечения своего уезда, то в феврале 1672 г. Дмитрию Тумашеву, завод которого находился на этой территории, было указано «продавать впредь добываемое железо в слободах Верхотурского уезда»¹⁰⁸.

В XVII в. ассортимент выпускаемой продукции на заводах Урала был невелик. В основном это было непрокованное – «черное» железо в крицах, которое затем обрабатывали в ремесленных центрах – городах Тобольске и Верхотурье. Лишь небольшая часть его перерабатывалось на заводах в «битое» железо, готовое к перековке в разнообразные изделия. «Невьянское рудное железное дело» начинало свою деятельность с изготовления затинных пицалей, якорей и гвоздей. Здесь же постоянно осуществлялся ремонт и изготовление мельничных снастей, оружия, рудоконных и других инструментов¹⁰⁹. На частном заводе Тумашевых кроме железа изготавливались сельскохозяйственные орудия, в частности, сошны лемеха¹¹⁰.

¹⁰⁵ Вилков О. П. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. М., 1967. С. 57.

¹⁰⁶ Там же. С. 58.

¹⁰⁷ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... С. 251.

¹⁰⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Д. 1845. Л. 7.

¹⁰⁹ Там же. № 391. Л. 11.

¹¹⁰ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... С. 251.

Основной задачей при заведении заводов было создание местного производства железа, предназначенного, в первую очередь, для изготовления и ремонта оружия. Для непрерывной деятельности предприятий необходимо было решать вопросы технико-технологического свойства, рентабельности; обеспечения их углем и рудой, транспортом и рабочей силой. Железодельные предприятия, построенные на казенной основе, стали первыми такого рода в России, так как в районах традиционного промысла железо изготовляли на частных крестьянских заводах. Так начинало формироваться первое специализированное поселение металлургов – Рудная слобода – предтеча городов-заводов. Здесь же были заложены и основы приписной системы.

ГЛАВА 3. ВОЗНИКНОВЕНИЕ НЕГОСУДАРСТВЕННЫХ ЖЕЛЕЗОДЕЛАТЕЛЬНЫХ ПРОМЫСЛОВ

Кустарное рудоплавильное производство

Со второй половины XVII в. жители населенных пунктов, расположенных вблизи рудных месторождений, постепенно сами стали обеспечивать себя металлом и изделиями из него. Кузнецы, занимавшиеся обработкой привезенного железа для нужд сельской общины или горожан, самостоятельно разведывали месторождения руды, пригодной для обработки в кустарных условиях. Сами ее копали, выплавляли железо, из которого затем делали орудия труда и другие необходимые изделия, производя продукцию на рынок и по заказам крестьян или казны. За денежную плату изготовлялись даже црены для соляных промыслов.

Первоначально не было разделения труда между рудознатцем, плавильщиком и кузнецом. Все они считались кузнецами. Да и в конце XVII в. довольно часто встречалось совмещение рудоплавильного и кузнечного производства. Как правило, рядом с кузницей или в ней строилась плавильная печь (домница). Один из наиболее ранних фактов такого сочетания относится к 1624 г. В этом году кузнец погоста Салтаново Чердынского уезда П. Григорьев поставил рядом с двором кузницу и домницу¹. Аналогичный случай описывал слободчик Ф. Арапов в 1675 г. в своем докладе в Верхотурскую приказную избу: «...досмотрел я и описал Аятской слободы у кузнеца у Ивашка Лукьянова Бурнаша кузница, а в кузнице печь плавильная на железо. У аятского оброчного крестьянина у кузнеца у Ивашка Дмитрия Серка кузница, а в кузнице печь плавильная на железо. И те кузнецы, Ивашко Бурнаш и Ивашко Серко, в Аятской слободе марта по 6 число железную руду на железо наплавливали». Далее приказчик просил указать о том, как «они, кузнецы, в Аятской слободе или иначе кто впредь учнут железную руду плавить и железо выбивать на выделку, и с них, кузнецов,

¹ История Урала... С. 187.

и иных, кто впредь учинят плавить железную руду, что с них на великаго государя снимать», поскольку в Аятской слободе «по се число никакова железного промысла не бывало»².

В переписи Аятской слободы 1680 г. отмечен Иван Лукин, возможно, это и есть Иванка Лукьянов Бурнаш. Он жил в своем дворе в Аятской слободе и занимался частной выплавкой руды. В слободу он приехал в 1670/71 г. с р. Сылвы из вотчины именитого человека Д. Строганова. Со своего промысла Иван платил ежегодный денежный оброк в 50 коп. и десятый пуд железа готовой продукции³. Очевидно, денежный оброк взимался за кузнечный промысел, а железо – за плавильное производство.

Среди зауральских слобод особое положение занимала Рудная слобода «Невьянского железного дела». К моменту переписи Тобольского уезда в 1681 г. она уже потеряла былое значение производителя железа для казны, но населявшие ее крестьяне продолжали заниматься железодельным промыслом частным порядком. В описании слободы говорится «Невьянского железного дела Рудная слобода на р. Нице. А в той слободе живут оброчные крестьяне, платят государю денежный оброк за железное плавление и з земли за пашенную десятину по шти рублев. А в приправочных книгах той Рудной слободы не написано. А з достальной земли платят выдельной хлеб пятый сноп».

В самой слободе насчитывалось 13 дворов оброчных крестьян. Среди них упомянут Савка Иванов сын Бахарев, родившийся в д. Селегове Чердынского уезда. По рассказу С. Бахарева его отец был казенным кузнецом, жившим в Рудной слободе. У С. Бахарева имелись пашни и сенные покосы. Были пашни и сверх указа, с которых он платил пятый сноп выдельного хлеба. Остальные слободские крестьяне находились в близком положении. Казенное железодельное предприятие «Невьянское рудное железное дело» прекратило свое существование до 1679 г.⁴, и поселение трансформировалось в обычную оброчную слободу, населенную крестьянами, занимавшимися попутно железодельным промыслом. К моменту закрытия завода вокруг Рудной слободы сформировалась инфраструктура из деревень, население которых участвовало в производстве железа. Также в Тобольском уезде существовал промысел по выплавке железа и в Арамильской слободе⁵.

Как и на Урале, свою потребность в железе сибирское население стремилось обеспечивать за счет местных ресурсов. Металлургические промыслы появлялись по мере распространения крестьянской колонизации на восток, формирования посадского населения и освоения новых рудных месторож-

² РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1 Д. 11. Л. 23-24.

³ Там же. Ф. 214. Оп. 1. Д. 697. Л. 855-855 об.

⁴ Коновалов Ю. В. Ницинский железодельный завод... С. 270.

⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 5. Д. 261 Л. 1361.

дений. Район Западной Сибири обеспечивался главным образом за счет уральского металла, обрабатывавшегося и распределявшегося в Тобольске.

Железодельные центры в Восточной Сибири (на Урале это менее выражено) возникли в местах металлургических промыслов аборигенного населения. Но они появились не сразу. Первые русские переселенцы пользовались привозным железом, так как железные изделия, произведенные аборигенным населением, не удовлетворяли ни по качеству, ни по ассортименту.

С середины XVII в. енисейское железодельное производство стало переходить на местное сырье. По подсчетам А. Н. Копылова, с 1640-х гг. наблюдается постепенное уменьшение среди привозных товаров доли железа и изделий из него, в первую очередь такого, которое можно было изготовить местными силами (кричного и прутowego). С 1660-х гг. в Енисейске железодельное производство в основном перешло на местное сырье. Об этом свидетельствует прекращение поставок кричного и прутowego железа из европейской части страны. Продолжался лишь привоз высококачественного белого полнчного железа и уклада⁶.

В Енисейском уезде не было организовано казенного железодельного промысла. Для государственных нужд железо собиралось с частных рудоплавильных промыслов в виде оброка – десятого пуда. К сожалению, в енисейских переписных книгах плавильные печи стали фиксировать наряду с кузницами только с конца XVII в., поэтому мы не имеем данных о масштабах кустарного рудоплавного промысла в более раннее время. Отметим лишь наиболее ранние из известных попыток его организации. По мнению В. А. Александрова, одним из первых нашел месторождение железной руды посадский человек Андрей Лаврентьев Свечник в 1641 г. между притоками Ангары – Маньзей и Пинчугой⁷. На этих землях кроме руды он обнаружил соляные рассолы и поставил варницу. С соляного и железодельного промысла Андрей должен был платить 10-ую часть произведенного. Но в 1643/44 г. он был вынужден оставить солеварение из-за «хлебной скудости». Слишком далеко находилась выделенная ему пашня, и солевар не имел возможности ее обрабатывать, рабочих людей с варниц постоянно забирали служилые люди «на разные изделия». О своем бедственном положении Андрей подал челобитную. В феврале 1650 г. енисейскому воеводе А. Ф. Пашкову был послан указ, который предписывал А. Свечнику продолжать рудоплавильное дело, поставив «для плавления плавильню и двор меж Манзи и Пелчуки реки», если «около усольных мест по Тунгуске вверх, вниз по Енисею до Подкаменной Тунгуски и до Самаровского зимовья или где буде в Енисейском уезде железная укладная руда сыщется». Также согласно этому указу воевода должен был наде-

⁶ Копылов А. И. Русские на Енисее... С. 121.

⁷ Александров В. А. Русское население Сибири... С. 24.

лить его землей, скотным выпуском и покосами. С «железа и уклада», если найдет руду, Андрей должен был платить десятый пуд⁸.

В 1650 г. обратился в енисейскую приказную избу оброчный крестьянин Дубчесской слободы Федор Иванов Ворогов с просьбой разрешить ему искать месторождения железной руды, из которой «остяки и тынгусы железо плавят», поставить домницу и плавить металл «по руски». При этом он просил предоставить льготу на 6 лет, но в итоге ему были даны только 2 льготных года. К сожалению, нет данных о результатах поисков А. Свечника и Ф. Ворогова. Однако очевидно, что центральные власти по возможности поддерживали инициативных рудонискателей предоставлением различных льгот. По данным А. Н. Копылова, в 1690-х гг. в Енисейске и уезде насчитывалось 69 кузниц и 17 рудоплавильных печей, в т. ч. 9 находились вместе с кузницами (т. е. 53 % рудоплавильщиков одновременно занимались и кузнечным делом). Из них в самом Енисейске были 31 кузница и 11 печей, в т. ч. 7 находились вместе с кузницами (т. е. около 64 %)⁹.

О месторождениях железной руды в Красноярском уезде русские поселенцы также узнавали от местного населения. В 1654 г. красноярский воевода М. Скрябин послал кузнецов проверить сведения, полученные от «красноярских иноземцов». По их рассказам железная руда сыпалась из яра над р. Енисеем на устье р. Кубоковки в 5 верстах ниже Красноярского острога. Кузнецы переплавили собранную руду, и у них получилось из 0,5 пуда (8 кг) породы 8 гривен (3,2 кг*) металла, то есть содержание железа в руде составляло 40%. По качеству полученное железо было «самое доброе и мягкое, против будет доброво укладу и на всякое кузничное дело годитца».

Гулящий человек Осип Белозерец обратился к воеводе с просьбой передать ему право «варить» железо из той руды на условиях уплаты десятой части произведенного металла. М. Скрябин принял предложение О. Белозерца, мотивируя тем, что в Красноярском остроге не было мастеров, умевших делать «железное дело». Предполагалось, что полученный от промысла Осипа металл пойдет на казенные нужды. Вместе с тем, красноярский воевода хотел получить из Москвы подтверждение правильности своего решения. Посылая в столицу 4 фунта (1,6 кг) найденной руды, он спрашивал: «Вперед того железа из десятис варить или все на твой государев обиход готовить?». В Сибирском приказе постановили разрешить О. Белозерцу частный промысел, но с условием передачи в казну пятой доли железа. А М. Скрябину предписывалось, если металл будет хорошего качества, то посылать его в Енисейский и Якутский остроги, на Ленский волок «для государевых всяких дел», а в Москву отправ-

* В данном разделе пересчет на современные меры веса сделан с условием, что в документах имеется ввиду большая гривенка (409, 5 гр).

⁸ СФ ААН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 232-232 об.

⁹ Копылов А. Н. Русские на Енисее... С. 122-123.

лять отчеты о доходе и расходе металла¹⁰. Таким образом, в условиях дефицита железа на восточной окраине центральные власти пытались сгладить ситуацию путем централизованного перераспределения металла местного кустарного производства.

В том же 1654 г. илимский воевода Б. Д. Оладыи, узнав от аборигенов о существовании железной руды на р. Тунгуске (Ангаре), послал к месторождению служилых людей. Проведенные опыты с привезенной рудой были удачными, и воевода предложил основать там железоделательное производство, но заставить плавить руду ему было некого и «панять печем – в твоей государеве казне денег нет». Поэтому он просил прислать плавильщика руды, 6 человек и 200 рублей. Однако в Сибирском приказе сначала хотели узнать, сколько руды найдено и рентабельно ли будет производство¹¹. В 1667 г. новая попытка создания железоделательного производства в Илимском остроге оказалась более успешной. В мае этого года илимский служилый человек Иван Шангин с верховий р. Илима (район Шестаковской деревни) привез на лодке железную руду в Илимский острог. Плавкой занимался кузнец Максим Иванов, и «вышло их промыслу нововарного кричного железа» около 28 пудов, стоимость пуда которого составила 1 руб. 3 коп. В Илимске плавиле железо до 1673 г., после чего его производство было прекращено. В последний год было получено около 110 пудов при стоимости 25 копеек за пуд¹².

После прекращения железоделательного производства в Илимске железо для Усть-Кутского солеваренного завода и прочих нужд приходилось привозить из Идинского острожка, где существовали кустарные железоделательные промыслы. Но в 1687 г. Идинская волость была переписана из Илимского уезда в Иркутский, и железо приходилось уже просить у иркутских воевод, зачастую получая отказ. По мнению О. И. Кашик, железоделательный промысел в Идинском остроге играл более важную роль в хозяйстве Ангаро-Ленского края, чем илимское производство, но сведения о нем есть только с 1680-х гг.¹³

Еще до приписки Идинского острога к Иркутскому уезду, иркутские власти также пытались вести поиск железной руды на подведомственной им территории. В 1682/83 г. на р. Белую был послан посадский человек Семен Семенов Кузнец «сыскивать и проведывать железные руды». Он нашел месторождение и обратился в съезжую избу за разрешением на его разработку с уплатой 10-го пуда. Воевода И. Е. Власов разрешил, но с условием, что Семен будет сбывать свое железо только в Иркутске, продол-

¹⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 344 Ч. 1. Л. 11-11 об.

¹¹ СПФ ААН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 2. Л. 144.

¹² Там же. Л. 142. В документе ошибочно написано вместо «28 пудов» – «8 пудов».

¹³ Кашик О. И. Ремесло и промыслы в Прибайкалье... С. 12-13.

жит поиски руды в других местах и сообщит о находках в Иркутский острог. За новые открытия ему было обещано вознаграждение¹⁴.

Среди мест добычи железной руды в Восточной Сибири можно назвать еще район Балаганского острога, где до прихода русских бурятами производилась выплавка железа. В 1675/76 г. железную руду обнаружили вблизи Балаганского острога в горе на р. Сухой промышленные люди Федор Иванов и Павел Гоголини. Пятидесятник этого острога Василий Ездоков дал им отводную грамоту на найденное месторождение и разрешил его разработку с условием уплаты ежегодно 30 коп. оброка и десятой части выплавленного железа. Однако на этом же месторождении стали незаконно копать руду и продавать ее «всяким людям» казенские верхотурские казаки, приказчик Анисий Иванов и Игнатий Иванов с пашенными людьми. В. Ездоков просил вмешаться в ситуацию енисейского воеводу М. Приклонского¹⁵.

Конфликтные ситуации между жителями соседних острогов из-за месторождений железной руды, обнаруженных в ближайшей округе, возникали неоднократно. Так, в 1693/94 г. служилые и жилецкие люди Идинского острога нашли железную руду в 7 верстах от острога вниз по р. Ангаре и начали ее добычу. Согласно царскому указу пошлина с этого промысла должна была поступать в Идинский острог. Но осенью 1694 г. служилые люди из Балаганского острога захватили промысел и стали собирать с промышленников пошлину. Идинский приказчик Ф. Черниговский просил иркутского воеводу И. П. Гагарина восстановить справедливость, так как в Идинском остроге начался недобор десятинного сбора. В то же время приказчик пытался защитить монополию идинских промышленников на разработку этого месторождения, сообщив, что они разорились от незаконного захвата промысла. И. П. Гагарин потребовал от балаганского приказчика Т. Самойлова объяснений. В указной памяти, посланной в Балаганский острог, воевода четко обозначил позицию властей в отношении разработок месторождений железной руды. Тех, кто будет мешать промыслу, необходимо было арестовывать и препровождать в Иркутск для наказания. Десятинная пошлина должна была поступать в Идинский острог. Однако в разработке месторождения могли участвовать все желающие, в том числе и балаганские жители, поскольку «промышленником промыслять не заказано никому, откуда хто не придет». И приказчик должен был отпускать добровольцев на промысел независимо от того, к какому острогу он приписан. Такая позиция объяснялась тем, что в Иркутске и Даурских острогах «железу великие росходы»¹⁶.

Какова же была производительность этих кустарных рудоплавильных промыслов? По имеющимся у нас данным, в 1675 г. десятый пуд же-

¹⁴ РГАДА. Ф. 1121. Д. 33. Л. 10-13.

¹⁵ ДАИ. Т. VII. С. 329.

¹⁶ СПФ ААН. Ф. 21. Кн. 4. Л. 180-181.

железа был собран с рудоплавильных промыслов плавильщика Краснопольской слободы Филки Югринова* (0,5 пуда, т. е. произведено 5 пудов), аятских крестьян Першки Леонтьева с товарищами (6 пудов, т. е. произведено 60 пудов)¹⁷. По шести слободам Верхотурского уезда: Арамашевской, Аятской, Белоярской, Краснопольской, Невьянской и Тагильской с крестьян, которые занимались рудным промыслом в 1699 г. было собрано 55 пудов железа (т. е. произведено 550 пудов), в 1700 г. – около 52 пудов (т. е. произведено около 520 пудов). Наибольшее количество железа поступило с Невьянской – 27 пудов (т. е. произведено 270 пудов) и с Аятской слобод – 21 пуд (т. е. произведено 210 пудов). В Белоярской слободе было собрано по 3 пуда в 1698 и 1699 гг. Таким образом, даже если судить только по количеству железа, обложенного налогом, видно, что кузнецы и рудоплавильщики некоторых слобод Верхотурского уезда, таких как Невьянская, Арамашевская и Аятская в конце XVII – начале XVIII вв. могли производить в каждой из слобод, пусть и нерегулярно, от 200 до 300 пудов прокованного железа в год. В 1698 – 1699 гг. в Аятской слободе насчитывалось не менее 16 крестьян-рудоплавильщиков, а в Невьянской – 15, Краснопольской – 4, Арамильской – 1¹⁸.

По данным А. Н. Копылова в конце XVII в. с промысла енисейских плавильщиков собиралось в казну «десятым пудом» ежегодно по 10 – 15 пудов кричного железа, т. е. общий объем годовой выплавки железа составлял 100 – 150 пудов¹⁹. Зная общее количество домниц в Енисейском уезде – 17, можно вычислить среднюю годовую производительность одной рудоплавильной печи – около 6 – 9 пудов. М. К. Одинцова приводит данные 1695 г. об уплате 10-го пуда несколькими енисейскими кузнецами. Так, с Ивана Шадры было взято 25 гривенок (всего произведено около 6 пудов), с Нилки Кувакина – 22 гривенки (всего произведено около 5,5 пуда), с Якова Таусеня – 30 гривенок (всего произведено около 7,5 пуда)²⁰.

Мы не располагаем точными указаниями по поводу приведенных выше данных по Верхотурскому и Енисейскому уездам – были ли уплаченные сборы десятой доли с железодельного промысла всей годовой суммой или лишь ее частью, которая взималась по мере производства металла. Поэтому, пока воздержимся от обобщений о производительности кустарных железодельных промыслов.

* В 1678 г. он был уличен в провозе выплавленного железа в слободы минуя таможи. См.: СПФ ААН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 3. Л. 264 об.

¹⁷ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 43. Л. 124, 141.

¹⁸ Вилков О. И. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск, 1990. С. 287.

¹⁹ Копылов А. Н. Русские на Енисее... С. 122-123.

²⁰ Одинцова М. К. О производстве железа в XVII веке... С. 173. Подсчеты объемов производства наши.

Во второй половине XVII в. на Урале стали возникать небольшие частные заводы, сравнимые с государственными по численности и производительности. Оставив Пыскорский медеплавильный завод из-за выработки месторождений, братья Тумашевы основали железодельательное предприятие в Верхотурском уезде. Впервые документы о деятельности Тумашевых были опубликованы в XIX веке, и историки нередко использовали эти данные в своих исследованиях²¹. Наиболее полные сведения о деятельности предпринимателей и их железодельательном предприятии были собраны А. А. Преображенским²².

К зиме 1666 г. после окончания работ на Пыскоре Дмитрий Тумашев обнаружил признаки слюды в двух местах в верховьях р. Тагила. В ответ на челобитную он получил из Сибирского приказа разрешение на ее разработку «своими проторями» при условии, что будет сдавать десятый пуд в казну. Остальную слюду предполагалось продавать в городах и слободах²³.

После этой находки Д. Тумашеву была дана и грамота из Сибирского приказа, где ему на свои средства разрешалось разыскивать также золотые, серебряные и медные руды. Это был, пожалуй, первый случай в крае, когда частному лицу официально вверялось право поиска драгоценных металлов. В наказе верхотурскому воеводе давали возможность попытаться счастья и другим искателям руд: «кто опричь его Дмитрия золотую и серебряную руду или узорочный камень сыщет и будет ему государево жалование»²⁴.

В 1668 г. рудознатец прибыл в Москву с новыми находками – на этот раз с образцами драгоценных камней, найденных у Мурзинской слободы²⁵. К тому времени Д. Тумашев обнаружил уже несколько перспективных месторождений ископаемых, в том числе и железа. Получив грамоту на поиск золота, серебра и драгоценных камней, для обнаружения которых правительство готово было выделить деньги и людей, Д. Тумашев вновь обратился с челобитной за разрешением искать железную руду и плавить железо²⁶. Представители центральных административных органов, видя важность и успех его поисков, оказывали рудознатцу всестороннюю поддержку, создавая ему, в общем-то, исключительные условия.

К весне 1669 г. Д. Тумашев прибыл в Верхотурский уезд, заехав по дороге в Казань, где загрузил (возможно, взяв у отца) оборудование и инструмент для промысла. Несколько позже, уже после начала строительства

²¹ ДАИ. Т. V. СПб., 1857. С. 64-65.

²² Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... С. 237-257.

²³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 2. Д. 837. Л. 1-10.

²⁴ Там же. Л. 37.

²⁵ ДАИ. Т. V. С. 64.

²⁶ Там же. С. 64-65.

завода, появилась и подробная «сказка» плавильщика о находке им «узорчатого камня и железной руды на Невье реке выше Красного поля, верст с 30 от жилья на пустом месте»²⁷.

Сразу же после того, как Д. Тумашев в мае 1669 г. сообщил о находке руды в верховьях р. Нейвы, им было получено разрешение на строительство завода. Уже 21 июня в наказной памяти верхотурского воеводы Ф. Г. Хрущева приказчику Краснопольской слободы Борису Прокопьеву сообщалось о выборе из крестьян целовальника для наблюдения к железному делу и взыскания, как и с других частных предпринимателей, десятого пуда железом²⁸. 30 июня краснопольские крестьяне выбрали в рудные целовальники Ваську Колодина. На этой должности ему предстояло быть с 1 июля до «Семенова дня Летопроводца 178 г. (1670 г.) в верх по Нейве с рудником Д. Тумашевым» у государева рудного дела²⁹. Несколько озадачивает оценка заводимого Д. Тумашевым рудного промысла как государственного. Возможно речь здесь идет только о железных рудниках, которые, в отличие от железоделательного промысла, не стали частными.

Следует согласиться с мнением А. А. Преображенского о начале действия завода в 1669 г.³⁰, а не в 1667 – 1668 гг., как считал П. Г. Любомиров³¹, при чем это были первые, опытные плавки. Об этом свидетельствуют практические шаги Дмитрия Тумашева. В июле 1669 г. он объявил верхотурскому воеводе Ф. Г. Хрущеву «железной руды опыт, а сказал, что де из той руды железо учнут плавить нынешнего 177 году (1669 г.)»³².

Д. Тумашев провел опытную плавку и с ее результатами, рудой и «цветными камнями» в конце лета – осенью вновь отправился в Москву³³. Осенью и зимой 1670 г. продолжалась работа по организации заводского производства, сооружению заводских построек, найму работников. Из челобитной Д. Тумашева от 23 марта 1670 г. следует, что завод уже начал выплавлять железо. Владелец извещал, что «завод заведен к железному плавлению, и ныне у меня... к тому железному делу кузнецы и работные люди наняты и поставлены к железному заводу»³⁴.

У заводчика возникли конфликты с населением окрестных слобод и коренным населением. В жалобе мирского старосты и крестьян Краснопольской слободы сообщалось, что в 1670 г. вверх по Нейве Д. Тумашев, «которые наши старые заводиска остались от татарского разорения избяные срубы и банища на заимках, и то все он, Дмитрий, огнем прижег не-

²⁷ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Оп. 1. Д. 1544. Л. 11.

²⁸ Там же. № 1530. Л. 2.

²⁹ Там же. Ф. 28. Д. 1541. Л. 5; СПФ ААН. Ф. 21. Д. 3. Л. 136 об.-137.

³⁰ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... С. 245.

³¹ Любомиров П. Г. Очерки по истории... С. 292.

³² ДАИ. Т. V. С. 64.

³³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Д. 1542. Л. 5.

³⁴ ДАИ. Т. V. С. 65.

ведомо за что, черемис сбил и селиться не велел»³⁵. Сам он подвергался нападению неизвестных «воровских людей» и поэтому решал вопрос о постройке вокруг завода острога. Дмитрий предложил, строя острог, одновременно выполнять роль слободчика и основать поблизости от завода слободу, прося дозволения в челобитной «у того железного заводу острог поставить и на ваш, великих государей, денежный оброк крестьян прибирать»³⁶. В ответ последовало, что острог можно будет строить тогда, когда заводчик призовет достаточное количество людей.

Тумашев, по-видимому, все же достиг задуманного, поскольку слободчик строившейся Аятской слободы сообщал «о насильственной селитбе крестьян рудного железного дела»³⁷. Был построен и острог, его остатки обнаружены у берега на дне Невьянского пруда. Имеются указания, что неподалеку от завода была «деревнишка»³⁸. Скорее всего, это – современная д. Фельковка, существовавшая здесь еще до начала строительства Фельковского (Невьянского) чугуноплавильного завода в 1696 г.

В техническом отношении производство был достаточно типичным для того времени предприятием, где «варка» железа происходила в малых печах с ручным дутьем, а его дальнейшая обработка также осуществлялась вручную.

Сохранилось достаточно подробное описание завода. Побывавший в 1670 г. на заводе майор драгунского строя Степан Астраханцев извещал, что на заводе «был двор заводчика, а во дворе изба. Против избы располагалась домница рублена, а в ней три горна». Позади домницы стояла кузница с двумя горнами и двумя наковальнями. В описании упоминается набор инструментов (7 молотов больших и малых, 9 клещей, 4 мехов, клещи «большие домнишные», пожницы большие, чем режут железо и медь, тиски, кирки, топоры и прочее)³⁹.

Рабочая сила на заводе была исключительно наемной, количество работников достигало 15-17 человек и более. При работе в домнице на «варке» железа ключевую роль выполняли затворщик, готовивший печь к плавке и наблюдавший за ее ходом, а также два подручных. При интенсивной работе 2-3 печей в несколько смен число людей у печей было большим. Часть кричного железа проковывалась в кузнице, где работало не менее 2 кузнецов.

По мнению А. А. Пресображенского, хозяйство велось братьями Тумашевыми совместно, и строгого распределения обязанностей между ними не было, но, тем не менее, некоторая «специализация» прослеживалась. Дмитрий играл главную роль на заводе и осуществлял все взаимоотношения с властью

³⁵ СПФ ААН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 3. Л. 171 об.

³⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 2. Д. 837. Л. 75-77.

³⁷ Там же. Л. 63.

³⁸ Там же. Л. 98.

³⁹ Там же. Л. 75-77.

ми. Наблюдение за производством и работными людьми были на Иване Тумашеве; торговлей занимался Василий, Петр – заводской пашней⁴⁰.

Ряд перенесенных ранее вопросов удалось выяснить из документов, которые появились в связи с тяжбой, возникшей между Иваном и Дмитрием Тумашевыми, с одной стороны, и казанским якорным мастером Дмитрием Ивановым (Кузнецовым). В 1669 г. последнему было предложено войти в долю в слюдяном промысле за ссуду в 100 руб. и в организации железного завода за денежный вклад в 40 руб.⁴¹

При строительстве завода Дмитрий потратил 100 руб. – значительно больше денег, чем у него имелось, и с сентября 1670 г. он был вынужден включить в компаньоны своих братьев Ивана и Петра на условии, что одна половина как прибыли, так и убытка приходилась на них, а другая половина – Дмитрию. Взяв деньги в долг, Д. Тумашев обязался принять в промысел и Дмитрия Иванова на условии владения им третьей частью заводского имущества. В тот момент, когда Д. Иванов приехал на завод, чтобы заняться выплавкой, его прогнал И. Тумашев. В 1675 г. в верхотурской приказной избе состоялся суд, который предписал описать весь железный промысел и скот. С момента начала тяжбы и первичной описи имущества завод больше не работал. При вторичной, полной и окончательной описи завода, когда приказчику Краснопольской слободы Александру Ушаковскому предписывалось к июлю 1677 г., «переписать кузницы и домницы и всякую снасть и двор и всякие заводы и лошади и коровы и сенные покосы и всякие уголья, чем они Дмитрий и Иван владеют», а также представить сведения о сданном в казну десятом пуде железа, которые к тому времени не изменились – с 1670 по 1675 гг. Таким образом, с 1675 г. завод не работал, а с 1677 г. перестал быть в собственности Тумашевых.

А. А. Преображенский вывел годовую выработку за 12 месяцев, равную приблизительно 900 пудам, хотя период деятельности данного завода в течение календарного года неизвестен. Исследователь предположил, что кричное «черное» железо и кричное, предназначенное к обработке в «битое», учитывали отдельно, и получил годовую производительность «черного» железа до 1200 пудов⁴².

В обнаруженной описи, поданной в 1675 г., были представлены и данные сданного в казну десятого пуда железа за 1670-1676 гг. В 1670 г. было сдано 11 пудов, в 1672 г. – 26 пудов; в 1673 г. – 21 пуд; в 1674 г. – 3 пуда 35 гривенков; в 1675 г. – 8 пудов⁴³. Эти сведения довольно точно характеризуют продолжительность, производительность и ритмичность предприятия. Первая продукция была получена в 1669/70 гг. Далее завод работал очень неравномерно.

⁴⁰ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... С. 249.

⁴¹ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 243.

⁴² Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... С. 250.

⁴³ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 243.

Рис. 7. Местонахождение завода Тумашевых (1669—1675 гг.)

- -- завод
- ▲ — рудник

Производительность его достигла пика в 260 пудов (очевидно, прокованного железа) в 1672 г., но в 1674 г. было получено всего лишь около 39 пудов металла, а в 1671 и 1676 гг. выплавка железа не осуществлялась вовсе. Исходя из этих данных, за все время существования предприятия было получено около 700 пудов «чистого» железа, а 1675 г. стал и последним годом его работы.

Строительство частного железоделательного завода Тумашевыми не было рядовым событием. Для решения проблем с рабочей силой Д. Тумашев взял на себя функции слободчика и одновременно со строительством завода занялся заселением крестьян и основанием слободы, при чем особой — созданной исключительно для работы железоделательного промысла. Об этом говорит предписание из Верхотурья от 17 июля 1670 г. приказчику Илье Будакову о составлении чертежа и межи и для отвода Дмитрию Тумашеву земли «под Новую слободу рудного дела»⁴⁴. Это является знаковым событием. «Невьянское рудное железное дело» — слобода, которая строилась одновременно с заводом и только для завода, была не единственной. Возник прецедент, когда местная администрация создавала систему специализированных поселений, предназначенных исключительно для обеспечения края железом. Заводы-слободы стали предшественниками городов заводов.

Мы считаем, что продолжение судьбы Тумашевых надо искать в Казани, куда на Казанский медеплавильный завод в свое время уехал его отец А. И. Тумашев. Там находилась и семья Дмитрия. В 1671 г. Д. Тумашев писал в челобитной, что «ныне в тех заемных деньгах в Казани женишка и детишки мои и с порутчики стоят на правеже, а откупиться нечем»⁴⁵.

⁴⁴ СПФ ААН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 2. Л. 168 об.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 214. Оп. 2. Д. 837. Л. 84.

Да и во время суда, на котором решалась судьба владельцев завода, говорилось: «а ныне де он, Дмитрий, от железного промыслу съехал и живет в Казани»⁴⁶. При этом остаются совершенно неизученной стороной хозяйства Тумашевых их торговая деятельность в Соликамске и Казани, хотя привлечение торгового капитала для организации небольших заводов в начале XVIII в. было достаточно частым явлением.

В результате археологического поиска к 1999 г. нам удалось выявить культурный слой заводских остатков у Невьянского пруда в 2 км к северу от д. Федьковки и в 6 км к югу от Невьянского завода (Рис. 7). Тем самым был разрешен один из спорных в литературе вопросов о местонахождении предприятия⁴⁷.

Монастырские железоделательные промыслы

Во второй половине XVII в. железоделательное производство стало появляться и при отдельных монастырях, стремившихся самостоятельно решить проблему самообеспечения железом и изделиями из него. Практика развития монастырских железоделательных производств, существовавшая в других районах, также была связана с удовлетворением хозяйственных нужд, например, в Соловецком монастыре для обеспечения потребностей в железе солеваренных промыслов.

Исетская пустынь (Далматовский Успенский монастырь) возникла в 1644 г. на Белом городище, при впадении р. Течи в р. Исеть, в районе, еще незаселенном русскими. Со второй половины XVII в. эта территория начала активно осваиваться, вверх по рр. Исети и Пышме появились остроги и слободы, жители которых стали находить месторождения железной руды. Так, в 1667 г. около Пышминской слободы уже существовал рудник, в его разработке принимали участие и насельники Исетской пустыни⁴⁸.

В 1681 г. монахи того же монастыря обнаружили железную руду в 15 верстах выше Колчеданского острога на р. Железенке, впадающей в р. Исеть. Игумен Исаак, старец Далмат, келарь старец Никон, казначей старец Лукиан от имени братии обратились к царю с просьбой выделить им этот участок «для монастырских великих нужд, на монастырскую потребу»⁴⁹.

3 февраля 1682 г. поступил царский указ тобольскому воеводе А. А. Голицину «разрешить игумну Успенского монастыря с братьею на

⁴⁶ Там же. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 243. Л. 21.

⁴⁷ Курлаев Е. А. К вопросу о местонахождении Тумашевского завода // Археография и источниковедение истории Урала периода феодализма. Тез. докладов конференции. Свердловск, 1991. С. 43-45; Курлаев Е. А., Костоглоу П. Л., Коропеос К. П. Исследование остатков Шувакинского и Тумашевского заводов в 1994 г. // Ежегодник ИИИ Русской культуры УрГУ за 1994 г. Екатеринбург, 1995. С. 129-131.

⁴⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Д. 1297. Л. 2-3.

⁴⁹ СПФ ААН Ф. 21. Оп. 4. Д. 4. Л. 88 об.

Исете реке в урочище плавить руду про монастырской обиход»⁵⁰. В июне этого же года тобольским сыном боярским Федором Рукиным с людьми из Колчеданского острога был осуществлен отвод рудных мест на р. Железенке и лесных угодий по правому берегу р. Исети⁵¹.

Находка железных руд р. Железенке (Каменке), дала возможность далматовским старцам перейти к собственному производству железа. Данные о заводе скуны. В основном это материалы по истории монастыря, собранные протопереем Г. С. Плотниковым, которые публиковались и использовались не одним поколением историков⁵². Площадка завода была выявлена и исследовалась тагильским археологом А. И. Рассадович⁵³.

Вслед за проведением межевания было начато строительство рабочей поселка с заводом, называвшегося в документах Каменским или Железенским посельем Далматовского Успенского монастыря⁵⁴. Поселье было построено вблизи впадения р. Железенки в р. Исеть. Здесь жили мастера, деловые люди и заведовавший производством старец Питирим. Железо получали из руды в малых печах и проковывали молотом в кузнице.

По описанию монаха Ф. Черницына, в 1691 г. это поселение и завод выглядели следующим образом: «На Железенке речке монастырский дворец; на дворце строение: изба на змосте, перед избой клеть и сени, в подклети той же клетки закромы хлебные; изба большая поземая, к избе прирублены сени о двух житьях (т. е. этажах — *авт.*); на углу двора теплый хлев и две стаи большие, над ними сарай под драничною крышей. Вне дворца в отставке: кузница с наковальнею, клещами и мехами; домница плавить железо; в ней две печки с кричными клещами, с тремя поварницами; пред домницею сарай угольной прирубной; стуна и пест, чтоб железная руда толчи, погреб с надпогребицею и на реке Железенке однопоставная мельница»⁵⁵.

По технической оснащенности и производительности этот завод схож с Красноборским заводом: те же два рудоплавных горна и, по-видимому,

⁵⁰ Актовые источники по истории России и Сибири XVI – XVIII вв. в фондах Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1993. Т. 1. С. 53.

⁵¹ ДАИ. Т. IX. С. 351-352.

⁵² Плотников Г. С. Описание мужского Далматовского Успенского монастыря и бывшим приписным к нему женского Введенского монастыря. Екатеринбург, 1906.

⁵³ Рассадович А. И. Археологический отчет Нижнетагильского краеведческого музея об археологической экспедиции 1976 г. АИА. Р-1/5925.

⁵⁴ Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря (последняя четверть XVII – начало XVIII вв.) / Сост. И. Л. Манькова. Свердловск, 1992. С. 235.

⁵⁵ Плотников Г. С. Описание мужского Далматовского Успенского монастыря... С. 42. Г. Плотников ошибочно датировал опись Ф. Черницына 1692 г. На самом деле она была составлена 18 ноября 1691 г., т. е. в 1691 г. См.: ГАШ. Ф. 224. Оп. 1. Д. 3243. Л. 177 об.

ручное измельчение руды. Производительность завода не известна, но, судя по количеству печей, она была значительно ниже соответствующих показателей «Невьянского железного дела» и завода Тумашевых.

Существование в непосредственной близости вододействующей мельницы, изображение которой сохранилось на ранней схеме Каменского завода вблизи устья р. Каменки⁵⁶, дает возможность сделать предположение, что монахи могли использовать силу воды при измельчении руды или проковке криц, но это не нашло отражения в обнаруженных письменных источниках. Чуть позже, в начале XVIII в., небольшие вододействующие заводы уже существовали в нескольких местах на Среднем Урале. Факты использования плотины хлебной мельницы для металлургического завода и наоборот, когда после вырубки окрестного леса на месте завода появлялась мельница, были не редки.

Сохранились имена некоторых кузнецов и деловых людей, работавших на заводе в разные годы: Иосиф Кириллов, Трифон Иванов, Стефан Иванов⁵⁷. Некоторые из них проживали на поселенье и после того, как около 1699 г. земли с рудой и монастырское железоделательное производство отошли к строящемуся Каменскому заводу. Несмотря на это, по всей видимости, производство железа в малых печах здесь не прекратилось. В описи Каменского завода, датированной 1704 г., упоминается сыродутное производство, обеспечивавшее доменный завод кричным железом для изготовления уклада⁵⁸. Археолог А. И. Рассадович выявила местоположение остатков завода на мысу правого берега р. Каменки вблизи ее устья. Остатки шлака, кирпича и воздуходувных фурм подтвердили производство здесь кричного железа⁵⁹. Основанный на месте железоделательного производства Далматовского Успенского монастыря Каменский завод длительное время не испытывал недостатка в железной руде, в изобилии находившейся по берегам р. Каменки (Железенки).

В конце XVII в. производство железа возникло во владениях Тобольского архиерейского дома. В 1694 г. место добычи руды между Мурзинской и Невьянской слободами, принадлежавшее местным крестьянам, было отобрано в пользу митрополита Сибирского и Тобольского Игнатия. Ведать выплавкой металла приставили невьянского богородицкого попа Ивана Чуплова⁶⁰.

Во второй половине XVII в. в Спасском и Троицком монастырях (Енисейский уезд) появились собственные соляные варницы. Соль производили не только на собственные нужды, но и на местный рынок. Металлоем-

⁵⁶ Ремезов С. У. Служебная чертежная книга... Л. 157.

⁵⁷ Вкладные книги... С. 209, 210, 231.

⁵⁸ Струмилин С. Г. Очерки экономической истории России. М., 1960. С. 56.

⁵⁹ Рассадович А. И. Археологический отчет... 1976 г. С. 7-11.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 86/2. Л. 124.

кое солеварение, очевидно, повлекло за собой и создание в Усольской вотчине центра производства и обработки металла Троицкого монастыря⁶¹.

В описи хозяйства Кондинского монастыря на р. Оби в 1673 г. отмечены кузница и плавильня, использовавшаяся для выплавки железа и серебра. Изделия из железа, цветных и драгоценных металлов производились на монастырский обиход и на рынок⁶².

В преддверии эпохи петровских преобразований

К концу XVII в. железоделательное производство Урала и Сибири достигло определенного уровня. Наиболее показательным фактом достижений за столетие освоения края стало обследование уральских рудников и выбор мест под строительство крупных вододействующих заводов. Толчком к началу обширного обследования известных залежей железной руды на Урале послужило известие о существовании в Верхотурском уезде горы, состоящей из магнита. В результате этого обследования все известные ранее крупные месторождения железной руды, разрабатывавшиеся частным порядком, стали будущей сырьевой базой первых уральских доменных заводов.

26 июня 1696 г. верхотурскому воеводе Дмитрию Протасьеву было велено разведать и немедленно сообщить исчерпывающую информацию об этих рудах. Он должен был узнать, где находится магнит: в горе или в песке, много ли его, а найдя, описать подробно, сколько тех мест и далеко ли до жилья. Из найденной железной и магнитной руды плавильщикам предстояло сделать опытную плавку, а результаты опытов и образцы руды из разных мест по одному пуду послать в Москву, в Сибирский приказ.

При осмотре предписывалось также узнать и сведения экономического характера, необходимые для организации крупного металлургического производства: есть ли в тех местах внешняя вода, насколько широка и глубока река, судовая ли, в каких местах на ней могли бы быть мельницы; какое жилье и слободы ближе; есть ли около тех мест пашенные и сенокосные угодья, леса; какое в лесах дерево и зверье. Требовалось сообщить, какое в Сибири железо – мягкое или жесткое, в какое дело годится, есть ли путь для верхотурских жителей к тем местам, и сколько потребуется времени возить оттуда в Верхотурье руду⁶³.

Для описания Магнитной горы летом 1696 г. из Верхотурья был послан стрелецкий десятник Федор Накоряков, который по возвращении составил «доезд». В нем сообщалось, что камень-магнит находился в Краснополюском уезде на пустом месте на диком мысу, от деревни русских ясачных людей Терешки Фатеева, что у реки Тагила, в гору, версты с две.

⁶¹ Копылов А. Н. Русские на Енисее... С. 107.

⁶² Акишин М. О. Материалы к истории Кондинского Троицкого монастыря XVII в. // Российское государство в XIV – XVII вв. СПб. 2002. С. 514, 530

⁶³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 2. Д. 1280. Л. 15-16.

Сведения о других месторождениях железной руды, найденной в Верхотурском уезде – описание окрестностей, образцы руды и опытных плавок – прислали приказчики из Невьянской слободы – Михаил Афанасьевич Бибиков (будущий строитель Невьянского завода), из Краснополюской – Федор Лисицын, из Аятской – Козьма Чернышев.

Согласно досмотру и описи М. Бибикова, в окрестностях Невьянской слободы руда была обнаружена в трех местах. Найденные по р. Нейве залежи железной руды у р. Зырянки, в «Сухом логоу» вблизи р. Алапахини и у д. Кабаково стали основной сырьевой базой Алапахинского завода в первые годы работы. Ф. Лисицын и К. Чернышев установили что, железная руда была объявлена в уезде Краснополюской слободы на р. Нейве в двух верстах от д. Федьковки «в горе». При пробной плавке из пяти пудов руды было выплавлено полтора пуда железа. Судя по его описанию и обследованию местности это был один из брошенных рудников Тумашевского завода XVII в. На базе месторождения было выбрано место и начато строительство Невьянского завода⁶⁴.

До осени 1696 г. руда и пробные плавки были отправлены в Москву, а в конце февраля 1697 г. привезенный из Верхотурья груз был передан из Сибирского приказа в Оружейную палату бронникам Тимошке Иноземцу, В. Харину, Д. Осипову и И. Яковлеву для оценки годности железа в оружейное дело. В сентябре 1697 г. магнитная руда была испытана в Риге мастером Иоганном Миллером. Другая доля руды через главу Сибирского приказа А. А. Виниуса попала в Голландию к бургомистру Амстердама Николаю Витсену. Испытывал руду мастер Андрей Галлусгрилл.

К испытанию руд привлекли и Н. Демидова. 5 марта 1697 г. 4 пуда руды для переплавки и опыта были переданы из Сибирского приказа «туленину» мастеру железных заводов Никите Демидову сыну Антуфьеву. В письме к нему приказной дьяк Матвей Маскин, с обращением «Благородный мой Никита Демидович», просил, сделав из руды железо, выковать из него для образца фузейные стволы и копьё. Просил и поторопиться, так как Н. Демидов затянул выполнение заказа, «а за тем железным заводам остановку учинил»⁶⁵. В досзде П. Скурихин писал, что, по оценке тульского мастера, железо «самое доброе и не площе будет свицкого, а к оружейному делу будет оно лучше свицкого».

Точкой отсчета начала создания на Урале крупной промышленной базы можно считать именно указ от 10 июня 1697 г. В нем предписывалось в тех местах, где была обнаружена железная руда, построить завод с плотинной, тщательно выбрать место под строительство и подробно описать его.

К осени 1697 г. верхотурский воевода Д. Протасьев, опираясь на собственные силы, должен был выбрать места под заводы. Требования к мес-

⁶⁴ Там же. Л. 14.

⁶⁵ Там же. Л. 17.

ту, где предстояло построить первый завод, определяли в Сибирском приказе. Приказывалось вблизи рудников осмотреть и описать подходящие места «на малых текучих речках, чтобы завести на тех местах железный большой завод, при которых бы заводах рудная возка и леса были не в дальнем расстоянии, построить большую плотину для молотовых и больших мехов подъему и близ судовых рек, которыми мочно железо водою в понизовые сибирские и русские города отпускать. И приехав в те места велеть собрать тутошних лутчих железных заводчиков и рудоплавильных мастеров и с ними удобные места осмотреть и описать».

Место на р. Нейве для первого доменного завода было выбрано в 1697 г. в двух верстах от д. Федьковки с учетом данных обследования, проведенного приказчиками Ф. Лисицыным и К. Чернышевым⁶⁶. Здесь же указывались ширина и глубина р. Нейвы. По всем признакам был найден один из заброшенных рудников Тумашевского завода, обозначенный на чертеже С. У. Ремезова периода начала строительства Невьянского завода, как «рудные ямы». Впоследствии это месторождение, названное «Староборским», стало первым рудником Федьковского (Невьянского) завода.

Другой «первенец» уральской доменной промышленности, Каменский завод, также был построен у рудников, найденных в 1680-ые гг. монахами Далматовского монастыря. Завод работал довольно длительное время на железной руде, в изобилии имевшейся по берегам р. Каменки (Железенки).

Таким образом, возникновение доменных металлургических заводов на Урале стало возможным после принятия важных управленческих решений о проведении квалифицированной независимой экспертизы рудных образцов и обширного обследования найденных к тому времени рудных залежей. Столь пристальный государственный интерес к развитию металлургической базы за Уральским хребтом именно на рубеже XVII и XVIII вв. был обусловлен тем, что заводское производство в европейской части России к тому времени исчерпало свои возможности для удовлетворения возросших потребностей государства. Об этом ярко свидетельствует указ 1700 г. тобольским воеводам М. Я. и П. М. Черкасским о строительстве завода на Каменке. Новый завод был необходим «не только для прибылей, что из таких заводов впредь постоянно могут быть, но и для посылки железных пушек и гранат, и бомбов к Москве, в Астрахань и на Царицын для отпору и обороны против всяких наступающих неприятелей и для прибыточной продажи прутового, дощаного или того железа Соли Камской к варницам и к городу Архангельскому, и в иные русские города, zelo подобно для того, что для оскудения дров опасно, чтоб Московские заводы не остановить, а Павловские заводы, что держал гость Володимер Воронин, за тем стали, иже леса на них ныне не делают»⁶⁷.

* * *

⁶⁶ Там же. Л. 205-206.

⁶⁷ РГАДА Ф. 199. Д. 393. Л. 97об.-98.

ГЛАВА 4.

ПОИСКИ МЕСТОРОЖДЕНИЙ ЦВЕТНЫХ И ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ, ОРГАНИЗОВАННЫЕ ЦЕНТРАЛЬНЫМИ ВЛАСТЯМИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII В.

Государственная монополия на разработку месторождений серебра, меди и олова существовала еще в XVI в. В 1568 г. Иван IV пожаловал Я. Строганову довольно большие еще неосвоенные земли в Прикамье, при этом разрешалась добыча соли, но в отношении руд цветных и драгоценных металлов в царской грамоте говорилось: «... и где буде найдут серебряную или медную, или оловянную руду, и Якову тотчас о тех рудах отписывать к нам, а самому ему тех руд не делати без ведома»¹. Такая же ситуация сохранялась и в первой половине XVII в. — разведка и разработка месторождений этих металлов являлась прерогативой государства.

В первой половине XVII в. московскими властями было организовано несколько геологоразведочных экспедиций в восточном направлении. Сохранившиеся комплексы архивных документов позволяют проанализировать деятельность поисковых отрядов под руководством Ч. Бартенева и Г. Леонтьева (1618 – 1620 гг.)², Г. Загряжского и С. Беликова (1626 – 1627 гг.)³, Я. Хрипунова и М. Перфильева (1627 – 1630 гг.)⁴, В. Стрешнева и В. Сергеева (1633 – 1634 гг.)⁵. Однако это далеко неполный список геологоразведочных экспедиций, отправлявшихся на восток.

В записи, датированной апрелем 1634 г., о выдаче царских подарков окольничему Василию Ивановичу Стрешневу за найденную медную руду

¹ См.: *Введенский А. А.* Дом Строгановых в XVI – XVII вв., М., 1962.

² РГАДА. Ф. 151. Д. 1. Л. 1-17; Ф. 365. Д. 1. Л. 14-163.

³ Там же. Д. 9; Ф. 151. Д. 2, 3; Архив СПб ИИ РАН. Ф. 175. Оп. 1. Д. 4; Оп. 2. Д. 10, 12, 15, 16, 19, 27, 36, 52, 172.

⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 12, 16, 18, 41. Краткая история экспедиции Я. Хрипунова нашла отражение в книге *А. П. Окладникова* «Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII – XVIII вв.)» (Л., 1937) С. 44-49.

⁵ Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. II. СПб., 1851. С. 319; *Материалы для истории медицины в России.* Вып. 1. СПб., 1881. С. 32.

в Прикамье, в частности, упоминалось, что до него в те места были посланы Чулок Бартенов и «иные многие дворяне, чтоб руду сыскать», но они, «не служа Великому Государю и не помня крестного целования, медной руды не сыскали для своей бездельной корысти и имали от того многие посулы и поминки»⁶. Судя по этой записи, между поездками Ч. Бартенева и В. Стрешнева в пермских землях работали несколько экспедиций. Пока мы располагаем сведениями о двух – это экспедиция под руководством Г. Загрязского и С. Беликова (1626 – 1627 гг.) и поиски с участием иностранных мастеров Бергманов. О последних имеется лишь упоминание в старой описи фонда «Приказные дела старых лет» (РГАДА). Несохранившийся документ назывался «Перевод с грамоты, писанной из Великой Перми чужеземцами рудознателями Бергманами к думному дьяку И. Т. Грамотину о неотыскании ими в назначенных местах руды с просьбою выдачи им жалованья за заслуженное время и за понесенные труды». Эта группа поисковых работала в пермских землях не позднее декабря 1626 г.

Очевидно, еще до экспедиции Я. Хрипунова на Верхнюю Тунгуску предпринимались попытки поисков цветных и драгоценных металлов за Уральским хребтом. Но об этом пока найдены лишь косвенные данные. В начале XVII в. в Россию был прислан английский мастер Уолтер Басби для выработки стандарта золотых и серебряных монет на Монетном дворе в Москве. По предположению С. В. Зверева, он был причастен к выпуску в 1610 г. золотых «угорских» Василия Шуйского. У. Басби недолго работал в столице, вскоре его отправили в Сибирь для поиска золота и меди, но там он попал в плен к татарам, затем был выкуплен и вернулся в Англию⁷.

Стремясь к более полному выявлению роли государства в деле поисков месторождений цветных и драгоценных металлов, выделим следующие направления для анализа деятельности геологоразведочных экспедиций в первой половине XVII в.: инициирование поисковых работ, подготовка экспедиций (формирование состава; решение вопросов обеспечения финансами, продовольствием, снаряжением, транспортом); содержание царских наказов руководству экспедиций; государственный контроль и оперативное управление ими.

· Инициирование поисковых работ

Основанием для принятия решений о проведении экспедиций являлись сообщения о находках руд и рудных проявлений, поступавшие с мест.

⁶ Документы по истории горного дела XV – XVII вв. // Сборник Русского исторического общества. Т. 6 (154). К истории горного дела / Под ред. В. В. Грицкова. М., 2003. С. 54.

⁷ Зверев С. В. Участие иностранных специалистов в русском монетном деле XV – XVII веков. // Западноевропейские специалисты в России XV – XVII веков. Тезисы докладов научной конференции (Москва, 24 – 25 сентября 2002 года). М., 2002. С. 14.

Сведения о находках руд собирались разными путями. Это могли быть известия, полученные от новопоселенцев, имевших некоторые геологические знания или не имевших их, но обративших внимание на необычные каменные породы. В данном случае власти не прикладывали каких-либо усилий для сбора сведений о рудных признаках, люди предоставляли подобную информацию по собственной инициативе. Так, например, экспедиция Ч. Бартенева и Г. Леонтьева была направлена в Прикамье после сообщения жителя вотчины Н. Строганова Якова Литвинова (Якуша Литвина) о том, что во многих местах Перми Великой, в том числе и на Орле, имеется много медной руды и «возможно будет золото». С этим сообщением Яков сам приехал в Москву и привез образцы руды. Таким образом, сведения поступили не от Строгановых — владельцев земли, на которой были сделаны находки, и у кого на службе находился Я. Литвинов.

Трудно сказать, когда состоялся этот приезд Я. Литвинова в Москву. Известно, что в 1616 г. он уже вместе с семьей находился в столице («взят был для государева дела, к Москве, от Микиты Строганова») и подал челобитную на своего прежнего владельца, который не хотел отдавать Якову его имущество и 100 рублей. Среди вещей, которые рудознатец требовал вернуть, были богослужебные книги, две из которых со знаменной нотацией. Это свидетельствует о том, что Яков был не просто грамотным человеком, но и знал певческое мастерство и не исключено, что пел в знаменитом строгановском хоре⁸. Он также обладал определенными знаниями в горнорудном деле и верно смог определить признаки медной руды (очевидно, он обратил внимание на медистые песчаники, залегающие по берегам среднего течения р. Камы и ее притоков рек Сылвы, Яйвы и Усьвы). По материалам экспедиции 1618 — 1620 гг. известно, что у Якова были взрослые сыновья Моисей и Василий. Последний служил в Казани еще при «старом государевом дворе». Во время работы экспедиции Ч. Бартенева и Г. Леонтьева сыновьям Я. Литвинова поручались самостоятельные разведки рудных месторождений. Следовательно, они также обладали определенными знаниями в горнорудном деле.

Первые сведения о рудных богатствах Сибири стали поступать в Москву от служилых людей, отправлявшихся для «проведывания и приведения под высокую государеву руку новых землиц». Со второй половины 20-х гг. XVII в. сбор информации о рудах и, в первую очередь, о серебре перестал носить случайный характер, а стал целенаправленным, важным государственным делом. В наказах сибирским воеводам центральная власть предписывала, в том числе, собирать сведения о природных богатствах края и особо «проведывать» о серебре. Воеводы, в свою очередь, передавали эти распоряжения руководителям воинских отрядов, отправлявшихся в новые районы.

⁸ АИ. Т. III. СПб., 1841. С. 63.

После основания Енисейского острога в 1619 г. началось активное освоение русскими землепроходцами бассейна р. Верхней Тунгуски (Ангара). Так, в 1624/25 г. енисейский воевода стольник Яков Игнатьевич Хрипунов послал в Аплинскую и Шаманскую земли пятидесятника Терентия Савина, стрельцов Савву Иванова, Казарина Ильина и толмача татарина Розгильдея Сеитова, велел им собрать ясак и выяснить есть ли там серебро, где оно находится и какого качества. Но Я. Хрипунов не дождался возвращения отряда Т. Савина. Он был отозван в Москву, а на его место был прислан А. Ошанин. В 1625/26 г. новый енисейский воевода сообщил в столицу, что именно он посылал Т. Савина для сбора ясака и передал сведения о серебре, полученные служилыми на Верхней Тунгуске⁹.

Сообщение Я. Литвинова о находках медных рудных признаков в Прикамье, поступившее в 1617 г., не было перепроверено московскими властями, и уже в начале следующего года в этот район отправилась экспедиция под руководством Ч. Бартенева и Г. Леонтьева. Возможно, в то время правительство еще не пришло к необходимости получения дополнительных свидетельств о наличии рудных признаков в указанном месте или для этого не было возможностей. Материалы экспедиции 1618 — 1620 гг. наводят на мысль, что в столице даже не были проведены опыты с образцами, привезенными Я. Литвиновым.

Однако в 1626 г. московские власти уже стремились проверить или уточнить поступившую информацию о находках металлов или рудных признаков на далекой сибирской окраине. Так, после известия А. Ошанина в приказе Казанского дворца были опрошены бывший енисейский воевода Я. Хрипунов и стрелецкий десятник из Енисейского острога Дмитрий Андреев. Их сообщения совпадали в основных моментах, но расходились в деталях. Оба свидетеля передавали рассказы служилых людей, ходивших по Тунгуске для сбора ясака и слышавших о серебряной горе во владениях князца Окуня (Хрипунов называл еще князца Кельтю), а также свидетельства ясачных людей о маршруте и трудностях проникновения в те земли. Я. Хрипунов и Д. Андреев говорили, что добраться туда можно только по рекам (на судах или нартами в зимнее время) за 5-6 недель. Сложность заключалась в том, что на больших судах, в которых обычно ходили служилые люди за ясаком, проплыть в те земли было нельзя, необходимы были мелкие гребные суда. Расхождения касались количества людей у князца (100 или 200) и их умения обрабатывать серебро. Я. Хрипунову рассказывали, что князцы и их люди сами добывают серебро из горы и переплавляют. По сообщению же Д. Андреева, «промыслить он, князец, серебром не умеет, как то серебро делают». Бывший енисейский воевода также сообщил, что «бой у них (т. е. тунгусов) лучной, конейной и сабельный». В доказательство своих рассказов Я. Хрипу-

⁹ ДАИ. Т. II. СПб., 1846. С. 258-259.

нов показал в приказе Казанского дворца «грамотку» Т. Савина, которого он посылал на Тунгуску в 1624/25 г. В письме, адресованном Якову, Терентий рассказывал, что он купил серебро у «варганских людей» и расцарапывал тунгуса Чекола, который прожил около 10 лет у князя Окуня. Привезенное Терентием серебро было отправлено из Тобольска в Москву.

Несмотря на все трудности предстоящей экспедиции, Я. Хрипунов и Д. Андреев выразили готовность «послужить государю» — отправиться в Сибирь к серебряной горе.

Сбор информации из разных источников о серебряных месторождениях в верховьях Тунгуски был обусловлен не только недоверием к первому поступившему сообщению. На наш взгляд, московские власти прекрасно понимали, что геологоразведочные экспедиции в Прикамье и в Восточной Сибири должны были проходить в различных условиях, обусловленных степенью удаленности от центра, завершенности процесса колонизации и безопасности в военном отношении. К тому времени Прикамье уже было в достаточной мере освоено русским населением, обстановка в крае была спокойной. В Восточной Сибири процесс подчинения коренных народов российскому владычеству не был еще завершен, сохранялась военная опасность, расположенные на почтительном расстоянии друг от друга остроги вряд ли могли стать надежной опорой и защитой для русских землепроходцев, уходивших далеко на восток, в том числе, и для поисков серебра. В связи с этим подготовка экспедиций в разные районы требовала и разных подходов. От условий, в которых должны были проходить экспедиции, зависел их состав, задачи, тактика проведения поисковых работ, снаряжение и обеспечение. Поэтому, кроме подтверждений первоначального известия о возможных находках серебра, центральные власти стремились получить наиболее полную информацию о ситуации в предполагаемых районах геологоразведки (в частности, о военной обстановке, расстояниях до ближайших острогов, более удобных путях и т. д.).

Готовя экспедиции в еще малоизведанные, отдаленные районы, центральная власть стремилась учитывать опыт, накопленный в ходе присоединения и освоения Сибири и мнение тех, кто нес там службу. Так, и Я. Хрипунов, и Д. Андреев сказали, что у месторождения серебра обязательно надо будет поставить острог. Власти стали сразу же выяснять, откуда будет ближе возить в тот острог деньги и хлеб на жалованье служилым людям — из Енисейска или из Красноярска. Оба служилых сказали, что можно и из того, и из другого, расстояние одинаковое. Заявив о своей готовности взяться за поиск серебряной горы в верховьях Тунгуски, Я. Хрипунов и Д. Андреев предложили совершенно разную тактику проведения данного мероприятия.

Стольник Я. Хрипунов просил отправить с ним отряд служилых людей «с огненным боем» в легких стругах, а также в качестве проводников тех людей, которых он посылал в 1624/25 г. в Аплинскую и Шаманскую

землицы во главе с пятидесятником Т. Савиным (всего 5 человек, в т. ч. толмач). Главной своей задачей Яков видел приведение «под высокую государеву руку» князцов, которые жили у заветной серебряной горы, сбор с них ясака. Попутно он надеялся найти и серебро, а затем разведать «иные многие землицы» и объяснить.

Я. Хрипунов считал необходимым поставить острог «у тех князцов, у Окуня и у Келти, у серебряной горы». По его мнению, «государевых служилых людей 100 человек в ту посылку будет мало», т. к. говорят, что рядом с теми князцами «живут многие землицы большие люди, и в остроге де тем государевым служилым людям сидеть будет страшно».

Д. Андреев предлагал не посылать к князцу Окуню отряд служилых людей из Енисейского острога, потому что ему придется идти крайне тяжелым путем вверх по Тунгуске, где большие пороги, а князец, «увидя служилых людей, разбежатца по лесом и по малым речкам, и тех гор, из которых идет серебро, без тово князька сыскать и указать будет некому». Поэтому он просил послать к князцу его с толмачом и площадным подьячим из Енисейского острога, чтобы «проведавать про серебряные руды». Таким образом, план Д. Андреева включал только поиски серебра, и не ставилась задача покорения новых земель. Правительство выбрало план Я. Хрипунова, но была учтена и мысль Д. Андреева — не спугнуть тунгусов.

Также задача сбора сведений о рудных местах ставилась и перед участниками поисковых экспедиций путем опроса населения тех районов, где они работали. По началу руководителям экспедиции разрешалось применять самые разные методы получения информации, вплоть до заключения под стражу и пыток. Однако уже после первой экспедиции власти осознали недейственность насильственных методов, Г. Заряжскому и С. Беликову было запрещено «жесточить» местное население и предписывалось «разведывать у всяких людей ласкою и обнадёживая нашим (т. е. государевым) жалованьем».

Первоначально сведения о находках цветных и драгоценных металлов поступали в один из приказов, который для проверки полученных известий уже непосредственно на месте организовывал подготовку экспедиции и курировал ее проведение. По косвенным данным можно утверждать, что экспедиция Ч. Бартенева и Г. Леонтьева находилась в ведении Аптекарского приказа, экспедиция В. Стрешнева и В. Сергеева — приказа Большой казны, экспедиция Г. Загряжского и С. Беликова — Посольского приказа, экспедиция Я. Хрипунова — приказа Казанского дворца.

Лишь материалы экспедиции Я. Хрипунова позволяют проследить механизм принятия решения и подготовки экспедиции. Согласно ведомственному подчинению сообщение енисейского воеводы А. Ошанина поступило в приказ Казанского дворца, который в то время ведал, в том числе и сибирской территорией. Именно руководством этого приказа проводились опросы Я. Хрипунова и Д. Андреева. После того, как весь

материал был собран, боярин князь Д. М. Черкасский, дьяки И. Болотников и И. Грязев сделали доклад царю Михаилу Федоровичу. Очевидно, в этом докладе содержались и предложения по организации и проведению экспедиции на Верхнюю Тунгуску. После чего царь указал «к князю Окуню и Кельте для сыску серебряных гор послати Якова Хрипунова». Таким образом, именно поиски серебра были главной задачей этой экспедиции, а «приведение новых земель под высокую царскую руку» являлось средством достижения поставленной цели. 18 января 1627 г. царь подписал указ, в котором говорилось о решении послать экспедицию в верховья Тунгуски и давались конкретные указания по подготовке и проведению экспедиции.

Подготовка экспедиций

Подготовка любой экспедиции предполагала решение целого ряда вопросов: определение ее задач и тактики, источников финансирования, подбор участников, подготовка снаряжения и оборудования, обеспечение транспортом.

Формирование состава. Приняв решение о проведении той или иной экспедиции, власти назначали ее руководителей. Структура руководства в данном случае соответствовала административной практике XVII в. Как и при любом государевом поручении (будь то воеводство или посольская служба), во главе экспедиции стояли служилый человек (стольник, дворянин, сын боярский) и подьячий или письменный голова.

Так, прикамские экспедиции первой половины XVII в. возглавляли: в 1618 — 1620 гг. — московский дворянин Чулов Иванович Бартенева подьячий Гаврило Леонтьев*; в 1626 — 1628 гг. — московский дворянин Григорий Алексеевич Загряжский и подьячий Сергей Беликов**, в 1633 г. — стольник Василий Иванович Стрешнев и дьяк Василий Сергеев Прокофьев***.

* Ч. И. Бартенева отмечен в окладной книге 1616 г. среди дворян, получавших поместный оклад (См.: РИБ. Т. VIII. СПб., 1884. С. 146). Г. Леонтьев в 1627 г. был пожалован в дьяки и назначен в Патриарший судный приказ, позже служил в различных приказах, принимал участие в создании Соборного Уложения 1649 г. (См.: Веселовский С. В. Дьяки и подьячие XV — XVII вв. М., 1975. С. 290 — 291).

** Г. А. Загряжский в 1616 г. был воеводой в Боровске, затем вторым воеводой в передовом полку на Дединове, а в 1626 г. переведен в Сапожск. После экспедиции с мая 1628 по май 1631 гг. был на воеводстве в Тобольске. В 1632 г. был направлен в действующую армию М. Шеина под Смоленск, но вступил в местнический спор с околышчим А. Измайловым, не выполнил государев указ и к месту назначения не поехал, «за безчестие» А. Измайлова был наказан заключением в тюрьму. Впоследствии смирился и служил под Смоленском «у хлебных запасов». В 1634 г. постригся в монахи (Газенвинкель К. Б. Книги разрядные в официальных их списках как материал для истории Сибири XVII в. Казань, 1892. С. 27). С. Беликов упоминается в документах конца 30-х гг. XVII в. как подьячий Приказа сбора немецких кормов, имел двор в Москве (Веселовский С. В. Дьяки и подьячие XV — XVII вв. С. 49).

*** В. И. Стрешнев в 1616 г. был в должности «стряпчего с платьем», имел поместный оклад 600 четей земли, в 1634 г. стал околышчим, в 1636 г. служил в Новой чети. В документах 1638 г. упоминается как наместник мироумский, тульский воевода. В 1646 г. получил боярский титул и ему был учинен денежный оклад 500 руб. Был одним из самых знатных и богатых лю-

Экспедиция на р. Тунгуску в 1627 — 1630 г. проводилась под руководством стольника Якова Игнатьевича Хрипунова и подьячего Максима Перфильева*.

Далее определялся состав участников экспедиции. В первую очередь необходимо было найти специалистов — рудознатцев, умевших провести опыты с найденной рудой, определить в ней содержание того или иного металла, а также оценить перспективность разработок месторождения.

В то время в России не было своих специалистов в данной области. Издавна существовала практика приглашения иностранных мастеров на российскую службу. Еще Иван III просил у венгерского короля прислать рудознатцев в Москву для поисков руд, но получил отказ¹⁰. Наказ Р. Бекману, посланному в Любек в 1600 г. для найма различных специалистов, и опасная грамота, выданная английскому шляхтичу Я. Булмеру в 1626 г. для проезда в Россию, показывают, что при подборе рудознатцев главное внимание обращалось на то, чтобы они умели находить золотую, серебряную и медную руду. Тем, кто соглашался ехать к российскому монарху «своим ремеслом послужить», обещалось государево жалованье и свободный выезд назад¹¹.

Но в период Смуты и военных действий с Польшей и Швецией такой путь поисков специалистов-рудознатцев был крайне затруднен. Скорее всего, мастер-рудознавец для первой экспедиции в Прикамье (1618 — 1620) Джон Ватер был прислан по договору царя Михаила Федоровича с английским королем Якобом. Об этом свидетельствует указание Д. Ватеру в государственной грамоте от 23 августа 1618 г., отправленной на Орел-городок руководителям экспедиции Ч. Бартеневу и Г. Леонтьеву в ответ на их сообщения о первых опытах с рудой из Григоровой горы. Мастер не обнаружил в руде золота, хотя был уверен, что «нет такой меди, в которой бы золота не было, и в той меди золото есть же, только ево з дело не будет». Царь велел передать Д. Ватеру, чтобы он «промышлял великим радением», т. к. «король английский прислал ево служить, во всем радети».

дей России того времени, неоднократно принимал участие в дипломатических приемах при дворе и других придворных церемониях (РИБ. Т. X. СПб., 1886; Акты Московского государства. Т. 1. СПб., 1890. С. 141; Т. 2. СПб., 1894. С. 172-173, 203) В. С. Прокофьев известен по документам с 1603/04 г. как подьячий Стрелецкого приказа, затем служил в разных приказах, во время отправки экспедиции был подьячим в дьячье место Государевой Мастерской палаты, по возвращении из Прикамья был пожалован в дьяки и назначен в полномочное посольство боярина Ф. И. Шереметева в Польшу, после продолжал службу в различных приказах (Веселовский С. В. Дьяки и подьячие XV — XVII вв. С. 431).

* Я. И. Хрипунов был первым воеводой Енисейского острога, приехавшим из Москвы, находился на этой должности с мая 1623 по 1625 гг. Дьяки и назначен в полномочное посольство воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 155). М. Перфильев был направлен в экспедицию из Енисейского острога, позже неоднократно посылался для разведывания новых земель в Восточной Сибири. Считается основателем Братского острога (1631 г.). В 1633 г. его отряд первым вышел по р. Лене к Ледовитому океану (История Сибири. Т. 2. Л., 1968).

¹⁰ См.: Кузин А. А. История открытий рудных месторождений в России. С. 52-54.

¹¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. IV. М., 1989. С. 374; СГГД. Т. 3. С. 297-298.

С первых же дней своего царствования молодой Михаил Романов пытался получить помощь в борьбе с интервентами от Голландии и Англии. В 1614 г. в Англию было отправлено посольство А. Зюзина. И в этом же году в Москву с дипломатической миссией приехал английский купец Д. Мерик. В ответ на предоставление России финансовой помощи и посредничество в урегулировании отношений со Швецией Англия добивалась разрешения на проезд английских купцов через российскую территорию в Персию и по р. Оби в Индию и загадочное Китайское государство. Также английский посол просил позволить привести «знатцев» и кузнецов для поисков и разработок месторождений железной и оловянной руд на р. Сухоне. Д. Мерик уверял, что от этого российскому государю будет прибыль, да и «русские люди выучатся сыскивать и делать, и тут станут жить».

Удовлетворение просьб английской стороны было отложено до установления мира со Швецией. В 1617 г. Англия помогла это сделать и потребовала ответных шагов. Но Боярская Дума явно не хотела пускать английских купцов вглубь страны. Так, в отношении дороги по р. Оби в Индию и Китай был дан ответ, что «Сибирь далеко, до первых городов с полгода ходу, и то зимою, сами туземцы не знают, откуда Обь река вышла и куда вошла, сторона та самая студеная, больше двух месяцев тепла никак не живет, а по Оби всегда лед ходит, никакими судами пройти нельзя, а вверх по Оби, где потеплее, там многие кочевые орды; про Китайское государство сказывают, что не великое и не богатое, добиться к нему нечего». Но из дружбы с английским королем государь обещал послать нарочного к воеводам, чтобы разузнать про Обь и Китай. Русские купцы отнеслись довольно спокойно к поискам англичанами дороги в Китай. Они сказали, что те давно ищут туда путь, «да не найдут, и вперед им туда не дорога ж, поискав, да и покинут».

В то время у российских купцов еще не возник интерес к занятию промышленностью, поэтому они считали вполне возможным разрешить англичанам заниматься железоделательным производством в России, т. к. для государевой казны это будет дешевле, чем ввозить железо из-за границы, «а если найдут железо, которое льется, как медь, то это будет в Московском государстве диковина». В июле 1617 г. в Англию были посланы дворянин С. Волынский и дьяк М. Поздеев с благодарностью за примирение со Швецией и просьбой о помощи против Польши¹². В документах не сохранилось указаний, когда именно в 1617 г. Я. Литвинов сообщил о находках руды в пермских землях. Возможно, это произошло до отправки посольства в Англию и перед С. Волынским и М. Поздеевым, в том числе, стояла задача попросить у короля Якоба специалиста-рудознатца. Английский король выполнил просьбу своего «любительного» друга и отправил в Москву Джона Ватера. В переписке 1629 г. об оставленном экспеди-

¹² Там же. Кн. V. М., 1990. С. 86-89, 130.

цией в Нижнем Новгороде оборудовании его фамилия написана «Ворт»¹³. Можно предположить, что, не снискав успеха в горнорудном деле, он занялся торговлей. В списке английского купечества, составленном А. В. Демкиным, упоминается Джон Варт, осуществлявший торговые операции в России в 1624 г. и до 1648 г.¹⁴

Вместе с мастером Д. Ватером в экспедицию был отправлен толмач Роман Зеленый. Кроме иностранного мастера с этим поисковым отрядом был послан и рудознатец, нашедший рудные проявления, Я. Литвинов и его сыновья Василий и Моисей.

В качестве главных специалистов в экспедиции приняли участие Ганц Герольт (Анц Ерольт, Яган Ярольт) и Самуил Фрик (Самойла Фрич), приглашенные из «Цесарской земли» в 1626 г. английским купцом Фабином Ульяновым, который заключил с ними договор об условиях их пребывания в России на государственной службе. В документах отмечена специализация приглашенных мастеров. Ганц Герольт именовался лозоходцем «ко всякому рудознатному делу», а Самуил Фрик – «золотознатцем». Они названы немцами. Как известно, в России всех иностранцев называли немцами. Однако есть основания, считать, что Фрик и Герольт имели действительно немецкое происхождение. В челобитных они называли себя «Цесарские земли рудознатцы». В 1631 г. С. Фрик просил отпустить его со службы в «нашу немецкую землю». Также сохранились отчеты, написанные ими собственноручно на немецком языке¹⁵.

По данным И. Забелина, С. Фрик бывал в России и раньше, принимал участие в выполнении крупных царских заказов в составе группы мастеров золотых и алмазных дел. Так, в 1616 г. он делал корону к царскому жезлу, а в 1624 г. – царскую корону, в 1629 г. – саадак. Среди этих ювелиров также упоминаются «немец фрязини Английска земли» Кондратий и Яков Фрики. Возможно, это родственники Самуила, но работавшие до приезда в Россию в Англии¹⁶.

Во время экспедиции в обязанности С. Фрика и Г. Герольта входили поиск рудных месторождений и проведение опытов со всеми взятыми образцами породы. На протяжении всей экспедиции С. Фрик составлял заключение на немецком языке о результатах опытов, которое вместе с его переводом на русский язык, образцами породы, результатами опытов и сообщением руководителей экспедиции отсылалось в Москву.

В экспедиции 1626 – 1628 гг. также принимали участие подмастерье Павлик Шмоль, которого мастера называли своим племянником, пере-

¹³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 175. оп. 1. Д. 24.

¹⁴ Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. Вып. 2. М., 1994. С. 83.

¹⁵ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 175. Оп. 1. Д. 4; Оп. 2. Д. 10, 12, 15, 16, 19, 27, 36, 52, 172.

¹⁶ Забелин И. О металлическом производстве в России до XVII столетия. СПб., 1853. С. 117, 133-134.

водчик Тимофей Фаннемин. После окончания экспедиции весной 1628 г. по просьбе мастеров Павлик Шмоль был отпущен на родину, в Цесарскую землю, чтобы привезти в Россию семью и закупить рудознатные и водоприводные снасти.

В то же время Г. Герольт и С. Фрик с переводчиками Т. Фаннеминным и И. Кашировым были отправлены в Кабарду. Перед мастерами были поставлены две задачи: проверить известия о серебряной руде и построить канал для обеспечения пресной водой Терского городка. Из-за сложной военно-политической обстановки в том районе мастера не смогли обследовать предполагаемые месторождения. Они лишь провели опыты с 0,75 фунта руды, добытой с большими трудностями Каншов-мурзой. С. Фрику удалось выявить в этой руде довольно большое содержание свинца и присутствие серебра. В мае 1629 г. столичными властями было принято решение не заниматься поисками руд в Кабарде, чтобы не ухудшать отношений с местным населением. К тому времени С. Фрик и Г. Герольт закончили строительство канала (вернее углубление и расширение уже имевшегося). Но еще на год им пришлось задержаться в Астрахани, где они участвовали в составлении чертежей новых городских укреплений¹⁷.

По дороге из Астрахани в Москву Г. Герольт скончался. По приезде в столицу в марте 1631 г. С. Фрик получил договорное месячное жалование за полтора года. А спустя 3 месяца, в июне 1631 г., он подал челобитную с просьбой отпустить его на родину и выдать проезжие грамоты на русском и немецком языках. В этих документах он просил указать, что его товарищ Г. Герольт умер в России на государевой службе. Самуил обещал, если будет необходимо, привезти к русскому царю «всяких статей мастеров разных мудростей, которые делают всякие железные мудростилные деланья». На челобитной имеется резолюция, что царь и патриарх распорядились отпустить его, так как «за ним дела никаково и руды нигде не сыскал, по даче, по уговору и корму емлет даром и в том государеве казне истеря и убытки немалые»¹⁸. Позже С. Фрик приезжал в Россию, но уже в качестве мастера золотых дел. По заказу царского двора он принимал участие в изготовлении сабли в 1632 г. и короны в 1633 г.¹⁹

В экспедицию на Тунгуску был определен в качестве основного специалиста бывший наводной мастер Оружейного приказа Иван Иванов Рена. В документах экспедиции он называется «для серебряной переплавки плавильщик и серебряный мастер».

В экспедиции 1633 г. под руководством стольника В. И. Стрешнева и дьяка В. Сергеева в качестве одного из главных мастеров участвовал пу-

¹⁷ Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы / Сост. Н. Ф. Демидова, Е. Н. Кушева, А. М. Персов. Т. 1. М., 1957. С. 131–135.

¹⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 175. Оп. 1. Д. 33.

¹⁹ Забелин И. О металлическом производстве... С. 133–134.

шечный мастер, рудознатец швед Елисей Коет*. После возвращения из экспедиции он получил богатое вознаграждение за то, что «будучи у государева сыского дела медяные руды радел»²⁰. Вторым мастером был рудознатец Александрик Иванов Тумашев — родоначальник династии рудознатцев и заводовладельцев Тумашевых. Скорее всего, именно по его сообщению и была отправлена экспедиция. После завершения экспедиции он был награжден за то, что «сыскал у Соли Камской медяные руды признаку»²¹.

Кроме главного специалиста-рудознатца (или специалистов) в каждой экспедиции принимал участие вспомогательный персонал. Как правило, это были люди, связанные с металлоделательным производством — денежные мастера, плавильщики, кузнецы. Так, в экспедиции Ч. Бартенева и Г. Леонтьева работали 3 денежные мастера, горшечник и плавильщик Молофей, а также упоминаются 2 человека Джона Ватера. Все они были посланы из Москвы. Когда эта экспедиция собиралась продолжить свою деятельность на Печоре, то ее руководители просили также отправить с ними кузнеца и кирпичника. Очевидно, пока экспедиция базировалась на Орле-городке, т. е. в довольно обжитом месте, то с наймом таких мастеров проблем не возникало.

С Я. Хрипуновым на Тунгуску был послан из столицы только И. Репа, который просил определить ему в помощь еще серебряного мастера и кузнеца. Царь дал указание тобольским воеводам послать из Тобольска рудознатца — плавильщика, «которой бы из руды серебро и медь и олово плавить знал... а буде в сибирских городех плавильщика нет и с Яковом Хрипуновым послати ис Тобольска серебряново мастера да кузнеца». Однако местные власти не смогли найти в сибирских городах рудознатца-плавильщика и отправили с Яковом Хрипуновым только серебряного мастера «из тобольских служилых людей».

Надо сказать, что в то время среди сибирских служилых были разные «умельцы» серебряного дела, в том числе и такие как качинский казак Васья Артемьев Серебряник. Он был пойман на том, что делал в Маковском остроге оловянные деньги. Царской грамотой от 24 февраля 1629 г. было предписано пытаться Ваську повторно и выяснять с кем он те «воровские деньги» делал и как давно этим занимался. Но казак стоял на своем — делал все один и впервые в Маковском остроге. А технология у него была такая: «Лил в персть, зделав из дерева оноки и напечатав серебряною наугородою (т. е. деньгой)»²².

Поскольку руководители экспедиций обязаны были постоянно сообщать о деятельности своих поисковых отрядов в Москву, то в состав экспедиций

---

* 31 мая 1634 г. Елисей обратился к царю с просьбой разрешить ему покупку 16 пустошей в Московском уезде для устройства стеклянного завода с льготой на 15 лет и с запрещением другим устраивать подобные заводы. Поместный приказ продал ему эти пустоши, и вскоре Елисей стал владельцем единственного в России стекального завода. См.: СГД. Т. 3. СПб., 1822. С. 351.

²⁰ ЧОИДР. 1883. Кн. 4. М., 1884. С. 890.

²¹ Там же. С. 862.

²² РГАДА. Ф. 214. Д. 16. Л. 130-131.

также назначались служилые люди «для посылок», причем это были дети боярские или дворяне. Очевидно, предполагалось, что они также должны были выполнять какие-то ответственные поручения по ходу проведения экспедиции. Так, например, с экспедицией Ч. Бартенева и Г. Леонова был отправлен клиенный сын боярский Алексей Головин. В 1618 г. он был послан руководством экспедиции во главе небольшого поискового отряда «в вогуличи» на р. Чусовую и р. Сылву. Очевидно, он также выполнял поручение центральных властей о негласном надзоре за участниками экспедиции. В экспедиции Г. Загряжского и С. Беликова такие же функции возлагались на служилого немчина Ивана Федорова Зорена (Анц Зорен Кукольник)*.

В составе экспедиции Я. Хрипунова не было специальных служилых людей для посылок, отправленных из Москвы. Учитывая дальнейшее расстояние, предполагалась несколько иная система связи со столицей. Яков должен был посылать кого-то из служилых приборных людей, находившихся в его отряде, с донесениями до ближайшего острога (Енисейского или Красноярского). Воеводы этих острогов, если была оказия, передавали сообщения в Москву или тобольским воеводам, а те, в свою очередь, снаряжали посыльных в столицу.

У Я. Хрипунова была просьба отправить с ним тех пятерых человек, которых он посылал на Тунгуску в 1624/25 г., т. к. они знали дорогу. И особо он просил отпустить с ним шурина Микиту Савинова Воейкова, ссылаясь на свой преклонный возраст. М. Воейков служил в Разрядном приказе «из житья». Эти просьбы Я. Хрипунова были выполнены.

В составе экспедиции В. Стрешнева и В. Сергеева участвовало уже 9 служилых дворян. 2 декабря 1633 г. пятеро из них: стольники Иван Стрешнев, Григорий Волков, Кирилл Арсеньев, а также Янаклыч Челыщев (его чин не отмечен) и жилец Матвей Рябинин, были вознаграждены за то, что были посланы «для сыску медной руды и у дела были безотступно, и за всякими наемными людьми надсматривали, и в посылки для медной руды посылаемы»²³. Особенностью этой экспедиции являлось и то, что в ней принимал участие представитель высшего слоя купечества — ярославский гость Надея Андреев Светешников**. Государство широко ис-

* Иван Федоров Зорен был отправлен с экспедицией для «то ж государева дела и для рассылки». В январе 1627 г. в челобитной на царское имя он писал, что послан «в государеву службу и рудоизнатицы» (См.: РГАДА. Ф. 151. Оп. 1. Д. 4. Л. 25-31). Однако по сохранившимся документам не прослеживается его участие в экспедиции как специалиста-рудознатицы.

** Н. А. Светешников был одним из самых богатых российских купцов того времени. Только в 1618/19 г. его приказчик поставил к государеву двору тканей на 2348 руб. 40 коп. Н. Светешников брал крупные подряды на поставку хлеба в Сибирь, а его промышленные артели добывали там пушнину. Недалеко от Самары он имел соляные промыслы, рядом с которыми построил небольшой острог, называвшийся Надеиным Усольем. Конец жизни Н. Светешникова был драматичен. В 1645/46 г. он не смог вернуть долг 6570 руб. в казну за сибирскую мяккую ружьядь и был поставлен на правож в Сибирском приказе. Не вынес пыток, Н. Светешников скончался (См.: РГАДА Ф. 396. Оп. 2. Д. 71. Л. 41-41об., 143-145 об.; Ф. 214. Оп. 1. Д. 253. Л. 19-74; Преображенский А. А., Перхавко В. Б. Купечество Руси IX – XVII века. Екатеринбург, 1997. С. 141-142).

²³ Сборник Русского исторического общества. Т. 6 (154). К истории горного дела / под ред. В. В. Грицкова. М., 2003. С. 53.

пользовало купцов в своих интересах, давая им разнообразные и обременительные поручения. В отличие от служилых и приказных людей они не получали жалованья. Одно из таких поручений и выполнял Н. Светешников в Прикамье. На государственной службе купцы несли материальную ответственность за неисправное ведение дел. Также в экспедиции В. Стрешнева был лекарь англичанин Матвей Кинфин²⁴.

Специфический состав имела экспедиция Я. Хрипунова. С ним было послано 150 служилых людей из сибирских городов, это было обусловлено военной опасностью и задачами экспедиции. Из Москвы было указано только общее количество служилых, очевидно, дальнейшую разрядку по городам определяли тобольские воеводы. Отряд имел следующий состав: из Тобольска — 30 стрельцов, казаков и литвы, из Тары — 30 человек, из Пелыма — 10, Из Березова — 30, из Сургута — 20, из Тюмени — 30²⁵. Также было дано распоряжение послать с Я. Хрипуновым из Нарымского острога священника.

Разработка вопросов финансового и продовольственного обеспечения. Финансовые затраты на экспедиции можно разделить на три составляющие: жалованье и подмога (кормовые деньги) участникам; покупка оборудования, материалов для опытов и снаряжения; расходы в ходе проведения экспедиций (найм рабочей силы, прогонные деньги и др.)

Первая экспедиция в Прикамье проходила во время тяжелейшего экономического кризиса в стране. Столица и центральные районы были разорены во время Смуты и только начинали залечивать раны. Казна была пуста, поэтому финансовое обеспечение экспедиции Ч. Бартечева и Г. Леонтьева было возложено на те районы, где проводились поисковые работы. К тому же гражданская война и интервенция начала XVII в. не затронули вотчины Строгановых, Соликамский и Чердынский уезды. Расходы на эту экспедицию должны были покрываться из местных кабацких и таможенных доходов. Данная практика решения вопросов обеспечения экспедиций за счет местных казенных сборов продолжала использоваться при организации последующих экспедиций.

На период проведения экспедиций за служилыми и приказными людьми сохранялся тот же размер оклада, что и на предыдущем месте службы, а также назначались кормовые деньги из расчета на день. Во время подготовки и отправки экспедиций в Прикамье не предполагалась выдача жалованья их участникам заранее. Так, только по грамоте от 17 марта 1619 г. руководители первой экспедиции получили из «усольских» городских доходов окладные деньги за предыдущий год: Ч. Бартечев — 90 руб., Г. Леонтьев — 30 руб. В следующем году они просили выдать их

²⁴ Материалы для истории медицины в России. Вып. 1. СПб., 1881. С. 32.

²⁵ Первое столетие сибирских городов. XVII век. Новосибирск. 1996. С. 51-55.

оклады родственникам в Москве. Как писал Г. Леонтьев, «чтобы матушка и женишка с людишками не померли голодною смертью», пока он находится на государственной службе. Рудознатцу Д. Ватеру было назначено годовое жалование на 1617/18 г. в размере 20 руб., на 1619/20 г. — 30 руб.* Толмач получал годовой оклад 20 руб., денежные мастера и плавильщик — 5 руб. Поденные кормовые деньги были назначены следующим образом: Ч. Бартеневу и Д. Ватеру — по 20 коп.; Г. Леонтьеву и толмачу — по 10 коп.; денежным мастерам, плавильщику, горшечнику, А. Голикову — по 6 коп.; людям Д. Ватера — по 5 коп.²⁶

В комплексе использованных нами документов отсутствуют упоминания о назначении жалования и кормовых денег семье Литвиновых, очевидно, их работа оплачивалась из сумм, предназначенных для найма работников. Имеется лишь челобитная Моисея Литвинова с просьбой дать грамоту, чтобы соликамский воевода «не правил с него растраты», т. к. он поиздержался в дороге до Москвы, а также просил «дать, чем подняться для нынешней посылки» (видимо, речь идет о предстоящей поездке на Печору). М. Литвинов получил 5 руб.

В материалах этой экспедиции сохранились периодические записи о расходах кормовых денег и выдачи жалования основному составу экспедиции. Согласно поданным после экспедиции в Аптекарский приказ расходным книгам, всего на корм было потрачено 944 руб. 69,5 коп. В этой сумме явно не учтены расходы на найм рабочих. Это подтверждается некоторыми формальными подсчетами. Учитывая разрядку на выплату кормовых, установленную центральными властями, получается, что ежедневные затраты составляли 94 коп., в месяц — 28 руб. 20 коп., в год — 343 руб. 10 коп. А экспедиция работала около 2 лет и 10 месяцев, получается, что расходы на кормовое должны были составить около 959 руб. при условии, что все участники находились в экспедиции весь срок. Но А. Головина на некоторое время отправляли в Москву.

Выявить сколько всего средств пошло на эту экспедицию источники не позволяют. Известны лишь расходы в связи с поездкой отряда на Печору и Цильму весной-летом 1620 г. К началу этой поездки у экспедиции оставалось 52 руб. 16 коп. Путь предстоял дальний и требовались дополнительные казенные средства. 16 августа 1619 г. соликамский воевода Моисей Глебов и подьячий Федор Витовтов послали в Москву отписку о том, что Ч. Бартенев и Г. Леонтьев просили прислать на Орел-городок 100 руб. «для плавления серебряной и медной руды», но царского указа об этом не было. 30 августа в Соликамске получили еще одно письмо от руководителей экспедиции с просьбой прислать уже 300 руб., т. к. они собираются ехать на Печору сами. И вновь без государева указа соликамская админи-

* Данные за 1618/19 г. в имеющихся документах отсутствуют.

²⁶ РГАДА. Ф. 365. Д. 1. Л. 132.

страция не могла выдать деньги из усольских доходов, поскольку было известно, что еще в 1618 г. на Орел приказчикам Я. Литвинову и П. Маркову была послана грамота о том, что давать деньги для этого «государева дела» из орловских доходов. В ответ на послание соликамского воеводы из Москвы последовал указ выдать Ч. Бартеневу и Г. Леонтьеву на печорскую поездку из орловских доходов — 100 руб., из соликамских — 300 руб. По мнению же Д. Ватера, для такой поездки необходимо было иметь 600 руб., т. к. место там «пустое» и взять денег будет негде. Но в конечном итоге руководители экспедиции получили из соликамской казны только 100 руб. Вернувшись в Москву, Ч. Бартенева и Г. Леонтьев сдали в Аптекарский приказ денежный остаток 51 руб. 92 коп.²⁷

Судя по сохранившимся документам экспедиции Г. Загряжского и С. Беликова, ее финансовое обеспечение было постоянной проблемой руководителей. Содержание немецких мастеров на период экспедиции состояло из трех составляющих. Еще при заключении с ними договора на родине был определен ежемесячный денежный оклад: С. Фрику — 13 руб. 80 коп., Г. Герольту — 11 руб. 50 коп. Также на тот период, пока рудознатцы находились в экспедиции (это являлось государственной службой), им было назначено поденное кормовое жалование: С. Фрику и Г. Герольту — по 15 коп., П. Шмолю — по 5 коп.²⁸ Это было ниже, чем у Д. Ватера. Для сравнения отметим, что в 20 — 30-е гг. XVII в. средний оклад иностранных мастеров Золотой палаты составлял 6 руб. 32 коп.²⁹ Из государственной казны оплачивались и питейные расходы иностранцев. Были установлены следующие поденные нормы: С. Фрику и Г. Герольту — по 4 чарки вина, 6 кружек меда, П. Шмолю — 2 чарки вина, 1 кружка пива и 1 кружка меда.

Сохранилась расходная роспись подьячего С. Беликова, охватывающая весь период экспедиции, что позволяет оценить затраты на ее проведение. Отправляясь в экспедицию в конце марта 1626 г., Г. Загряжский и С. Беликов получили из Посольского приказа на пятимесячное содержание иностранных специалистов лишь 53 руб. 55 коп. Все остальные средства им было указано брать в уездных городах из собиравшихся на местах государственных доходов. В августе 1626 г. они получили 150 руб. 70 коп. от соликамского воеводы. Попытка получить деньги у сольвычегодского воеводы оказалась безуспешной. В феврале 1627 г. руководители экспедиции писали в Москву, что все деньги «вышли на корм иноземцом» и просили напомнить местным воеводам о выделении средств на содержание экспедиции. Весной 1627 г. соответствующие распоряжения из

²⁷ Там же. Л. 134-146, 159-163.

²⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 175. Оп. 1. Д. 4.

²⁹ Селезнева И. А. Золотая и Серебряная палаты. Кремлевские дворцовые мастерские XVII века. Организация и формы производства, творческие процессы, обучение мастеров. М., 2001. С. 65.

Новгородского приказа были посланы в Соль Камскую, Кайгородок, на Вырь, Двину, Кевролу, Мезень, в Пустоозерский и Кольский остроги³⁰. В итоге из местных доходов экспедиция получила 430 руб. 69 коп., из которых было израсходовано 320 руб. 99 коп. Они были потрачены только на выплаты кормовых и питейных денег иноземцам, переводчику и подьячему, которому было назначено «для его бедности» кормовых по 10 коп. на день. Остаток средств (109 руб. 70 коп.) был сдан по возвращении в Посольский приказ. Кроме этого шло финансирование жалованья по тем ведомствам, к которым были приписаны участники экспедиции. Так, после многочисленных челобитных в апреле 1627 г. из Посольского приказа рудознатцам было прислано 253 руб. на жалованье за прошедшие 10 месяцев³¹. Жалованье Г. Загряжского, пока он был в экспедиции, получали в Москве его родственники³². Также в столице получила половину годового оклада (35 руб.) своего мужа Анна Фаннемин³³.

Судя по всему, сборы экспедиции В. И. Стрешнева и В. Сергеева были скорыми, и когда в Аптекарском приказе наконец-то дошло дело до выдачи кормовых денег (из расчета по 10 руб. в месяц) лекарю М. Кинфину в связи с его поездкой в Прикамье, то выяснилось, что он уже уехал, получив кормовые в приказе Большой казны³⁴. Очевидно, в том же приказе кормовые были выданы и остальным участникам экспедиции.

Служилые люди для посылок получали годовое жалованье согласно окладным книгам тех четвертей и приказов, где они служили. Так, А. Голвину и Зорену было выдано по 12 руб. на год.

Вопросы финансового обеспечения экспедиции на Тунгуску требовали более тщательной подготовки и продуманности. Необходимо было учитывать дальнейшее расстояние и в связи с этим длительность экспедиции, трудности с обеспечением хлебом в Сибири, постоянную нехватку денежных средств в бюджетах сибирских городов и проч.

В царском указе от 18 января 1627 г., в первую очередь, было оговорено обеспечение на период экспедиции Я. Хрипунова и И. Рены. Было решено выдать им окладное жалованье вперед на два года (1626/27 и 1627/28) из тех учреждений, где они числились на службе. В этот же день была отправлена память в Костромскую четь дьяку П. Григорьеву о выдаче жалованья в размере 20 руб. в год Я. Хрипунову из четвертных доходов на Москве.

19 января была послана память в приказ Большого дворца о выдаче оклада И. Рене. О выполнении предписаний руководство этих учрежде-

³⁰ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 175. Оп. 2. Д. 8.

³¹ Там же. Оп. 1. Д. 4; Оп. 2. Д. 25, 27.

³² Там же. Оп. 2. Д. 4.

³³ Там же. Оп. 2. Д. 20.

³⁴ Материалы для истории медицины в России. С. 32.

ний должно было доложить в приказ Казанского дворца. Через два дня из приказа Большого дворца было сообщено, что в списке дворовых людей И. Репе написан оклад 12 руб. и по 10 четвертей ржи и овса. Однако приказ Большого дворца не спешил выдать ему деньги, поскольку книги выдачи жалованья сгорели во время пожара 1625/26 г., а очевидцы утверждали, что в 1625/26 г. Иван ни у какого государева дела в Оружейном приказе не был. И. Репе подал челобитную о том, что он не получал жалованья за тот год, и оно находится у В. Леонтьева в Серебряной палате. Таким образом, становится понятным, почему И. Репе оказался в составе экспедиции в качестве серебряного мастера, он имел некоторый опыт работы в Серебряной палате.

Хлебную подмогу Я. Хрипунов и И. Репе должны были получить в Сибири. Было предписано выдать руководителю экспедиции — 60 четвертей ржи и 60 четвертей овса, а И. Репе — его годовой хлебный оклад. Согласно отписке тобольских воевод, с расчетом на два года Я. Хрипунов получил перед отъездом из Тобольска в Енисейск в 1628 г. «государева жалованья подмоги» 90 четвертей ржаной муки, 45 четвертей круп и толокна, а И. Репе — 20 четвертей ржаной муки, 10 четвертей круп и толокна.

В приказе Казанского дворца они также должны были получить денежную подмогу (в частности, Я. Хрипунов — 60 руб.). Позже, когда Якову пришлось задержаться на год в Тобольске, он просил выдать его жалованье на 137 (1628/29) г. племяннику К. Веригину и прислать для него в Тобольск дополнительные запасы. Распоряжение о выдаче подвод под эти запасы было дано в Ямской приказ в ноябре 1617 г. Уже находясь на Верхней Тунгуске, он также обращался с челобитной к царю: «... по греху по моему на дороге запасишко мое все потонуло, и ныне я на твоей государственной службе помираю голодною смертию, смилуйся, государь, пожалуй меня для моей старости и увечья — вели отпустить ко мне братишка моего Офонася Нармацкаго с запасишком. А тот брат живет у тебя, государь, в житье, а поместьица у него нет нигде». Челобитная пришла в Москву в конце декабря 1628 г. В начале 1619 г. А. Нармацкий получил подорожную для проезда в Сибирь.

Сохранилась еще одна челобитная Я. Хрипунова, отправленная с Верхней Тунгуски, в которой он опять писал, что у него «запасишко исшел», просил дать под запасы с Москвы подводы, чтобы он на государственной службе «без запасишка с нужи и не погинул». В последних двух случаях речь идет не о выдаче государственной поддержки, а только об оказании помощи в транспортировке запасов, которые, очевидно, доставлялись из поместья Якова. Просьбы были удовлетворены.

На период несения государственной службы в Сибири Я. Хрипунов также получал ряд льгот. Его поместье в Белозерском уезде освобождалось от уплаты в казну ямских денег, стрелецкого хлеба и прочих налогов. Пока Яков будет находиться в Сибири, запрещалось судить его людей и крес-

трян кроме татбы и разбоя с полчиным. Такие льготы были обычным делом при отправке на административную службу в Сибирь³⁵. Соответствующие памяти были направлены 27 — 28 января 1627 г. во Владимирскую четь, в Стрелецкий и Ямской приказы.

В царском указе от 18 января 1627 г. для И. Рены не предусматривалось каких-либо льгот. Однако он подал челобитную, в которой просил на время поездки в Сибирь освободить его семью от уплаты оброка за дворовое место и дать жене с детьми кормовое жалованье, «как тебе (т. е. государю — *авт.*) Бог известит... чтобы не уморить их с голоду». Его двор находился на монастырской земле у рыбного двора позади церкви Иоанна Предтечи, поэтому вопрос об уплате оброка нужно было урегулировать с игуменом. Царским указом от 29 января 1627 г. было предписано на время отсутствия Ивана платить оброк за дворовое место по 1 руб. на год из государевой казны, а жене и детям выдавать корм по 10 коп. на день из приказа Казанского дворца.

Я. Хрипунов уже имел опыт пребывания в Сибири, знал, с чем там могут возникнуть трудности. Он подал царю челобитную, в которой писал, что поместье его пусто, а «вотчинки нет нигде ни единой четверти», и просил дать ему «для государевой сибирские дальние службы винца и метку». 20 января 1627 г. государь распорядился выдать Я. Хрипунову на Верхотурье 20 ведер вина и 12 пудов меду.

В указе от 28 января 1627 г. тобольским воеводам А. Хованскому и И. Вольнскому предписывалось: всем тем, кто будет послан с Я. Хрипуновым из Тобольска и других сибирских городов, выдать денежное и хлебное жалованье согласно их окладам на 2 года. И 150 служилых людей, серебряник, кузнец, енисейские стрельцы Т. Савин с 3 товарищами, подъячий, 2 толмача и священник получили денежное жалованье на 136 (1627/28) г. и вперед на 137 (1628/29) г. 1710 руб. 87,5 коп.

Хлебное жалованье собиралось для участников экспедиции по сибирским городам также с расчетом на два года. Они получили 1863 четвертей ржаной муки, 548 четвертей с полуосминою круп и толокна. Тюменским служилым людям было выдано в Тобольске вместо муки, круп и толокна 85 четвертей с осминою ржи, 63 четверти с полуосминою и полчетверика овса (из расчета за четверть круп и толокна по 2 четверти овса), т. к. в Тюмени они уже получили хлебное жалованье на 136 г. мукою, крупами и толокном, а тобольским и других сибирских городов служилым людям было выдано на 136 г. рожью, а вместо круп и толокна — овсом.

За зиму — начало весны 1627 г. в Москве довольно оперативно были решены все вопросы подготовки экспедиции, и Я. Хрипунов выехал в Тобольск. Туда он прибыл 20 мая с указанием как можно скорее выехать в Енисейский острог, там погрузиться на специально подготовленные для плавания по ма-

³⁵ См.: *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). С. 44.

лым рекам суда и оттуда двигаться на Тунгуску. В приказе Казанского дворца даже предусмотрели как ускорить переезд отряда через Енисейский волок. Тобольским воеводам поручалось отписать в Енисейский острог, чтобы оттуда выслали пашенных крестьян на лошадях к Енисейскому волоку для переезда через него запасов и вооружения экспедиции Я. Хрипунова, чтоб «ему, Якову, за тою воскою мешкоты, нашему делу порухи не было». Но на реализацию решений, принятых в Москве, у сибирских властей ушел год. Отряд Я. Хрипунова смог выехать из Тобольска только 18 мая 1628 г.

Яков видел причину задержки в нерадении воевод и периодически сообщал об этом в Москву. На самом же деле проблема заключалась в отсутствии необходимых средств. Если к приезду Я. Хрипунова в Тобольск мука, крупа и толокно были подготовлены, то денег на двухгодичное жалование служилым людям и на изготовление судов не было. Подготовка экспедиции на Верхнюю Тунгуску в Енисейске совпала с отправкой в Качинскую землю А. Дубенского с отрядом казаков в 400 человек для строительства Красноярского острога. И все деньги (более 500 руб.), отправленные из Тобольска в Енисейск, судовые снасти, купленные в Великом Устюге для экспедиции Я. Хрипунова, а также взятые из казны и у торговых людей, были израсходованы на снаряжение отряда А. Дубенского. По подсчетам тобольских воевод на отправку экспедиции Я. Хрипунова (жалование служилым, покупка судовых снастей и изготовление судов) требовалось 3004 руб. 45 коп. А. Хованский и И. Волынский просили царя дать о том указ как можно скорее, потому что в случае положительного решения можно было еще успеть привезти деньги и судовые запасы в Тобольск зимним путем, и тогда бы Я. Хрипунов смог уехать в Енисейск весной 1618 г.

Тем временем в Москве уже было принято решение послать необходимую сумму в Тобольск из Казани. Деньги должны были привезти сибирские служилые люди во главе с березовским сыном боярским И. Мокринским, возвращавшиеся из столицы после доставки пушнины. Они привезли в Тобольск 5966 руб. 93,25 коп.³⁶ 29 января 1628 г. из этих денег 660 руб. было отправлено енисейскому воеводе В. Аргамакову, чтобы сделать или купить готовые суда по тамошней «прямой цене». Часть денег была отдана для покупок судовых запасов на Великом Устюге и у Соли Камской. В конечном итоге на покупку судовых снастей было израсходовано 219 руб. 67 коп. и на прочие мелкие тобольские покупки для экспедиции 12 руб. 68,5 коп.

В целом на отправку экспедиции Я. Хрипунова в Тобольске было потрачено 2603 руб. 23 коп., 2146 четвертей с осминою муки и ржи, 617 четвертей с полуосминою круп и толокна, 55 четвертей с осминою и четвериком и полполчетверика круп и толокна, 111 четвертей с полуосминою и полчетверика овса.

³⁶ РГАДА. Ф. 114. Оп. 1. Д. 41. Ч. 1. Л. 83а - 98.

Существовала еще одна статья расходов на экспедицию Я. Хрипунова — подарки тунгусским князьям и их людям. Составляя в приказе Казанского дворца роспись всего необходимого для поездки на поиски серебра, Яков основывался уже на имевшемся опыте отношений с коренными народами. Подчинение сибирского населения, в первую очередь, должно было происходить мирным путем. Насильственные, военные методы предполагались только в случае непокорности, отказа пойти «под высокую царскую руку». Такова была официальная позиция Московского государства в процессе колонизации восточных территорий. Поэтому русские отряды везли в Сибирь, в том числе, подарки и угощение (хлеб, вино, мед) для коренного населения.

Зная потребности тунгусов, Я. Хрипунов просил послать с ним для «государева жалованья в роздачу: пуд олова в блюдах и в тарелех, пуд одекуев камня, 2000 решоточек оловянных, 300 ножей зырянских, 200 зерколишек, 2000 булавок, 3000 игол, 2000 змеевых головок, полпуда бисеру». Еще он говорил, что «надобно с ним послати муки рженые и круп, и толокна, и вина, и меду, и солоду, чем кормить и поить новых землиц людей, да котел пивной медной, в чем пиво варить новых землиц людем в 12 ведр».

29 января 1627 г. верхотурскому воеводе С. Н. Гагарину и подьячему К. Стахову была направлена память с указанием послать с Я. Хрипуновым 40 ведер вина, 30 пудов меда пресного, по 20 четвертей солода и хмеля на пиво. Несколькими днями раньше было дано указание в Устюжскую четь о покупке на Великом Устюге из местных средств несколько иного набора подарков для тунгусов, чем просил Я. Хрипунов: «котел медной в 12 ведр, пуд 29 гривенок с четвертью гривенки олова в блюдах и в тарелех, пуд 3 гривенок декую, 3000 игол, 900 булавок, 2000 пугвиц оловянных, 50 зеркал». По сообщениям устюжских целовальников на эти подарки и инструменты для поисковых работ было израсходовано 58 руб. 65,5 коп. Хлеб для тунгусов Я. Хрипунов должен был получить в Тобольске. Местными властями были выполнены все указания.

Итак, к моменту отправки экспедиции Я. Хрипунова в Енисейский острог с учетом затрат из казенных средств на выдачу жалованья Я. Хрипунову и И. Репе в Москве, расходов в Великом Устюге, Тобольске и Енисейском остроге было потрачено 2805 руб. 88,5 коп. Из этой суммы 66% составляло жалованье участников экспедиции*, которое они бы получили, находясь и на другой службе (разве что за исключением 60 руб. на подмогу Я. Хрипунову). Таким образом, дополнительные прямые затраты казны на проведение данной экспедиции, составили около 951 руб. При этом необходимо учитывать и косвенные расходы — несобранные налоги с поместья Я. Хрипунова, поддержка семьи И. Репы, урон, нанесенный грабежами отряда Я. Хрипунова и проч. Задача усложнялась тем, что необходимо было сразу выдать из казенных средств большую сумму денег.

* В этой сумме учтен оклад Я. Хрипунова за 3 года, И. Репы — за 2 года, т. к. нет данных о получении им жалованья за 137 г., также нет сведений о получении им кормовых в Москве, возможно, эта сумма пошла на содержание его семьи.

Жалованье отряду Я. Хрипунова было выдано только на 136 (1627/28) и 137 (1628/29) гг., а экспедиция продолжалась до весны 1630 г. Тобольским воеводам было указано посылать денежное и хлебное жалованье отряду Я. Хрипунова ежегодно, «сметя по людям да и не снустья времени поранея для дальново пути». На усмотрение местной администрации оставлялось решение, кто должен был вести деньги и хлеб на Верхнюю Тунгуску³⁷. Но, скорее всего, этот указ не был выполнен, т. к. в отписках воевод об этом не упоминается.

Согласно управленческой практике XVII в., государство осуществляло контроль над оборотом казенных средств экспедиций с помощью целовальников. В наказе Ч. Бартеневу и Г. Леонтьеву говорилось, чтобы они выбрали «к тому делу» на Орле посадских людей или в Орловском уезде крестьян — «людей добрых и прожиточных», «скольких будет пригож». Отправляясь на Печору в малозаселенные районы, где еще не сложились крестьянские и посадские мирские организации, руководство экспедиции просило послать с ними кого-то из жителей прикамских городов в качестве целовальника, чтобы он «был у казны». В экспедиции Я. Хрипунова обязанности целовальника выполнял тобольский конный казак И. Вычегда.

Подготовка снаряжения. На подготовительном этапе в обязанность специалистов-рудознатцев любой экспедиции входило составление росписей необходимых материалов для опытов и оборудования. К сожалению, большинство таких росписей сохранилось фрагментарно, полной является лишь одна — роспись И. Репы.

Ч. Бартеневу и Г. Леонтьеву предписывалось взять средства на приобретение необходимого оборудования «на завод» согласно росписи Д. Ватера, поданной в Москве, у воевод и приказных людей на Орле-городке, Соли Камской или в Чердыни. Следовательно, там же они и должны были его купить. Уровень развития ремесла в прикамских городах позволял сделать это без проблем. Также руководителям экспедиции разрешалось брать все, что необходимо для дела, из рухляди Н. Строганова «безденежно». Для промысла медной руды было взято: 28 кирок, 10 куштанов, 6 топоров, 3 лома, 50 клиньев, 4 кулака, 2 клещей, молот ручной, железные кочерга и лопатка, 2 мехов больших и мехи малые.

В росписи необходимых снастей «для серебряного дела» И. Репа указал: «Наковально большое кузнечное, наковально меньшее избное, тиски, 3 меха дутых кузнечных, 3 молота, смки железные, 3 клещи железные». Мастер сказал, что у него все это есть, и просил дать ему государева пожалованья за снасть. Царь распорядился заплатить Ивану за снасти, дав ему 9 руб. 76 коп. из казенных денег.

³⁷ Там же. Д. 16. Л. 255.

Кроме этого И. Рена сказал, что для поисков серебряной руды понадобится «деловцам» (т. е. тем, кто будет производить земляные работы) 50 заступов, 30 кирок, 5 щупов, 3 лома и 10 топоров. 25 января 1627 г. была послана память в Великий Устюг воеводе П. Волынскому и подьячему С. Матюшкину о покупке этих инструментов на средства из устюжских доходов и передаче их Я. Хрипунову, когда тот поедет в Сибирь через их город. Таким образом, в росписях Д. Ватера и И. Рены в основном совпадают набор инструментов и их количество. Следовательно, приблизительно одинаков был и масштаб поисковых работ.

Для проведения опытов был необходим определенный набор химических материалов, причем мастера должны были иметь в своем арсенале средства для определения любых металлов. Было очевидным, что всеми химикатами нужно было запастись в Москве.

Видимо, Д. Ватер взял с собой их недостаточное количество и стал опасаться, что материалов не хватит, если «будет государево дело вперед». Уже в августе 1618 г. он просил прислать из Москвы 4 фунта «водки», в которой он разводит медь с золотом, 2 фунта серебра, в котором бы не было золота, 2 фунта нашатыря, 2 фунта «винного камня» («а знает тот камень немчин Кондратей Серебряник»). Таким образом, опыты Д. Ватера, в первую очередь, были нацелены на обнаружение золота и меди. Хотя, как показывают документы экспедиции, ему приходилось проводить опыты и по определению серебра.

Экспедиции В. Стрешнева, которая ехала в 1633 г. в те же места для поисков золота, было выдано из Аптекарского приказа: «Стопа цененная, а в ней полфунта сахар размариновой, а в него прибавлено порох диям бора золотник, порох лети фитикантис золотник; стопа цененная, а в ней фунт сахару свободриного, да тут же смешано золотник масла купоросново; соку солотково дубца 7 золотников; водки кампозита 2 фунта да с тем скляница». Там же лекарь М. Киффин получил лекарства «для лечбы» участников экспедиции³⁸.

Экспедиция Я. Хрипунова была нацелена на поиски серебра. Для опытов И. Рена попросил фунт нашатырю, фунт селитры, 2 косяка мыла, пуд воску, 30 груд глины «мелкишовые» на горшки. Царь указал (соответствующая память была отправлена 26 января 1627 г.) выдать селитру из Пушкарского приказа, а остальное купить в Москве.

Важнейшими проблемами при подготовке экспедиции на Верхнюю Тунгуску являлись ее вооружение и транспорт. В этих вопросах руководство приказа Казанского дворца полностью доверилось опыту Я. Хрипунова. По мнению руководителя экспедиции, ее военный «наряд» должен был состоять из полуторной пищали, 2 пищалей-волконеек и 4 затинных пищалей. Все это вооружение, зелье и свинец царь распорядился выдать Я. Хрипунову в Тобольске.

³⁸ Материалы для истории медицины в России. С. 31-32.

Но тобольские воеводы не смогли полностью выполнить требования Я. Хрипунова по вооружению, так как в городском арсенале не оказалось волконеек и затинных пицалей. Согласно отчету тобольских воевод, «пушечных запасов вышло тобольским и иным сибирских городов служилым людям 150 человекам да енисейскому стрельцу Терешке Савину пуд 35 фунтов с четвертью зелья, пуд 35 фунтов с четвертью свинцу. Якову Хрипунову дано в Тобольске наряду: пицаль полоторная медная, ядром в полчетверта фунта, в станку, колеса окованы с железом; 2 пицали полковые медные, ядром по фунту с четвертью, в станках на колесах, да к полоторной пицали 20 ядер железных, да к полковым пицалем 20 ядер свинцовых, да пушечных запасов 20 пудов пушечново и пицальново зелья, 20 пудов свинцу».

Проблема обеспечения транспортом состояла из двух частей: доставка экспедиций от Москвы до района проведения поисков (до базового пункта назначения) и передвижение отрядов в ходе поисковых работ. Первая часть проблемы возлагалась на Ямской приказ, вторая — на местные органы власти. Так, при подготовке экспедиции на Верхнюю Тунгуску уже в первом царском указе от 18 января 1627 г. был определен порядок предоставления подвод из Москвы: Я. Хрипунову «дать против сибирских воевод (т. е. как сибирским воеводам — *авт.*), которые посланы в сибирские города в нынешнем 135 (1627) году», И. Рене дать подводы «с прибавкою».

Руководители экспедиций имели право выдавать подорожные грамоты поисковым группам, которые они отправляли в разведки на дальние расстояния. Местные воеводы должны были беспрекословно выполнять распоряжения руководства экспедиций, в том числе и в обеспечении транспортом. Так, например, в 1619 г. одновременно с проведением разведки на р. Яйве Ч. Бартенов и Г. Леонтьев послали на р. Печору для поиска серебряной руды Моисея Литвинова и серебрянника Митьку Исаева. Поисковики ехали с подорожной, выданной руководителями экспедиции. В документе, адресованном чердынскому воеводе Гавриле Лодыгину и подьячему Макару Внукову, говорилось, чтобы М. Литвинову и М. Исаеву не чинили никакой задержки и дали подводы. Приехав в Чердынь, Моисей велел старостам и целовальникам изготовить 2 легких судна, дать трем ярыжным людям, которые ехали с ними, 3 руб. и отправить с поисковиками двух кормщиков и четверых гребцов. Все было сделано.

В документах этой экспедиции нашла отражение еще одна ситуация, связанная с транспортными проблемами. Согласно государственному указу в сентябре 1619 г. Ч. Бартенов и Г. Леонтьев со всем «большим заводом» отправились из Орла-городка на р. Цильму. Их путь проходил через Чердынь, где они, ссылаясь на указ, велели старосте Василию Мыченинову «изготовить подводы на Печору не мешкая», чтобы экспедиция добралась до места уже этой осенью. 20 сентября к ним явилась делегация от местного посада во главе с В. Мычениновым и П. Охлуниным. Чердынцы отказались давать им подводы, мотивируя тем, что в этом году на Печору

уже не успеть, потому что «ныне путь последний». Ч. Бартенев и Г. Леонтьев, сообщив о ситуации в Москву, решили дожидаться в Чердыни государственного указа. Таким образом, на месте руководители прикамских экспедиций решали транспортные вопросы не столько с воеводской администрацией, а сколько с посадскими мирами.

Пожалуй, из всех рассматриваемых нами экспедиций самой трудной и затратной была транспортная проблема для отряда, отправленного на Тунгуску. В приказе Казанского дворца очевидцы свидетельствовали, что обычными большими судами, на которых ходили сборщики ясака, вверх по Тунгуске не подняться, необходимы более мелкие суда. Я. Хрипунов сказал, что такие суда можно сделать в Енисейском остроге. Он подал воеводам роспись, «что надобно в ход для сыску серебряных гор судов и всяких судовых запасов, в чем идти из Енисейского острогу вверх по Тунгуске». В росписи значилось 10 кочей и 10 «струшков однодеревых гребных».

В связи с этим в Москве рассматривались несколько возможных вариантов решения проблемы. Они были изложены в указе тобольским воеводам. Сначала необходимо было выяснить у тех, кто бывал в Енисейском остроге, есть ли там такие суда. Если скажут, что готовых казенных судов нет, то «переписать» необходимые суда у торговых и промышленных людей в казну, заплатив их бывшим владельцам. В случае отсутствия требовавшихся судов тобольские воеводы должны были послать в Енисейский острог деньги и велеть делать там суда приезжим торговым, промышленным и служилым людям, пашенным крестьянам, «а за лес и за дело давать деньги как пригоже», чтобы отряду Я. Хрипунова не было «за суда простою и мешкоты и государеву делу порухи».

По расспросам тобольских служилых людей Петрушки Филиппова с товарищами и посадского человека Семейки Конанова было выяснено, что «ставятца кочи в Енисейском остроге по 60 рублей», поэтому «на то кочевое дело денег надобно 600 рублей». А однодеревые суда — «струшки» можно было купить в Енисейском остроге по 6 руб. Следовательно, на покупку 10 стругов нужно было 60 руб. Таким образом, получалась посланная В. Аргамакову сумма — 660 руб. Эти деньги были рассчитаны только за работу судостроителям.

Для кочей требовалось 10 парусов, а на них холста 5000 аршин. По тобольской «порядовой цене» за это выходило 125 руб. Всяких судовых веревок необходимо было 5280 сажень, весом 132 пуда. По тобольской «купле» варовым и всяким веревкам была цена 162 руб. На кочи, плотничные снасти, для острожного строения по смете требовалось 30 пудов железа, по тобольской «порядной» цене то железо стоило 30 руб.

Все эти холсты, веревки и необходимое «для судового ходу и для судового дела и для острожного ставленья (10 якорей весом по 4 пуда якорь, 10 багров, папарей больших, папарей малых, тесел, оборотен, 20 просеков изпаников, 20 скобелей, 10 долот, 10 тесников, 30 сверл больших и малых,

300 гвоздей в шесть вершков, 300 четвертных, 10 крюков с пробой к сопцам, 1000 скоб судовых, да к острожным воротам 2 веретена с пробой, 2 замка вислых, замок колодно к анбару), для всякие хлебные поделки (пуд железа и полпуда укладу)» повез Я. Хрипунов со своим отрядом из Тобольска и Березова на 13 дощаниках, «да у тех судов лотка набоиница и девять боток малых». Но это было еще полдела. Выяснилось, что в Енисейском остроге нет кочевых мастеров, поэтому пришлось в срочном порядке послать из Тобольска двух уставщиков. 29 октября 1628 г. Я. Хрипунов писал с дороги, с р. Кети, что воевода В. Аргамаков, «не радеючи твоим государевым делом, судов не делает и лесу не изготовил»³⁹.

Необходимо отметить, что опыт снаряжения отряда Я. Хрипунова использовался властями спустя 10 лет при отправке отрядов на р. Лену. Расчеты судовых запасов делались по примеру этой экспедиции⁴⁰.

Царские указы руководству экспедиций. В царских указах, адресованных руководству экспедиций, определялись задачи и функции их основного состава, и давалась подробная инструкция действий. Анализ этих документов позволяет получить представление о правительственной концепции организации геологоразведочных работ. Поскольку поиски цветных и драгоценных металлов проходили на землях, различных по форме собственности, этническому составу, степени освоения, то представляется важным проследить, как влияла специфика территорий на эту концепцию. Указы составлялись в Москве еще до отправки экспедиций и базировались в основном на умозаключениях и столичных представлениях об условиях деятельности поисковиков в восточных районах. Реальная жизнь вносила свои поправки, поэтому в ходе деятельности экспедиций центральные власти корректировали свои инструкции указами и грамотами, шло накопление опыта.

В нашем распоряжении имеется два наказа: первый — наказ 1618 г., адресованный Ч. Бартеневу и Г. Леонтьеву в связи с отправкой в Прикамье (имеется в пересказе XVII в.), и второй — наказ 1627 г. Я. Хрипунову, отправлявшемуся искать серебро на Верхнюю Тунгуску. Оба наказа начинались одинаково: указание места назначения, объяснение причины посылки, определение состава экспедиции. Также указывалось, где руководство отрядов получало средства и снаряжение на экспедицию. Различия в дальнейших указаниях обусловлены различием обстоятельств, в которых они должны были проходить. Поскольку в прикамской экспедиции был человек, который сам нашел руду, то первой задачей поисковиков было взять пробу в указанном Я. Литвиновым месте и провести опыты.

Перед экспедицией Я. Хрипунова стояла более сложная задача — необходимо было найти то место, где брать «серебро или серебряную руду»

³⁹ РГАДА. Ф. 151. Д. 12. Л. 475-476.

⁴⁰ Первое столетие сибирских городов. С. 89-90.

и о котором ходили только слухи. Для этого нужно было вступить в отношения с неизвестными князьями Окунем и Кельтей. Далее в наказе шла довольно подробная инструкция, как строить эти отношения. Не дойдя до князцов, Я. Хрипунову рекомендовалось послать к ним нескольких служилых, «добрых, сколько человек пригоже». Приехав к князцам, те служилые люди должны были сказать: «Царь послал Якова со многою ратью их, князцов, от недругов их, от иных землиц людей, которые землицы на них приходят воинною, оберегати. И они б, князцы, ехали к нему, Якову, или б прислали от себя лучших людей».

По приезду князцов или ими выбранных лучших людей, Яков должен был вместе с ними и всеми служилыми людьми отправиться в кочевье князцов, «где они кочуют у серебряных гор». Теперь уже сам Я. Хрипунов должен был заверить князцов и их людей, что царь прислал его с ратными людьми для их защиты от недругов, чтобы они жили «в государевом жалованье в тишине и в покое безо всяково сумнения и промыслы свои всеми всякими промышляли, царю служили под его высокою рукою в прямом холопстве на веки вечные и ясак с себя давали, как другие ясачные люди ясак дают, и братью свою призывали и в городках юрты свои полнили. А царь во всем начнет их жаловать своим жалованьем и держать под своею рукою и от недругов оборонять».

Далее необходимо было привести тунгусов к шерти. Если же они не захотят давать шерть и отступного, то Яков и служилые люди были обязаны «промышлять всякими мерами, сколько Бог помочи подаст, чтоб тех князцов привести под государеву руку». После шертования царь указывал князцов и их лучших людей напоить и накормить «довольно», а уж только потом спрашивать про серебряную гору, чтоб они указали, где находится серебро и кто именно у них его плавит. Все выяснив, Я. Хрипунов с отрядом, князцами и плавильщиками должен был ехать к тем горам, поставить там острог, укрепить его, затем сделать «стан» и велеть в своем присутствии плавить серебро.

В данном наказе нашли отражение представления того времени, о том, в каком виде должно встречаться серебро в природе: оно могло быть и в чистом виде, и в руде. Я. Хрипунову поручалось «досмотрети как в горах то серебро родитца или ис тех гор серебро течет, или в тех горах родитца серебряная руда». На тот случай, если в горах окажется не чистое серебро, а руда, то Яков должен был велеть «перед собою ис тех гор сверху и снизу тою руду *копати гораздо и глубоко и плавить. И серебра и серебряной руды смотрети, где будет серебро и руда серебряная лутчи, сверху или внизу, а досмотря, где в горах серебро или руда лутчи, велети того серебра или руды перед собою, сделав стан, переплавить*». Выделенное курсивом указание присутствует и в наказе 1618 г. с той лишь разницей, что в нем речь идет о медной руде. В наказах также обращалось внимание руководителей на то, чтобы они следили за мастерами. Ч. Бартеневу

и Г. Леонтьеву предписывалось «беречи накрепко» Д. Ватера, чтобы он не присвоил золота, серебра или меди из горшков при опытах. То же самое касалось и И. Репы: чтобы он «серебра и серебряной руды не крал», а Я. Хрипунов не давал ему «сходиться без себя» с князцами и их людьми, чтобы тунгусы его «не скупили».

Если в экспедиции Ч. Бартенева и Г. Леонтьева для земляных работ и в случае «большого завода» указывалось нанять ярыжек или брать деловых людей с варниц (сколько будет необходимо), то на далекой Верхней Тунгуске этого сделать было невозможно, поэтому единственной рабочей силой в экспедиции Я. Хрипунова были служилые люди. Вопрос о рабочей силе также нашел отражение в данных наказах. В обоих документах присутствует указание, чтобы руководители экспедиций в обязательном порядке присылали в Москву образцы породы, результаты опытов и отчеты о своей деятельности.

Еще одной важной задачей поисковиков являлось определение рентабельности найденного месторождения. Согласно наказам, мастера должны были сказать, «чае ли ис тех гор в перелавке чистого серебра» или «будет ли та руда добра». И уж если только И. Репа «почает», руководитель экспедиции должен был «велети ис тех гор серебро плавити беспрестанно до тех мест покаместа к нему, Якову, по тому опыту, каков опыт серебру пришет к государю, государев указ будет».

Аналогичная ситуация оговаривается и в наказе 1618 г. Ч. Бартеневу и Г. Леонтьеву также предписывалось «плавить большим заводом и беспрестанно» и организовать дело так, чтобы государю было прибыльнее. Медь, полученную в первом заводе, необходимо было отправить в Москву с нарочным. Но Ватер должен был испытать 3-4 фунта той меди на предмет получения золота. Следовательно, в то время в России уже знали о том, что в медесодержащих породах присутствует и золото.

После организации разработки серебра Я. Хрипунов, однако, должен был завершить дело с объяснением князцов и их людей, но взять столько ясака, чтобы их «не ожесточить». Собранную пушнину также надо было отправить в Москву.

Обоими наказами предполагалось, что поисковики не должны ограничиться только одним, уже указанным местом возможного залегания руд, но данные ситуации в рассматриваемых документах моделировались по-разному и опять же на это влияли условия деятельности экспедиций.

Для Ч. Бартенева и Г. Леонтьева был следующий алгоритм действий: в разных местах Перми Великой опросить местное население с крестоцелованием, «где кто ведает» золотую, серебряную, медную, оловянную и свинцовую руды; с теми, кто укажет такие места, послать туда Я. Литвинова или кто «пригож» на подводах. Посланные группы поисковиков должны были привозить накопанную ими руду к Ч. Бартеневу и Г. Леонтьеву, а в обязанности Д. Ватера входило проведение опытов с привезенной породой.

В наказе Я. Хрипунову стратегия поисков новых мест была опущена, видимо, предполагалось, что она в достаточной мере описана в ситуации с князьями Окунем и Кельтей. Акцент делался на его действиях после обнаружения серебра или серебряной руды в нескольких местах. Так же, как и в предыдущей ситуации, в первую очередь, необходимо было провести опыты, поставить у каждого найденного месторождения острог, устроить в них служилых людей. Сам Яков должен был находиться в том месте, где больше будет месторождений серебра. И уже в этой новой ситуации главной его задачей являлось постоянное инспектирование поставленных острожков, чтобы «служилые люди из серебряных мест серебра и серебряных руд не имали и не крали».

В наказе отсутствуют указания об организации непосредственно добычи и производства серебра. Единственное, на что было обращено внимание, это на то, что для переплавки серебра потребуется лес. Поэтому Я. Хрипунов должен был выяснить близко ли от месторождений лес, достаточно ли его будет. Если рядом леса нет, то насколько далеко он находится и каким образом его доставлять к плавильням, опасны ли эти пути доставки. Видимо, у московского правительства еще не было представления о процессе добычи и производства серебра при уверенности в фантастических серебряных богатствах Сибири.

Зато опыт закрепления русских воинских отрядов на новых территориях конца XVI — начала XVII вв. был уже усвоен, алгоритм действий отработан и его подробное описание нашло отражение в наказе Я. Хрипунову. В этом плане обязанности руководителя экспедиции сводились к следующему: обследование ближайшей к острожкам округи на предмет наличия пашни, рыбных ловель, леса и прочих угодий; обеспечение безопасности; покорение «немирных землиц», их объясачивание, организация регулярного сбора ясака с записью в ясачные книги и отправка их вместе с пушшиной в Москву.

Также оговаривалась ситуация, если у отряда Я. Хрипунова не хватит сил привести новые «землицы» «под высокую царскую руку». В таком случае Якову необходимо было выяснить как далеко эти «землицы» находятся, сколько в них и каких людей и сколько необходимо служилых людей, чтобы с ними справиться. Все эти сведения он должен был отправить в Москву и в Тобольск.

В наказе Я. Хрипунова были зафиксированы традиционные запреты для тех, кто находился на административных должностях в Сибири. Не разрешалось торговать своими товарами и посылать с ними служилых людей, выменивать что-либо на запасы. Также запрещалось оставлять себе поминки (подарки, полученные от ясачных людей), а необходимо было отсылать их в Москву, при этом ссылака шла на прецедент с сибирскими воеводами, которые всю пушнину отправляли в столицу. В обязанность Я. Хрипунову также вменялся обыск служилых людей перед посылкой их «для приниску новых землиц или в города к воеводам», чтобы они «воровством серебра не вывозили и на товары не меняли».

Через весь наказ 1627 г. «красной нитью» проходят предупреждения самому Я. Хрипунову, чтобы добросовестно относился к делу и серебряною рудой не корыстовался. В случае попытки его подкупа князцами для того, чтобы он утаил находку серебра, Яков должен был «у тех князцов подарков не принимать, ничем не прельститца».

Наказ заканчивался традиционно для того времени (да и для последующего): обещанием наказания за перадение государеву делу («великая опала» и взыскание убытков из его жалованья в двойном размере) или «великого жалованья свыше сво меры», если учинит прибыль. Боязнь наказания присутствует во всех отписках Я. Хрипунова в Москву, в которых он сообщает о сложностях и «пестроениях» в экспедиции.

Скорее всего, имеющийся в нашем распоряжении пересказ наказа Ч. Бартеневу и Г. Леонтьеву не полностью воспроизводит содержание документа. Он должен был заканчиваться таким же образом, как и наказ Я. Хрипунова. Однако эта часть отсутствует и возникает ощущение явной незаконченности наказа 1618 г., он обрывается на назначении поденного корма основному составу экспедиции.

Таким образом, указы руководителям экспедиций отражали уровень представлений центральной власти об организационных началах геологоразведок и стремление учитывать специфику районов, где они проходили. Данные документы базировались на принципах государственной политики в разных сферах общественной жизни: государственная монополия на земные недра, в т. ч. и на частновладельческих землях (в данном случае Строгановых), предпочтение присоединения новых территорий мирными средствами, регламентация прав и обязанностей должностных лиц согласно сложившейся административной практике и др.

Государственный контроль и оперативное управление

Экспедиция Ч. Бартенева и Г. Леонтьева 1618 — 1620 гг. (Рис. 8). 7 июня 1618 г. экспедиция Ч. Бартенева и Г. Леонтьева приехала на Орел-городок⁴¹. До середины сентября 1619 г. здесь размещалась ее основная база. Поисковые работы начались с обследования тех мест, которые были указаны Я. Литвином. Первые пробы руды были взяты в горе в «верхнем поясе», расположенной недалеко от Орла-городка на берегу р. Яйвы в 32 метрах от воды. Проведенные Д. Ватером опыты показали в ней наличие меди. Из 185 пудов породы выплавилось 12 фунтов с полуфунтом меди. Таким образом, медь составляла 0,16 % в найденной руде, либо применявшаяся технология не позволяла извлечь большее количество меди.

В первой половине XVII в. уже знали, что медь и золото являются сопутствующими минералами. Это прослеживается и в распоряжениях из

⁴¹ Ход экспедиции реконструируется по материалам следующих дел: РГАДА. Ф. 151. Д. 1. Л. 1-17; Ф. 365. Д. 1. Л. 14-163.

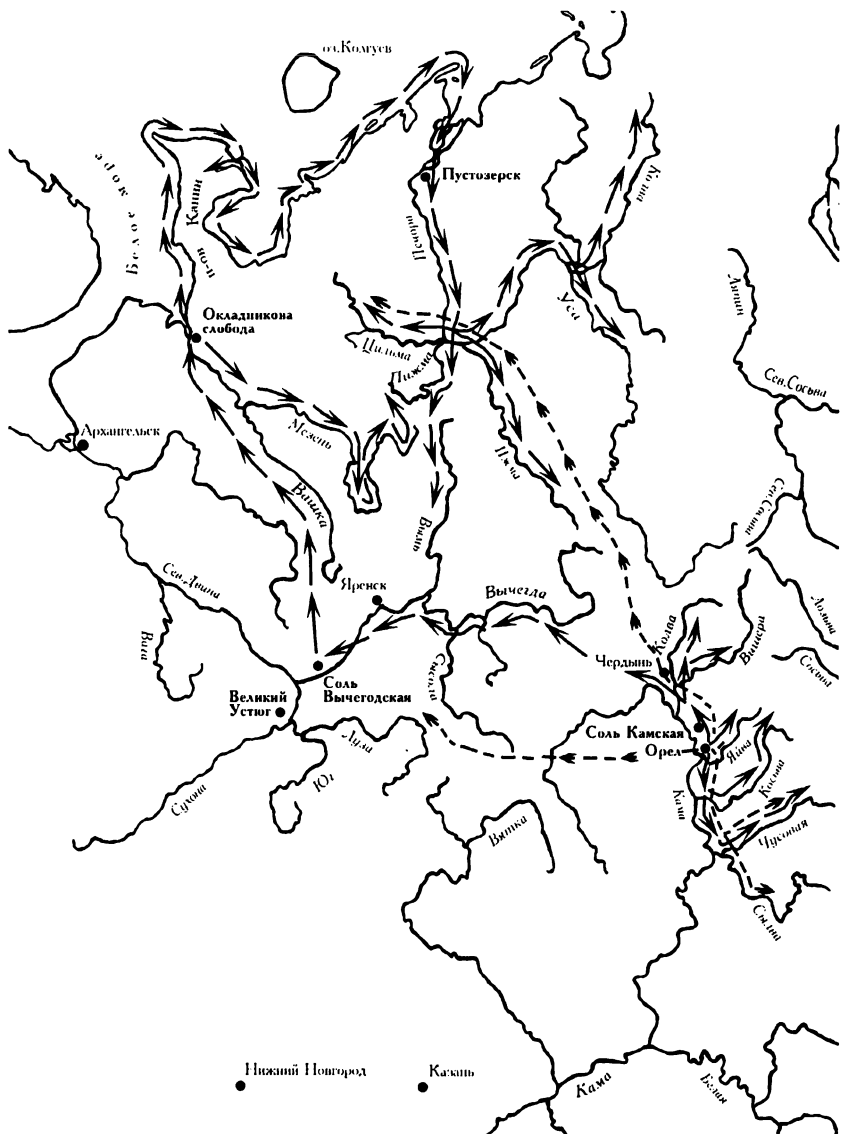

Рис. 8. Поиски рудных месторождений в Приуралье и Поморье в первой половине XVII в.

Великий Устюг ● — базы экспедиций

Маршруты экспедиций:

← - - Ч. Бартевева, Г. Леонтьева (1618 - 1620)

← — Г. Загряжского, С. Беликова (1626 - 1628)

Москвы, и в деятельности мастера Д. Ватера. Поэтому немалые усилия руководителей экспедиции были направлены на то, чтобы заставить иноземного мастера получать в опытах не только медь, но и «золотую искру». 20 июня с целью обнаружения золота Д. Ватер плавил медь с ползолотником свинца и сказал, что в той меди золота нет, при этом заметив, что у него есть «водка», и если в меди действительно есть золото, то оно в той «водке» объявится. Класть в «водку» медь нужно вместе с серебром. Мастер взял ползолотника меди, сплавил ее в 3 алтынами серебра и положил в скляницу с «водкой». После этого мастер сказал, что «в той меди искра золотая объявилась». Руководители экспедиции «начали у него золотой искры просить», но Д. Ватер ответил, что «у него та золотая искра утерялась», потому что положил мало меди.

26 июня Ч. Бартнев и Г. Леонтьев вновь велели мастеру «опытать медь для золота». Он провел плавку, положив полфунта меди и 4 фунта свинца на гнездо костяной золы. Однако опять не удалось выделить золото, а медь вся сгорела. Но руководители экспедиции пытались выяснить у мастера, почему из полуфунта меди не вышло золота, а перед этим из ползолотника той же меди, по его словам, оно получилось. На что Д. Ватер ответил, что «нет такой меди, в которой бы золота не было, и в той меди золото есть же, только сво з дело не будет».

Также был послан отряд в Григоровское* в составе рудознатца Д. Ватера, Василий Литвинова, серебряника и целовальника — посадского человека Орловской слободы Осипа Мелехова. Данное направление было выбрано по челобитной Я. Литвинова. Поиск результатов не дал.

Одновременно с работами на Яйве и Каме по сказке Я. Литвинова была послана группа во главе с А. Головиным для поисков серебряной руды «в вогуличи». Группа работала на р. Чусовой и ее притоке р. Сылве. И хотя из привезенной ими руды получить серебро не удалось, однако Д. Ватер сказал, что «чае в том месте, где та руда объявилась, руды добрые». Обо всем этом Бартнев и Леонтьев сообщили государю в своей отписке от 9 августа и спрашивали, ехать ли им самим «в вогуличи» или послать одного Д. Ватера. В этой же отписке руководители экспедиции приводили рассказ А. Головина о том, что на обратной дороге говорил ему крестьянин Максима Строганова кузнец Иван, что есть серебряная руда у крестьянина Кирилла Долматова. Однако на расспросы А. Головина К. Долматов «руды у себя не сказал». Но строгановские крестьяне Фомка Демидов, Первушка Рыболов и Ивашка Сапожник сообщили Головину, что видели недавно у Кирилки руду. Тогда Головин велел приказчику М. Строганова Онисиму Евдокимову «поставить для справки» Кирилла и кузнеца Ивана. Но без государева указа приказчик отказался это делать, «отнял»

* Григорова гора находится на левом берегу р. Камы выше впадения в нее р. Усолки, на которой расположен г. Соликамск.

у А. Головина Ивана и не дал для дальнейшей работы экспедиции Я. Литвинова. Между тем Яков рассказывал, что «делывали серебро в старину в Печорах, а от Орла до тое руды тысячи с полторы [верст]». Ч. Бартенев и Г. Леонтьев решили послать в Печоры самого Якова, но он отказался, т. к. на дорогу туда и обратно по его подсчетам необходимо было 6 педель. В Москву отписку отвез А. Головин, с ним же к государю были отправлены 12 фунтов без четверника полученной в опытах меди и «какое золото объявилось» (не понятно о каком золоте идет речь, т. к. по отписке получалось, что золота не обнаружено).

12 августа кравчий М. М. Салтыков отнес все привезенное «вверх» к государю, и царь приказал послать Ч. Бартеневу и Г. Леонтьеву государеву грамоту, что и было сделано 23 августа. В указе говорилось, чтобы в Григоровском они «над медяною рудою промышляли великим радением, копали вниз и золото в той меди смотрели накрепко». Также было велено беречь Д. Ватера «накрепко, чтоб его хто не скушил».

В отношении строгановских приказчиков предписывалось следующее: к Евдокимову послать государевых людей и допросить «накрепко» крестьян про руды, приказчика Осипка Журавлева за то, что он по государеву указу подвод не дал, за слушание бить батогами «нешадно» и на месяц бросить в тюрьму, такому же наказанию подвергнуть и других приказчиков, если они не будут давать подвод.

По царскому решению подьячий Г. Леонтьев и мастер Д. Ватер должны были отправиться на поиск руды «в вогуличи» и проводить опыты на месте. По сообщению Ч. Бартенева и Г. Леонтьева от 3 января 1619 г. «в вогуличах» поисковики копали руду «от реки Сылвы в гору в двух местах» по 2 сажени, а в глубину на сажень, но серебра не нашли. Д. Ватер копал в той же горе «от воды сажень с 10 и больше» в трех местах по 3-4 сажени и сказал, что в горе нет никакой руды.

Вновь был проведен расспрос крестьянина Ивана Кузнеца, который говорил, что якобы видел серебряный камень у Кирилла Долматова. Теперь Иван уже говорил, что камень был у него, и он показывал его А. Головину, а дал ему тот камень татарин Тонкой. Когда он показал камень Головину, то последний велел камень выбросить. Да и татарин Тонкой говорил Г. Леонтьеву, что давал Ивану точно такую же руду, какую привозил А. Головин на Орел-городок. Строгановские люди сказали, что они говорили крестьянину Максима Строганова Мишке Яковлеву (а не Головину) о том, что видел руду у Ивана Кузнеца, а уж Мишка передал их речи сыну боярскому.

Орловский посадский человек Григорий Кузнец сообщил Ч. Бартеневу и Г. Леонтьеву, что крестьянин Петра и Андрея Строгановых Артемка Верхоланцев знает, что есть с осмину серебряной руды у татарина Лякчина Тонхотарова, а закопана она под деревом. Однако в расспросе А. Верхоланцев и татарин все отрицали. Все упомянутые строгановские крестьяне после расспросов были отпущены до государева указа на поруки с записями.

Была проведена повторная разведка на р. Яйве. «А укопали тое горы в гору поперек 2 сажени, а вдоль 2 сажени, да вверх над тою медною рудою каменно слою укопали 5 сажень» помимо той, что копали в первую разведку. Полученная руда была такой же, как и в предыдущий раз. Д. Ватер дал заключение, что, сколько ту руду не копать, в ней прибыли не будет. Ч. Бартенев и Г. Леонтьев поисковые работы на Яйве приостановили, ожидая дальнейших указаний из Москвы. Была и другая причина для остановки — «медной руды каменного слою» вверх было около 20 сажень, а подкопав в гору над той рудой копать было невозможно, т. к. пошел «крепкий» камень. В опыте из той руды вышло 13 гривенок с полугривенкой меди.

Я. Литвинов также сообщал, что есть в этой же горе слой медной руды непосредственно в воде, «а в меженье тот слой медной руды живет выше воды». Но мастер Д. Ватер того нижнего пояса в том месте, где указывал Яков, не нашел, хотя вода в реке была не велика.

В Москву с очередным отчетом, образцами руды и результатами опытов был отправлен Авраам Бартенев (сын Чулка). На государевом дворе А. Бартенев был подробно опрошен кравчим М. М. Салтыковым. В Москве хотели разобраться в причинах малоэффективности экспедиции. А. Бартенев пытался навести на мысль, что вся проблема в мастере Д. Ватере, что он либо «не радост за дело», либо не умест. Про руду, которую присылал Я. Литвинов, мастер сказал, что «отдает голову свою, что в той руде серебра нет» и, будучи в Москве, он находил много подобной руды в 5 верстах от города. Об этом же говорил посланный с ними из Москвы плавильщик. По их мнению, Я. Литвинов, не зная, говорил про руду*. Таким образом, получается, что в Москве не было проведено опытов с присланной рудой до экспедиции. Очевидно, в это время в столице еще не было хороших специалистов, способных провести опыты с присылавшимися образцами руды и оценить работу Д. Ватера. А мастеру явно не хватало знаний, чтобы осуществить полноценную разведку и по достоинству оценить найденные месторождения.

Видимо, у М. М. Салтыкова возникло подозрение, что Строгановы вступили в тайные переговоры с Д. Ватером и подкупили его. Однако А. Бартенев сказал, что такими сведениями не располагает, но счел нужным доложить о содержании разговоров, которые велись среди участников экспедиции.

Согласно сообщению А. Головина руководителям экспедиции, во время обеда у Я. Литвинова толмач Роман рассказывал, что будто бы английский купец Фабин Ульянов давал государю Михаилу Федоровичу 4000 руб., чтобы царь позволил ему искать серебряную руду в Московском государстве, причем, если «ему, Фабину, в том учинятся убытки, и те убытки государь велел вычесть из прибылых, а что объявится и де волен государь». Ч. Бартенев

* Спустя 15 лет именно в тех местах, которые были указаны Я. Литвиновым, будут найдены промышленные залежи меди.

поставил «перед собою очи на очи» А. Головина, толмача и Я. Литвинова для расспроса. И толмач повторил то же самое. Видимо, участники экспедиции обсуждали между собой вопрос о необходимости подобных экспедиций, не имевших необходимых знаний о серебряной руде.

15 января 1619 г. М. М. Салтыков отнес к царю отписку Ч. Бартенева и Г. Леонтьева, а также расспросные речи А. Бартенева. Указ от 28 февраля начинался с упреков, что Ч. Бартенов и Г. Леонтьев «делом не промышляют» должным образом (но пока государь не собирался их отстранять). По-прежнему центр настаивал на том, чтобы «промышляли накрепко» над теми рудами, которые привез Я. Литвинов, и искали золото и серебро «гораздо». Было велено передать мастеру Д. Ватеру, что если объявится руда, от которой будет прибыль, и он будет пожалован из той прибыли четью. Таким образом, московские власти собирались использовать материальные стимулы, чтобы повысить заинтересованность мастера в успешных поисках. Крестьян же, которые «запираются», было предписано пытаться.

По указу царя все отписки кравчий М. М. Салтыков отдал в Аптекарский приказ. Таким образом, была предпринята попытка создать ведомственное курирование рудознатного дела. Аптекарский приказ был выбран потому, что его в то время возглавлял М. М. Салтыков. При этом царь Михаил сам лично принимал активное участие в оперативном управлении экспедицией.

Не остались без царского внимания и речи толмача. В государевой грамоте от 16 марта, адресованной Ч. Бартенева и Г. Леонтьеву, говорилось: «...ведомо нам учинится, что толмач ворует, сказывает мастеру Ватеру не те речи, и вы б ему сказали — сыщется то его воровство допряма и за то одно быти ему в смерти».

Весной 1619 г. была предпринята третья попытка найти руду на Яйве, сначала поиски велись в трех местах. Из 9 пудов руды Д. Ватер выплавил полфунта меди (т. е. около 0,13 %). Мастер сделал заключение, что данное месторождение не является прибыльным, и предложил больше эту гору не копать. Проводились опыты с этой рудой и на наличие золота и серебра, но они положительных результатов не дали. Была проведена разведка еще в 4 местах. У деревни Романово участники экспедиции нашли слой медной руды и сделали прокопы «над рудой в гору 6 сажень, а поперек по горе сажень, а сверх по горе сажень, а сверх горы укопано до слою 3 сажени». По мнению Д. Ватера, найденная руда была худа и «знаку в той руде меденово мало», прибыли не будет, поэтому больше копать он не велел, считая, что продолжение работ принесет казне только убытки.

Тем временем продолжался сбор информации с местного населения. Посадский человек Соли Камской Русинко Белокрылов сообщил, что в вотчине Петра и Андрея Строгановых местные крестьяне Рохманинко Калачников, Михалко Каюра и Митроха Марков рассказывали ему, что когда на Чусовую приезжал для поиска серебряной руды А. Головин, и они ему ничего не сказали, но знают, что копают серебряную руду по р. Сылве «под порогом».

И это место известно крестьянину А. и П. Строгановых Демке Маркову. В мае 1619 г. все крестьяне, в том числе и те, кто был отпущен на поруки — Кирилка Долматов, татарин, вогулетин, были взяты для расспроса и подвергнуты пыткам. Пыточные речи были записаны и отосланы в Москву.

Под пыткой татарин Тонкой сказал, что с татаринном Лякчином Тонхотаровым копал руду в том месте, где брал руду на р. Сылве А. Головин. И ту руду он давал «сечь» крестьянину Максима Строганова Ивану Кузнецу, а больше нигде никакой руды не знает. Артемко Верхоланцев под пыткой 17 мая все отрицал, но на следующий день до пытки передал слова татарина Тонкоя. Кузнец Гришка и А. Верхоланцев были отданы до указа пристава, а вогулетин и татарин были посажены в тюрьму до царского указа.

3 мая Русинко Белокрылов и другие строгановские крестьяне до пытки все отрицали. Но 17 мая на пытке Рохманко Калачников признался, что разговаривал про серебряную руду с Р. Белокрыловым, а говорил ему про ту руду строгановский крестьянин Михалко Каюра около 4 лет назад. Когда на Чусовой строили город «от татарской войны» (Нижний Чусовской городок построен в 1568 г.), М. Каюра был послан с вогуличами на р. Сылву «для вестей». И вогуличи на р. Сылве «указывали» ему руду и говорили, что это серебряная руда и «сыплется она из горы на бечевник», но сам М. Каюра «той горы не знает и руды нигде никакой не ведает». 19 мая на пытке последний подтвердил эти слова.

Р. Калачников на пытке сказал, что говорил ему строгановский крестьянин Федор Пупов, что у него есть маленький камень и давал он его серебрянику Первушке Лукьянову, и якобы Первушка выплавил из этого камня серебра «с полденги». Но где Ф. Пупов этот камень взял, он не знает. После того случая Рохманинко слышал, что строгановский поп Ждан видел серебряную руду у Ф. Пупова. 29 мая поп Ждан в расспросе сказал, что видел у Ф. Пупова камень, а в нем «звезьку что серебро», но серебряная ли это руда он не знает. Сразу же за Ф. Пуповым и серебряником был послан соликамский целовальник Федка Бычков. Однако строгановские приказчики требуемых лиц на Орел не прислали, написав, что Ф. Пупов сбежал, а серебряник поехал молиться на Соловки.

До государева указа поп Ждан был отдан на поруки, крестьяне М. Каюра, К. Долматов и М. Марков посажены в тюрьму, а Р. Калачников отдан за пристава. В расспросных речах Иван Кузнец, Кирилка Долматов, Фомка Демидов повторили то же самое, что и говорили раньше. Они также оказались в тюрьме. Человек Максима Строганова Первушка Рыболов был отдан на поруки до указа и сбежал. Его поручители приказчик Описимко Евдокимов, орловские посадские люди Осип Кузнец и Ларка Мясищник также были отданы на поруки до указа.

24 мая 1619 г. Ч. Бартенев и Г. Леонтьев получили письмо из Казани от боярина князя И. М. Воротынского, дьяков Ф. Лихачева и И. Васильева. В послании говорилось, что им стало известно от Василия Литвино-

ва о посылке экспедиции по челобитной его отца Я. Литвинова в Орел-городок. Василий также рассказал им, что в Казани есть «казанский жилец» Ивашко Потоншадуник (Потонша), который раньше жил за Яковом Строгановым и по государеву указу был послан для поиска медной руды с мастером Бориском Залетахиным вверх по Яйве. Во время поездки мастер показывал Ивану серебряную руду. Ч. Бартенева и Г. Леонтьев обратились в Москву с просьбой прислать к ним в Орел-городок Ивашку, т. к. он «те места на реке Яйве знает» и с ним Василия Литвинова.

Получив соответствующий указ, боярин И. М. Воротынский разыскал Ивашку, он повторил рассказ о поездке на Яйву. И воевода отправил его вместе с сыном Яковом и Василием Литвиновым в Орел.

1 июня на Яйву отправился отряд в составе: Ч. Бартенева, Ватер, толмач, Иван Потонша с сыном Яковом, Василий Литвинов, серебряник Федор, орловский целовальник Иван Садин и чердынский целовальник Терентий Микитин. Они отправились из Орла-городка вдоль Яйвы (видимо, передвигались на подводах), проехав р. Вильву (приток Яйвы), версты через три Иван Потонша указал гору, в которой он с Б. Залетахиным копал медную руду. Однако после прокопов «во многих местах» Д. Ватер и Иван сказали, что в той горе медной руды не нашли. И. Потонша вспомнил, что есть слюда выше этого места в 15 верстах, а в слюде должна быть медная руда. Отряд отправился в указанном направлении, но и там их ждала неудача.

Ч. Бартенева говорил Ивану о царском пожаловании за службу, если он укажет серебряную и медную руду, но последний так и не смог найти место, которое ему показывал Б. Залетахин. В ту пору, как он сам говорил, «был мал всего лет 17, да и было это лет 50 назад, а то и больше». Таким образом, уже во второй половине 60-х гг. XVI в. на Яйве искали медную руду по приказу Ивана Грозного. По определению Ч. Бартенева «от Орла к Сибирской дороге до тех мест, где они были по р. Яйве ездили, 120 верст».

По возвращении отряда в Орел И. Потонша вновь стал проситься на Яйву для поиска медной руды, чтобы искать выше того места, «где ездили до Сибирской дороги, от Орла до Сибирской дороги 150 верст». 8 июня его вместе с серебряным мастером Сергеем Онтроповым отпустили вновь на Яйву. В расспросе же Иван сказал, что о серебряной руде с Василием Литвиновым не разговаривал, и где есть такая руда не знает.

В 1619 г. Василий Литвинов сообщил в Москву, что по дороге из Казани ему рассказывал житель Осинской слободы Тимошка Бархат, что знает серебряную руду на р. Лузе. Ч. Бартенева неоднократно писал на Осу Ивану Чашникову, чтобы он прислал Тимошку для поиска серебряной руды, но просьба так и не была выполнена. В очередной отписке в Москву Ч. Бартенева и Г. Леонтьев спрашивали, как быть в данной ситуации.

После царского указа Т. Бархата все-таки прислали. В расспросе он сказал, что виден на Лузе по бечевнику камень, похожий на серебро, а от Орла до Лузы больше 600 верст. На Лузу были посланы В. Литвинов, се-

ребряник С. Онтропов и Т. Бархат. Они привезли 3 пуда камня. Д. Ватер провел опыт, но серебра «не объявилось». Привезенный с Лузы камень был такой же, как и найденный на Яйве. Об этом Ч. Бартенов и Г. Леонтьев сообщили в отписке, посланной в Москву 16 августа.

Летом 1619 г. Ч. Бартенов и Г. Леонтьев послали на р. Печору Моисея Литвинова и серебряника Дмитрия Исаева для поисков серебряной руды. На р. Цильме поисковики обнаружили заброшенные рудные разработки и взяли там образцы породы. Привезенная руда оказалась медной. Ватер не смог обнаружить в ней ни серебра, ни золота. Но, по его мнению, в этой породе было довольно высокое содержание меди и если будет обнаружен рудный слой, то дело должно оказаться прибыльным.

Из Москвы последовал указ экспедиции со всем «большим заводом» перебираться на Цильму. Перезимовав в Чердыни, в мае 1620 г. отряд Ч. Бартенева и Г. Леонтьева начал работы на новом месте. Но надежды на промышленное залегание меди не оправдались. Результаты опытов оказались скудными. Кроме незначительных медных проявлений был найден железняк, но полученное при опытах железо было плохим. В июле экспедиция отправилась в обратный путь на Орел-городок в ожидании дальнейших указаний. В конце августа было принято решение об ее возвращении в Москву и 14 декабря 1620 г. Ч. Бартенов и Г. Леонтьев явились на доклад к кравчему М. М. Салтыкову в Антекарский приказ.

Экспедиция Г. Загряжского и С. Беликова 1626 — 1627 гг. (Рис. 8). Несмотря на неудачу отряда Ч. Бартенева и Г. Леонтьева интерес государства к поиску руд в Прикамье и Поморье не исчез. В конце марта 1626 г. экспедиция выехала из Москвы в Пермь Великую (Верхнее Прикамье). До весны 1627 г. ее база находилась в Соли Камской. В пермских землях территория поисковых работ этой экспедиции по сравнению с предыдущей была значительно расширена в северном и восточном направлениях. Можно выделить четыре основных маршрута отряда Г. Загряжского и С. Беликова (средства передвижения в документах не отмечены). Сначала поисковики отправились к Помянной и Полюдовой горам (последняя находится на правом берегу реки Вишеры недалеко от Красновышерска), затем поехали вниз по Вишере и Каме к Усольской и Григоровой горам и добрались до Орла-городка. Очевидно, во время этой поездки был обследован и левый приток Вишеры река Язьва.

Второй маршрут поисковиков проходил вверх по р. Косью. Они доехали до Павдинского камня. Это была граница Усольского (Соликамского) и Верхотурского уездов. Через отроги Павдинского камня проходила дорога из с. Ростеса в Верхотурье⁴². Затем отряд перебрался на левый при-

⁴² *Кривошеков И. Я.* Указатель к карте Соликамского уезда Пермской губернии. Екатеринбург, 1897. С. 9.

ток Косьвы р. Ослянку, по которой доехали до Ослянских «каменных гор». По описанию И. Я. Кривошекова эти горы находятся в 6 верстах от левого берега р. Косьвы и их вершины не покрыты лесной растительностью⁴³.

Третий маршрут экспедиции пролегал вверх по р. Чусовой. По ее правому притоку р. Койве рудоискатели вышли к верховьям р. Туры и проехали по ней некоторое расстояние. Таким образом, отряд Г. Загряжского и С. Беликова побывал и на восточном склоне Уральских гор. Продвигаясь вверх по Чусовой поисковики добрались до Серебряной реки (Серебрянки), а с нее вверх по Чусовой до Тетериных гор. Четвертым направлением поисков стала вновь река Яйва. Были обследованы ее правые притоки Чикман и Кадь.

В конце 1626 г. руководители экспедиции сообщили в Москву, что «по тем горам и рекам нигде никакой руды нет». Лишь в 7 верстах от Орла-городка на Яйве в Абрамовой горе была обнаружена медная руда. Был сделан прокоп в длину 7,5 сажень (около 16 м), в глубину 5 сажень (около 11 м), а поперек 1,5 сажени (около 3 м). До реки Яйвы была прорыта борозда, чтобы дойти до «доброй» руды. Было взято 2,5 пуда руды, но в глубину и по сторонам в той горе медной руды не нашли. Мастера провели опытную плавку в присутствии руководителей экспедиции. Из 0,5 пуда породы выплавилось 20 золотников (85 г) меди. Таким образом, получилось, что содержание меди в найденной руде составляло около 1%. С. Фрик и Г. Герольт дали заключение, что найденное месторождение не может принести прибыли.

Во время поездки по р. Чусовой в сентябре 1626 г. Г. Загряжский и С. Беликов узнали от крестьянина Ивана и Максима Строгановых Щерапко Нифонтова, что еще М. Строганов посылал своих и ярыжных людей вверх по реке Вильве за судовым лесом. И когда начали валить лес, то из горы сверху «вывалились три кольца серебряные... в кольцо было по 12 рублей» Но когда это было и в каком месте, Щ. Нифонтов вспомнить не мог.

Г. Загряжский и С. Беликов расспрашивали об этом случае крестьян, попов и приказчиков в вотчинах Андрея, Петра, Ивана и Максима Строгановых. Лишь поп Иосиф из Чусовского Успенского монастыря и орловский посадский человек Осип Клементьев сказали, что про те кольца «слухом слышали». Остальные говорили, что «не ведают». Щ. Нифонтов был передан приказчикам и старостам до указа.

В ответ на это сообщение руководителям экспедиции была послана государева грамота от 29 января 1627 г., в которой приказывалось освободить Щ. Нифонтова и «вперед бы никаких людей в деле и за дело не жесточить и разведывать у всяких людей ласкою и обнадеживая нашим (т. е. государевым) жалованьем, а если пачнете людей жесточить, то они вам ничего не скажут». Таким образом, в Москве понимали необходимость

⁴³ Там же. С. 11.

использования материальных стимулов в поисках полезной информации, а не пыток. Также в этой грамоте напоминалось руководителям экспедиции «сыскивать [руды] неоплошно и с великим радением», а рудознатцев обнадёживать государевым жалованьем. Если будут найдены прибыльные месторождения, то поисковикам обещалось «великое жалованье».

Еще одним из районов поисков экспедиции стал бассейн реки Вычегды. В январе 1627 г. отряд отправился из Соли Камской к Соли Вычегодской. По дороге тяжело заболел лозоходец Г. Герольт. Прося о присылке лекарств из государственной аптеки, он сообщал в Москву, что его «скорбь взяла, лихорадка нутряная, жар и стужа». Лекарства были присланы только в начале апреля.

Находясь в Соли Вычегодской Г. Загряжский и С. Беликов получили известие от жителя Яренска Федора Дементьева о находках Демьяном Фарафоновым Пономаревым камня, похожего на серебряную руду. По просьбе руководителей экспедиции Демьяна привезли из Яренска на Соль Камскую и не позднее 31 января 1627 г. ему был учинен допрос. Он рассказал, что нашел камень во время одной из остановок на бечевнике, возвращаясь из Пустозерска по Печоре и Ижме. По государственной грамоте от 6 февраля 1627 г. на указанное место Г. Загряжский и С. Беликов должны были послать Демьяна с переводчиком экспедиции за образцами породы. Мастерам С. Фрику и Г. Герольту предстояло провести опыты с этими находками и дать заключение. В случае положительного результата руководителям экспедиции предписывалось «с поспешанием» выехать на место находки и начать разработку найденного месторождения. Однако в ходе опытов иностранные мастера не обнаружили ни меди, ни серебра⁴⁴.

Сведения, полученные в ходе расспросов местного населения, выводили направление поиска на поморские земли. Крестьянин Петра Строганова Никита Зиновьев сын Игпатыев рассказывал, что есть «невесь какая руда» по Пижме и по Симйюге. Он испытывал ту руду — «метал в печи, и она в печи растопилась и стала красна». А про прежних рудознатцев Ч. Бартенева и Г. Леонтьева Митька говорил, что они не ездили с Печоры на Мезень, Пижму и Симойгу потому что, как говорят «меж себя миром», взяли откуп 500 рублей с мезенцев, пинежан и кеврольцев. Дали им эти деньги местные жители, чтобы они не ездили на Мезень, Пинегу и Кевролу и не копали руду, и населению не было бы убытков в кормах и подводах.

Г. Загряжский и С. Беликов написали в Москву о своих планах ехать в Поморье и просили выдать им необходимые для поездки документы: подорожную, где будут указаны Мезень, Пинега и Кеврола, государственные указы в населенные пункты о выдаче денег на корм иноземцам и прочие расходы.

Неутешительные результаты экспедиции вызывали беспокойство у центральных властей. Экспедиция ездила уже почти год, поисковики

⁴⁴ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 175. Оп. 2. Д. 3, 5.

побывали во многих местах, но ожидаемых результатов не было, только лишь «в кормах и подводах убытки чинятся». Квалификация рудознатцев не вызывала сомнений. Как говорилось в царской грамоте от 24 февраля 1627 г., «посланы рудознатцы к тому делу люди знающие, на то они к нам из иных земель и приехали, и грамоты с собою свидетельствованные привезли, и сами нам на Москве свое ремесло объявили (т. е. показали – *авт.*), что они такие места, где живет руда золотая и серебряная, и меденая и оловянная, знают достаточно, и где такие места сыщут, тем нам службу свою хотят показать».

Причина малоэффективности экспедиции виделась в излишней топорности и поэтому некачественной разведке местности. В той же государственной грамоте рекомендовалось «делать не скоростью, что приехав, где да посмотря на гору или на курган, или на место, и, посмотря, да прочь, где присмотря такое место, отыскивать и копать надобно гораздо». Далее шла ссылка на зарубежный опыт: «А в которых государствах делают золото и серебро и такие места доходят великою глубиною, то рудознатцы и ведают, и знают, с каким трудом то находят, а где руда медяная объявится, тут и золотая и серебряная, а мы просим у всемогущего Бога того, какая б руда не объявилась золотая или серебряная или медяная».

Позже отвечая на этот упрек, Г. Загряжский и С. Беликов в своей отписке от 4 апреля 1627 г. писали, что они ездят с мастерами уже целый год, но ничего так и не нашли, хотя во всем следовали указаниям специалистов – «где у них (т. е. мастеров – *авт.*) сверху и снизу гор и курганов учнут лозы бить или сами в коих местех почаяют какие руды, и они нам то место укажут и велят копать, и мы в тех местех в горах и в курганех при себе копали и камень ломали сажень по пять, шесть (10,8 – 13 м) и болши, покаместа они узнают и откажут, что в тех местех нет никакие руды». А на обвинение в том, что они не радуют о государственном деле и «делают все оплошно», Г. Загряжский и С. Беликов сообщали, что «ездя по рекам на реке на Вычегде и на Косье и на Чусовой сами тонули и запасничко потопло, а искали то, чтоб тебе, великому государю, прибыль учинить, не щадя своих голов»⁴⁵.

На сообщение о взяточничестве Ч. Бартенева и Г. Леонтьева центральная власть отреагировала довольно спокойно, отметив лишь, что «то может быть». Прошлые дела волновали уже мало, больше беспокоило настоящее, чтобы нынешняя экспедиция не пошла тем же путем. В царской грамоте содержалось строгое предупреждение: «Только учнете за тем ходить (т. е. брать взятки – *авт.*) и наше крестное целование забудете, то и вам учнут везде давать, чтоб вы не приезжали, и вам бы таким обычаем не внимати и того не делати, а помните наше крестное целование, на чем есте нам крест целовали, что хотети добра во всем и искати прибыль, а не себе корысти».

⁴⁵ Там же. Д. 10.

Тем временем сведения о находках руды местным населением в северных районах продолжали поступать в Москву. В последней грамоте Г. Загряжскому и С. Беликову рассказывалось о сообщении крестьянина Холмогорского уезда Пинежского волока Ивана Федотова. Он извещал, что в землях самоседи на самом морском берегу есть «урочище с людей Канин нос». На нем высокие каменные горы, «да тут же пришли реки одна Москвина река, а другая Зенова река, а пали де те обе реки в море позаде того Канина носа», и в устьях обеих рек есть серебряная руда. Все это Иван знал не понаслышке. Три года он брал эти реки в найм у самоседов для рыбного промысла и видел что, «у тех рек на устье камни много, сверху по нем что золото, а разломит ево и в нем светло, что серебро». Иван хотел взять этот камень с собой «на Русь», но самосед Лазарко говорил ему, чтобы он не вывозил камень, потому что как только он придет «на Русь» у него отберут этот камень, так как это серебряная руда. Однако И. Федотов взял с собой 4 куска. На Холмогорах он показал камень своему знакомому Титку и тот сказал, что на Холмогорах есть серебряник «старово царя Борисова двора», но имени его не помнил. Иван разыскал того серебряника и показал ему камень. Посмотрев, серебряник сказал, что это серебряная руда, а можно «розделить на двое серебряная и золотая», но на Руси таких мастеров, которые умеют это делать нет, и вернул камень владельцу. Вскоре у него этот камень «выняли у пьяново из зепи з денгами»⁴⁶.

В связи с этим в грамоте руководителям экспедиции предписывалось, чтобы «на Мезени, на Пинеге, на Кевроле и в иных местах, где ни проведаете, золотые и серебряные и медяные руды отыскивали и у всяких людей про такие места розведывали и сыскивали по нашему наказу и по грамотам не оплошно, с великим радением, и тех людей, хто про такие места скажет, нашим жалованием обнадеживали и рудознатцам говорили и нашим жалованием их обнадеживали, чтоб нам послужили».

В этом же документе сообщалось, что на Мезень, Пинегу и Кевролу к приказным людям посланы грамоты, чтобы они давали деньги экспедиции из всяких доходов. А также было велено послать на Пинежский волок за Иваном Федотовым и, взяв его, ехать в те места, о которых он рассказывал в Москве. Как обычно, указ заканчивался напоминанием об обязательной присылке в Москву в Посольский приказ сообщений о найденных месторождениях и результатов опытных плавов.

По царскому указу в конце февраля – начале марта 1627 г. экспедиция отправилась в Поморье для проведения поисков руд в бассейнах рек Мезени, Пинеге и Кевролы. С этого времени базой экспедиции стала Окладникова слобода на Мезени. В первую очередь поисковикам предстояло проверить сообщение строгановского крестьянина Никиты Зиновьева Игнатъева, о котором говорилось выше. Отряд отправился вверх по Мезени

⁴⁶ РГАДА. Ф. 151. Д. 3. Л. 6; Архив СПб ИИ РАН. Ф. 175. Оп. 2. Д. 16. Л. 2.

до Пижмы, а затем Пижмой и Симйогой вверх до места, указанного крестьянином. Были взяты пробы породы, которую определили как колчедан. Рудознатцы провели опыт, но у них «никакая руда не объявилась»⁴⁷.

Также параллельно поисковики проводили сбор информации у местных жителей. Кеврольскнй крестьянин Максим Макаров принес 1,5 фунта (около 614 гр.) некой породы, которая была передана для опыта немецким мастером. Крестьянин нашел этот камень за Капиным носом на берегу реки Москвины. С. Фрик взял для испытания восьмую часть этого камня (в своем заключении назвал его «серным»), но кроме горючей серы ничего из него не получилось. Мастер дал заключение, что впредь из этой породы «кроме серы иново ничего не будет». Остаток находки Максима Макарова и результаты опыта были отправлены в Москву вместе с отчетом С. Фрика⁴⁸.

Тем временем в экспедицию был доставлен с Пинежского волока крестьянин Иван Федотов, который ранее рассказывал в Москве о своей находке серебра и золота «на море за Капиным носом в берегу». 14 июня 1627 г. отряд Г. Загряжского и С. Беликова отправился морем на полуостров Капин. Однако там у рек не оказалось «великих каменных» гор, а горы были «земляные». Тем не менее, было проведено обследование прокопами «капинских и нижних гор», но кроме «черного камня и глины» и «двух руд» ничего найти не удалось. С огромным трудом по морю поисковики добрались до Пустозерска. Как писали Г. Загряжский и С. Беликов в отчете об этом путешествии, «на море четыре недели парусы драло, ... переломало и нас мало не потопило». 18 июля в Пустозерске С. Фрик провел дважды опыт с привезенными образцами, и ничего в них не нашел «кроме серной воды». Все образцы, результаты опытов и Иван Федотов были отправлены в Москву с холмогорским стрельцом Наумом Исаковым⁴⁹. Остается лишь догадываться, что ожидало И. Федотова в Москве.

С середины июля 1627 г. базой экспедиции стал Пустозерский острог. Были обследованы все течение реки Печоры от устья до верховий, ее притоки Цильма, Уса, Ижма и Пижма. Через волоки поисковики перебирались на Вымь и Колву – к предгорьям Приполярного Урала. Проводился не только визуальный осмотр местности, и делались прокопы по 5 – 10 и более саженей. Рабочей силой были работники, которые одновременно были и гребцами. Однако и в этом районе деятельность экспедиции не принесла результатов. В Печорском бассейне кроме «каменя колчедана», железной руды, красной глины и серных камней ей не удалось найти ни «добрых» рудых месторождений, ни мест, похожих на места залегания руд. Результаты этих поисков были отправлены в Москву 11 октября 1627 г. с переводчиком Т. Фаннеминым. Иноземные рудознатцы объясня-

⁴⁷ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 175. Оп. 2. Д. 15.

⁴⁸ Там же. Д. 12.

⁴⁹ Там же. Д. 16.

ли неудачу экспедиции неправильным выбором мест поиска, которые были «ниские и холодные и водяные», хотя «трудов наших было много, и при смертех были многих на мори и на больших реках по порогам»⁵⁰. В конце декабря 1627 г. отряд вернулся в Москву.

Экспедиция В. Стрешнева и В. Сергеева 1633 г. В начале 30-х гг. вновь стали поступать сведения о находках рудных признаков в Прикамье. 22 февраля 1633 г. из Москвы была послана очередная экспедиция в Пермь Великую «сыскивать золотые руды» под руководством стольника В. И. Стрешнева и дьяка В. Сергеева⁵¹.

К сожалению, сохранилось крайне мало сведений об экспедиции В. И. Стрешнева. Очевидно, это связано с тем, что она была кратковременной, уже в январе 1634 г. ее участники получали в Москве царские дары. Задачей экспедиции было обследование рудных признаков, указанных А. Тумашевым, и выяснение рентабельности месторождения. Отряду В. И. Стрешнева не удалось найти золото, но зато были открыты промышленные месторождения медной руды в Соликамском и Чердынском уездах (в тех местах, где работали предыдущие экспедиции). Руководители и специалисты экспедиции были щедро вознаграждены. На базе найденных месторождений был построен казенный Пыскорский медеплавильный завод⁵².

Экспедиция Я. Хрипунова 1628 — 1630 гг. (Рис. 9. Форзац Г). 18 мая 1628 г. отряд Я. Хрипунова вышел из Тобольска. Его путь лежал по Иртышу и Оби до Сургута, вверх по Оби до Нарымского острога, вверх по притоку до Енисейского волока, через него на Енисей до Енисейского острога, вниз по Енисею до Верхней Тунгуски, по ней в Аплинскую и Шаманскую земли, которые находились в ее верховьях⁵³.

16 июля Я. Хрипунов послал из Нарымского острога в Москву вторую* отписку, которую получили в столице 30 сентября (следовательно, на доставку почты потребовалось 2,5 месяца). Он сообщил, что еще в самом начале пути, когда они шли по Иртышу и Оби, 54 служилых человека из его отряда грабили ясачных татар и остяков: отбирали у них рыбу, жир, обласы, котлы и пологи. 29 июня отряд добрался до Сургутского острога, и там Яков решил наказать тех, кто занимался грабежом. Он приказал бить их батогами и поса-

* Первая отписка не сохранилась. Известно, что она была отправлена Я. Хрипуновым с томскими служилыми людьми И. Володимерцом и П. Кизылом из Сургута.

⁵⁰ Там же. Д. 19, 28

⁵¹ Берх В. Путешествие в города Чердынь и Соликамск. Для изыскания исторических древностей. СПб., 1821. С. 42.

⁵² См. главу 7.

⁵³ Ход экспедиции реконструируется по следующим документам: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 12, 16, 18, 41.

дить в тюрьму. Но служилые «под суд не дались», а пришли «с шумом» к суду Я. Хрипунова, «бесчестили, лаяли матерны и хотели его убить».

О случившемся он сообщил из Сургута в Тобольск. Воеводы А. Трубецкой и И. Вольнский повторили полученную от Я. Хрипунова отписку в своем послании в приказ Казанского дворца, которое было там получено 30 сентября вместе с нарымской отпиской Я. Хрипунова. Таким образом, мы имеем возможность получить представление о содержании первой отписки Я. Хрипунова (отправленной из Сургута).

В ней содержались дополнительные подробности о непослушании и бесчинствах служилых людей. По приезду в Сургут Яков велел служилым людям перейти с каждого судна по одному человеку на дощаник, в котором находилась государева казна, и на его судно, потому что проводники, обские остяки, с судов сбегают, т. к. для них «судовой ход не за обычай». Да и на корме они стоять не умели. Также он распорядился взять с его судна остяков на остальные суда вместо тех служилых людей, которые должны были перейти к нему и на государев дощаник, чтобы «ход был спешнее, и за проводниками мешкоты не было». Но служилые люди пришли к Я. Хрипунову «скопом и заговором, с великим шумом и с отказом» выполнить распоряжение.

За непослушание Яков послал десятников и сотников в сургутскую тюрьму и, «выняв из тюрьмы» тобольского стрельца Моисейка Русинова и пельмского стрельца Данилка Юрьева, «хотел бити батоги». Однако тарские служилые люди Митька Новгородец, Игнашка Проскурак и Любимко Андреев отняли арестантов и не дали их наказать, «всякою неподобною лаяли и за людьми его, яковлевыми, гонялись со слопы». Сторонники Я. Хрипунова «утекли к нему на судно».

А тем временем остяки сбежали с казенного и яковлева судов, и Яков остался без проводников. В силу сложившихся обстоятельств Я. Хрипунов считал, что он не успеет добраться до Маковского острога летом 1628 г. В его отписке в Тобольск также сообщалось, что тобольские и тарские служилые люди написали «меж себя запись, что им идучи дорогою торговых и промышленных людей, которые им навстречу попадутца, грабить».

Яков жаловался, что служилые люди его не слушаются, что «половину дни идут, а другую стоят и государево казенное судно и ево мечут назад», лишь сургутские служилые люди «не приставали к тому воровству».

Вернемся к отписке Я. Хрипунова, посланной из Нарымского острога, куда отряд пришел 12 июля 1628 г. Бесчинства и непослушание части служилых людей продолжались и там. 16 июля в Нарым приехали около 100 торговых людей из разных городов. На берегу под острогом они подверглись нападению и ограблению все тех же служилых людей. Яков жаловался, что служилые опять грозились его убить и ни в каких государевых делах его не слушаются. На обороте столбца с отпиской имеется помета: «Государю чтена, в столп писано о том подлинно».

В отписке тобольским воеводам из Нарымского острога, отправленной 6 августа, Я. Хрипунов также сообщал, что служилые люди не дают «на обмену» кормициков на казенное и его судна, поэтому он идет «назад с великою нуждою и меншотою». Там, где обычно проходят путь за один день, он идет два дня, потому что «остякам на тех судах ход шестами не за обычай». Яков опять писал о нападениях служилых людей на ясачные юрты, которые встречались им по дороге. Ясачные приходили с жалобами к Я. Хрипунову, но служилые ему «под суд не давались». К тому же они распродали по городам окладные хлебные запасы и «проигрались зернью». В росписи, присланной в Тобольск Я. Хрипуновым, значилось 67 «приставших к воровству».

Приблизительно в то же время 70 служилых людей, которые заняли сторону Я. Хрипунова, написали в Тобольск челобитную на имя царя о событиях в Сургуте и Нарыме. Они сообщали, что пытались «унимать от воровства» непослушных, но последние хотели их «убить и жогами перерезать» и «вперед грозилась убийством». Служилые люди просили переменить 49* человек, чтобы «от их воровства в конец не погнущь и государевой службы не отбыти» и чтобы было с кем нести эту службу. Челобитная была подписана попом Исаком и еще 5 человеками.

Вместе с этим документом в Тобольск из Нарыма пришло еще сообщение письменного головы П. Салманова о том, какие бесчинства творили служилые люди, посланные с Я. Хрипуновым, в Нарымском остроге. В его подчинении в то время находилось только 13 человек, остальные были в разных службах. Такими силами было невозможно защитить торговых и промышленных людей.

Во время прохождения отряда по Оби к нему должны были присоединиться 30 служилых людей из Березова. Я. Хрипунов рассчитывал, что это произойдет в Сургуте, но там он их не дождался и ушел в Нарым. А тем временем березовские служилые люди не спешили на государеву службу и занимались грабежом промысловых артелей на Оби. Сургутский воевода, получив об этом сообщение, пытался вернуть награбленное, велел привезти березовских служилых на очную ставку в Сургут, но те ответили людям воеводы: «Буде велено взять их по неволе, и мы де готовы с вами битца».

Тобольские власти, получив тревожные сообщения от Я. Хрипунова, сургутского воеводы и нарымского письменного головы, послали из Тобольска сына боярского и подьячего. Они должны были взять у енисейского воеводы В. Аргамакова служилых людей и у Я. Хрипунова тех, кто не был замешан в «воровстве», переловить бесчинствовавших служилых, а затем расспросить их порознь по какому они умыслу «воровскую запись» писали и по чьему наученью торговых людей грабили, и не хотят ли они, покинув Я. Хрипунова, с государевой службы сбежать. «А буде те воры учнут в воровской записи и в грабленной рухледи запираяться», то тех

* Эти данные несколько не совпадают с количеством служилых, названным Я. Хрипуновым.

«воров», на кого Я. Хрипунов укажет, было велено «писать... во всяком их воровстве, а сыскав воровскую записку и грабежную рухледь, тех воров за их воровство, около острогу и по улицам водя, бити кнутом нещадно», затем выбрать из них самых «пущих» зачинщиков от города по человеку и до государева указа посадить в тюрьму, чтобы «на то смотря, не повадно было так иным служилым людям воровати». Вместо арестованных Я. Хрипунов должен был взять у В. Аргамачева енисейских стрельцов, им передавалось хлебное и денежное жалованье посаженных в тюрьму. Посланному сыну боярскому было предписано привезти в Тобольск «воровскую записку», все награбленное, расспросные и пыточные речи. Затем «грабежную рухледь» необходимо было возвратить пострадавшим торговым и промышленным людям по их челобитным.

Руководство приказа Казанского дворца ознакомило с содержанием отписки тобольских воевод царя Михаила Федоровича. И как отмечено на ее обороте: «Государь слушал и указал ждаты ис Тобольска о том иные отписки, что тобольской посылке зделаетца, повелел доложить себе, государю». Таким образом, на данном этапе центральная власть была удовлетворена действиями тобольских воевод по пресечению «воровства» и пока не вмешивалась в развитие событий.

В силу описанных Я. Хрипуновым обстоятельств отряд медленно продвигался к Енисейскому острогу. Было уже очевидным, что выйти вверх по Тунгуске всей экспедицией удастся только уже весной следующего 1629 г. Поэтому Яков решил выслать вперед небольшой отряд для разведки. Из Кетского острога под Братский порог он отправил своего шурина М. Воейкова с 12 служилыми, среди которых были Терентий Савин и Игнатий Проскурак (участвовал в бесчинствах в Сургуте и Нарыме).

24 марта 1629 г. И. Проскурак был доставлен из Енисейского острога в Тобольск «в государевом деле». Тобольские воеводы расспросили его об экспедиции Я. Хрипунова. У него оказались и образцы предполагаемой серебряной руды. Расспросная речь И. Проскурака, составленная в Тобольске, была первым свидетельством очевидца о том, как экспедиция Я. Хрипунова выполняла свою главную задачу — поиски серебра.

Летом 1628 г. группа М. Воейкова добралась до Енисейского острога, а оттуда вышла по Тунгуске в зырянском каячке. После 26 дней пути они «сыскали первую руду на Тунгуске реке под Брацким порогом в горе, а та гора пришла к Тунгуске реке кольцом, поперечье ее тысяча сажень, а вышиною с Тобольскую гору». Взяв руды на опыт, М. Воейков с товарищами поехали назад и «сыскали другую руду в Име реке, горе ж, а та Им река пала в Тунгуску реку». «Третью руду» они нашли в р. Тасееве, «в горе ж», которая впадает в Тунгуску. Образцы породы были переданы Я. Хрипунову. По свидетельству И. Проскурака из трех образцов руды «изо шти золотников родилось три золотника с четвертью чистово серебра». А также он слышал в Енисейском остроге от плавильщика И. Репы, что руда,

взятая с р. Има «всех руд в переплавке будет прибыльнее». Рассказал Игнатий и про планы Я. Хрипунова. Он собирался идти под Братский порог и там поставить острог, потому что там «место пришло крепкое» и от него до руды на р. Им 7 верст, недалеко оттуда было и до р. Тасевой. К выбранному под острог месту «прилегли пашенные места и сенные покосы, и рыбных ловель много». По обследованным притокам Тунгуски жили тунгусы, а «бращие люди от острогу будут в 3 днищах». Еще И. Проскуряк слышал, что «в Брацкой де земле есть медяная руда». Также, по его свидетельству, Я. Хрипунов нашел под Енисейским острогом на речке, где стоит мельница, руду, из которой «родился булат».

17 сентября 1629 г. расспросные речи И. Проскуряка подал в приказ Казанского дворца вернувшийся с тобольского воеводства И. Вольтинский*. (Таким образом, в Москве получили первые известия о понсковых работах Я. Хрипунова спустя год после их проведения). Уже на следующий день дьяк И. Болотников прочел эти документы царю Михаилу Федоровичу**. Выслушав расспросные речи, государь указал написать в Тобольск воеводам, чтобы они выбрали надежного письменного голову или сына боярского и подьячего «от места» и послали их к Я. Хрипунову. В их задачу входило провести сыск накрепко, опросив служилых людей из отряда Я. Хрипунова, есть ли в тех местах, куда они посланы, серебряная, медная и «булатная» руды, и «чают ли в том государю прибыли». Свое заключение и расспросные речи людей инспекционная группа должна была привезти в Тобольск, а оттуда документы должны были быть посланы в Москву.

Такой шаг царя Михаила Федоровича объясняется обеспокоенностью тем, что «в том ево, Яковлеве, отпуске и в подъемех по ся места учинились государевой казне немалыя убытки, и вперед те денги у государя не пропадут ли». Подошел к концу 137 (1628/29) г., и необходимо было принимать решение о дальнейшем финансировании экспедиции.

15 октября 1629 г. в приказе Казанского дворца получили две отписки тобольских воевод А. Трубенцкого и Г. Загрязского с сообщениями енисейского воеводы В. Аргамакова от 27 марта и 8 августа 1629 г. о посылке группы Воейкова. Местные власти были крайне возмущены ее действиями, так как она вторглась в сферу их компетенции — сбор ясака на подвластных тунгусских землях и нарушила уже сложившийся порядок. В. Аргамаков писал, что М. Воейков «привез с 15 сороков соболей да шуб с 20 соболей». Позже выяснилось, что они захватили силой у князца Болтурина пушнину, приготовленную для сдачи ясака, взамен оставили им котлы и оловянные блюда «не повелику». Таким образом, отправленный под Братский порог стрелецкий сотник П. Бекетов не смог собрать ясак.

* По данным Е. В. Вершинина тобольский воевода Иван Васильевич Вольтинский Птица умер в Тобольске в 1629 г. См.: Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII в.). С. 171.

** На обороте столбца есть объяснение, почему это делал один дьяк. Боярин князь Д. М. Черкасский «в те поры не домогал, в городе не был», а дьяк И. Грязев «в те поры был в деревне».

Жаловались на М. Восейкова и промысловики. Большой группой торговых и промышленных людей была отправлена челобитная, в которой они писали: «...Микита с товарищи, идучи вверх по Тунгуске, имал покрученников наших с подводы от промыслов силно с ватаги человек по 5 и болше от зимовья до зимовья. А назад идучи по Тунгуске, тот Микитка и Терентей с товарищи, приворачивая по тем же зимовьям и по усторонным речкам, по зимовьям ходили и для своей безделной корысти дни по два и болши. И покрученников наших оголодели — хлеб и харч объели и с собою имали, да с них же имали силно денгами не ведомо за что рублев по 10 и по 12 с ватаги и болше. И платье грабсжем имали. А покрученников били и увечили насмерть. Промышлять стало не за чем, хлеба и харчей нет. А те стали от их побоев увечны и промышлять не могут. И мы стали от М. Восейкова с товарищи без промыслов голодны и наги, увечны. А преже сего государевы люди из Енисейского острога ходят по Тунгуске для ясачного сбора и с нас подвод и кормов не нмывали, и обид от них не было. А впредь нам для насильства Я. Хрипунова служилых людей в Тунгуску для своих соболиных промыслов ходить будет невозможно»⁵⁴. Торговые и промышленные люди просили государя оградить их от «насильств» служилых людей Я. Хрипунова. В присланных отписках енисейский и тобольские воеводы сообщали, что промышленные люди отказались пойти на соболиные промыслы, поэтому не будет и сбора государевой соболиной десятинной пошлины на 137 (1628/29) г.

Такое поведение отряда М. Воейкова вызвало негативное отношение местных властей и к их деятельности по поиску серебра, которая подавалась в отписках как весьма сомнительная. В мартовском сообщении В. Аргамаков писал, что М. Воейков привез из-под Братских порогов «каменья для прилики (т. е. для приличья), что будто де то серебряная руда». В августовской отписке енисейский воевода сообщал, что «каково де каменья привозят они в Енисейский острог, а пазывают серебряною рудою, и таково каменья прислал в Енисейский острог из-под Брацкого порогу сотник стрелецкой Петр Бекетов»⁵⁵.

Тобольские воеводы сообщили, что до 17 августа (т. е. до составления отписки в Москву) они не получили от Я. Хрипунова никаких известий и образцов руды. Те «каменья», которые привез в Енисейский острог П. Бекетов, были отправлены вместе с отпиской в столицу.

Выслушав отписки тобольских воевод, царь Михаил Федорович взял присланные образцы породы «к себе, к государю, в хоромы и хотел приказать переплавить». Этот факт, зафиксированный на оборотной стороне отписки из Тобольска, еще раз свидетельствует о большом интересе царя к поискам серебра на далекой Тунгуске и активном личном участии в оперативном управлении ею.

⁵⁴ Там же. Д. 18. Л. 119.

⁵⁵ Там же. Д. 18. Л. 136.

Была проведена опытная плавка «каменной», забранных у И. Проскуряка и привезенных И. Вольским, а также найденных П. БCKETОВЫМ. В результате переплавки «в той руде, оприч серы, серебра не объявилось нисколько». После этого 13 ноября 1629 г. царь распорядился вновь отправить в Тобольск грамоту с распоряжением послать письменного голову (или сына боярского) и подьячего для проведения сыска о наличии серебра в тех местах, где находилась экспедиция Я. Хрипунова, и прислать материалы проведенного сыска в приказ Казанского дворца.

Но 3 февраля 1630 г. государь решил уже не ждать сообщений о результатах проверки из Тобольска и приказал послать тобольским воеводам грамоту с указанием самим проверяющим принять решение о целесообразности дальнейших поисковых работ экспедицией Я. Хрипунова. В том случае, если они «не чают» серебряной руды в тех местах, где о ней говорили, то им предписывалось «Якова Хрипунова со всеми служилыми людьми и со всем взяти в Тобольск, потому что по ся места в том сего, яковлева, отпуске и в подьмегах учинились в государевой казне многие расходы, а промыслу от него, Якова, никакова не объявилось». 14 февраля из Москвы ушел указ тобольским воеводам сообщить о приезде Я. Хрипунова в Тобольск.

По получении первого же распоряжения о проведении сыска о целесообразности дальнейших поисковых работ на Тунгуске из Тобольска был отправлен сын боярский М. Байкашин с подьячим. 28 апреля вслед за ними с последним царским распоряжением воеводы послали служилого литвина В. Быковского и стрельца К. Филиппова, им было велено ехать «наспех днем и ночью».

Тем временем в Енисейский острог пришло сообщение с Тунгуски из Нимского зимовья (Енисейская ясачная волость) от атамана Максима Перфильева, сдвигшего с Я. Хрипуновым в качестве подьячего, о том, что 17 февраля 1630 г. Яков умер. Это известие привезли казаки Т. Прокофьев, С. Семенов и П. Мещеряк, 13 июня новый енисейский воевода С. Шаховской прислал их в Тобольск. Расспросные речи этих казаков стали вторым свидетельством очевидцев о непосредственной деятельности поисковой экспедиции Я. Хрипунова.

Добравшись до Енисейского острога к осени 1628 г., отряд Я. Хрипунова был вынужден провести там зиму и двинулся дальше в путь 30 мая 1629 г. По свидетельству казаков, Я. Хрипунов отправился искать серебряную руду за Братский порог и дошел «до устья Оки реки и вверх по Ангаре* (Верхней Тунгуске) реке до устья Осы реки», но серебряной руды нигде не нашел и пришел зимовать со всеми служилыми людьми в Нимское зимовье под Братский порог в острожек. Отряд был вынужден вернуться туда на зимовку, потому что за Братским порогом вверх по Ангаре

* Согласно этому документу, в первой половине XVII в. Ангарой называли верховья р. Верхней Тунгуски выше Братского порога, позже это название распространилось на всю реку.

ГЛАВА 5.

ПОИСКИ СЕРЕБРА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ И В СИБИРИ (1669 – 1673 ГГ.): МОБИЛИЗАЦИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ И ХОЗЯЙСТВЕННЫХ РЕСУРСОВ ЦЕНТРА И ПЕРИФЕРИИ

Первое поселение на р. Исети – Исетская пустынь (Далматовский Успенский монастырь) – появилось в 1644 г. Интенсивное заселение этого района началось с середины XVII в. В 1650 г. был построен Исетский острог, в 1659 г. – Катайский острог, ставшие основными укрепленными пунктами на Исетском рубеже. Под их прикрытием началось быстрое заселение рек Пышмы и Исети с притоками и хозяйственное освоение плодородных земель Южного Зауралья. Вместе с тем, продвижению колонизационной волны на юг мешала постоянная угроза набегов степняков. В 1662 – 1667 гг. на Исетском рубеже вспыхнуло мощное антирусское движение, в котором принимали участие башкиры, калмыки, сибирские ясачные татары и кучумовичи. Только после его прекращения стала возможной и разведка полезных ископаемых в южном направлении – в районах, по слухам сказочно богатых серебром и золотом.

К тому времени жители пограничных слобод освоили доходный промысел: раскопки могильных курганов, на столетия ставший профессией «бугровщиков» среди местного населения. Возможно, раскопки могил и стали одной из причин волнения степных народов. Впервые известие о расхищении кладбищ поступило в 1668 г. верхотурскому воеводе И. Я. Колтовскому. Он был вынужден послать в Катайский острог служилых людей для наказания беглых казаков и крестьян, которые «ездили в степь, раскапывали татарские и башкирские кладбища, и имали серебро. И от таких воров преж сего учинилась ссора»¹. В поощрении и даже организации раскопок обвинили приказчика Камышевской слободы Семена Будакова на основании челобитной приграничных татар. В оправдание своей невинности приказчик организовал охоту за «бугровщиками». В сентябре 1669 г. по подсказке верхнепышминских татар он обнаружил «воровской стан» на р. Бобровке в 5 верстах от Камышевской слободы, где драгун

¹ СПФ ААН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 3. Л. 129.

Кагайского острога Трошка Панкратов с 8 компаньонами копал «чудские» и татарские могилы. Расхитители кладбищ организовали активное сопротивление: «стреляли и саблями метались», и задержать их с помощью казаков и крестьян не удалось. Тем не менее, об этом случае сообщили в Верхотурье воеводе Ф. Г. Хрущеву. В распоряжении нового воеводы приказникам звучала та же мысль, что и у его предшественника: могил не копать во избежание конфликтов². Вместе с тем, эти раскопки дали властям важную информацию о наличии у предков аборигенного населения изделий из серебра и золота, что наводило на мысль о существовании некогда в тех краях производства на основе местных сырьевых источников. Поэтому особый интерес у властей вызывали сообщения о древних рудниках.

Впервые реальные сведения о них были получены от монахов Далматовского монастыря в ходе следственного дела 1664 г. Результаты допросов монаха Лота были отправлены в Москву. В торжественной обстановке в Золотой Палате царю было сообщено, что в степях за рекой Исетью в старинных могилах находится бесчисленное количество золотых и серебряных вещей. Старец Лот расспрашивал об этих могилах у башкир, и одна столетняя башкирка рассказала ему, что будто бы «золото с серебром, которое находят русские люди в татарских могилах, происходит из руды, которую добывают сибирские татары и их калмыцкие люди в горе в вершинах рек Уфы, Гадены и Яика... и домницы, и ямы в том месте есть... а езды от Кагайского острогу – 11 дней. Около той горы, речки названием Тасмы*, устьями сошлись в Ай-реку, а длина той горы верст 7, поперек в версту, в высоту сажень на 200 и более. На ту гору проложены дороги великие. Темн дорогами ездят многие башкирцы, этот камень берут и плавят золото и серебро. Ту руду они продают в Уфу русским людям по 13 рублей за пуд. Есть и город каменный на берегу озера Иредяша** в полднице пути, и башни великие и палаты каменные, башкирцы его скрывают, а также некто служилый человек Батитко видел на острове Иртяш-озера этот город в саморостном камени. Вокруг него ров, а за тем городом сделаны домницы нестари, видны плавильная руда и шлак. В длину городище 100 сажень, а поперек 50 сажень»³.

Это сообщение стало поводом для проведения длительных поисков серебряной руды на Южном Урале и в других местах. Они отличались от предшествующих экспедиций масштабами, продолжительностью и новыми организационными принципами. Сведения, полученные от старца Лота, подкреплялись и другими реальными известиями о наличии признаков руд за исетской пограничной чертой. Так, в марте 1668 г. медную и сереб-

* Современное название – Тесьмы.

** Современное название – Иртяш.

² РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 133. Ч. 1. Л. 52 об. -53.

³ ГАСО. Ф. 129. Оп. 1. Д. 152. Л. 10-13 об.

ряную руду переслали в Москву с верхотурским стрельцом Степаном Борзуновым. Часть этой руды («30 гривенок желтоватых и мешок руды»), найденной у Синарского озера, прислал приказчик Катайского острова М. Тырков, но найдена она была, очевидно, раньше – в 1667 г.⁴

Поисковые работы на Южном Урале были настолько значительными, что нашли отражение в сибирских летописях: «Того же 180 (1671/72) году приехал с Москвы в Сибирь от великих государей думной дворянин Яков Тимофеевич Хитрова. А в товарищах с ним сын его Венедикт Яковлевич Хитрова да подьячий с приписью от Тайных дел Еремей Леонтиев сын Полянской. И велено им на Уральских горах город поставить над Тасмами реками в каменю и сыскивать серебряную руду. А для серебрянова руднова дела присланы были мастера то знатцы, немцы многие. Да прежде того в 179-м (1670/71) году на те ж места послан был с Москвы Михайло Петров сын Сплин с Далматовым старцом Лотом и с немцы. И не сыскали ничего, и поехали было к Москве. И их думной с собою же воротил с дороги. А завод всякой, к рудному делу пристойной, и снасти плавильные и кузншшные, и сподобы всякия, на то дело пригодныя, и казны государевы денежные и всякие с думным было много: и снаряд, пушки и пищали, и порох, и свинец, и всякий градской строй. А для городского ставления и для бережения иманы со всех городов дети боярские и райтары, и салдаты все. А запасы хлебные и всякие, и казну всю, и всякой завод руднова дела провадили на Уралские горы. И лес на город и на хоромы добывали пашенные крестьяне всех государевых слобод без обмена. И искали на тех местех два года, по 182-й (1673/74) год, серебряной руды, и в иных местах, и по Тоболу реке думной ездил вверх, в степные места, сыскивать руды. И в Кузнецкой острог, и в Красной яр и в Томские уезды посыланы были немцы, и тобольские дети боярские, и служилые люди и нигде ничево не нашли. И по государеву указу думному дворянину Якову Тимофеевичу Хитрова велено быть к Москве, и с товарищи, и с немцы, а служилых людей распустить по городом, и город на Урале сожечь, а снаряд в Тобольск отослать. Ничево не найдено, а государеве казне великая и неизглаголанная тцета и гибель учинилась от подъемов и от подмогов, и всякими заводы денежным и хлебным жалованьем»⁵.

Это летописное свидетельство кратко, но емко характеризует все ключевые эпизоды экспедиции. В литературе события того времени освещены довольно бегло и отрывочно⁶, поэтому есть необходимость представить ход

⁴ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 28. Д. 1356. Л. 8.

⁵ ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. М., 1987. С. 165; Древняя российская вивлиофика Т. III. М., 1877. С. 211-213.

⁶ Кузин А. А. История открытия рудных месторождений до середины XIX в. М., 1961. С. 98; Ястребов Е. В. Поиски полезных ископаемых на Урале в XVII в. // Вопросы истории хозяйства и населения России в XVII в. М., 1974. С. 68; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М., 1972. С. 232.

поисковой деятельности более связано и подробно. Значительная часть документов описывает регулярные и целенаправленные работы в 1671 – 1673 гг. на горе при слиянии речек Тесмы и в районе так называемой Биабьей горы и озера Иртяш. Менее всего сведений, обнаружено о первых экспедициях – до 1671 г., когда поиски организовывались не менее двух-трех раз.

Весь ход поисков серебряной руды, предпринятых по известию старца Лота, можно разделить на несколько последовательных и взаимосвязанных этапов деятельности различных поисковых групп, направленных с 1668/69 по 1674 гг. не только на Урал, но и в Восточную Сибирь. Все это время поиски велись практически непрерывно, затихая только на время, когда выпадал снег, и замерзала земля. Но в это время проводились различные подготовительные мероприятия. Условно поисковую деятельность можно разделить на пять периодов в зависимости от районов и сезонности поиска, задач и масштабов горных работ:

первый период (1669 г.) – горные работы под руководством тобольского воеводы стольника П. И. Годунова. Задача: добыча определенного количества руды для отправки на экспертизу в Москву;

второй период (1670 г.) – горные работы под руководством тобольского сына боярского Ф. Фефилова и прибывшей из Москвы группы во главе с «сибирянином» М. Селиным*. Задача: добыча большего количества руды с тех же и новых мест, ее доставка для проведения опытов в Москве;

третий период (1671 г.) – горные и рудоплавильные работы под руководством М. Селина. Задача: организация выплавки серебра непосредственно у месторождений;

четвертый период (1672 – 1673 гг.) – поисковые, горные и рудоплавильные работы под руководством думного дворянина Я. Т. Хитрово и контролем Тайного приказа;

пятый период (1673 – 1674 гг.) – поисковые работы на Енисее в районе Красноярского острога под руководством переводчика капитана Карлуса Римана и в Ярославском уезде во главе с Я. Т. Хитрово.

В конце 1660-х гг. поиски руды проводились практически на всей территории Российского государства. Экспедиции посылались на север к Архангельску, вверх по Волге за Казань и Симбирск, на Кавказ, Урал и в Сибирь. За редким исключением, во всех случаях, связанных с поиском цветных и драгоценных металлов, были задействованы иностранные специалисты. Многие из них были приглашены на русскую службу для поисков руд именно в этот период. Например, нередко упоминаются греческие мастера. Но часто о национальности специалистов и их деятельности можно только догадываться.

Большие группы специалистов различного профиля были завербованы полковником-немцем Николаем фон Стадиным (Nicolay von Staden).

* Михаил Петрович Селин упоминается в 1667 г. как бывший сургутский казачий голова, сообщивший тобольскому воеводе П. И. Годунову о жемчуге на р. Тундуске. Из документа следует, что он был неграмотным, а за него расписывался брат Иван Селин (Ф. 214. Оп. 1. Кн. 535 ч. 2. Л. 11).

В январе-феврале 1669 г. вместе с прапорщиком Иваном Афенбахом и группой помощников он отбыл за границу, через г. Псков. К лету 1669 г. с ними прибыли: саксонец Христиан Дробыш родом из Дрездена, умеющий ходить с лозой, испытывать и плавить серебряную руду, селитренный мастер Роланх Ман родом из Пруссии, два ткача немецких полотен Ганц Рыхтер из Мейсена и Андерс (Андрей) Гофман. Ткачам и селитренным мастеру по уговору должны были платить по 10 руб. в месяц. Х. Дробышу определили оклад в 40 руб. Сохранился текст договора на немецком языке с переводом, подписанный мастером. В нем он сообщал, что договорился с господином полковником Н. фон Стадиным, давал обещание ехать к Москве и радеть в поисках руды. Полковник, в свою очередь, должен был на свои деньги привезти саксонца в столицу, установить месячный оклад и выдать 40 ефимков. По тому же договору в Гданьске были закуплены инструменты и часть составов для опытов. Мастеру было обещано ежемесячное жалование в размере 40 руб. В случае неудачных результатов поисков, оговаривалось, что умысел мастера в этом не будет усматриваться, и Х. Дробыш мог свободно уехать на родину. Схожие условия договора были и с другими специалистами. При желании вернуться домой они получали вольный отпуск⁷.

Осенью 1669 г. Х. Дробыш уже принимал непосредственное участие в поисках серебряной руды в нескольких уездах Центральной России. В Звенигородском уезде обследовались рр. Розверна и Малая Истрица, в Полоцком и в Рузском уезде — р. Руза, в Можайском уезде — р. Москва от Можайска и Лужецкого монастыря до с. Мышкина, в Верейском уезде — р. Ратуй, в Боровском уезде — р. Протва (Поротва) от Вышегорода до Боровска, а также рр. Исма, Боренка, Нара от Кондратьевой вотчины Чарторижского и с. Лобанова до Калужской дороги. Серебряной руды в этих местах обнаружено не было. В то же время, признаки этой руды были найдены в вотчине Вознесенского девичьего монастыря в Рузском уезде⁸.

Чуть ранее, в июле 1669 г. в Дмитровском уезде и других местах работу неких иностранных рудознатцев, приехавших с Н. фон Стадиным, обеспечивал подьячий приказа Тайных дел Иван Полянский. В другом случае, в июле этого же года, полковнику предписывалось выдать денег двум иноземцам: «подкопщику у сыску серебряной руды и стекольному мастеру, которых он, Миколай, приговорил из Риги к Москве послужить»⁹. Идет ли здесь речь о Х. Дробыше или о других специалистах не известно, поскольку имена мастеров не упоминаются.

В свою очередь, мы узнаем о присутствии в Москве знатока серебряной и золотой руды из Саксонской земли Христиана Фалентинова с товарищами

⁷ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 285. Л. 4-6.

⁸ Там же. Л. 34.

⁹ РИБ. Т. 23. Дела Тайного приказа. Кн. II. СПб., 1904. С. 29, 41.

(очевидно двумя), которые не были упомянуты среди завербованных Н. фон Стадиным. Возможно, они и работали в Дмитровском уезде, так как вышеупомянутый И. Полянский покупал им в Седельном ряду в том же июле 1669 г. три набора для верховой езды, включавших седла, уздечки и плети¹⁰.

Итак, обратимся к событиям на Южном Урале.

Проведение горных работ под руководством

П. И. Годунова (1669 г.)

В 1669 г. поиски велись на горе между реками Тесьмами, описанной старцем Лотом, где предположительно находилась серебряная руда. Работы осуществлялись по указу из Москвы. Непосредственно геологоразведкой руководил тобольский воевода стольник П. И. Годунов, которому поручили проверить поступившие в Москву сведения. В составе экспедиции были присланные из столицы саксонский рудознатный мастер Христиан Дробыш и служилые люди¹¹. Добытые отрядом П. Годунова 10 пудов руды были доставлены в Тобольск, часть привезенного сразу же была отправлена в Москву с Х. Дробышем. Первые же проведенные им в Москве опытные плавки на серебро оказались удачными.

Время деятельности этой экспедиции установлено по косвенным данным. 28 мая 1671 г. М. Селина отправили с рудознатным мастером Х. Дробышем из Москвы в Сибирь «серебряную руду добывать и плавить там же и в иных местах проводывать». При этом отмечалось, что в 1670 г. Михаил уже посылался в те места, где ему требовалось накопать 50 – 60 пудов серебряной руды. К концу 1670 – началу 1671 гг. М. Селин привез в Москву 60 пудов, и в руде обнаружили признаки серебра. Из сообщения М. Селина следовало, что брали они руду между двух речек Тесмы в горе, в тех же местах, где ранее руду добывали при Петре Годунове (лето или осень 1669), а ездили с ним тюменские и тобольские «знающие» служилые люди, которые были с П. Годуновым¹². С жалобой и просьбой о возврате ему денежной «подмоги», забранной в приказ Казанского дворца, обращался Христиан Дробыш. 55 рублей были даны ему, «как он послан был с сотником П. Годуновым для серебряного дела»¹³. Участие Х. Дробыша в экспедиции П. Годунова указывает на то, что события происходили не ранее лета, но не позднее начала сентября 1669 г., так как в феврале того года рудознатный мастер был завербован в Саксонской земле и прибыл в Россию к концу весны, а 24 – 25 сентября проводил в Москве испытания образцов руд¹⁴.

Из рассказа выходило, что еще до поездки М. Селина в 1670 г. на горе между речек Тесмы со своими людьми побывал тобольский воевода столь-

¹⁰ Там же. С. 37.

¹¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 881. Л. 14, 33.

¹² Там же. Л. 24.

¹³ Там же. Л. 33.

¹⁴ Там же. Л. 14.

ник Петр Иванович Годунов* На то, что П. Годунов непосредственно сам участвовал в походе, указывают небольшие оговорки: «... да с ним (М. Селиным) тобольских служилых знающих людей послать на те места, где послан из Тобольска стольник Петр Годунов»¹⁵.

Судя по росписи снастей и запасов, оставленных в низовых городах и Казани и «принятых в казну из полка стольника и воеводы П. Годунова», состав его экспедиции был значительным¹⁶. Среди снастей и запасов упомянуты 491 пара соболей, 657 ведер вина в 19 бочках, 108 ведер уксусу в 6 бочках, 15 пудов винного камня, 6 пудов табака, 4900 «клинцов укладу писемского», 22 стопы писчей бумаги, 20 «юфтей» кож, 4 пуда купороса сапожного, 5 фунтов купороса «турского», фунт киновари, фунт «голубцу», 10 пудов стали, фунт белил, пуд квасцов, 5 сит, 52 бруса глины белой, полпуда олова, 3 доски красной меди весом 19 пудов, 1700 сальных свечей, 9 ведер смолы в 10 кадках, 7 горшков вару, 41 пуд пеньки, клещи кузнечные, молот, кочерга железная, 2420 аршин «покромей» кармазинных английских и гамбургских разных цветов, сукно, 40 сорочек тафтяных и портяных и 433 рубля денежной казны. Кроме вышеперечисленных снастей и запасов было принято казенной посылки 42 пуда железа «свицкого», 97 пудов «розсеков» железа «турского», 148 пудов «верхлуйского» железа, 11836 «гвоздей приборных, костылевых и однотесных»¹⁷. Сравнивая с аналогичными запасами, посылаемыми в последующие годы, количество участников в отряде, включая работников и охрану, могла достигать нескольких сот людей. Подтверждение этому оговорка Х. Дробыша в письме царю: «В прошлом в 178 г. наказ Казанского дворца, как он послан был с Петром Годуновым, а написано в нем работников 300 человек...»¹⁸. Именно такое же количество работников было единовременно послано позже в самый разгар поисков в 1672 г.

В фонде «Пушкарского приказа» РГАДА удалось обнаружить документ, проливающий свет на масштабы экспедиции. Документ без даты, но, несомненно, в нем описывается подготовка к экспедиции в 1669 г. Это – «Роспись, сколько в полк к стольнику и воеводе к Петру Годунову с товарищи. Какова народу и пушечных запасов, и всякого полкового строения, и для заводу серебряного дела мастеровых людей и всяких припасов с Москвы отпущено, и что ис Казани отпустить велено, и что хлебных запасов и вина и уксусу из Нижнего отпустить, и что кому дать велено. И по сколько человек ис которых понизовых городов для той службы стрельцов к отпуску в Казань выслать велено»¹⁹.

* *Стольник П. И. Годунов был на воеводстве в городе Тобольске с мая 1667 по сентябрь 1669 гг.*

¹⁵ Там же. Л. 33.

¹⁶ Там же. Л. 97.

¹⁷ Там же. Л. 127-135.

¹⁸ Там же. Л. 470.

¹⁹ Там же. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 195.

Формирование полка под командованием П. И. Годунова для проведения поисков серебряной руды происходило в Казани. Сюда из Москвы, Нижнего Новгорода и других городов Поволжья должны были съехаться служилые люди, иностранные и русские мастера, свозилось оружие, боеприпасы, инструмент, строительные материалы, плавильные составы и прочие необходимые в длительном походе принадлежности. Полк был сборный, в него входили кавалерийские, пехотные и артиллерийские подразделения.

По разнарядке из понизовых городов Поволжья для службы в Казань необходимо было послать стрельцов: из Свияжска — 62, Чебоксар — 105, Козмодемьянска — 144, Цивильска — 24, из Ядрина — 52, Уржума — 70, Яранска — 63, из Царево Санчурска — 60, из Царево Кокшайска — 100, из Кокшайска — 62. В самой Казани должны были собраться 444 «старого и нового выезду иноземца». С Куртамыша прибыли 80 стрельцов, казаков и пушкарей, из Алатыря — 68 стрельцов, казаков, пушкарей и затинщиков, из Темникова — 10 стрельцов, пушкарей и затинщиков, из Кадомы — 15 пушкарей, затинщиков и рассыльных. В документе итоговое количество отмечено в 1000 человек, но, если сложить представленные цифры, из указанных городов в полк направлялось 1359 воинов. Из Москвы должны были прибыть 200 московских стрельцов во главе с двумя сотниками и 1000 выборных стрельцов «из Лескову из Вараццина» полка под управлением 10 сотников.

Финансирование казанской части полка производилось следующим образом. Иноземцы «старого и нового выезда» получали дополнительное жалование соболями (каждый — по 2 пары соболей ценою по 2 рубля за пару) и голландским сукном. 290 человекам полагалось по шестирублевому «портицу» на человека, 154 человекам — по четырехрублевому. Стрельцам из понизовых городов сверх годового денежного жалования должны были прислать из Москвы 1000 рублей и 1000 мушкетов «с жагры», а в Казани отпускали хлебные запасы по 3 чети крупы, толокна и ржаной муки. Часть хлебных запасов казна брала в долг у митрополита Казанского и Свияжского преосвященного Лаврентия.

В подчинение П. И. Годунову назначались полковник рейтарского строя Андрей Алексеевич Чубаров, полковник солдатского строя Ундрик Снитер, голова московских стрельцов Матвей Нарышкин, полуголова Василий Володимеров, полуполковник Иван Микулин, сотники московских стрельцов Михаил Бабаев и Василий Баландин, 10 стрелецких сотников из рейтар, тринадцать трубачей и литаврчиков. Также в экспедиции должны были принять участие тобольский сын боярский Ефим Шубин и подьячий Семен Сумороков из Тобольска и два подьячих из Казани — уфимские башкиры Чигирка и Батыйка.

Из Казани «полковой наряд» поступал в следующем количестве: 1 пицаль с калибром ядра в 50 гривенок, 1 пицаль с ядром в 7 гривенок, 7 пицалей по 6 гривенок ядро, пицаль с ядром 4 гривенки. Ко всем пицалам

полагалось по 200 ядер. В «полковой наряд» входили 40 пудов ручного и мушкетного пороха, 40 пудов пороха пушечного, по 10 рейтарских дров, дротников и чемоданов под знамена, знамена и суконный шатер. Из Казани стрельцам из Стрелецкого приказа дополнительно выделяли 50 пудов пушечного пороха и 200 пудов ручного. В снаряжение «иноземцев старого и нового выезда», направлявшихся для военного дела, горных работ и строительства укреплений, входило 4 пицали полковых с 400 ядер к ним, 300 пудов фитиля, 250 пудов свинца, 1000 мушкетов, 20 тафтяных знамен, 17 барабанов, 16 протазанов, 100 заступов, 40 кирок, 20 скобелей, 20 буравов, 20 напарей, 95 пудов железа на рогатки и починку пушечных станков, 120 ведер вина, 12 ведер уксуса.

Из Нижнего Новгорода необходимо было получить 1000 ведер вина и 12 ведер уксуса, пушку верховую (мортиру), к ней сто пудовых гранат, по сто пятьдесят трубок и пыжей деревянных, гранатные составы и принадлежности, для изготовления взрывчатого вещества и подготовки гранат, включавшие пуд селитры, 30 фунтов серы горючей, 5 фунтов «терпентину», 5 фунтов капифолли, 40 аршинов холста, фунт камфары, фунт «салманияку», фунт ртути, «десть» бумаги картузной, пуд тонких веревок, частое сито, 3 деревянных молота, 3 железных забойника, чем набивали гранаты, 3 железных затравки, 4 железных пальника, доска на чем зелье трут. Для серебряного дела было предназначено 20 пудов меди, 40 пудов пеньки, 20 юфтей кожи белой на мехи, по 10 пудов глины и винного камня, писчую бумагу. В другой посылке из военного снаряжения отправили по 40 пудов свинца и железа, 20 пудов селитры, 10 пудов серы, 3 ступы медных и железных в аршин и поларшина высотой, по три тысячи «гвоздья пятного и иных шести статей», 1000 сальных свечей.

Помимо многочисленного вооруженного сопровождения из Москвы посылались 4 каменщика, 4 кирпичника, 4 печника, 12 плотников, 2 сапожника для изготовления мехов, обручник и угольный мастер, для серебряного дела — 2 серебряных мастера, 2 котельника, 6 кузнецов с кузнечным инструментом, лекарь с лекарствами. Основной костяк мастеров составили: рудознатный мастер К. Дробыш, его ученик капитан солдатского строя Карлис Римит (Карлус Риман), мастера серебряного дела — немцы Яган Инсберх и Яков Буд*. Для гранатного дела и работы с пушечным нарядом направлялись поручик Лаврин Дук, огнестрельный мастер Андрей Меллер, его ученики — московские пушкари Максим Парамонов и Осип Федоров, слесарь Вулерт Картман, селитренный мастер Владимир Вировский, канатный мастер Кирьян Парфенов.

* Яков Яковлевич Буд (Jacob Budde), серебряный мастер, был привезен в Москву в начале 1660-х гг. «из Английской земли», хотя «по рождению» не был англичанином. До 1701 г. служил в дворцовых палатах, выполняя разные работы. После «отставки» был вынужден заниматься частным ремеслом, изготавливая разнообразную серебряную утварь. Скончался в 1711 г. См.: Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII вв. М., 1998. С. 84, 142-143.

Всего около 2600 военных и более 50 мастеров различных специальностей должны были отправиться из Казани на поиски серебряной руды. Если учесть 300 человек работников, то отряд состоял не менее чем из 3000 человек. Масштабы экспедиции были грандиозны. Скорее всего, она была кратковременной, так как уже в сентябре 1669 г. П. Годунов был отпущен в Москву, а в Тобольске началось расследование его «реформаторской» деятельности на посту воеводы²⁰.

Очевидно, в качестве проводника отряда П. Годунова был послан старец Лот. После этой поездки он был в очередной раз допрошен в Тобольске, а 29 сентября 1669 г. его вновь отправили для обследования гор и сбора образцов. Пока об этой разведке сведений не найдено.

Таким образом, на первом этапе руководство поисками рудных месторождений было возложено на главу Тобольского разряда, который принял непосредственное участие в экспедиции. При этом центральные власти организовали беспрецедентную материальную, военную, кадровую поддержку этого предприятия. И судя по дальнейшим событиям не собирались останавливаться на достигнутом.

Поиски серебряной руды Ф. Фефиловым и М. Селиным (1670 – 1671 гг.)

В 1670 г. к горе между речек Теснь, где ранее работала экспедиция П. Годунова, был послан М. Селин. Привлекая тюменских и тобольских «знающих» служилых людей, участвовавших в предыдущей экспедиции, М. Селин накопал в тех же местах 60 пудов руды. Добытая руда была отправлена в Москву, где на Денежном дворе ее испытали Х. Дробыш и еще один немецкий знаток серебряной руды Иоганн Польшман, и «знак серебру объявился». При плавке получилось 8-9 золотников (около 34 – 38 гр) серебра из пуда породы (около 2%).

14 апреля 1670 г. по царскому указу Н. фон Стадин и прапорщик И. Аффенбах вновь были посланы в Курляндскую землю «для призыванья к Москве иноземцев мастеровых людей»²¹. 18 сентября 1670 г. они привезли очередную группу специалистов, среди которых были «Саксонской земли Альбрехт Куслинский (по другим источникам – Климский) с женою и дочерью – серебряной руды пламель, Хотлиб (Иван, Богдан) Польшман (Пульман) – серебряной руды знатец, Юрий Ком – стекольного дела мастер, Ганц Фридрик – стекляннишной резец, Главандер – живописец, да два человека прапорщиков – Кристоф Дещаль, Кристоф Симонс»²². Отъезд А. Куслинского произошел только с личного разрешения князя Браденбургской земли²³.

²⁰ См.: Бахрушин С. В. Научные труды. Т. III. М., 1955. С. 273-296.

²¹ РИБ Т. 23. Дела Тайного приказа. Кн. II. С. 1311.

²² РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 285. Л. 32.

²³ Там же. Ф. 214. Д. 881. Л. 74.

Описание обстоятельств уже следующей экспедиции 1671 г. позволили установить, что в 1670 г. на Южном Урале одновременно работала еще одна группа поисковиков. Началось с того, что старца Лота заподозрили в укрывательстве некоторых сведений о серебряной руде. По царскому указу тобольскому воеводе И. Б. Репнину было приказано в очередной раз допросить монаха. В Далматовский монастырь за старцем послали тобольского сына боярского Федора Фефилова, который доставил старца в Тобольск и «расспрашивал многожды всякими мерами». Допрос не прошел даром. Лот признался, что кроме места, указанного П. Годунову, он слышал про руду от башкира Биргильды в горе за Исетью, в знакомом ему урочище. После этого рассказа старца Лота и Ф. Фефилова под охраной военных отправили через Катайский острог к озеру Иртяш и до «Биабьего камня» на поиск горы, сбора образцов и описания местности. Они должны были выяснить «сколь далека та гора от Исетских острогов, есть ли к ней водный путь». К августу в Тобольск из Биабьей горы доставили 50 пудов руды. В городе не было мастеров, умевших испытывать руду, и монаха с образцами под охраной казаков отправили в Москву²⁴.

Интересно описание мест Ф. Фефилова, которое стало своеобразным проектом масштабной и долговременной добычи драгоценных металлов за пределами границ государства. По его словам в Биабьей горе за Катайским острожком и за озером Иртяш было обнаружено место с признаками руды длиной на 5 верст, поперек на 2, а высотой в 100 сажень. От острога до озера было около 80 верст, а от озера до горы — около 20. В случае, если месторождение будет богатым, предполагалось возводить на пути движения и у горы крепости. Для прикрытия маршрута планировалось поставить остроги в устье р. Караболы, у Иртяша и вблизи гор. Здесь можно было поселить и «жилицких людей» (крестьян), так как имелся лес, пашенные земли и сенокосы. В то же время у горы это невозможно было сделать, «потому что места каменные, а пашенных мест нет». Руду предполагалось плавить непосредственно у места добычи в остроге у гор. В случае отсутствия такой возможности, рассматривался вариант перевозки руды во вьюках и на телегах в острог у озера Иртяш, так как на этом участке маршрута не было водного пути. Далее от Иртяша до ближайшего из русских поселений, Катайского острога, можно было добраться за 6 дней либо водой по р. Теча, вытекающей из озера и впадающей в Исеть неподалеку от острога, либо посуху вдоль реки. Далее груз по Исети предполагалось 7 дней везти вниз до слияния с Тоболом и вниз по Тоболу 4 дня до Тобольска. Обратный путь водой должен был занять около 5 недель. Для перевозки руды и другого груза рассматривалась возможность использовать лодки, поднимающие более 150-200 пудов²⁵.

²⁴ Там же. Л. 71, 184; Д. 837. Л. 104-105.

²⁵ Там же. Д. 837. Л. 107-108.

Положительный результат опытов подвигнул правительство приступить к более интенсивным розыскам драгоценных металлов в Зауралье. Методы, которыми власти собирались достичь успеха, не являлись новаторскими и были уже опробованы в поисковой деятельности. Предписывалось более активно вовлекать в поиски местное население на территории Тобольского разряда, обещая вознаграждение, и разрешать всем желающим искать руды «на своих проторях». Все полученные сведения и образцы должны были проверяться квалифицированными специалистами, присланными из Москвы.

20 января 1670 г. был подписан царский указ, адресованный тобольским воеводам князю И. Б. Репнину и стольнику князю И. Ф. Щербатому. Этот документ явился реакцией на находки самоцветов Д. Тумашевым и передачу в Сибирский приказ образцов «серебряной» руды, которую «указал старец Лот да объявил тобольской служилой татарин Азбакей Кулмаметев»*. Согласно указу тобольской администрации предписывалось объявить «всяких чинов людям» в городах, острогах и слободах Тобольского разряда, чтобы они «сыскивали и проводывали серебряные и золотые руды и узорочного камня» и сообщали о своих находках воеводам. Последние, в свою очередь, должны были организовать опыты найденных образцов и писать обо всем в Сибирский приказ. Называлось и поощрение за удачные поиски: «и те люди нашим, Великого Государя, жалованием пожалованы будут – из малых чинов в первую статью и обогачены, и будет кто сыщет из ссыльных людей, и тем людям вины их будут отданы и жалованием пожалованы»²⁶.

15 февраля 1671 г. в Тобольск были отпущены казак литовского списка Анисим Федоров с сыном Афанасием и иноземец Иван Венгерский «приискивать в Сибири серебряную руду на их проторях». Они должны были сами проводить опыты с найденной рудой. О положительных результатах опытов необходимо было сообщать тобольским воеводам и в Сибирский приказ. Местным властям также предписывалось осуществлять надзор за поисковиками, чтобы «от них никому никаких обид и налог и тесноты не было»²⁷.

В начале лета 1671 г. отправилась очередная экспедиция на поиски серебра в Зауралье. Согласно царскому указу от 28 мая 1671 г., М. Селину и Х. Дробышу предписывалось ехать, «не мешкая ни часу», из Москвы в «Сибирь к серебряным горам, смотреть можно ли там рудное копанье завести или нет»²⁸. По словам М. Селина, ему было приказано ехать к так на-

* Руды были найдены на раннее мая 1670 г., т. к. сопроводительное письмо с посланными рудами было подписано И. Репниным и И. Щербатам, ставшими тобольскими воеводами в мае 1670 г. См.: Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири. С. 173.

²⁶ Там же. Л. 112-113.

²⁷ Там же. Л. 117-121.

²⁸ Там же. Д. 881. Л. 191.

зываемой Биабье горе, где брала руду группа Ф. Фефилова, и к речкам Тесмам, где ранее работал П. И. Годунов. Наличие серебра в привезенных ранее образцах подтверждалось многочисленными опытами. Экспедиция должна была начать добычу серебряной руды в уже разведанных местах, организовать ее плавку непосредственно у рудника, а также проводить поиск новых месторождений. По дороге в Далматовском монастыре необходимо было взять для «рудного дела и церковной службы» старца Лота.

Одновременно с выходом указа стольникам, воеводам и прочим «приказным людям» в города были разосланы указы о содействии экспедиции и немедленном предоставлении транспорта в пути. Воеводы Тобольска, Верхотурья и Тюмени по письменному требованию обязаны были обеспечить поставку необходимых припасов, рабочих и охрану. Общее руководство и организация осуществлялись через Сибирский приказ, и все сведения о находке серебряной руды требовалось немедленно сообщать туда. За находку руды обещалась царская милость, в то же время за нерадение в работе, обман, притеснение работников и ясачных аборигенов должно было последовать наказание²⁹.

Каждый из основных участников имел при себе помощников. М. Селин взял с собой Ф. Дорофеева, Н. Шаблинского, Ф. Иванова, В. Васильева, С. Алексева. Х. Дробышу должны были помогать мастер Ганденштейндер и Г. Иванов. При переводчике и надсмотрщике за работными людьми капитане Карлусе Римане находился Матюшка Поляк. Вместе с приставленным к доменному делу тобольским сыном боярским Ефимом Ивановым Шубиным* в группе было 13 человек.

В Верхотурье состав экспедиции значительно увеличился. В нее включили подьячего тобольской приказной избы Андрея Тыркова, серебряника, двух кузнецов, двух кирпичников, 100 человек работных людей из слобод, расположенных по Исети, а для защиты горных работ 160 тюменских рейтар с поручиком Иваном Текутьевым и несколько десятков драгун с тобольским атаманом Осипом Никифоровым³⁰.

Участникам экспедиции назначили жалование: старцу Лоту – 10 руб., Е. Шубину – 7 руб. К. Риману начисляли жалование в Иноземном приказе, но получал он его в Денежном столе. На 1671 г. ему было выдано 44 руб., и кормовых на хлеб и овес – 3 руб. 7 ал. Но по словам иностранца, денег ему не хватало, и он просил выдать ему жалование вперед за 1672 г.³¹

* Впоследствии Е. Шубин писал в своем послужном списке, что с 12 лет он был в Москве в конюшенном чине в затворных конюхах. В 1665 г. его сослали в Тюмень, где служил в «литовском списке». Основал слободу на р. Маслянке. «Да он же посылан в степь за Урал-камень к Тесмам речкам для прииску серебряной руды четырежды». За свои заслуги Е. Шубин просил пожаловать его в верхотурские дети боярские (См.: СПФ ААН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 3. Л. 249 об.) Как следует из биографии Е. Шубина, только к Уральским горам экспедиции посылали не менее четырех раз.

²⁹ Там же. Л. 25, 26, 32, 63.

³⁰ Там же. Л. 62-70, 193.

³¹ Там же. Л. 40-41.

Пушкарский приказ закупил и передал в Сибирский приказ 4 пуда винного камня стоимостью 20 руб. В торговых рядах в Москве было приобретено 9 фунтов антимония, молот, а вместо ступы железная доска. По требованию Христиана Дробыша для опыта и плавки серебряной руды было заказано 10 железных лопат, 20 кирок, три пуда пругового железа, полпуда уклада, 100 сажень канатов, 20 пудов свинца, 2 пуда селитры, 2 пуда винного камня, 30 горшочков больших и малых, 2 пуда глины, 4 ведра уксуса, 6 фунтов антимония, игот (ступы) с пестом, 2 кузнечных меха, 3 юфти кож белых на мехи, 5 пудов сала говяжьего, пуд серы горючей, 4 ведра вина двойного...³² На подарки при переговорах с кочевниками и бухарскими послами М. Селину выдали 2 половинки сукна красного, половинку сукна зеленого, 5 половинок сукон английских, столько же сукон гамбургских красных и лазоревых, а также 2 стопы бумаги писчей для письма и 500 руб. на оплату подвод и всякие расходы. В Верхотурье участники экспедиции должны были получить из государственной казны 25 ведер вина «горячего» и 4 ведра вина двойного для опытов. Некоторые припасы покупали по дороге. Для перевозки грузов использовали верхотурские и слободские подводы³³. Воеводы и слободские приказчики должны были обеспечивать отряд всем необходимым, в том числе служилыми и работными людьми. Дальнейшее обеспечение финансовыми средствами шло из верхотурских доходов³⁴. Снабжение провиантом, рудокопными снастями и людьми осуществлялось через Китайский острог.

На результативность экспедиции кардинально повлияли плохие взаимоотношения, сложившиеся между М. Селиным и иностранцами. На протяжении всей их совместной деятельности они писали друг на друга жалобы и доносы. Споры возникали, скорее всего, из-за отсутствия четкой регламентации подчиненности, обязанностей, полномочий в административной и производственной сферах управления экспедицией. Возможно, имел значение и недостаточно высокий чин М. Селина.

Из челобитных М. Селина следовало, что еще по дороге к месту назначения иностранцы препятствовали скорейшему выполнению дела – ехали медленно и «озорничали»: стреляли у крестьян баранов и кур, били и увечили проводников, а на Шуйском яме застрелили ямщика.

Согласно царскому указу, экспедиция должна была ехать к Уральским горам, нигде не задерживаясь, получая в любом населенном пункте подводы в срочном порядке. Группе был определен маршрут: добраться до Верхотурья, оттуда двигаться в Китайский острог и далее к рудным горам. С жалобой на иностранцев к царю обратился и верхотурский воевода Федор Большой Хрущев. В Верхотурье Х. Дробыш настойчиво потребовал

³² Там же. Л. 63.

³³ Там же. Л. 209.

³⁴ Там же. Л. 217.

отправить его в Тобольск вопреки царскому указу, ссылаясь на необходимость сообщить о важном государственном деле. Воевода был вынужден отпустить его в Тобольск, но в сентябре пришел царский приказ ехать всем в Катайский острог и далее к серебряной руде. В Тобольске Х. Дробыш «никакого большого дела не сказал». Он жаловался на М. Селина, обвиняя его в некомпетентности, медленной езде и ложных письмах, заявляя о невозможности работать вместе. Не видя ничего особенного в словах мастера, тобольский воевода И. Б. Репнин только в сентябре отправил Х. Дробыша вместе с Е. Шубиным к М. Селину. Поездка рудознатца в Тобольск сократила и без того короткое для поисков летнее время.

3 ноября 1671 г. Х. Дробыш и К. Римап неожиданно приехали из Катайского острога в Верхотурье. Из их доклада верхотурскому воеводе Ф. Хрущеву следовало, что до гор с рудой, что указал М. Селин, они доехали, но вернулись в Катайский острог, так как оказалось, что не с чем делать опыты. И будто бы оттуда поехали они «с Михайлова (т. е. Селина – *авт.*) слова, а он де, Михаил Селин, остался в Катайском остроге за своими прохлады и питием, а на Верхотурье не бывал, а Христиан Дробыш поспешил ехать к Москве, так как есть за ним Великому Государю великое слово». М. Селин, по их словам, остался в остроге из-за строительства амбаров, и вскоре приедет вслед за ними в Верхотурье³⁵.

А 6 ноября в Верхотурье пришло известие от М. Селина, в котором сообщалось, что экспедиция выехала из Катайского острога и 13 октября прибыла к Биабьей горе, где, со слов старца Лота, брала образцы руды в 1670 г. группа Ф. Фефилова³⁶. Работы начались поздней осенью (с 13 по 23 октября) и только на Биабьей горе. По свидетельству казачьего атамана, сначала обмеряли гору, а затем началась ломка камня и рытье шурфов, сюда же привезли все запасы, закупленные в дороге. Х. Дробыш при свидетелях говорил, что «знак серебряной руды на той горе есть», велел копать, искать жилы и собирался проводить опыты³⁷. Несмотря ни на какие препятствия, М. Селин намеревался выполнить государев указ, но Христиан решил, что время уже холодное, по причине чего нельзя проводить опыты и начинать плавку серебра, а также ехать далее к горам между реками Тесьмами. Сославшись на осеннее и морозное время, рудознатный мастер сказал, что надо вернуться в Катайский острог, ждать там до весны, а потом продолжить работу. В данном случае Х. Дробыш диктовал свою волю как специалист. 18 октября, захватив с собой 15 пудов руды, группа поехала обратно в Катайский острог, где были оставлены все снасти. Далее М. Селин предлагал рудознатцу поехать в Тюмень и Тобольск, но последний немедленно отправился в Верхотурье. По сло-

³⁵ Там же. Л. 79, 188.

³⁶ Там же. Л. 184.

³⁷ Там же. Л. 185.

вам М. Селина, Х. Дробыш обещал остановиться в Катайском остроге до весны для продолжения опытов, но солгал и уехал³⁸.

Из Верхотурья Христиан пожелал немедленно ехать в Москву для важного государственного сообщения. Это письмо было написано уже в декабре 1671 г. и год для поисков был потерян. Верхотурский воевода его не отпустил, сославшись на отсутствие указаний из Тобольска и от М. Селина. Но 6 ноября он разрешил мастеру ехать в Тобольск в сопровождении верхотурского сына боярского Михаила Бибикова, так как тот вновь объявил «великое государево дело». Из Москвы по этому поводу написали, чтобы в Тобольске Христиана хорошо расспросили о деле, а после до особого распоряжения отослали в Верхотурье³⁹. 15 декабря из столицы были посланы грамоты в Тобольск и Верхотурье, предписывающие продолжать поиски серебра.

Вслед за грамотами для выяснения обстоятельств поисков, наведения порядка в организации работ были посланы подьячие Тайного приказа Никита Юшков и Еремей Полянский*. В грамотах предписывалось собраться всем участникам экспедиции в Верхотурье и продолжить начатую работу. Поиски должны были начаться в момент, когда из Москвы доставят грамоты и подъедут подьячие Тайного приказа, из Тобольска появятся Х. Дробыш с переводчиком, придут М. Селин с Е. Шубиным и подчиненными людьми. Всем им «велели ехать, и быть у нашего государева дела с ними, Микитой и с Еремеем, а тех, которые из Тобольска присланы, отдали им же, Миките и Еремею. А что к тому делу будет надобно, давать без задержки». В грамоте четко не оговаривалась структура подчиненности. В столице уже почувствовали, что творится что-то неладное, было необходимо принимать меры. Очевидно, с этого времени, как контроль, так и управление экспедицией перешли в ведение Тайного приказа.

Но этой встрече в Верхотурье не дано было состояться. Незадолго до прихода царской грамоты И. Б. Репнин отпустил Х. Дробыша в Москву, пояснив, что «государева указа не было, чтобы его из Сибири до государственного указа не отпускать». Одновременно по пути рудознатцу предписали проверить сведения о серебряной руде у Мурзинской слободы. Образцы этой руды он осматривал у объявившего ее К. Хворово, которого встретил на пути из Тобольска. Посчитав руду «пустой», мастер поехал

* Полянский Еремей Леонтьевич служил подьячим в Приказе Тайных дел с 7 апреля 1669 г. по 24 января 1676 г. Среди многочисленных поручений, в том числе, занимался поисками руд в Казани и других понизовых городах (июнь 1669 г.). С декабря 1671 г. находился в «сибирской посылке», в 1671/72 – 1673/74 гг. с думным дворянином Я. Хитрово был в Сибири для сыска серебряных и иных руд. 24 января 1672 г. получил в Оружейной палате в качестве жалования «для сибирской посылки» шитый золотом саадак, турецкий лук со стрелами и 2 польских пистолета. После упразднения Тайного приказа в 1678 г. упоминается на службе в Рейтарском, а в 1686 и 1689 гг. в Разрядном приказах. См.: РГАДА. Ф. 396. Оп. 10. Ч. 1. Д. 13651. Л. 1. ДРВ. Т. 20. М., 1791. С. 390, 392. Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV – XVII вв. М., 1975. С. 423.

³⁸ Там же. Л. 193.

³⁹ Там же. Л. 87-88.

далее в столицу. Некоторое время (с 3 по 6 декабря) его задерживал в Верхотурье воевода, но 10 декабря, после того как рудознатный мастер начал писать челобитную царю, все же отпустил его в столицу по московской подорожной. В это время М. Селин не появлялся в Верхотурье и никак не напоминал о себе. Стрельцы, проезжавшие из Тобольска в Верхотурье, видели его в Тюмени, остановившегося «неизвестно зачем»⁴⁰.

Из Москвы последовал указ и посланы стрельцы во главе с пятидесятником И. Дунаевым встретить М. Селина или Х. Дробыша, задержать их и послать в Верхотурье для продолжения поиска и плавки серебряной руды. Мастера встретили и задержали только у Великого Устюга. Здесь при воеводе П. Измайлове рудозналец вновь повторил свой рассказ, о том, что в Сибири серебра нет, и заводов для его выплавки заводить не зачем, а его «великое государево дело» заключалось в том, что по пути в Ярославском уезде он видел золотую руду⁴¹.

Здесь же, в Великом Устюге, 29 декабря 1671 г. Х. Дробыш, «чтобы его напрасно в Сибирь не сослали», написал письмо царю о бессмысленности работы в Сибири, предстоящих больших убытках и богатой золотой руде в Ярославском уезде⁴². Иностранец использовал всевозможные аргументы для того, чтобы вернуться в Москву и не принимать участие в поисках руды за Уралом. По его словам в столице он должен принести больше пользы при испытании скопившихся образцов руды. Весь рассказ о найденной золотой руде выглядел неубедительным. Руду ему передал некий крестьянин, имени которого он не знал, у монастыря, название которого не помнил. Свидетелей при этом не было, так как, по словам рудознатца, в тот момент «Михайло и Карлус поехали наперед и того они не видели». Позже он не рассказал о находке М. Селину, а только своему переводчику К. Риману. Вся руда будто бы оставили в Великом Устюге, но там она затерялась. Он не сделал опыты сразу, потому что первоначально не знал, как отделить металл от породы, но потом уже в пути эта идея пришла ему в голову. Все аргументы мастера, его поступки, свидетельства М. Селина и других участников экспедиции говорили о том, что мастер хитрит и по каким-то неведомым причинам не желает более ехать в места, где ожидалось серебро. Многократные испытания привезенной серебряной руды, проведенные ранее различными мастерами, в том числе и Х. Дробышем, указывали на то, что в образцах действительно присутствовал драгоценный металл. В то же время, при приезде на место, где добывали эту руду, у Х. Дробыша сложилось противоположное мнение. Есть серебро или нет в разведанных ранее местах, так и оставалось невыясненным.

М. Селин также добрался до Великого Устюга 8 января 1672 г. вместе с рудой и узнал, что ему вновь предстоит ехать в Верхотурье с иност-

⁴⁰ Там же. Л. 136, 139-140.

⁴¹ Там же. Л. 143.

⁴² Там же. Л. 146.

ранцами, но те «чинятся непослушны и ссылаются на золотую руду в Ярославском уезде»⁴³. Только когда в январе в Великий Устюг прибыло новое начальство во главе с Я. Хитрово, иностранцы вынуждены были подчиниться и вновь отправиться в горы. Х. Дробыш пытался оттянуть свой обратный отъезд на Южный Урал и организовать испытания руд, найденных в Устюжском уезде, прямо в Великом Устюге, но из-за отсутствия необходимых плавильных составов и инструментов эти опыты были перенесены в Катайский острог⁴⁴.

Проведение поисковых, горных и рудоплавильных работ под руководством Я. Т. Хитрово (1672-1674 гг.)

Четвертый период поисковых работ на Южном Урале можно отсчитывать с царского указа об их продолжении, поступившего в Сибирский приказ 9 января 1672 г. В организации экспедиции, как и в предшествующие годы, было задействовано большое число приказов. Для решения транспортных вопросов обращались в Ямской приказ. За получением пушек, боеприпасов, некоторых плавильных составов – в Пушкарский. Часть запасов, оставшихся от прежних работ, доставлялись из Казани, с ведома Казанского приказа. Общая организация оставалась в ведении Сибирского приказа, а контроль осуществлял Тайный приказ, так как Я. Хитрово, его сын Венедикт и Е. Полянский, были посланы «из приказа наших Великого Государя Тайных дел в сибирские города для прииску серебряной руды»⁴⁵. Вопросы жалования и денежного обеспечения решались через Денежный стол. В различной степени к проведению экспедиции были причастны Посольский, Иноземный, Стрелецкий, Большой казны, Аптекарский приказы, Оружейная палата. Имсующийся в нашем распоряжении архивный материал позволяет применить для характеристика этого периода экспедиции схему, использованную в предыдущей главе.

Формирование состава экспедиции и ее финансовое обеспечение.

Для организации и ускорения поисковых работ предписывалось возглавить отряд думному дворянину и восводе Якову Тимофеевичу Хитрово* с сыном Венедиктом и подьячему из Приказа Тайных дел Е. Полянскому, упоминавшемуся выше. Скорее всего, на последнего возлагалась ответст-

---

* Как гласит родословная, предок рода Хитрово Едуган выехал из Золотой Орды к великому князю Олегу Ярославичу Рязанскому. Из двух братьев старший Едуган был очень хитрый, от него пошли Хитрово, а от младшего брата Сохломиха – еще 9 известных родов. Седьмым потомком, считая от Едугана, был Я. Т. Хитрово, его сын Венедикт стал последним в этой фамильной ветви. До и после руководства экспедицией Яков находился на службе на Дону. В мае 1674 г. формировал полк в Воронеже. В 1677 г. при царе Федоре Алексеевиче упоминается в списке из 16 думных дворян. Умер в этом же году. См.: РГАДА. Ф. 1455. Оп. 2. Д. 1943. Л. 1; Ф. 159. Оп. 3. Д. 1289. Л. 13; ДРВ. Т. 20. М., 1791. С. 127-129.

⁴³ Там же. Л. 193.

⁴⁴ Там же. Л. 246-248.

⁴⁵ Там же. Л. 163.

венность за казну, и с ним были посланы деньги из Тайного приказа «на подъем для сибирской посылки» 130 руб. Вся экспедиция считалась военным подразделением – полком думного дворянина Я. Хитрово. Этим же указом из Москвы для командования служилыми людьми были отправлены «начальные люди»: полковник рейтарского строя Давыд Фандернисин, майор Иван Микулин, ротмистры Степан Потапов и Артемий Янковский, поручики Христофор Литкин и Никифор Петровский, прапорщики Петер Андерсон и Антон Кузьмин. Указом от 20 января им было определено месячное жалование: полковнику – 50 руб., майору – 16 руб., ротмистрам – по 13 руб., поручикам – по 8 руб., прапорщикам – по 7 руб. Часть назначенного жалования выдали в виде подъемных денег до начала экспедиции. Я. Хитрово получил 250 руб., Е. Полянский – 30 руб., полковник Д. Фандернисин – 50 руб., остальные офицеры – по 10 руб. Представление о выдаче жалования подавали в Денежный стол, хотя все офицеры экспедиции числились в Иноземном приказе⁴⁶.

Уже в процессе экспедиции, когда осенью 1672 г. вновь возник вопрос о задержке выдачи жалования, оказалось, что семьям офицеров, оставшимся в столице, «без них на Москве кормовых денег не дают». Лишь через год, в январе 1673 г., в ответ на просьбы офицеров было принято решение: «дать им половину в Сибири, а другую половину дать в Москве женам и детям деньгами и товарами и мягкой рухлядью»⁴⁷.

В связи с поездкой в Сибирь отец и сын Хитрово получили несколько льгот. К моменту отправки они были вовлечены в несколько спорных дел о поместьях и крестьянах. С челобитной о незавершенности своих дел, рассматривавшихся в Поместном, Судном дворцовом, Судном Московском и Холопьем приказах, Яков обратился к царю. На что последовало распоряжение, чтобы «для той сибирской посылки на людей их и крестьян суда и управы не было», пока они не вернутся в Москву⁴⁸.

Из Казанского приказа в Сибирский приказ для службы в экспедиции отправили «казанского иноземца» – поручика солдатского строя Мокея Якубовского с окладом в 10 руб. Из столицы же в полк направили четырех трубачей: Ф. Голикова, К. Кривецкого, Ф. Тескова, С. Сверчкова и литаврищика С. Малявкина⁴⁹. За Уралом деньги поступали из Верхотурья из государственной казны и из таможенных доходов, причем половину оклада давали мехами⁵⁰. Так, 14 августа 1673 г. из Верхотурья в Тюмень для Д. Фандернисина и «начальных людей» с майором И. Микулиным передали 281 руб.⁵¹

⁴⁶ Там же. Л. 395.

⁴⁷ Там же. Л. 395, 431, 462.

⁴⁸ Там же. Л. 204, 228.

⁴⁹ Там же. Л. 202-203.

⁵⁰ Там же. Л. 430.

⁵¹ Там же. Л. 545 об.-547.

В Москве к основному составу были приданы ссыльные солдаты. 24 января 1672 г. по царскому указу «за многое воровство» были сосланы из «московского выборного Агеева полка Шенелева» в полк Я. Т. Хитрово солдаты Ганка Коростель, Афонька Белоус, Митька Ивлев и Федька Прокофьев, а несколько позже и Емелька Китырин, Мишка Леонтьев и Микитка Максимов сын Плутня. Перед отправкой они переводились из подчинения Стрелецкому приказу в Сибирский приказ. Жалования и месячного корму им определили по 30 ал. (90 коп.) в месяц. Также в отряд Я. Хитрово были определены 6 конюхов в качестве курьеров. В Сибирском приказе им назначили жалование: Ф. Михайлову и С. Брагину, Т. Пасынкову – по 1 руб., С. Казакову – 2 руб., А. Борисову и М. Яковлеву – по 6 руб.

В Верхотурье состав экспедиции должен был пополниться 300 конными и 200 пешими служилыми людьми, полностью вооруженными и с полугодовым запасом провианта. Воеводам было дано распоряжение посылать к горным работам крестьян с лошадьми, продукты и стрельцов из слобод Верхотурского, Тобольского, Туринского и Тюменского уездов. Из Аптекарского приказа (Аптеки) в экспедицию направили лекаря Дмитрия Микитина с 3 подводами лекарств. Главным рудознатым специалистом экспедиции считался Христиан Дробыш.

Подготовка снаряжения и припасов. Подготовку материального обеспечения экспедиции предполагалось провести в Москве, Казани и Верхотурье. В столице была взята часть артиллерийского снаряжения. Так, из Пушкарского приказа были получены 4 полковых и 1 верховая пушки (мортира), 500 ядер и 20 пудов пушечного зелья к ним, а также два ядра для опытов. Предполагалось, что часть пороха и свинца будут доставлены из Тобольска, снаряжение и запасы – из Казани, либо закуплены по дороге. Из приказа Большого дворца было получено 400 ведер кавардака.

Для рудокопных работ были получены кайлы, ломы, лопаты, кувалды, веревки и 1700 сальных свечей. Экспедиции выделили: 500 ведер вина для служилых и рабочих людей, табак, порох, мука, крупа, толокно, кожа, сети, сорочки, 22 стопы писчей бумаги. Для опытов были взяты: вино двойное, 200 ведер уксуса, вишней камень, квасцы, купорос, киноварь, ртуть, сера, олово, белая глина. Для строительства острожка подготовили железо «свицкое и турецкое», сталь, смолу, краску, 12000 гвоздей, ткань на обивку стругов. На 4 подводах везли товары из приказа Большого дворца для подарков и подношений аборигенному населению: соболиные шкурки, ткани, зеркала, перец и всякую мелочь.

Только из Казани по зимнему пути в Верхотурье должны были подвезти к уже имевшимся запасам для проведения опытов, строительства

и прочих нужд: 180 ведер уксуса, фунт киновари, фунт белил, 9 пудов стали, 20 юфтей кожи, 20 фунтов ртути, полпуда пороха в пузырях, 2 сита, полпуда олова, 49 брусков белой глины, 2 бочки винного камня весом 11 пудов, тигли, клещи, кочерги, молоты одноручные, 1600 «клипцов укладу писемского», 3 доски медных весом 19 пудов, 17200 различных гвоздей, 42 пуда «железа свицкого», 97 пудов «разсеков турецкого железа», 148 пудов «ветлусского железа», канаты, смолу в кадках, 2 «окова шестовых». Для служилых и работных людей – 40 сорочек, 6 пудов табака, 657 ведер вина. Для подарков кочевникам – 491 соболя, сотни аршин различных тканей: кармазина, «покроей», сукна английского и гамбургского. На всякие расходы из денежной казны было выдано 433 руб. 2 алт.⁵²

21 ноября 1672 г. из Тобольска в дополнение к отправленным в экспедицию грузам через Мехонскую слободу послали 129 пудов пороха, 39 пудов свинца, 55 пудов фитиля, 6 образцов руды из разных мест и пушкарей из Казани.

Из Москвы участники экспедиции отправились на 18 подводах. Думным дьякам Ямского приказа Г. Караулову и А. Колодову предписывалось обеспечить полк Я. Хитрово на всю дорогу сухим путем – подводами, водою – судами и кормщиками, а зимой – санями и проводниками.

В Верхотурье запасы экспедиции необходимо было пополнить ржаной мукой и овсом по 200 четей, крупой и толокном по 50 четей, 500 ведрами вина, 200 ведрами уксуса. Также предполагалось воспользоваться рудознатными снастями и неизрасходованными запасами отряда М. Селина.

Наказ руководителю экспедиции Я. Т. Хитрово. Наказ, выданный Я. Хитрово, подробно регламентировал последовательность и содержание его деятельности, начиная с Верхотурья⁵³. Приехав в Верхотурье, руководитель экспедиции должен был провести подготовительную работу, собрав необходимое количество служилых людей и припасов. Также ему предстояло найти М. Селина и Х. Дробыша со всеми плавильными и рудокопными снастями. Если их не окажется в Верхотурье, то необходимо было организовать их поиск по другим сибирским городам.

Далее Я. Хитрово со всеми участниками экспедиции и запасами предстояло выехать в Китайский острог и там плавить руду, которую не успели испытать. Яков должен был обязательно присутствовать при ее плавке и немедленно отправлять выплавленное серебро и отчет с конюхом на «заводных» подводах в Москву.

К весне все приготовления должны были быть завершены и с 15 апреля экспедиции предстояло выехать к «рудным» горам у речек Тесмы. Я. Хитрово предписывалось поставить у месторождения острожек – базу

⁵² Там же. Л. 124-135, 267-274.

⁵³ Там же. Л. 113-123.

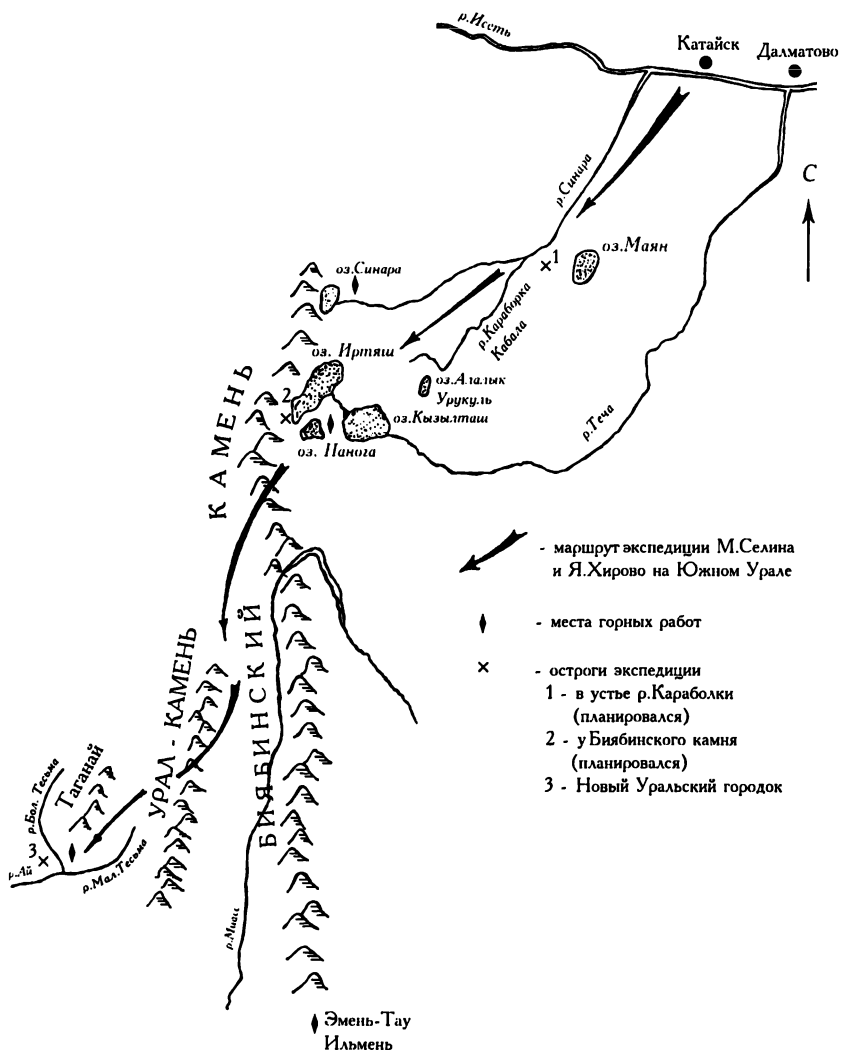

Рис. 10. Маршрут экспедиции М. П. Селина, Я. Т. Хитрово

экспедиции. В наказе Я. Хитрово не было конкретных указаний, касавшихся производственной стороны дела. В документе лаконично было обозначено его общее руководство горными работами – «велеть копать ямы и руду искать, а как начнут серебряную руду находить и им из той руды велеть провести опыт». С результатами опытов посылать конюхов, а если встретится прямая жила или «матка», посылать немедленно кого угодно.

Также в обязанности руководителя экспедиции входило личное присутствие у мест рудных разработок, выдача работникам и служилым жалованья, организация поисков новых месторождений и по возможности их личное освидетельствование. Ему были даны полномочия обещать людям от царского имени «милость и прибавку» за поиски серебряной и медной руды. Для этого из казны были выделены дополнительные запасы на сумму 200 руб.

На Я. Хитрово, как и на руководителей других экспедиций, возлагались широкие контрольные функции: составление подробных отчетов с указанием, сколько пудов руды в опыт положено и сколько из нее чистого серебра получится, и расчетами, насколько выгодной может быть выплавка; надзор за мастерами и работниками, чтобы «не сотворили какую хитрость». Отчеты о горных работах и по 10 пудов руды необходимо было присылать в Москву.

Как всякому сибирскому администратору, ему предписывалось «русским и ясачным людям никаких обид и налогов не чинить». Также традиционно наказ завершался обещанием награды в случае успеха и наказания в случае неурядицы государеву делу.

Обращает на себя внимание, что в данной ситуации московские власти крайне подробно определяли схему и периодичность отчетности руководителя экспедиции. Как отмечалось выше, для доставки отписок в Москву с Я. Хитрово были посланы 6 конюхов. Первого конюха предписывалось послать, когда поедут с Вологды в Верхотурье, второго – когда из Верхотурья отправятся в Китайский острог, при этом описать, сколько будет взято в Верхотурье запасов, товаров, служилых и работных людей. С третьим посыльным предстояло сообщить о прибытии в Китайский острог. Четвертый конюх должен был отвезти отчеты о проведении опытов и появлении серебра. Последнее указание наводит на мысль, что в Москве не сомневались в успехе дела и были уверены, что найдены серебряные руды. Пятое сообщение необходимо было отправить, когда приедут к горам и поставят острожек. Шестой конюх должен был оставаться у горных разработок. Таким образом, в столице учли отрицательный опыт 1671 г. и попытались установить более жесткий контроль за деятельностью экспедиции.

Воевод уездных городов оповестили о продолжении экспедиции и необходимости всяческого содействия ей. По сибирским городам вновь было объявлено, чтобы всех чинов жители радели поискам, искали и приносили руду думному дворянину, а тем, кто серебро найдет, обещалось: слу-

жилым людям — большое жалование, а ясачным и посадским — льготы в податях и в оброке⁵⁴.

Деятельность экспедиции. В указной памяти в Ямской приказ был определен маршрут следования экспедиции: от Москвы через Переславль-Залесский, Ярославль, Вологду, Тотьму, Устюг Великий, Соль Вычегодскую, Кай-городок, Соль Камскую в Верхотурье. От Верхотурья отряд должен был двигаться через Тагильскую слободу, Невьянский острог, Ницинскую-Ощенкову, Ирбитскую и Пышминскую слободы, Далматовский монастырь до Китайского острога. Далее на юг нужно было ехать один день до озера Маяна и Усть-Кабалы, с Маяна до озера Алалыка — день, далее до озер Кызылташ и Иредяш (Иртяш) — четверть дня. С Иртяша, где по рассказам Лота находился таинственный каменный город, за день можно было добраться к реке Сорока, от которой до горы у двух речек Тесьм (Тасм), где брали серебряную руду, оставалось полдня пути.

Стоит более подробно остановиться и выяснить те районы и конкретные места, где проходили поисковые работы. Среди исследователей не сложилось единого мнения о районах и целях деятельности экспедиции в 1673 — 1674 гг. А. А. Кузин, использовал пересказ XVIII в., где название «Иртяш» было изменено на «Иртыш» и определил район работ экспедиции на р. Иртыш. Он полагал, что уже в 1672 г. ее деятельность полностью переклонила на разработку и поиски магнитной железной руды⁵⁵. Е. В. Ястребов считал, что рудознатцы работали в верховьях реки Исети⁵⁶. В летописи повествуется о весьма обширных районах поисков: «по Тоболу вверх в степные места, в Кузнецкий острог, на Красный Яр и в Томский уезд»⁵⁷.

Упоминания в рассказе старца Лота известных до настоящего времени названий рек: Уфа, Ай, озера Иртяш, Китайского острога (г. Китайск) позволили соотнести географическую обстановку, описанную в документе, с современными топографическими картами. Работая с документами, планами, топографическими картами, проводя археологическое обследование местности нам удалось точно установить основное место работы экспедиции и даже найти следы горных работ того времени (*Рис. 10*).

Практически все упомянутые названия рек и озер на маршруте в несколько измененном виде сохранились до наших дней: озера Маян, Алакуль (Алалык), Кызылташ и Иртяш, река Караболка (Кабала). Конечным пунктом маршрута была упомянута гора около речек Тесьм. Эти реки впадают в р. Ай в черте современного г. Златоуста. Представления XVII в. о топографии края отражены в чертежных книгах С. У. Ремезова (*Рис. 11*). На ней

⁵⁴ Там же. Л. 109-111, 159-161, 291.

⁵⁵ Кузин А. А. История открытия рудных месторождений в России до середины XIX в. С. 42-43.

⁵⁶ Ястребов Е. В. Поиски полезных ископаемых на Урале в XVII в. С. 71.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 165.

обозначены и горы с серебряной рудой⁵⁸. Наибольшую помощь нам оказал чертеж 1741 г., где были нанесены упомянутое озеро Иртяш с «каменными городами» – древними городищами, а у слияния рек Тесьм «канал, который для прииску руды разработан неким боярином из Москвы». Последнее место в настоящий момент находится на окраине г. Златоуста, а «Уральские горы», о которых постоянно велась речь в переписке – хребт Урал-тау, находящийся в нескольких километрах к востоку от города.

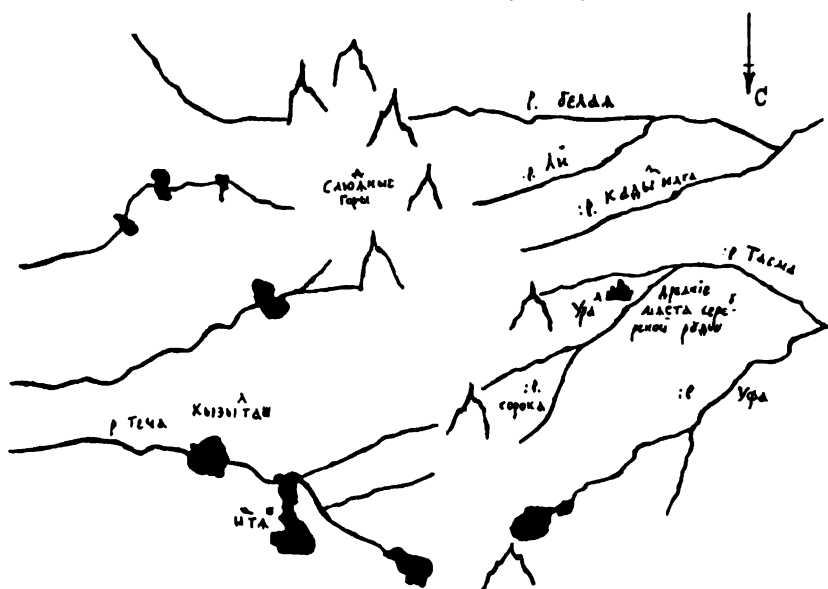

Рис. 11. Район поисков серебряной руды на карте из «Служебной чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова (нач. XVIII в.)

Отъезд экспедиции из Москвы в Сибирь был назначен на 12 января 1672 г. Пока не удалось установить, был ли выполнен в срок указ об отправке, но из Вологды Я. Хитрово отправился 19 февраля. Сообщение об этом немедленно было отправлено в Москву с первым конюхом. В Катайский острог группа прибыла 3 марта, где она остановилась, ожидая таяния снега и наступления назначенного для отправки срока – 15 апреля. Оттуда Я. Хитрово неоднократно писал о своих нуждах в Тобольск к воеводе И. Б. Репнину.

Несмотря на все прилагавшиеся руководством экспедиции усилия, срок отправки, определенный в указе, оказался сорванным. Из-за высокой воды в реках и непролазной грязи все необходимые запасы из Казани не удалось подвезти посуху и к 1 мая. Груз был тяжелый и объемный. Одни только боч-

⁵⁸ Ремезов С. У. Служебная чертежная книга Сибири. РО ГИБ, Эрмитажное собрание. № 237. Л. 67 об.

ки с уксусом и вином вмещали по 30 и более ведер. Поэтому его решили отправить по воде кружным путем – сначала вниз по р. Туре до устья Ницы, а затем вверх до Киргинского острога и далее на телегах до Китайского острога⁵⁹.

Из Тобольска послали в экспедицию только 50 человек и без кузнеца, так как он был задействован на восстановлении сгоревшей церкви, и без пушкарей, которых послали из Тобольска к озеру Ямыш. Тем не менее, по словам тобольского воеводы, думный дворянин мог взять любое необходимое ему количество подвод из слобод, расположенных неподалеку от Китайского острога. Я. Хитрово оценил потребность обоза в 362 подводы, чтобы разом вывезти скопившийся груз к горам.

Лишь ко второй половине мая из Тобольского, Тюменского и Туринского уездов в Китайский острог прибыло 185 работников. 19 мая приехали все служилые люди, но без запасов на полгода, как оговаривалось в указе. Эти обстоятельства срывали все планы на длительное проведение работ. С имевшимся количеством хлеба по расчетам воеводы в горах можно было продержаться не более двух месяцев.

22 мая 1672 г., всего за несколько дней до отъезда в горы, Я. Хитрово, Е. Полянский и Д. Фандернисин приехали в Верхотурье с требованием передать им 300 работников, служилых людей и 10 кузнецов, необходимых для изготовления инструмента и починки пушек. Но в городе возникла проблема с набором необходимого количества людей. По подсчету верхотурского воеводы в городе и уезде насчитывалось не более 200 детей боярских, служилых людей и беломестных казаков. Из них на заставы, в караулы и другие посылки регулярно привлекалось по 50 и более человек. Кузнец же в тот момент оказался один, кующий в основном только мелкие «поверстанные» изделия.

В Верхотурском уезде из пашенных и оброчных крестьян должны были снарядить 115 человек работных людей с топорами и 142 подводы. Из Верхотурья прибыло 18 человек с 26 подводами, из Тагильской слободы – 15 человек с 18 подводами, из Невьянской – 43 человека с 54 подводами, из Арамашевской – 6 человек с 8 подводами, из Ницинской – 10 человек с 11 подводами, из Ирбитской – 15 человек с 18 подводами, из Усть-Ирбитской и Белослудской слобод – 5 человек с 6 подводами, из Пышминской – 3 человека с 4 подводами. Всего из Верхотурья и уезда в Китайский острог со значительным запозданием прибыли 115 человек и 132 подводы во главе с детьми боярскими Власом Буткеевым, Михаилом Свирским и Иваном Сушинским⁶⁰.

Я. Хитрово решил выехать к горам 26 мая «для поспешенья», не дожидаясь работников из Верхотурского уезда и подвод с уксусом и вином. К горе, которая находилась между речек Тесьм, обоз прибыл 13 июня. По приезду, как и было указано, начали строительство Нового Уральско-

⁵⁹ РГАДА. Ф. 214. Д. 881. Л. 321-323.

⁶⁰ СПФ ААН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 3. Л. 218-219.

го острожка. Осмотрев место, «где реки сливались между гор», служилые начали копать ров для острога. Сплошной камень не позволил углубить ров, и, посоветовавшись с полковником и служилыми людьми, Я. Хитрово решил поставить небольшой рубленый городок размером 35 на 30 сажень с четырехугольными башнями над воротами и углами. Городок строили с 20 по 30 июня служилые люди «по разверстке» и 85 работников. Тобольский сын боярский Дмитрий Клепиков, побывавший на его строительстве, так описал свое путешествие: «Ехали де они из Китайского острога с думным дворянином, с Яковом Тимофеевичем Хитрово, в степь за Урал-камень до речек Теснь полтрети июля. И на тех речках строят рубленый город с тарасы. Длина и ширина по городу по сороку сажень, а вышину дву сажень печатных... Да при них же построено в том месте за городом серебряная плавильня да кузница, да дом, все по три сажени»⁶¹.

Сам Я. Т. Хитрово объяснял необходимость большой охраны рудопромыслов так: «И без служилых, государь, людей в том Новом Уральском острожке не токмо что летом, и зимой с меньшими людьми нельзя, потому что тот острожек от Сибирских городов отдален и стоит близко от места, где преже сего кочевали калмыки. А к зиме в том острожке надобно служилых людей 300 человек, а весной и летом 400, чтоб калмыки и иные какие воинские люди твоим, государь, людям и казне порухи какой не учинили, а пушек и пушечных же запасов не отбили». Также он отмечал, что работать там можно было только летом и осенью до больших морозов, так как зимой выпадали «снега великие».

100 работников и освободившиеся позже от городского строительства 25 человек начали ломать камень и рыть подкопы. Они копали в горе с двух сторон в тех же местах, где раньше работали с П. Годуновым и М. Селиным. К 4 июля работа велась в 3 подкопах и одной шахте. Два подкопа шли в гору: один – от одной речки Тасмы, другой – от второй. Место под шахту было определено наверху горы⁶². Образцы отвозили рудознанию мастеру, который испытывал их в больших горнах в присутствии воеводы. 19 августа в очередном сообщении в Москву Я. Хитрово написал о непрерывной работе в горах. К тому времени было выломано 65 сажень камня, но ничего, кроме признаков железа, обнаружить не удалось.

Одновременно продолжались поиски признаков серебряной руды в окрестностях. В. Хитрово, Е. Полянский и полковник Д. Фандернисин с конными отрядами непрерывно объезжали ближние и далекие места, как писал воевода, «за 50, 100, 200 и более верст безостановочно», призывали башкир к сотрудничеству, обещая царскую милость. Они вновь ездили за 200 верст от острога на Биабскую гору, где копали в 4-х местах.

Мастеру Х. Дробышу свозили образцы руд из различных мест сначала в Китайский острог, а потом и в Новый Уральский острожек. Сюда же была

⁶¹ Там же. Д. 11. Л. 318.

⁶² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 881. Л. 343-345, 486.

прислана руда из Великого Устюга, так как Х. Дробыш не смог провести опыты с ней по пути из-за отсутствия винного камня. В Катайском остроге были проведены опыты образцов, привезенных ранее и найденных вновь (см. табл. 1). Из тех руд, которые дали положительный результат на серебро в Москве, драгоценного металла выплавлено не было, а только железо.

Таблица 1. «Роспись опытам, которые чинил рудознатный мастер Христиан Дробыш разным образцам» 1672 г.

Дата	Руда	Кол-во руды	Добавки в плавку	Время Плавки	Результат
15. 04.	Устюжская	10 ф.	--	10 часов	Сера
27. 04.	Устюжская	10 ф.	--	12 часов	0
6. 05.	Тобольская, привезена Давыдом Андреевым	12 зол.	29 зол. винного камня и селитры	2 часа	0
26. 06.	та же	1 ф.	соль ...	3 часа	0
7. 05.	Тобольская, привезена Ф. Фефиловым	4 ф.	По 2 ф. винного камня и селитры	2 часа	0
26. 06.	та же	2 ф.	...2 ф. соли	2,5 часа	0
18. 05.	Тобольская, привезена Е. Шубиным	11 ф.	0,5 ф. винного камня и селитры	3 часа	0
25. 05.	та же	2 ф.	66 зол. винного камня и селитры	1,5 часа	0
25. 06.	Новая Уральская	0,5 ф.	1,5 ф. свинца, 12 зол. соли	3 часа	0
1. 07.	та же	0,5 ф.	0,5 ф. свинца, 0,25 ф. соли	3 часа в 2 горничках	0
1. 07.	та же	0,5 ф.	0,5 ф. свинца, 0,25 ф. соли	3 часа	0
3. 07.	Катайская	5 ф.	0,5 ф. сурьмы	12 часов в горничке на костяном гнезде	0
3. 07.	та же	10 ф.	3 ф. соли	3 часа	Железн. крохи
29. 06.	та же	10 ф.	2 ф. соли	3 часа	Железн. крохи
29. 06.	та же	10 ф.	2 ф. соли	3 часа	Железн. крохи
3. 07.	та же	0,5 ф.	12 зол. сурьмы	6 часов в горничке на костяном гнезде	0

Примечание: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 881. Л. 349-350. Х. Дробыш проводил все опыты в горничках (тиглях) из коломенской глины.

Неудачные поиски вынудили Я. Хитрово вновь приступить к допросам рудознатца и участников предшествующих экспедиций – М. Селина, майора И. Микулина и других. Я. Т. Хитрово, «не веря ему, Крестьяну», привлек для контроля мастера серебряника Т. Грекова, посланного с экспедицией, и плавильщика медной руды Д. Тумашева. Последнего специально как редкостного специалиста разыскали в Верхотурском уезде и доставили для проверки иностранного мастера. Они плавил руду с фунтом свинца «на костяном гнезде» при воеводе, но порознь, и у каждого образовались крупинки железа (см. табл. 2). Отсутствие следов серебра в опытах позже объяснили тем, что еще в Москве признаки драгоценного металла давал плохо очищенный свинец, который использовали для опытов. Трудно сказать, был ли это умысел мастера или ошибка, от которой предостерегал Г. Агрикола⁶³.

Таблица 2. Опыт, проведенный Д. Тумашевым и серебряником Т. Грековым в 1672 г.

Дата	Руда	Кол-во руды	Добавки в плавку	Время плавки	Результат
28. 06.	Новая Уральская	10 ф.	2 ф. Соли	3,5 часа в каменном горне	Желези крохи

Примечание: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 881. Л. 351.

Для сравнительной оценки железа расплавили пушечное ядро, специально взятое для такого случая. Металл оказался аналогичного качества: «из плавки ядра объявилось такое же железо, что и из уральских руд»⁶⁴. Вновь найденные образцы руды по 10 фунтов, а также 6 прутков уральского железа, воевода отправил в Москву со стряпчим конохом (пятым) А. Борисовым.

Я. Хитрово стремился писать в Москву регулярно, но послать отписки из Китайского острога было невозможно из-за раскисших дорог и большой воды. Находясь в горах, он решил посылать их другим путем – через Уфу и Казань. Эта вновь разведанная дорога оказалась наполовину короче, «так как уфимской дорогой до Москвы полтрети тысячи, а сибирской – 4000 верст и больше». В дальнейшем воевода советовал посылать гонцов и давать подорожные через Уфу⁶⁵.

23 сентября в своем очередном послании в столицу Я. Хитрово сообщил о бедственном положении в экспедиции. Вместо оговоренных 200 пеших воинов и 300 рейтар с ружьями и запасом продуктов на год, в разное время прибыло в полк только 472 служилых без запасов. В их составе были тобольские и тюменские рейтары, конные казаки и драгуны, верхотурские стрельцы, а также 300 работников из 4 уездов. Условия работы были очень тяжелыми, особенно осенью, запасы подходили к концу. И солдаты, как и крестьяне, насильно посланные для горных работ, убегали

⁶³ Агрикола Г. О горном деле и металлургии. М., 1962. С. 98.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 881. Л. 375.

ли. К 19 августа сбежало 219 служилых и 161 работный человек, а в горах осталось только 253 военных и 139 рабочих. К 15 сентября сбежало уже 379 служилых людей. Побег через степь в слободы продолжались постоянно, а оставшиеся приходили к Я. Хитрово «с большим шумом и невежеством, потому что много в них воров и ссыльных». Нечем было копать руду, из-за того, что «пошел камень крепкий». Заканчивались запасы питания и кормов. Для скота не были приготовлены зимние станы и сено, а обещанные обозы с казенным хлебом из Верхотурья так и не прибывали. Работники получали казенный хлеб и продавали его, «а иные проигрывают зерню и сами бегут врознь»⁶⁶. Я. Хитрово обоснованно полагал, что с началом морозов «не останется ни один, побегут все без остатку», а причину он видел в неподготовленности к длительным работам и зимовке на месте⁶⁷.

Для поимки беглых Я. Хитрово посылал в Катайский острог и в слободы служилых людей, но они, поймав беглых, не спешили отправлять их вновь на рудники, а сами разбегались по домам. В другом случае приказчики утверждали, что беглые к ним не возвращались, а старосты слобод отказывались предоставлять новых работников взамен беглых. 12 человек, высланные ирбитским приказчиком на замену, по дороге отбились от служилых людей и разбежались.

К 15 октября 1672 г. сбежало уже 249 рудокопов. От 300 работников остался 51 человек. В письме к Я. Хитрово тобольский воевода писал, что крестьяне пашенных уездов писали коллективные челобитные царю о невыносимых тягостях, учиненных им. Одновременно приказчики заставляли их пахать десятинную пашню, а пахать было нечем, поэтому часть пашни оставалась нераспаханной и ожидался большой недобор хлеба.

На сообщения Я. Хитрово пришел ответ из Москвы. В нем говорилось, что до царя дошли сведения о бегстве и малом количестве работников для копки рвов, челобитных крестьян Тобольского уезда о падеже скота и отсутствии лошадей для пахоты. Тем не менее, Я. Хитрово приказывалось продолжать работу по-прежнему, «зимовать и весновать» в горах⁶⁸. В грамотах тобольскому и другим воеводам предписывалось посылать к думному дворянину, как и прежде хлеб, корм и работников, «а кто учнет бегать – велеть сыскивать, учинить наказанье и посылать по-прежнему к горам»⁶⁹.

Крах планов экспедиции наступил в конце октября 1672 г. Я. Хитрово писал в Москву, что в последних числах месяца наступил мороз, а в зимнее время в Уральских горах вести рудокопное дело нельзя, «и работники по-

⁶⁵ Там же. Л. 345.

⁶⁶ Там же. Л. 377.

⁶⁷ Там же. Л. 362-363.

⁶⁸ Там же. Л. 379-380, 408.

⁶⁹ Там же. Л. 366.

бежали все без остатку октября в 26 числа»⁷⁰. Из 472 человек служилых в момент, когда положение с продовольствием было особенно остро, около половины было послано за хлебом в слободы, но в горы вернулись только 15 человек. Оставшиеся также не стали ждать замены и побежали по домам. На замену сбежавшим тобольский воевода И. Б. Репнин направил из Тобольска 221 служилого человека во главе с ротмистром В. Тутолминым и прапорщиком М. Рындиным, а из Тюмени 170 человек с ротмистром П. Оштуфьевым. Но к 7 октября в горы пришло только 47 тоболян, и к 13 октября еще 117 тюменцев, «а остальные 227 человек учинили послушанье и на твою государеву службу не пошли, остались в Исетских слободах»⁷¹. А из дошедших до гор, 106 человек жили там только 5 дней и сбежали к 19 октября. Из 58 оставшихся военных, 49 оказались без лошадей «и их в ближние места, ни для какого дела послать не на чем, ... и твоих, государь, в остатке запасов ничего нет, ни одной чети, роздано все работникам и пешим стрельцам»⁷². К концу октября сбежали почти все, осталось только 20 человек больных и «начальные люди с людишками своими московской присылки», которые поочередно несли караулы в острожке – офицеры, трубачи, мастеровые и прочие, прибывшие из Москвы⁷³.

В то же время для продолжения горных работ, по оценке Х. Дробыща, необходимо было одновременно привлечь не менее 250 рудокопов. Он опасался, что невозможно будет продолжать работы и без присутствия служилых людей в Новом Уральском острожке, поскольку кочевавшие калмыки могут побить людей и забрать казну, пушки и прочие запасы. 31 октября Я. Хитрово написал обо всем в Тобольск, требуя, чтобы служилые из Тобольска и Тюмени приходили на смену по неделям или помесечно. Но реально даже в бесснежный период конники добирались до места работ 6 недель. Зимой эта возможность полностью исчезала из-за больших снегов и отсутствия корма в степи. Весной же и летом было опасно передвигаться малыми группами. Ревностно выполняя царский указ, Я. Хитрово в сообщениях ни разу не обронил слова о прекращении работ, но, описывая ситуацию, высказывал свое опасение царской опалы за потери среди военных от калмыцких набегов. Здесь же он повторил предложение о более коротком пути доставки почты через Уфу и Казань, но предупредил, что от Уфы степью и горами через башкирские юрты без толмачей и проводников ездить невозможно.

В ответ на отписку о критическом положении экспедиции указом от 23 декабря 1672 г. работы были приостановлены до весны. Я. Хитрово, Е. Полянскому, ратным и работным людям предписывалось на зимнее

⁷⁰ Там же. Л. 405.

⁷¹ Там же. Л. 406.

⁷² Там же. Л. 407.

⁷³ Там же. Л. 440.

время отойти из Нового Уральского городка в Тюмень. Ратных и рабочих людей распускали по домам, а в городке до весны оставляли служилых людей со снаряжением, пушками, порохом, свинцом, в количестве необходимом для его обороны. С приходом весны им предстояло вернуться и продолжить работы. Руководство экспедицией должно было собрать 400 служилых и 250 рабочих людей, запасы, без которых невозможно жить и работать в горах, «чтобы однолично государю серебряную руду сыскать»⁷⁴. В декабре Венедикта Хитрово отозвали в Москву, а вскоре он был послан на воеводство в Уфу⁷⁵.

Только 18 февраля 1673 г. Я. Хитрово с полковником и «начальными людьми», взяв с собой «для степного пути» три пушки с запасами, вышли из крепости, прибыв в Тюмень 6 марта, где находились по 27 число. В Уральском городке остались рейтарский ротмистр Степан Потапов и поручик Никифор Петровский, а с ними 70 пеших тоболяков и конных драгун из исетских слобод, которые прибыли незадолго до получения царской грамоты о зимовке экспедиции в Тюмени. В городке оставили 2 пушки и двух пушкарей. Это все, что осталось там от многочисленной экспедиции⁷⁶.

Находясь в Тюмени, Я. Хитрово упорно продолжал заниматься организацией экспедиционных работ. Он неоднократно писал о служилых и рабочих людях в Тобольск, воеводам Туринского, Верхотурского уездов, приказчикам в слободы. 3 апреля думный дворянин со своим окружением вернулся в Китайский острог. Несколько ранее, в период с 26 марта по 4 апреля из острога в горы стали посылать первые группы рудокопов во главе с Х. Дробышем и поручиком Х. Литкиным.

Грамота, извещавшая о том, что поиски руды на Уральских горах будут продолжены, пришла в Верхотурье 14 февраля 1673 г. В ней воеводе указывалось выдавать казенные деньги из местных доходов немедленно и сколько необходимо по первому требованию Я. Хитрово, но при этом письменно сообщать царю и в Сибирский приказ о расходах⁷⁷. Требование продолжать работы, а беглых искать и наказывать, было повторено в грамоте и в марте⁷⁸.

Весной 1673 г. к Уральским горам в качестве работников вновь были посланы выбранные и наемные нашенские и оброчные крестьяне. Всего из 8 волостей Верхотурского уезда было набрано 89 крестьян, им было выдано 802 руб. «подмоги» (см. табл. 3). По договору они должны были работать на рудниках до Филиппова заговенья 182 г. (т. е. до 14 ноября 1673 г.)⁷⁹.

⁷⁴ Там же. Л. 410.

⁷⁵ Там же. Л. 618.

⁷⁶ Там же. Л. 527.

⁷⁷ Там же. Л. 545.

⁷⁸ Там же. Л. 456.

⁷⁹ Там же. Л. 551-553.

Таблица 3. Волости и слободы Верхотурского уезда, направившие крестьян и денежную помощь в экспедицию в 1673 г.

Волости и слободы	Человек	Рублей
Подгородная	13	79
Тагильская	13	147
Невьянская	35	329
Арамашевская	6	49
Ницинская	7	56
Ирбитская	11	115
Белослудская	2	13
Пышминская	2	14

Примечание: РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 881. Л. 551-553.

С 28 марта поиски серебряной руды были вновь продолжены там же, между двух речек Тесьм. До приезда Я. Хитрово горные работы возглавляли ротмистр С. Потапов и поручик Н. Петровский. Новый активный этап добычи руды должен был начаться с момента, когда снег сойдет, появится трава и подъедут конники. Было намерение продолжить поиск и организовать добычу слюды на Биабьем камне⁸⁰.

С таянием снега район горных работ расширили. Новые шахты заложили в тех же горах в двух местах. Еще одну шахту и подкоп начали разрабатывать в 40-50 верстах от острога в горе у реки Ай. Образцы, как и прежде, везли в городок, где Х. Дробыш делал опыты при Я. Хитрово, но ничего, кроме железа, обнаружено не было. Христиан настаивал на своем, утверждая, что в горах нет никаких признаков серебра, и никто не сумеет его здесь выплавить, а руководство экспедиции продолжало усердно выполнять поставленную задачу. Образцы руды из 7 мест по 15 фунтов, железные крошки и другие результаты опытов были зашиты в кожаные мехи и отправлены в Тайный приказ. За слюдой к Биабьей горе послали полковника Д. Фандерниси́на со служилыми людьми и 62 работниками, подводчиками и мастерами. Я. Хитрово обещал по-прежнему писать и немедленно присылать все образцы руды и слюды, которые ожидалось еще найти.

Окруженный недоверием Х. Дробыш, также слал челобитные царю. Находясь в горах, он не мог отослать письма или ему препятствовали в этом, и он подал челобитную, находясь уже в городе. Х. Дробыш сообщал о своем усердии в опытах, но утверждал, что, работая хоть 10 лет «в тех же местах серебряной руды из того дикого камня не будет, кроме

⁸⁰ Там же. Л. 529.

железа, каков опыт послан к Москве, потому что не такие места, где серебряная руда бывает»⁸¹. Х. Дробыш обижался на проявленное к нему подозрение в хитрости и нерадении, привлечении к его проверке других плавильщиков. Мастер даже предложил условие, если рудознатцы найдут в тех местах серебряную руду, «и он, Христиан, достоин будет чего доведется, безо всякого милосердия и без пощады». Он сожалел, что ожидалось продолжение экспедиции, и с него требовали новый список необходимого количества людей и запасов. Между прочим, Дробыш отметил, что, когда его посылали ранее с П. Годуновым в 1669/70 г. (в 178 г.), то он подавал заявку на 300 работников. В конце письма мастер написал, что далее ему у рудокопного дела оставаться было незачем из-за «крепкого камня». Очевидно, подозрения в умысле и хитрости Х. Дробыша все же были не беспочвенны. Сохранился рассказ современника тех событий хорвата Ю. Крижанича, проживавшего в Тобольске с 1661 по 1676 год. В нем события, связанные с поисками серебра представлены с большой долей вымысла, но узнаваемы. В тексте присутствуют все основные сюжеты и герои: могилы с серебряными и золотыми вещами, «серебряная Сибирская» гора, монах, выплавлявший серебро из руды, плуты-рудоплавы, воевода и рудозналец-чернокнижник, вызванный из Саксонии и ставший одним из соучастников обмана царя⁸².

Весной – летом 1673 г. район работ полка Я. Хитрово был расширен. Не останавливая деятельности на Урале, участникам экспедиции предстояло проверить известия о наличии серебряной руды в Красноярском уезде. 8 марта 1673 г. вернувшиеся с государственной службы из Красноярского острога пеший стрелец Федор Белоглаз и тюменский конный казак Петр Черепанов в тюменской съезжей избе подали Я. Хитрово челобитную, о серебряной руде «в Киргиской земле вверх по Енисею реке выше Комы в третьем плесе в Красном осыпном яру, а от Красноярского острогу вверх Енисею рекою ездами ходу дней семь или восемь». В 1668/69 г. Ф. Белоглаз привез из указанного места 30 фунтов (около 12,3 кг) руды, а П. Черепанов смог выплавить из нее 12 золотников (около 51 гр.) серебра, из которого они сделали кресты, перстни и продали их в Красноярске. Правда, в Тюмень Ф. Белоглаз и П. Черепанов ничего с собой не привезли. 19 марта из «сказки» тобольского сына боярского Василия Турского об этом известии узнали уже в Тобольске. Боярин и воевода П. М. Салтыков писал в Тюмень, чтобы казаков вместе с челобитной отправили «для подлинного розыску» к нему, а весной он собирался послать их в Красноярский острог. Получив такое известие от тюменских

⁸¹ Там же. Л. 469.

⁸² *Титов А.* Сибирь в XVII в. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890. С. 189-190.

властей, Я. Хитрово распорядился отправить в Красноярский острог для проверки капитана К. Римана вместе с извечниками. Капитан должен был взять у воеводы А. Сумарокова струги, кормщиков, гребцов, служилых людей, работников, рудокопные снасти и ехать вверх по Енисею. Там предстояло накопать 100 пудов руды, а П. Черепанову в остроге провести и описать опыты, поскольку он считался серебряником. Кроме этого, Карл должен был объявить «всяких чинов» красноярским жителям о жаловании и милости за сведения о рудах и по новым полученным сведениям провести разведку⁸³. Эта группа вместе с тобольским сыном боярским Федором Панютиным выехала в Красноярский острог 15 мая 1673 г.

Итоги поисков на Енисее пока остаются неизвестными. Очевидно, еще некоторое время (лето 1673 г.) основная база экспедиции сохранялась на прежнем месте в Уральских горах. Согласно наказу Я. Хитрово, данному К. Риману, последний из поездки на Енисей должен был вернуться с опытами, рудой и извечниками в городок к Уральским горам. Безрезультатность поисков и значительные затраты на экспедицию явились причиной указа, которым предписывалось до зимы перебраться в «русские города для сыску руд».

Еще 26 марта 1673 г. из Москвы на Уральские горы была отправлена грамота о переносе поисков во главе с Я. Хитрово и Е. Полянским в Ярославский уезд. Предстояло проверить рассказы Х. Дробыша о виденной им там золотой руде. Из челобитных Я. Хитрово от 31 июля следовало, что весной и в начале лета работы в горах еще продолжались.

Вновь царский указ о перемещении экспедиции в Ярославский уезд был послан в мае, а 23 июня Я. Хитрово со своим отрядом покинул Уральские горы. Следуя указу, Я. Хитрово и Е. Полянский должны были забрать с собой полковника с офицерами, М. Селлина, Х. Дробыша, К. Римана, трубачей, литавщика, лекаря и ехать в «русские города». Все вооружение и прочие запасы предстояло вывезти в Китайский острог, взяв из них с собой только все необходимое для горных работ и опытов. Работных и мастеровых людей собирались набирать в Ярославле. Пушки, порох, свинец и другие запасы перевозили в Тобольск. Все, что было необходимо для рудного дела, следовало держать в Тобольске, а что не требовалось — использовать на государственные расходы. Служилые и работные люди отпускались по домам, получив экспедиционное сукно в жалованье. «Верховая» пушка оставалась в Тобольске, а 4 полковых пушки и ядра отсылались в Даурские остроги. Дальнейшее существование Нового Уральского городка оставалось на усмотрение воеводы. При необходимости он мог быть оставлен, либо сожжен. Семерых московских солдат и стрельцов, Ганку Коростеля с товарищами, сосланных в экспедицию, отправляли на службу в Тюмень до распоряжения из Стрелецкого приказа⁸⁴.

⁸³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 881. Л. 471-472, 522-523.

⁸⁴ Там же. Л. 490-492.

С августа 1673 г. в Москве шла подготовка к началу поисков золотой руды в Ярославском уезде. 25 августа в царском указе главе Оружейной палаты Богдану Матвеевичу Хитрово сообщалось, что поиски на Урале прошли неудачно и серебряных руд там не обнаружили. Боярину и оружейнику предписывалось набрать для горных работ людей, взяв их в Ярославле у думного дворянина и воеводы Григория Михайловича Аничкова.

31 июля рудознатного мастера, мастеровых и все необходимое для дальнейших работ (казну, деньги, соболей, плавильные составы, рудокопные снасти) отправили с Х. Литкиным и прапорщиком А. Кузьминым из Катайского острога до Чусовской слободы, что было крайне непростым делом, потому что предстояло с большим количеством груза перебираться через Уральский хребет. Этой группе поручалось подготовить отправку отряда по р. Чусовой, чтобы до зимы успеть добраться до Ярославского уезда, а по дороге осмотреть признаки серебряной руды на рр. Серебрянке и Усьве⁸⁵. В это время путь по р. Чусовой до Камы практически еще не использовался, но с XVIII в. он станет главной транспортной артерией, по которой будет доставляться уральский металл в центр России. Таким образом, отправка экспедиции Я. Хитрово была одним из первых опытов освоения этого пути. Предстояло сделать 10 легких дощаников под грузы, для изготовления которых требовалось собрать 20 судовых мастеров с инструментами из Невьянской, Ирбитской, Ницинской, Арамашевской и Белослудской слобод. Для контроля за строительством («чтоб мотчанья не было») направили трубача Ф. Тескова и литавщика С. Малявкина⁸⁶.

Также необходимо было подобрать 100 человек гребцов и 10 кормщиков. Ямские охотники, которые в определенные моменты становились кормщиками и гребцами, отказались от поездки по Чусовой. Причин для этого было названо несколько. Ямщики ездили по определенному маршруту: от Соли Камской до Верхотурья и далее до Туринского острога и Пельма, «и на Верхотурье николи не бывало, чтоб подводы посылать без подорожных с яму от города верст с 300 и более, мимо указных ямов... а таде Чусовая слобода от Верхотурья за Каменем верст с 400, а Чусовой реки ехать можно ли и сколько и до куда, того они не ведают. А если их послать без указа силой, то разбегутся и пойдут к тебе, Великий Государь, к Москве бить челом». Еще ранее «на пути к горам» у ямщиков под грузы забрали все лишние подводы, и они разорились⁸⁷.

Итог крупнейшей в дореволюционный период геологоразведочной экспедиции лаконично подвел летописец: «Ничего не найдено, а государственной казне великая тщета и гибель учинилась»⁸⁸. За несколько лет упор-

⁸⁵ Там же. Л. 560-561; АИ. Т. IV. С. 511.

⁸⁶ СПФ ААН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 3. Л. 229-236 об.; РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 881. Л. 560-563.

⁸⁷ СПФ ААН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 3. Л. 235 об.-236 об.; РГАДА. Ф. 214. Д. 881. Л. 567-568.

⁸⁸ ПСРЛ. 36. Ч. 1. С. 165.

ного поиска обнаружить серебряную руду так и не удалось. Были найдены только залежи железа и слюды.

Наша оценка не столь однозначна. На рубеже 60 – 70-х гг. XVII в. государство мобилизовало весь свой накопленный опыт для проведения изысканий серебряных месторождений на Южном Урале. Развертыванию экспедиции как сложного организационного мероприятия государственного масштаба предшествовал подготовительный этап: приглашение на российскую службу иностранных специалистов-рудознатцев, проведение нескольких предварительных экспедиций (всего за 5 лет около 10 выходов), подтвердивших сведения о рудных залежах, планирование маршрутов и оценка возможностей, неоднократное апробирование присланных образцов в Москве, давшее положительный результат. Это была едва ли не первая попытка обеспечить длительные геологоразведочные работы на чужой территории, одновременно поддерживая мирные отношения с кочевниками.

Изначально поискам был придан особый статус: сам тобольский воевода организовывал и принимал участие в походах, внедрялась система поощрений. Состав и организация отрядов носили военный характер. Экспедиция 1672 – 1673 гг. под руководством Я. Хитрово, достигавшая в отдельные периоды численности около 1000 человек, обеспечивалась из 4 уездов и была готова не только заниматься поисками месторождений, но и развернуть работы по строительству сереброплавильного завода. Имевшиеся в верхотурско-тобольском районе материальные и человеческие ресурсы позволяли это сделать. Использувавшиеся правительством методы обеспечения данных поисковых работ рабочей силой, продовольствием, финансами, транспортом и оборудованием были традиционными для феодального государства. Основная часть этих проблем возлагалась на местные власти. Однако все огромные усилия «сработали вхолостую» из-за недостаточно квалифицированно проведенных опытов. Для успешного развития крупного заводского производства было необходимо найти промышленные запасы руд, ликвидировать технико-технологическую отсталость и иметь достаточное количество квалифицированных кадров.

На примере этой экспедиции очень ярко видны недостатки в организации крупномасштабных горных работ на центральном уровне. Отсутствие единого органа, руководящего ими, порождало волокиту в решении вопросов из-за громоздкого механизма взаимодействия многочисленных приказов, имевших отношение к проведению экспедиции. Подключение на последнем этапе приказа Тайных дел явилось попыткой введения определенного уровня централизации, однако не упростившей в целом механизм администрирования. Параллельно с приказом Тайных дел сохранялось и руководящее начало Сибирского приказа. Эти недостатки еще в XVIII в. были очень точно подмечены В. И. Крамаренковым. По его мнению, рудознатцы вынуждены были «в одном месте просить об оклад-

ном жаловании, в другом – о кормовых дачах, в третьем – об отправлении своем к делу, в четвертом рапортовать об успехах в рудных приисках, и часто, не получая долговременных прошлых решений, к немалому вреду рудное производство оставляли в праздности»⁸⁹.

Тем не менее, результаты экспедиции не пропали даром. Прошло немало времени и, когда события XVII в. уже были забыты, в 1724 г. документ с рассказом старой башкирки был обнаружен в столбцах канцелярии Сибирской губернии. Копия с него в качестве донесения была послана для рассмотрения и практического использования в Сибирский Обер-бергамт в Екатеринбурге. К результатам деятельности Я. Т. Хитрово в Южном Зауралье вновь появился интерес. Государство по-прежнему остро нуждалось в драгоценных металлах. Весной 1741 г. в степные и горные районы была направлена экспедиция, постоянными участниками которой были унтер-шихтмейстер Ф. И. Санников и маркшейдерский ученик А. И. Кичигин. Они побывали у оз. Иртяш и у места слияния речек Тесъм, нашли по рассказам башкир старые копи, которые разрабатывал думный боярин из Москвы, описали их и составили чертеж. Здесь же была найдена и железная руда с 20% содержанием железа. Также они сообщили, что «для осмотра лесов и плотинного места до реки Ая на юго-запад 6 верст и ниже устья реки Тасмы усмотрено, что место к строению плотины на реке Аю угодно есть»⁹⁰. Так было предопределено возникновение здесь в 1754 г., по прошествии 82 лет после экспедиции Я. Т. Хитрово, Косотуровского завода и г. Златоуста. По следам горных работ экспедиции, были обнаружены древние железорудные копи у озера Иртяш, ставшие первыми рудниками Каслинского и Кыштымского заводов.

Таким образом, геологоразведочные поиски 1670-х гг. положили начало промышленному освоению Южного Урала. Были установлены месторождения железа, на базе которых в середине XVIII в. возникли металлургические заводы.

⁸⁹ ГАСО. Ф. 101. Оп. 1. Д. 411. Л. 8 об.

⁹⁰ Корепанов Н. С. Геологическая экспедиция Федора Санникова и Афанасия Кичигина 1741 г. и открытие горы Магнитной // Уральский геологический журнал. Екатеринбург, 1998. № 3. С. 92.

ГЛАВА 6. ОРГАНИЗАЦИЯ ПОИСКОВ МЕСТОРОЖДЕНИЙ ЦВЕТНЫХ И ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ МЕСТНЫМИ ВЛАСТЯМИ

Разведка полезных ископаемых в процессе присоединения новых территорий

По мере продвижения русских землепроходцев на восток шел процесс освоения природных богатств новых земель. Сибирь интересовала Российское государство не только как поставщик пушнины, но и как территория, где возможны находки месторождений серебра, золота, меди, олова и свинца. О том, что сбор информации и разведка залежей цветных металлов были одним из приоритетных направлений государственной политики в колонизационном процессе, свидетельствуют указы воеводам и руководителям отрядов служилых людей, отправлявшихся на обследование новых земель.

После неудачной экспедиции Я. Хрипунова на Тунгуску (1627 – 1630 гг.) правительство не спешило отправлять специальные поисковые экспедиции на восток, так как это требовало значительных средств и квалифицированных кадров, знания ситуации на месте. Значительная удаленность новых территорий от центра не позволяла эффективно осуществлять оперативное управление из Москвы. Поэтому в дальнейшем были изменены организационные принципы. Из центра поступали только директивные указания и сохранялось условие обязательной отправки в Сибирский приказ отчетов о проведенных разведках, образцов найденных руд и результатов опытов. Все остальные вопросы решались местными воеводами.

Создание в 1641 г. якутского (ленского) воеводства имело решающее значение в организации систематических поисковых мероприятий на востоке и северо-востоке Сибири. Государственная разведка рудных месторождений в Восточной Сибири и попытки их разработок осуществлялись силами местных служилых людей. Как правило, задача сбора сведений о рудных проявлениях включалась в комплекс других поручений. Так, например, енисейскому служилому человеку Постничку Иванову и красноярскому служилому человеку Оничке Микитину, посланным якутскими

восводами в 1641 г. в Юкагирскую землю на смену прежним ясачным сборщикам, поручались сбор ясака, поиск новых еще необьясаченных земель и серебряной руды. Они прошли по рекам Яне и Индигирке¹.

В 1636 – 1638 гг. енисейский десятник Елисей Буза и Пров Лазарев совершили морской поход для поиска реки к востоку от устья Лены (*Рис. 9. Форзац I*). Согласно существовавшей практике, Е. Буза привез в Якутский острог аманатов – юкагиров шамана Балганчу (Быгалгу), Имгонту (Егитту), Далгунту (Далгитту). В Якутской съезжей избе они рассказали, что около устья р. Нероги, впадающей в море, «в горе в утесе над рекою» есть серебряная руда, и на той же реке живет народ наттыла и у них много серебра. Известия о серебре обусловили пристальное внимание к этому району якутских воевод. Летом 1642 г. П. Головин и М. Глебов отправили Е. Бузу на поиски р. Нероги. Он должен был собрать полную информацию об этом районе². Очевидно, Е. Бузе не удалось выполнить поручение. Однако сведения о р. Нероге (Нелогге), где есть серебро, продолжали поступать от местного населения. О «нелоских мужиках наттах» рассказали ленскому служилому человеку Лавру Григорьеву и Красноярскому сыну боярскому Ивану Ерастову ковымские аманаты шаман Пороча и его жена. Эти сведения были получены не позднее сентября 1644 г.³ Найти загадочную реку русским служилым так и не удалось. Ряд исследователей идентифицирует Нерогу с Амуром⁴.

Иногда в ходе дальних экспедиций руководители отрядов сами принимали решение о проверке полученных данных о рудных месторождениях и самостоятельно обследовали указанные районы. Именно в связи с подобной ситуацией и состоялся первый русский поход на Тихий океан в 1639-1641 гг. В 1636 г. из Томска на восток был отправлен отряд под руководством Д. Копылова (*Рис. 9. Форзац I*). Спустившись по р. Лене, а затем вверх по Алдану, на одном из его притоков в 1638 г. служилые люди основали Бутальский острожек. Тунгусский шаман Томконя, взятый Д. Копыловым в аманаты на устье реки Янды, рассказал русским, что «есть де блиско моря река Чиркол, а на той реке Чирколе гора, а в ней серебряная руда, а около тое руды живут в орде сиделья многие люди, ...а не той руды плавят серебро. А у тех сиделых людей во всех деревнях устроены пашни и лошадей и всякой животины много». Эти сведения подтвердил и тунгус Гуликан. Аманаты также говорили, что на Чирколе нет ни го-

¹ ДАИ. Т. II. С. 240-242; Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века. Сб. документов / Сост. П. С. Орлова. М., 1951. С. 99-102. РГАДА. Ф. 214. Д. 75. Л. 614-621.

² ДАИ. Т. II. С. 262. РГАДА Ф. 1177. Оп. 1. Д. 43. Л. 63-64.

³ Там же. Л. 28-30. Опул.: Открытия землепроходцев... С. 125-129.

⁴ См.: *Полевой Б. П.* Первый русский поход на Тихий океан в 1639 – 1641 гг. в свете этнографических данных // Советская этнография. 1991. № 3. С. 58.

родов, ни крепостей. Современные исследователи единодушны в том, что под Чирколом имелся в виду Амур.

Д. Копылов принял решение отправить на поиски серебряной горы отряд служилых людей под началом пятидесятника И. Ю. Москвитина. Одновременно они должны были разведать «про земли, которые сидят около серебряной руды и которые земли блиско моря, которые мочно привести под ево государеву высокую руку».

Отряд И. Москвитина был в походе два с половиной года (1639 – 1641 гг.). По мере продвижения к заветной цели служилые люди получали все новые сведения о серебряной горе Оджал в низовьях Амура. Так, от одного тунгуса они узнали, что «у той горы живут князцы, а на той горе стоят караульщики человек по 300. И то серебро плавят, а людей тут не пуцают, а живут тут мастера плавильщики, а караульщики стоят с луками да с копыи ... Да вверх реки Чирколы плавят медь». В доказательство чего Москвитин взял у этого тунгуса медные котлы, сделанные якобы из чиркольской меди. То же самое рассказали служилым и две тунгуски, побывавшие в полоне на Амуре. В рассказах местного населения упоминалось и название народа, жившего у той горы – «натки». По мнению Б. П. Полевого, речь шла о нижеамурских нанайцах. Исследователи находят много общего в рассказах о серебряных горах на Чирколе и Нероге.

Москвитинцам не удалось достичь серебряной горы. Добравшись до устья Амура и увидев там большое скопление нивхских лодок, они побоялись идти дальше из-за своей малочисленности и вернулись в Якутск. На обратном пути кроме устных свидетельств землепроходцы получили и вещественные доказательства существования серебряного месторождения. Тунгусы носили на своей одежде нашитые серебряные круги, якобы изготовленные из серебра той горы. Три таких круга Москвитин позаимствовал у хозяина зимовья в устье Алдомы, где отряд останавливался на зимовку.

К моменту возвращения москвитинцев в Якутск, там уже появились первые воеводы, которым центральная власть отвела главенствующую роль в организации присоединения восточных территорий и морского побережья. Поэтому П. Головин забрал у прибывших всю пушнину, оставил часть служилых людей у себя на службе, а от Москвитина потребовал «роспись всему его ходу». Однако пятидесятник утаил от воеводы часть информации, в частности об устье Амура и о морском пути к нему.

В конце 1641 – начале 1642 гг. И. Москвитин вернулся в Томск. Не известно, заинтересовались ли походом к устью Амура томские воеводы князь С. В. Клубков-Мосальский и И. С. Кобыльский. Уже в июле 1642 г. последний отправился в поход в Ачинскую землю⁵. Скорее всего, с возникновением якутского воеводства произошло территориальное разграничение сфер деятельности томских и якутских воевод.

⁵ Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири... С. 177.

Интерес к походу И. Москвитина возник у томского воеводы князя О. И. Щербатого, назначенного в 1645 г. Прибыв на новое место службы, он рьяно взялся за исполнение наказа царя Михаила Федоровича «во всем искать государю прибыли». 28 сентября И. Москвитин и Д. Копылов были вызваны в съезжую избу для составления расспросных речей о походе 1639 – 1641 гг. И в данной ситуации И. Москвитин не только рассказал об устье Амура, но и поделился своими рекомендациями по завоеванию тех мест, где находится серебряная гора. Он предлагал отправить туда значительный отряд (около 1000 человек) «с огненным боем», в том числе с 10 скорострельными пушками. Для усиления устрашающего эффекта у отряда должны быть барабаны и трубы. Вместе с тем, необходимо было взять с собой вино, сукна, олово – то, что обычно русские брали на подарки коренному населению. Также отряд должен был быть обеспечен рыбными и судовыми снастями, иметь кузнецов, которые в походе могли бы ремонтировать оружие, четырех священников «для ради смертного часу», лекарей, «якутских, тунгусских и братских» толмачей, а также мастеров, знавших серебряную, медную и железную руды, селитренное дело, и плавильщиков. По расчетам Москвитина служилые отправлялись на 3 года, и удобнее всего было бы их собирать и начинать поход из Енисейского острога.

Расспросные речи вместе с отпиской О. Щербатого отвез в Москву Д. Копылов и передал в Сибирский приказ 17 сентября 1646 г. Можно предположить, что этим посланием О. Щербатый пытался привлечь к себе внимание молодого царя Алексея Михайловича. Предложения И. Москвитина не были реализованы, по своим масштабам они были нереальными. Но и сама идея поисков серебряной горы в низовьях Амура не была подхвачена московским правительством. Однако участники похода во главе с Д. Копыловым и И. Москвитиным получили вознаграждения от Сибирского приказа⁶.

В 1638 г. из Енисейска был послан отряд служилых людей во главе с Максимом Перфильевым для «проведывания» «новых земель» по Витиму. Из Олекминского острожка в 1639 г. они прошли по Лене до Витима и поднялись по нему до устья р. Цины. От местных тунгусов служилые люди узнали интересные сведения о племенах, обитавших в верховьях Витима и по Амуру⁷. На обратном пути в июле 1640 г. на Тунгуске М. Перфильев встретил направлявшихся на воеводство в Якутск П. Головина и М. Глебова и рассказал им о походе. Якутскую администрацию

⁶ Подробнее о походе И. Москвитина см.: *Полевой Б. П.* Новый документ о первом русском походе на Тихий океан («Расспросные речи» И. Ю. Москвитина и Д. Е. Копылова, записанные в Томске 28 сентября 1645 г.) // Труды Томского областного краеведческого музея. Т. VI. Вып. 2. Томск, 1963. С. 26-31; *Он же.* Первый русский поход на Тихий океан...

⁷ История Сибири. Т. 2. Л., 1968. С. 52.

больше всего заинтересовали расспросные речи витимского тунгуса Камбайка о р. Шилке. По рассказам, услышанным М. Перфильвым, этот район был сказочно богат, а во владениях братского князца Ловкая (Лавкай, Ладкай) есть серебряная руда. Камбайка якобы сам бывал «у той руды», поэтому знал такие подробности, как, например, что одно рудное место «в утесе, в горе», а другое – «в воде», а «верхняя руда водяной руды легче и в плавке прибыльнее». Слышал М. Перфильев и о том, что «даурские князцы Ладкай с товарищи плавят серебро и руды де серебряной много, и то де у них серебро расходуется по многим волостям и по улусам в продаже, а продают де серебро на соболи, а соболи у них на Шилке покупают китайские люди на камки и на всякие товары». Тунгус Камбайка рассказывал и о том, что в низовьях Шилки есть свинцовая и медная руды, «а хлеба, де, на Шилке всяково добра много».

Сравнительный анализ сообщений, по которым была отправлена экспедиция Я. Хрипунова (собраны Т. Савиным), и сведений, собранных М. Перфильевым, выявляет сходство сюжетов. В первом случае речь шла о князце Окуне, жившем в верховьях Тунгуски (Ангары) в трудно доступном районе. До тех мест из Енисейского острога ходу водным путем было больше года (по другим сведениям – 5-6 недель). М. Перфильев сообщил о князце Ладкае, улус которого находился на устье р. Уры, притока р. Шилки. И в том, и в другом сообщении говорилось, что серебро идет из горы, князцы и их люди сами добывают его и плавят, а затем некоторое количество продают в другие земли. Важным свидетельством того, что тунгусы имеют собственные источники серебра, служилые люди считали наличие в их костюмах деталей из серебра: небольшие выбитые круги (весом около 10 алтын), которые женщины носили на головах, нагрудники и пуговицы. В качестве доказательства Т. Савин и М. Перфильев привезли воеводам такие серебряные изделия. Эти рассказы объединяло еще то, что сами служилые в тех местах не бывали, а только слышали от коренного населения. И это последнее обстоятельство вызывало сомнения в достоверности полученных сведений.

Но в 1625/26 г. сведения, собранные Т. Савиным, были одними из первых известий о наличии серебра в Сибири (более ранних нами пока не обнаружено). Центральные власти отнеслись к нему с большим вниманием. Однако впоследствии безуспешный итог экспедиции заставил правительство с большей осторожностью относиться к подобным известиям, и вплоть до конца 80-х гг. XVII в. центральные власти не брались за организацию поисковых экспедиций на дальних сибирских рубежах.

Вскоре к рассказам М. Перфильева добавились свидетельства ясачных сборщиков Нехорошко Алексеева и Максима Кирилова, которые тоже слышали о серебре князца Ладкай. В тунгусских юртах на Ангаре М. Кирилов купил серебряный круг весом в 10 алтын «их тунгусское дело, что носят на головах». О «хлебной реке» Шилке рассказывали П. Голови-

ну и томские служилые люди во главе с И. Москвитиним, и якутский мегинский князец Бодай «со многими улусными людьми». Бодай даже вызвался пойти проводником до лалагиров-тунгусов, которые «ту реку хлебную знают и по вся годы на нее ходят»⁸.

В делопроизводстве Якутской приказной избы сохранилась сказка служилого человека Кондратия Мясина, датированная февралем 1640 г. Во время несения службы на реке Витиме он узнал от тунгусов о путях на Шилку, о пашенных людях, которые там живут, и о серебряной руде, добываемой князем Ловкаем⁹.

П. Головин и М. Глебов добрались до Якутска (Ленского острога) 18 июля 1641 г. и сразу же отправили на Витим письменного голову Енаlesa Бахтеярова. Обследование и присоединение даурских земель стало для якутских воевод одной из важнейших задач. О значимости этого направления колонизации свидетельствует и назначение во главе отрядов, отправлявшихся в Даурию, представителей воеводской администрации.

Е. Бахтеяров должен был пройти по Витиму до Шелегинского волока. Ему поручались сбор ясака, поиски новых земель, серебряных, медных и свинцовых руд, хлебной пашни. Согласно воеводскому наказу письменный голова должен был расспрашивать о рудах и выяснить можно ли у серебряной руды поставить острог, а также послать тунгусов к князям Ботге и Ладгаю для призыва их под государеву руку. Таким образом, предполагался мирный путь обретения рудных месторождений. В 1643 г. Е. Бахтеяров вернулся в Якутск и привез с Витима тунгуса «дакорайского роду» шамана Лавагу. Выяснилось, что аманат довольно хорошо знает дорогу до Шилки и «на Шилке реке вверх и вниз много знает». Он также подтвердил, что «хлеба на Шилке реке всяково много и серебряные руды у Ловкая князца есть». Якутские воеводы посчитали, что с таким проводником Е. Бахтеяров вполне мог отправиться на Шилку, но он «воровством своим государеву делу не радел, на Шилку не пошел».

Пока Е. Бахтеяров находился в походе, была предпринята попытка разведать пути на Шилку и с запада. Сохранилась наказная память якутских воевод десятнику Семёну Скороходову, Борису Конкарову и Кондратию Мясину 1641 г.¹⁰ Они должны были пройти из Верхоленинского острожка вниз по Лене, выйти в верховья р. Киренги, по дороге собрать ясак на 1641/42 г., накормить тунгусов, дать им подарки и объяснить новые районы. В документе обращалось внимание на то, какую информацию необходимо было им собрать: о «мунгальских людях» (монголах), путях в Китай и на реку Шилку, где живет князец Лавкай, о пашнях и серебряной руде.

⁸ Инструкция письменному голове Пояркову // ЧОИДР. 1861. М., 1861. Кн. 1. Отд. V. С. 1-2; ДАИ. Т. II. СПб., 1846. С. 258-262.

⁹ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Д. 82. Л. 1-3.

¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 31. Л. 81-84.

Известно, что в 1643 г. отряд С. Скороходова прошел вдоль берегов Байкала и вышел к реке Баргузин, где и погиб в столкновении с тунгусами¹¹.

Поскольку Е. Бахтеяров не дошел до Шилки, то в июле 1643 г. в поход был снаряжен другой якутский письменный голова Василий Поярков (*Рис. 9. Форзац I*). Необходимо отметить, что якутские власти действовали весьма оперативно, не тратили время на согласование с Москвой (на это бы ушли годы, учитывая дальность расстояния) и самостоятельно принимали решения. Текст наказной памяти В. Пояркову от 15 июля 1643 г. свидетельствует о тщательной продуманности якутской администрацией проведения этой экспедиции, адекватном понимании возможных ситуаций на маршруте следования, знания правов служилых людей. В документе выделялось два этапа похода: первый – от Якутска до р. Зее и проведение мероприятий на Зее, второй – деятельность на Шилке. Давая четкое описание маршрута следования, вместе с тем, авторы наказа рассматривали разные варианты по срокам прохождения этого пути и в зависимости от этого места зимовок, условия перехода через волоки. Также давались рекомендации как действовать при установлении отношений с местным населением мирным и немирным путем. Большое внимание уделялось мерам безопасности отряда, строгому соблюдению норм поведения и существовавших запретов в быту, оговаривался круг полномочий и обязанностей В. Пояркова. Разработка в документе отмеченного выше круга вопросов показывает, что местные власти имели уже достаточно большой практический опыт и отработанные методы покорения новых территорий.

Освещение же в наказе вопросов, связанных с рудным делом, свидетельствует о весьма приблизительном представлении местных властей как действовать в данной сфере. Цель похода В. Пояркова определялась в наказе следующим образом: «Итить на Зию и Шилку реку для Государева Царева и Великаго Князя, Михаила Федоровича, всяя Русни, ясачнаго сбору и принску вновь неясачных людей и для серебряной и медной и свинцовой руды и хлеба». При этом, определяя состав отряда, воевода не оговорил, есть ли в нем специалист по горнорудным делам. Согласно наказу с В. Поярковым отправились 112 «старых и новых жалованных» служилых людей, 15 «охотников» (т. е. те, кто пошел по своей инициативе без государева жалования, скорее всего, это были промышленные люди), 2 целовальника (для учета казенных денег и пушнины) и кузнец. На пути следования служилым людям предстояло строить остроги и суда.

После объясачивания населения на Зее и возведения там острога отряд должен был следовать на Шилку. И далее в наказе рассматривались две ситуации с обнаружением руд. Если месторождения серебра и меди находились недалеко от Зеи и, по мнению В. Пояркова, до той руды можно было пойти и ею завладеть, то он должен был, «пришел к серебряной руде, ост-

¹¹ История Сибири. Т. 2. С. 52.

рог поставить и укрепитца всякими крепостями ... и серебрянные руды велеть при себе весом плавить, и сколько руды весом будет, и то записать, и *серебро велеть безпрестанно плавить на Государя»* (курсив – авт.). Возможно, давая такие легковесные рекомендации, П. Головин рассчитывал, что землепроходцы придут уже к известному месторождению, где местными жителями уже налажено производство. Также В. Поярков должен был при-слать в Якутск два пуда или «сколько можно» серебрянной руды для опыта.

В наказной памяти рассматривалась и другая ситуация. Если источник серебра находился далеко от Зеи, а Зея окажется «людна гораздо, и людей будет вскоре на Зие реке под Государеву руку привести не мочно», то Василий должен был оставаться на Зее, сообщить в Якутск и ждать указа¹².

Отряд В. Пояркова был в походе около трех лет. За это время поярковцы разведали земли по р. Зее, Амуру и их притокам, познакомились с уил-лагами, баягирами и доптыулами. Захваченные аманаты единодушно свидетельствовали о том, что «на Зие, на Шилке, на Шунгале реке и на Амуре и по сторонним речкам ... серебрянные и медные и свинцовые руды и синие краски, чем кумачи красят, нет и серебро не родится и камок и кумачей не делают». Все это местные жители меняли на соболей у хана Борбоя (Богдоя)*, который жил «ордой» за Камнем (Алданский хребет?) по р. Худынке, «за Шилку конем ехать шесть недель». Хан, в свою очередь, посылал соболей в Китайское государство в обмен на серебро, медь, олово и другие товары. Не подтвердилось сообщение и о месторождениях серебра во владениях князя Лавкая¹³. Возможно, слухи о серебрянной руде на Шилке явились отзвуком реальных событий. Позже, в 1676 г., нерчинские служилые люди нашли в бассейне р. Аргуни старые разработки серебрянного рудника.

В 1647 – 1648 гг. служилыми людьми Василием Юрьевым и Алексеем Оленем был обследован другой путь на Амур – с р. Олекмы по Тугирскому волоку. В 1649 г. им воспользовался Ерофей Хабаров-Святицкий (Рис. 9. Форзац П). Его поход, материально поддержанный якутским воеводой Д. Францбековым, привлек много «охочих» людей и завершился официальным присоединением Приамурья к России. На протяжении 1650 – 1653 гг. Е. Хабаров со своим отрядом находились на Амуре. Кстати, в войске Е. Хабарова был рудознатец и серебрянных дел мастер Федор Иванов Серебряник¹⁴. Независимые даурские князцы оказали русским сопротивление. Около 1650/51 г. в одном из боев служилые люди захватили «шилгиневых»**

* Позже, в 1650 / 51 г. во время зимовки в Албазине Е. Хабаров выяснил, что Богдоя как реального исторического лица не было, а существовала «земля Богдойская», которой управлял Шамшакал. См.: Леонтьева Г. А. Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., 1991. С. 65.

** Очевидно, речь идет о представителях маньчжурского племени шингалов, проживавших на р. Сунгари.

¹² ЧОИДР. 1861. Кн. 1. Отд. V. С. 1-14.

¹³ ДАИ. Т. III. С. 50-53.

¹⁴ Леонтьева Г. А. Землепроходец Е. П. Хабаров. М., 1991. С. 81.

княжеских сыновей Араула, Мазегу, Гаї-Тимура и Тыгичея. В их распросных речах, в частности, говорилось: «...сверх Шилки реки и по Амуру вниз живут городами даурские князцы, а ясак по вся годы платят богдойскому царю Шамша-кану, а у богдойского де Шамша-кана царя на Силлиме реке гора, а в той горе руда серебряная. Да тут же де на Силлиме живут люди азары, а делают золото и серебро»¹⁵. Эти распросные речи были отосланы воеводой Д. Францбековым в Москву.

В 1651/52 г. «по тем распросным речам» из Москвы был послан в Даурскую землю дворянин Дмитрий Зиновьев со 150 служилыми людьми. В марте 1652 г. по столице ходили слухи, что Францбеков послал в Москву «для пробы всякаго рода руды, которые содержат в себе частью золото, частью серебро, которые он нашел за Сибирью по направлению к Китаю». Об этом сообщал в своем донесении от 23 марта 1652 г. шведский резидент Родес королеве Христине. В своем послании он рассказывал, что якобы в том же районе Францбеков завоевал два города, из которых бежали все жители, узнав о прибытии воеводы. Между тем жители этих городов вели торговлю с китайцами. «Поэтому, — писал Родес, — здесь (в Москве — *авт.*) приняли решение отправить туда значительную часть немецких офицеров и полк Рольцкаго, который в течение 3 – 4 недель составил полк драгун из 1200 человек, над ними имеет командование князь Иван Иванович Лобанов, который получил назначение помогать Францбекову, а также проникнуть глубже в эту самую страну». Далее шведский агент сообщал, что эти начинания через некоторое время затихли. По его мнению, ситуация на восточных рубежах была лишь предлогом, на самом деле русские готовились к войне с Польшей¹⁶. Трудно сказать имели ли эти сведения Родеса реальную основу, тем не менее, очевидно, что в столице обсуждалась идея посылки на восток воинских соединений. Возможно, на данном этапе все ограничилось посылкой отряда под началом Д. Зиновьева. Перед ним стояли две задачи: 1) осуществление ряда административно-хозяйственных мероприятий, поскольку Даурия стала частью России; 2) выяснить возможность принятия Шамшаканом российского подданства и как добраться до Китая¹⁷.

По мнению В. А. Александрова, Д. Зиновьев ехал на Амур, облеченный фактически воеводскими полномочиями. По распоряжению из Сибирского приказа из гарнизонов сибирских городов к нему были отправлены еще 150 человек, а также присоединилось 30 охочих людей. В конце августа 1653 г. в устье р. Зен Д. Зиновьев встретился с Е. Хабаровым. Мы не будем останавливаться на описании деятельности Д. Зиновьева на Амуре, где он пробыл всего 3 недели. Это ярко показано в монографии

¹⁵ Наказ А. Ф. Пашкову на воеводство в Даурской земле 1655 г. // РИБ. СПб., 1894. С. 2

¹⁶ Куриц Б. Г. Состояние России в 1650 – 1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1914. С. 99.

¹⁷ Леонтьева Г. А. Землепроходец Е. П. Хабаров. С. 96.

Г. А. Леонтьевой «Землепроходец Е. П. Хабаров» (М., 1991). Отметим лишь, что Д. Зиновьев отстранил знаменитого землепроходца от должности приказного человека и препроводил в Москву для отчета.

В декабре 1654 г. Д. Зиновьев доложил в Сибирском приказе, что дошел до «рубсжа Дючерской земли на р. Шилке». Даурские иноземцы били ему челом, что хотят «под высокую царскую руку» лишь бы их не грабили и оберегали от богдойского царя Андри-кана. По свидетельствам местных жителей и Е. Хабарова, в Даурии, в землях дючеров и гыляков, серебряной и золотой руды нет, «не родитца» золото и серебро и в Богдойской земле, а «слухом слышали, что родитца в Никанском царстве у никанского царя» и оттуда уже поступает в Богдойскую землю. По этим сообщениям Д. Зиновьев послал в Богдойскую и Никанскую земли к царям Третьяка Чечигина¹⁸.

До маньчжурских рубежей отряд Т. Чечигина должны были проводить дючерские князцы Ортока и Есюня. В 1654 – 1656 гг. по указу богдойских правителей амурское население стали насильственно переселять на территорию Маньчжурии. Ситуация на Амуре была крайне напряженной. В обстановке угроз со стороны маньчжуров дючерские князцы не рискнули продолжать с русскими дружеские отношения и «вести богдойскому царю про посланников не дали», убили Т. Чечигина с товарищами у себя в улусе. Грамота, отправленная с ними к царю Шамшакану (маньчжурскому императору Шуньчжи, захватившему власть в Китае), так и не была доставлена по назначению¹⁹. Маньчжурской династии Цин с помощью военной силы удалось задержать в 1650-х гг. распространение русской колонизации по Амуре и спровоцировать выступление коренного населения в районе Шилки. Однако в 1660-х гг. маньчжурские войска, насильственно переселившие в долину р. Сунгари дауров и дючеров, ушли с Амуре, и русское население возобновило сельскохозяйственное освоение опустевших приамурских земель от Нерчинска (1658 г.) до Албазина (1665 г.) и устья р. Зеи²⁰.

Одновременно с якутскими властями велся поиск путей в Китай и енисейская администрация. Сведения об обменных операциях южных соседей тунгусов с Китаем русские землепроходцы получали и раньше. Еще в 1640/41 г. была составлена Чертежная роспись притоков р. Лены в ее верхнем течении, пашенных мест, расстояний между устьями рек, со сведениями о местном населении. При составлении этого документа использовались рассказы тунгусов, сообщавших о кочевниках «мугалах» (монгольские племена), которые жили по «реке Селенге, идучи от Ламы (Байкала) с правую сторону, ... да тою же рекою Селенгою ходят в Китайское государство». Рассказывали тунгусы и о некоей реке, которая «течет в Китайское государство, а имени тунгусы той реке не ведают. Да на той же реке мугалы

---

¹⁸ РИБ. Т. 15. С. 3.

¹⁹ Леонтьева Г. А. Землепроходец Е. П. Хабаров. С. 108-109.

²⁰ История Сибири. Т. 2. С. 53-54.

емлют серебряную руду; а у той руды серебряной на той же реке стоит Китайсково государства порубежной город, а серебро в Браты (к бурятам) идет из Мугал; а покупают брацкие люди то серебро у мугал на соболи»²¹.

Енисейские воеводы занялись проверкой этих сведений и обследованием юго-западных районов Забайкалья и земель вокруг озера Байкал. В начале 1640-х гг. в Енисейске были известны пути в Приамурье через Байкал, по р. Баргузину, на Еравнинское озеро и далее к Шилке. Именно этой дорогой отправились сын боярский Иван Похабов и атаман Василий Колесников со служилыми и «охочими» людьми²² (Рис. 9. Форзац I).

В 1644 г. И. Похабов был послан в Братский острог на государеву службу. В 1645/46 г. братские люди (буряты) «учинились не послушны» и перестали давать ясак сполна. Енисейский воевода Ф. Уваров и подьячий В. Шнилькин послали усмирить «тех ослушников» И. Похабова, а заодно поручали ему «приискывать новые земли и серебряные руды». «Проведывая о серебряной руде», И. Похабов дошел до монгольских владений и даже смог вступить в переговоры с Цецен-ханом. Последний сказал, что серебряной руды у него нет, а есть в Китайском государстве у царя Богдоя, «а емлют де за морем» и в другом месте – «в старом Китае у Садума царя, а копают де руду в горе, а сторожа у тое горы по 500 человек, и царевич де тое руды надсматривает». По сведениям Цецен-хана, путь до Богдоя и обратно до «мугал» занимал месяц, а от Богдоя до Садума – три месяца. Иван просил монгольского хана пропустить его к Богдою, но этого не произошло²³.

В том же 1644 г. из Енисейского острога был послан Василий Колесников «для государева ясачнова сбора и прииска новых ясачных земель, для проводывания озера Байкал про серебро и серебряную руду». Ему удалось привести к ясачному платежу тунгусских князцов по Верхней Ангаре, на устье этой реки был построен острог. В верховьях Ангары Колесников взял в аманаты тунгусских князцов Котегу и Мукотю. Как сообщал в отписке в Москву от 14 ноября 1646 г. енисейский воевода Ф. Уваров, сначала аманаты давали противоречивые показания. То они говорили, что «серебра знают много и хотят тем серебром и серебряною рудою на весну промыслять» и доведут до тех мест служилых людей, то заявляли, что такой руды не знают. В одном из допесений в Енисейск Колесников сообщил, что князец Котега все-таки знает, «где подлинно родитца» серебряная руда и серебро делают. Это место находится недалеко от Еравнинского озера в сторону верховья Селенги, «а владеет де тем местом мунгальские земли князец Кан Маркан, а с ним де многие мунгальские и брацкие люди». Котега предлагал Колесникову отпустить его

²¹ Открытия русских землепроходцев... С. 106-110.

²² История Сибири. Т. 2. С. 52.

²³ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 227. Л. 84-103.

из аманатов и тогда он принесет ему той серебряной руды. Приведя аманата к шерти, Василий отпустил князца с четырьмя служилыми людьми за рудой, взяв в заложники его жену с сыном. По первому внешнему пути 1647 г. Колесников отправился на устье р. Баргузина встречать Котегу.

В конце сентября 1647 г. отряд В. Колесникова вернулся в Енисейск. Уже другой енисейский воевода Ф. Полибин отправил в Москву В. Колесникова с привезенной из Ангарского острожка пушнной и отчетом о результатах разведки серебра. Группа*, отправленная с Котегой по Баргузину и Селенге, добралась до монгольских владений и смогла установить дружественные отношения с князцом Турухой Табуном**. Как и Цецен-хан, Турухай рассказал, что серебряная и золотая руда поступает к нему от царя Богды в необходимом количестве за подарки. В знак уважения к московскому царю Турухай послал со служилыми людьми кусочек золота, серебряные чашку и тарелку и велел сказать государю «про ту золотую и серебряную руду, что из тое руды золото и серебро родитца таково, которое к тебе, государю, послано».

Турухай отправил к Колесникову вместе со служилыми людьми своих проводников и предлагал выслать с ними обратно группу служилых людей, которым хотел дать золотой и серебряной руды, из которой выплавляли драгоценные металлы. Таким образом, монгольские ханы были готовы стать посредниками между маньчжурами и русскими в получении серебра и золота.

Колесников послал к Турухаю казачьего десятника Якова Кулакова, «новоприборного охотника» Василия Власьева и толмача Ганьку Семенова. Однако их уже Колесников на Ангаре не дождался и вернулся в Енисейск. К моменту отправки станицы В. Колесникова в Москву от группы Я. Кулакова по-прежнему не было известий. На весну следующего года воевода Ф. Полибин планировал послать на Байкал сына боярского в сопровождении ходившего с Котегой Константина Иванова²⁴.

Этим сыном боярским стал Иван Галкин. По предложению В. Колесникова весной 1648 г. он был послан с 60 служилыми людьми для сбора ясака, «проведывания немирных землиц и про золотую и серебряную руду» и призыва к ясачному платежу князцов, проживавших по р. Баргузин и Еравнинскому озеру (Рис. 9). Этот отряд должен был укрепить Ангарский острожек, поставить новый острог на устье Баргузина, а также разузнать более точно возможные пути в Китай, «сколько ходу от мунгальского царя до Китайского государства, где сказывают землю, золотую и серебряную руду». И. Галкину поручалось дальнейшее развитие контактов с мон-

* В ее составе были десятник Константин Иванов, «новоприборный охочий человек» Иван Артемьев (в 1647 г. будет послан с В. Колесниковым в Москву) и служилый человек Иван Самойлов (умер во время похода в Монголии).

** Речь идет о главе табуиутов Северной Монголии Турухае Табунаге, зяте Цецен-хана.

²⁴ ДЛД. Т. III. СПб., 1848. С. 108-111.

гольскими ханами Цеценом и Турухаем и по возможности добраться до Богдоя. Вместе с тем, отряд должен был проводить сбор сведений у местных жителей о том, «где они золото и серебро емлют, сами ли из руды плавят, и где тое руду емлют, и в котором государстве, и на коих реках или горах, и как те зовут урочища или из иных государств то серебро и золото к ним привозят плавленное». И. Галкину предписывалось проверять все полученные сведения о руде, посылая служилых людей досматривать те места, составлять их описание и брать пробы породы для опытов²⁵. Построив Баргузинский острог, И. Галкин привел в русское подданство тунгусское население, жившее в верховьях Витима, у озер Еравнинских и Буженый и по р. Маме; в 1652 г. возник Баунтовский острог²⁶. Очевидно, получить какие-либо сведения о рудных месторождениях И. Галкину не удалось.

Укрепившись на берегах Баргузина, енисейские служилые люди продолжали продвигаться на юг и юго-восток. Следующей их задачей было закрепиться на р. Шилке. В 1652 – 1653 гг. сотник Петр Бекетов с отрядом енисейских служилых людей поднялся вверх по р. Ангаре и ее притоку Осе, затем по р. Селенге. На водоразделе рек Хилок и Ингода и озера Иргень он основал Иргенский острог, а затем отправил казачьего десятника М. Уразова в устье р. Нерчи. Весной 1654 г. отряд П. Бекетова добрался до р. Шилки, но закрепиться там они не смогли, были изгнаны тунгусами. После чего сам П. Бекетов и его казаки не стали возвращаться в Енисейск, а ушли на Амур и присоединились к войску Онуфрия Степанова, официального преемника Е. Хабарова. Перед П. Бекетовым также ставилась задача сбора сведений о серебряной руде, и, видимо, он пытался выполнить это поручение. Сохранилось фольклорное предание, записанное в середине XX в., «по то как он (т. е. П. Бекетов – *авт.*) на Нерче серебро открыл». Таким образом, народная молва ошибочно приписала ему открытие нерчинских серебро-свинцовых рудников²⁷.

Поиски рудных месторождений на осваиваемых землях

Пока служилые и промышленные люди разведывали новые земли на востоке, вокруг острогов, основанных в конце XVI – в первой четверти XVII вв., складывалось постоянное русское население, шло земледельческое и промысловое освоение уездной округи, новопоселенцы постепенно изучали местность. Начался процесс не только сбора рассказов и слухов о рудных залежах, но и знакомства с образцами необычных пород, которые стали приносить люди.

Распространение железного промысла, как более знакомого и доступного, способствовало началу интенсивных поисков медных руд и слюды

²⁵ СПФ ААН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 201-205.

²⁶ История Сибири. Т. 2. С. 53.

²⁷ Там же; ДЛИ. Т. III. С. 390; *Вершинин Е. В.* Землепроходец Петр Иванович Бекетов // Отечественная история. 2003. № 5. С. 42-43.

в Верхотурском уезде. В 1628 г. тагильский папешный крестьянин Илимко Степанов и усольский «оконичник» Семен Осипов ездили за слюдой от своей деревни вверх по р. Тагилу. Слюдяное место «в берегу от реки вышиною в пояс, не в один слой» им показал вогулятин Телянко. С. Осипов должен был определить ее качество, а если получится, накопать 50 – 60 пудов и вывезти в Верхотурье²⁸. Месторождение слюды, которое было обнаружено в верховьях Тагила, потом неоднократно посещалось в течение всего столетия, послужило ориентиром в определении места поисков медной и железной руды.

Первые сведения о горных богатствах края русские получали от местного населения. Вогулы не только показывали возможные места залегания полезных ископаемых, но и делились своим знанием о далеком прошлом. Например, в июне 1634 г. служивший на Чусовской заставе верхотурский стрелец Михаил Кириллин и ясачный вогул Баймурат Тайбердеев из Чусовских Кошчиковых юрт нашли в горе на берегу реки Серебрянки, притока Чусовой, мелкие камни, которые по их представлениям содержали руду, правда, какую они не ведали. Свою находку стрелец и вогул принесли в верхотурскую съезжую избу. При этом Баймурат рассказал, что слышал от отца и старожил, что в тех местах «в старицу живали чудь, а люди де они были богатые, делали золото и серебро и олово, а в коих местех на дело руду имали, и то де у них ис памяти вышло, потому что задавнело».

Верхотурский воевода Д. Милославский и подьячий И. Селетцын довольно грамотно организовали изучение данной ситуации. Они сразу же стали выяснять у Баймурата не посят ли вогулы какие-либо украшения «старинного дела». По словам Баймурата у его соплеменников таких предметов не было, потому что, «как чудские люди делали, то давно было». Следующим шагом была посылка М. Кириллина и Б. Тайбердеева к месту находки с целью его подробного описания. При этом они должны были «рассмотреть гору, нет ли на той горе ям или кузничных мест или угля, либо встарь не той горы какое дело бывало». Также поисковикам было наказано расспросить вогулов, живших в тех местах, не помнят ли они, а может быть, слышали от старожил «дельвали ли ис той горы в старицу что-нибудь», не осталось ли каких-нибудь изделий у вогулов. В завершении всего М. Кириллин и Б. Тайбердеев должны были из горы «уломать камень» и привезти в Верхотурье. Никаких следов старинных разработок на той горе поисковики не обнаружили, наломанный камень был отправлен в Москву²⁹.

Первым из администраторов, кто целенаправленно занялся поиском медной руды, был верхотурский воевода М. Стрешнев. Попадая на воевод-

²⁸ СПФ ААН. Ф. 21 Оп. 4. Д. 2. Л. 142-143.

²⁹ РГАДА. Ф. 214. Д. 656. Л. 440-444. Благодарим Е. В. Вершинина за предоставленный материал.

ство в Сибирь, многие представители администрации стремились совместить получение личной выгоды и речение государеву делу. Как отметил Е. В. Вершинин, в основном воеводы выбирали традиционные, проверенные в условиях колонизуемого края, пути решения этой задачи — объясачивание вновь выявленного аборигенного населения, увеличение повинностей черносошных крестьян и посадского населения³⁰. Широко использовал опыт своих коллег и верхотурский воевода Максим Федорович Стрешнев. Злоупотребления на этом посту в конечном итоге привели его к скандальному выдворению из Верхотурья в 1646 г. Вместе с тем, М. Ф. Стрешнев, будучи человеком деятельным и предприимчивым, попытался выйти за рамки привычного государева наказа воеводам и проявил инициативу в поисках новых источников прибыли казны — разведке рудных богатств, причем таких, которые имели первостепенное значение для государства.

Он прибыл на воеводство в начале 1644 г. вместе с подьячим Максимом Лихачевым. В начале 1645 г. М. Стрешнев сообщил в Москву о своих попытках изысканий медной руды в Верхотурском уезде³¹. В съезжей избе после предыдущей администрации, князя Н. Мецгерского и подьячего С. Звягина, он нашел необычный камень весом в 7 золотников. Служилому человеку, серебрянику Кузьме Сафьянову было велено камень «опытать». При опыте присутствовал верхотурский сын боярский Панкратий Перхуров. Он положил в плавильню вместе с камнем 4 денги. В итоге получилось «из того камня по весу два алтына без денги меди, и с тем что сын боярской четыре денги прибавил».

Вдохновленный результатами первого опыта М. Стрешнев отправил своих сыновей Петра и Григория в Невьянскую и Ирбитскую волости Верхотурского уезда для поиска медной руды. По сказкам местных крестьян Стрешневы нашли руду в нескольких местах, сами проводили опыты и выплавляли из 5 гривенок (1025 г) 7 золотников (около 30 г) меди. Верхотурский пашенный крестьянин Малафейко Тимофеев передал Петру и Григорию «рудные признаки, три камня».

С результатами проведенных опытов и 11 мешками руды, найденной в Невьянской волости, в Москву был отправлен Григорий Стрешнев. Из Сибирского приказа все привезенное было передано для экспертизы в приказ Большой казны боярину Ф. И. Шереметеву, И. Матюшину и дьяку Н. Чистому.

В приказе Большой казны руду осмотрели водовзводный мастер Христофор Головей* и плавильщик англичанин Рыцарь (Ричард) Штиль. В шести привезенных мешках оказался колчедан. Содержимое остальных пяти мешков заинтересовало мастеров. Там были «камень крепок с зеленью, ка-

* Х. Головей жил в России с 1621 г. и считался специалистом по рудознатному делу, в 1644 г. его посылали искать серебряную руду.

³⁰ См.: Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири (XVII век).

³¹ АИ. Т. III. СПб., 1841. С. 403-404.

мень желтоват с искрою и мураном зелен с искрами». Плавильщик Рыцарь провел опыты и дал заключение, что «из того камня меди не будет».

Несмотря на отрицательный результат, инициатива М. Стрешнева была поддержана центральными властями. Указом царя Михаила Федоровича от 16 апреля 1645 г. ему было предписано «в Верхотурском уезде в тех местех, где имана руда, донскиваться медные руды жилл небольшими росходы». Однако вместе с указом из Москвы не отправили в Верхотурье иностранных специалистов, а ограничились лишь присылкой образца медной руды, полученной «из иных русских мест, а не из Сибири». Согласно указу опыты должен был проводить все тот же серебряник Кузьма Сафьянов, рекомендовалось копать, «идя вглубь теми обычан, как копали колодези». В Москву необходимо было докладывать о всех результатах поисков, в том числе и отрицательных.

Очевидно, не дождавшись ответа из Москвы, М. Ф. Стрешнев летом 1645 г. отправил своих сыновей на поиски медной руды. В верховьях р. Тагил они взяли «меденые руды камень» и сами без мастера провели опыт. И вновь Максим Федорович отправил в Сибирский приказ два мешка привезенной породы и результаты опыта. Это было сделано до того, как в Верхотурье пришло известие о кончине царя Михаила Федоровича. Отписка Стрешнева была адресована на его имя, а рассматривалась уже при молодом царе³². В приказе Большой казны была проведена экспертиза содержимого присланных мешков. Как отмечалось в памяти за приписью дьяка Назара Чистого, «выплавлено из лутчие руды, из чети фунта (100 г) меди золотник (4 г), скупю». Проводились опыты и с плохой рудой.

Указом царя Алексея Михайловича от 4 декабря 1645 г. подтверждалось предписание М. Стрешневу «однолично б есте в Верхотурском уезде меденую руду сыскивали всякими мерами». Власть решила оказать более действенную (по сравнению с распоряжением Михаила Федоровича от 16 апреля 1645 г.) помощь начинаниям Стрешнева. С Пыскорского завода в Верхотурье предполагалось прислать плавильщиков Александра Иванова Тумашева и Семена Колокольниковка, а также подплавильщиков. На период службы у Стрешнева, они должны были получать жалование в Верхотурье. Также грамотой предписывалось: «а к тому меденому опыту будет плавильщиком надобно каких спастей или кузнецов, или иных каких работных людей: и вы б велели им то все давать тотчас, чтоб у них той меди опыт ни за чем не стал». За свою инициативу Максим Федорович с сыновьями спискали похвалу государя и указание, чтоб они «и впредь радели и промышляли по нашему (т. е. царскому – *авт.*) указу и о том, о всем к нам (т. е. государю – *авт.*) писали подлинно».

В Соль Камскую был напращен царский указ от 13 января 1646 г. о посылке с Пыскорского завода в Верхотурье «для сыску и опыту меде-

³² АИ. Т. IV. СПб., С. 32.

ные руды» двух лучших мастеров – плавильщиков и подплавильщика. Но царский указ не был выполнен полностью. В «Описи Верхотурской архивы» из фондов Миллера упоминается переписка М. Стрешнева и управляющего Пыскорским заводом Ю. В. Телепнева о посылке и приезде на Верхотурье только одного плавильщика и подплавильщика³³.

2 июля 1646 г. из Верхотурья на поиски рудных месторождений отправилась экспедиция во главе с Григорием и Петром Стрешневыми. С ними были посланы приехавший по государеву указу подплавильщик Данило Володимеров Кашинец, подъячий съезжей избы Второв Истомирин, мельник государственной Неромской мельницы Клим Михайлов, винокур Антон Зиновьев (в свое время последним двум довелось поработать на Григоровой горе «у государственной медные руды») и люди воеводы Афанасий Лукьянов и Василий Татарин «с товарищи, 10 человек». Как было предписано царским указом, в первую очередь, разведку необходимо было провести в том месте, откуда была взята присланная в Москву руда. Группа отправилась на гору в верховьях р. Тагил. Были проведены горные работы. Но шахту удалось пробить только на 2 – 3 сажени, так как «пришел камень крепкой». К. Михайлов и А. Зиновьев пытались крепить ее дранью. В своей отписке в Москву М. Стрешнев сетовал на нехватку горных мастеров и малолюдство. Из шахт взяли камень на экспертизу.

1 августа на Верхотурье в присутствии воеводы Д. Кашинец провел два опыта. Из 5 гривенок (1025 г) руды в первом случае вышло четь фунта (102 г) чистой меди, во второй раз – 12 золотников (51 г). 4 сентября М. Стрешнев отправил в Москву отчет, результаты опытов в 2 мешках за верхотурской печатью и мельника К. Михайлова как очевидца событий³⁴.

В отписке М. Стрешнева о событиях июля-августа 1646 г. отсутствует упоминание об участии в них плавильщика. Вместе с Д. Кашинецем на Верхотурье был прислан рудный мастер Семен Колокольников. Но, видимо, из-за болезни он не смог принять участие в летней экспедиции. Осенью С. Колокольников скончался. После проведения опыта Д. Кашинец был отпущен из Верхотурья обратно на Григорову гору. О проведении опытной плавки и последних событиях М. Стрешнев сообщил Ю. Телепневу³⁵.

Результаты летней экспедиции явно не оправдали ожиданий Максима Федоровича. А ему был крайне необходим грандиозный успех в этом деле. В результате многочисленных жалоб жителей Верхотурья «на государствение» М. Стрешнева весной 1646 г. глава Сибирского приказа Н. И. Одоевский поручил тобольскому воеводе И. И. Салтыкову провести в Верхотурье повальный сыск, а чтобы Стрешневы не мешали следст-

³³ Актовые источники по истории России и Сибири XVI – XVIII вв. в фондах Г. Ф. Миллера. Т. 1. Новосибирск, 1993. С. 29.

³⁴ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 36.

³⁵ Там же. Д. 48.

вию выслать их в Туринск. Но как видно из вышеизложенных событий, они в ссылку не поехали, а занялись поиском медной руды. И. И. Салтыков со скандалом покинул Верхотурье. В середине октября 1646 г. узнав о происшедшем, новый глава Сибирского приказа А. Н. Трубецкой приказал провести сыск «накрепко». Стрешневых с большими усилиями проводили в Москву в конце 1646 г.³⁶

Конечно, М. Ф. Стрешнев прекрасно понимал, что конфликтом с И. И. Салтыковым дело для него не закончится, и нахождение богатого месторождения медной руды оказалось бы весьма кстати. Он стал добиваться присылки в Верхотурье А. И. Тумашева (того самого, который обеспечил успех экспедиции В. И. Стрешнева). Но управляющий Пысдорским заводом Ю. Телешев ответил отказом, ссылаясь на то, что плавильщик стоит на правее вместе с целовальником Василием Саломатовым за растрату 87 руб. 50 коп. заводских казенных денег³⁷.

М. Ф. Стрешневу было не суждено дожидаться А. Тумашева в Верхотурье. Плавильщик приехал уже при новом воеводе Б. С. Дворянинове. Однако Борису Семеновичу не хватило энергии М. Стрешнева (а, может быть, желанья), чтобы организовать горноразведывательное дело. Постоянно стали возникать какие-то препятствия, бумажная волокита.

Когда приехал А. Тумашев, Б. С. Дворянинов послал в Москву запрос, сколько плавильщику платить кормовых денег, хотя в грамоте от 4 декабря 1645 г., присланной еще М. Стрешневу, говорилось: «Олександрю Иванову корму на месяц по четыре рубли»³⁸. Через некоторое время А. Тумашев обратился к царю Алексею Михайловичу с челобитной, жалуясь на то, что «ему кормовых денег не производят», и «при рудном деле никаких людей с ним не находится». Александрик написал сказку и воеводе, что «к производству рудакопного потребных материалов и снастей у него не находится». Б. Дворянинов обратился к соликамскому воеводе П. К. Елизарову с просьбой прислать все необходимые для рудного дела снасти и материалы. И получил ответ, что «к рудокопному делу подлежащих снастей и материалов прислать нельзя», потому что целовальники, у которых все это хранится, уехали в Москву³⁹.

К сожалению, не выявлено пока документов, повествующих о развязке этого дела. Можно лишь предполагать, что оно не получило дальнейшего развития. Александру Тумашеву не дали возможности провести поисковые работы. Он оказался в одиночестве, но смог собрать кое-какую информацию о возможных рудных месторождениях в Верхотурском уез-

³⁶ Александров В. А., Покровский Н. И. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 259-264.

³⁷ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972. С. 240-241.

³⁸ АИ. Т. IV. С. 32.

³⁹ Актовые источники... С. 29.

де. Вскоре он вернулся на Пыскорский завод. В 1648 — 1657 гг., когда казна отказалась от дальнейших разработок соликамских медных рудников, Александр вместе с сыновьями взял Пыскорский завод в аренду. В Верхотурском уезде Тумашевы развернулись в полную силу в конце 1660-х гг.⁴⁰

По более поздним сведениям можно приблизительно определить место, где искали медную руду люди М. Стрешнева. В 1653 г. в съезжую избу к верхотурскому воеводе Л. Т. Измайлову подьячий Григорий Третьяков принес «призначный» камень с места «вверх Тагила реки в горе, где наперед сего имана медная руда близко юрт ясачного вогульского сотника Тетери Яналова⁴¹. Эти же места упоминаются в отписке верхотурского воеводы И. Я. Колтовского 1667 г., посвященной сбору сведений о рудах: «Да на Тагиле объявилась медная руда по извету вогуличей Тетерки да Алыпки»⁴². Таким образом, на протяжении XVII в. главным ориентиром в определении местонахождения горных работ на р. Тагил служила близость к шим вогульских «Тетериных юрт».

Для воеводских администраций восточных районов проблема отсутствия необходимых знаний и специалистов, способных атрибутировать рудные проявления, грамотно провести геологоразведку, количественно определить содержание металлов в породе всегда стояла очень остро. Пожалуй, лишь М. Стрешневу удалось добиться от центральных властей присылки квалифицированных мастеров.

В декабре 1647 г. в енисейскую съезжую избу папшенный крестьянин Константин Харитонов Вороженка принес слиток неизвестной руды, найденной в берегу р. Кети ниже Маковского острога. Воевода Ф. Полибин послал на место, где крестьянин нашел руду, сына боярского И. Галкина и иностранца Ивана Ермиса со служилыми людьми. Они накопили около двух пудов породы и привезли ее в Енисейск. Дальше встала проблема определить что же это за руда. Ф. Полибин собрал в съезжей избе самых авторитетных людей Енисейска — казачьего голову П. Бскетова, таможенного голову Василия Бухрякова, табачного голову Харлама Оконничникова, а также енисейских детей боярских и ссыльных иностранцев. Посмотрев образцы породы, русские служилые люди сказали, что они не знают какая это руда. Иностранцы же И. Ермис и Вилим Бернсл предложили ее вымыть и попробовать переплавить. Ф. Полибин велел им «учинить плавилну, тое руду перед собою им вымыть и с тое руды выбрав лутчие руды, себе оставил», чтобы послать «для опыту» в Москву. Затем иностранцы в присутствии воеводы произвели плавку, и ничего у них из руды не получилось. Ермис и Бернсл объяснили такой результат своим незнанием пла-

⁴⁰ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... С. 241-257.

⁴¹ СПФ ААН Ф. 21. Оп. 4. Д. 2. Л. 274-274 об.

⁴² РГАДА Ф. 214. Оп. 3. Д. 788. Л. 190-197. Благодарим Е. В. Вершинина за предоставленный материал.

вильного дела. Весной 1648 г. вместе с ясачной казной и отписками Ф. Полибин отправил в Сибирский приказ и ящик с четырьмя фунтами (1640 гр.) якобы руды⁴³. В данной ситуации обращает на себя внимание тот факт, что среди приглашенных воеводой в съезжую избу не было кузнеца. Это подтверждает предположения А. Н. Копылова о том, что кузнечное ремесло в начальный период освоения края было развито в Енисейском уезде чрезвычайно слабо, хотя, несомненно, металлообработка производилась. Этого требовали насущные потребности в гвоздях, скобах, косах, серпах и пр. Но, скорее всего, этим попутно занимались умельцы из крестьян и служилых людей. По мнению ученого, металлообработка стала приобретать значение самостоятельной отрасли ремесленного производства с появлением посадских людей в конце 30-40 гг. XVII в.⁴⁴ Однако мы видим, что и в конце 1640-х гг. в Енисейске еще не было кузнецов-ремесленников.

Наличие даже кузнечного мастера не спасало дела с проверкой доставлявшихся воеводам образцов породы. Кузнецы в лучшем случае могли определить железную руду. Подобная ситуация возникла в Красноярске. Там еще в 1636 г. была сделана казенная кузница и был прислан кузнец из Казани Потешка Иванов. Однако он умел делать только «черное дело» — топоры, ральники, косы, серпы и др., но не умел чинить оружие («бронное дело»). Осенью 1653 г. в Красноярск в поисках заработка пришел ссыльный человек Петр Алексеев Дорогобужский (Дорогобуженин), сосланный из Москвы «за вину» в Илимский острог. Оказалось, что он «бронного и пищальных замков новых делать умеет, и всякое черное железное дело делает». По ходатайству красноярцев столичные власти разрешили остаться ему в Красноярске и быть «у государева кузнечного дела в бронных мастерах и поверстать его жалованием»⁴⁵. Правда, уже в мае 1654 г. вместе с другими ссыльными он сбежал. Позже эту группу беглецов нашли в Пустозерском остроге и отправили обратно в Красноярск. До своего побега Петр Дорогобужский успел поучаствовать в проведении рудных опытов⁴⁶.

6 марта 1654 г. к красноярскому воеводе М. Скрыбину пришел пушкарь Иван Обеднин и принес образец «непростово» камня. В 1651/52 г. ходил он в «промышленом» судне из Красноярского острога на хмелевой промысел вверх по Енисею. Проходя близко от берега, Иван увидел на берегу «камень», подумал, что «то камень непростое, что в нем, знать, искры» и прихватил его с собой. Воевода тоже решил, что это камень необычный, велел его истолочь и переплавить в горне кузнецу Петру Дорогобужскому. Как писал М. Скрыбин в своей отписке в Москву, в результате переплавки из той руды «объявилось как олово». После гор-

⁴³ СПФ ААН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 200-201.

⁴⁴ Копылов А. Н. Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск, 1965. С. 121.

⁴⁵ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 4. М., 1959. С. 148.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 344. Ч. 1. Л. 408-408 об.

на он велел перетопить полученное в горшке, «в чем медь льют». По свидетельству воеводы, «из той руды объявилось подобно серебру китайскому, потому что самаво доброво аглинсково олова чище и крепче и ков по виду не оловянной, а русково серебра мяхче».

На то урочище, где был взят камень, М. Скрыбин отправил подьячего Василия Еремеева, а с ним Ивана Обедниина и служилых людей Петра Шорыгина, Шумка Вострово, Пятуньку Парфенова. Подьячему предстояло составить подробное описание и чертеж места находки, выяснить, насколько близко к реке оно «поддалось», и не подмывает ли его водою. Также необходимо было обследовать территорию вокруг. Кроме описания В. Еремеев должен был привести «сколько мочно» руды.

Выполнив задание, группа вернулась в Красноярск 20 марта. М. Скрыбин велел из привезенной Еремеевым руды произвести плавку. Был получен такой же результат, что и в первом случае. Выплавленные слитки весом полтора фунта в двух брусках, пуд переплавленной руды, список доезда и чертеж В. Еремеева были отосланы в Москву с И. Обедниным и служилым человеком Ф. Потылицыным. В своей сопроводительной отписке воевода сетовал на то, что в Красноярске нет настоящих рудознатцев и мастеров, «хто ту руду умел переплавить и розвесть начисто, а только б были в Красноярске прямые рудознатцы и к такому делу подлинно знать, коним обычаем из руды плавить достатошны, и в том месте чаят и иные руды, а в Красноярске таких мастеров нет и того знать некому и о том, что ты, государь, укажешь».

В этом же документе М. Скрыбин сообщал в Москву о своих дальнейших планах. Летом, когда «в Енисее сольют с берегов верхние большие воды», он собирался на то место, где была найдена руда, послать отряд служилых людей. Поскольку это урочище находилось на Киргизских землях, то служилые должны были сделать вид, что они идут с неводами на рыбный промысел, «чтоб в киргиской земле иноземцом было не призначно», придя на место, подождать, когда рядом никого не будет и «всю руду у берегу собрать в струги, не мешкав, чтоб иноземцом было не ведомо, и привести в Красноярск».

Такие меры предосторожности объяснялись тем, что около того места постоянно кочевали киргизы, в полуторах днях езды находилась Тубинская земля, а до Саянского камня, за которым кочевали люди монгольского Алтын-хана, было 7 дней езды. В 1652/53 г. Алтын-хан приходил с 5000 воинских людей в киргизские земли и стоял выше того места, где была найдена руда, в половине дня пути. Красноярские власти считали, что рудное месторождение должно было заинтересовать инородцев, так как «в Киргиской, в Тубинской, в Алтырской, в Керетцкой землях серебряных мастеров, которые из китайского серебра узды делают и по железу набивают, добре много». М. Скрыбин писал, что в целях же соблюдения секретности он не поставил у того места сторожей, да и собственно посылать в караул было некого, все служилые были заняты на разных государевых службах.

Лишь к середине декабря 1654 г. станица И. Обеднина добралась до Москвы. Уже столичными мастерами были проведены опыты с красноярской рудой. Воеводе М. Скрябину было отписано, что «по опыту олова и свинцу нисколько не объявилось». На сообщение, что в Красноярске нет необходимых для рудного дела специалистов, реакции не последовало. Лишь напоминалось воеводе, «чтобы сыскивал руды оловянные и свинцовые и медные прямее, а, сыскав, велел опыт чинить при себе, а того смотрел накрепко, чтоб с тою пору как опыт учинит то чего в горне не примешалось, ... а сысканую руду и опыт потому ж присылал к Москве», а тем, кто найдет руду, обещалось «государево большое жалованье»⁴⁷.

Отсутствие мастеров-плавильщиков было проблемой и для якутского воеводы. Не ранее июля 1662 г. якутский служилый человек Михаил Шавр был послан на р. Оленек для сбора ясака. И там он узнал от промышленного человека Тимофея Ушарова, что тот нашел 26 золотников 4 денги (около 151 г) медной руды. Т. Ушаров рассказал, что есть «той руды гора в край реки и в большую де воду знаточные места руды вода поднимет, а в малую де воду та руда обозначиваетца, и в той де горе та руда лежит поясами». Узнав об этом, якутский воевода И. Ф. Голенищев-Кутузов послал камень в Москву, а М. Шавра с 6 человеками — на р. Оленек. Михаил должен был взять с собой промышленных людей, которые дали ему руду и дойти с ними до горы осенним путем того же года. Достигнув указанного места, им предстояло поставить зимовье и, «буде умеют», начать плавить медную руду. Затем Шавр должен был «плавленную медь привести с собою через гору», а в зимовье оставить служилых людей до царского указа. В том случае, если люди Шавра не умеют плавить медь, предписывалось взять 3 – 4 пуда руды, «смотря по тамошнему делу, сколько б было мочно поднять на нартах» и привезти в Якутск. Однако в этом случае у якутского воеводы опять возникала все та же кадровая проблема. В своей отписке от 24 июля 1662 г. И. Голенищев-Кутузов писал: «В Якутском есть железная добрая руда, только на медную и на железную руду плавильщиков нет, и только ты, великий государь, по своему, великаго государя, указу медных и железных плавильщиков укажешь прислать и тебе, великому государю, будет большая прибыль»⁴⁸.

Проблема отсутствия специалистов на местах, способных определить действительно ли это руда, провести необходимые опыты постоянно будет подниматься сибирскими воеводами в переписке с центральными властями на протяжении всего XVII в. Проведение геологоразведок даже на основании собранной информации в конкретных местах служилыми людьми, которые не имели представления, что же они должны найти, было малоэффективно. То, что они привозили воеводам (в большинстве слу-

⁴⁷ Там же. Л. 1-10.

⁴⁸ Открытия землепроходцев... С. 452-453

чаев это была пустая порода), отсылалось в столицу. Из дальних острогов, как правило, почта отвозилась в Москву раз в год вместе с пушниной. Тот же Ф. Полибин в 1647 г. не отправил образцы породы со специальными парочными зимним путем, «чтоб в той посылке государевой казне в корму и в подводах убытку не учинить». На дорогу от Енисейска до Москвы требовалось около 8 месяцев.

Думается, что центральные власти понимали эту проблему, но разрешить ее в то время не могли и искали возможные выходы. В середине XVII в. страна как никогда нуждалась в меди и серебре, в 1654 г. началась война с Польшей. И именно этот год стал определенным этапом в государственной политике в деле поисков месторождений цветных металлов. Была предпринята попытка централизованным путем придать новый импульс геологоразведкам меди за Уральским хребтом.

В нашем распоряжении имеется два документа, по которым можно выяснить содержание планировавшихся мероприятий и их выполнение на местах. Первый документ – это отписка томских воевод Н. Нащокина и А. Болтина царю Алексею Михайловичу, поданная в Сибирском приказе томским сыном боярским Романом Старковым 3 марта 1655 г.⁴⁹ Второй – копия наказной памяти стольнику И. Акинфову, направлявшемуся на воеводство в Енисейск в 1654/55 г., сделанная сотрудниками экспедиции Г. Миллера в XVIII в.⁵⁰

В первой половине 1654 г. в Тобольск был отправлен царский указ и пуд меди для образца. Это была «земляная и верховая»* медь, найденная в Казани и в иных понизовых городах. Согласно первому документу, тобольская администрация должна была отправить треть этого пуда в Томск. В свою очередь, томским воеводам предписывалось «по невелику» московской руды разослать по острогам своего разряда. В наказной памяти И. Акинфову упоминалось, что этот пуд меди предназначался для рассылки «во все сибирские города и остроги» Тобольского и Томского разрядов. Но на территории Сибири в это время существовал и третий разряд – Ленский (с центром в Якутске). Судя по тому, что в Томск должна была быть отправлена только третья часть пуда меди, то логично предположить, что из оставшихся двух третей одна все-таки предназначалась для ленских земель. Вместе с образцами руды воеводы разрядных городов должны были направить соответствующие распоряжения, определенные царским указом.

В наказе И. Акинфову отмечалось, что «наперед сего (т. е. до отправки образца в Сибирь – *авт.*) о руде с Москвы в сибирские города и остроги к воеводам и к дьяком от государя писано, а велено в сибирских городах и острогах руды сыскивать з большим радением». Возможно, крас-

* Речь идет о руде, взятой на глубине и на поверхности.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 344. Ч. 1. Л. 438-441.

⁵⁰ ССПФ ЛАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 22. Л. 339.

ноярский воевода М. Скрыбин как раз уже действовал в описанном выше случае, получив такое распоряжение из Москвы.

Итак, как же должны были действовать томские воеводы, получив государеву грамоту за приписью дьяка Сибирского приказа Третьяка Васильева от 20 мая 1654 г. Им предписывалось для «сыску» медной руды послать в Томский уезд «во многие места» «дворян и детей боярских добрых да с ними рудознатцев и иных мастеровых людей, хто медную руду знает», а также «иноземцов тотар и бухарцов и остяков добрых, которые к тому делу приличны и руду знают же по скольку человек пригоже». Велено было сказать им, чтобы медную руду искали «накрепко с великим радением, и государево «жалованное слово» о том, что кто найдет медь, будет пожалован большим жалованьем. Найденную в уезде руду необходимо было привозить в Томск, а от туда сообщать и присылать опыты в Сибирский приказ. В наказе енисейскому воеводе был отмечен еще один этап – плавка мастерами привезенной руды в Енисейском остроге, а затем уже отправка образцов породы в Москву. На воевод разрядных городов кроме рассылки образцов и предписаний по острогам возлагалась еще одна обязанность. В те остроги, где не было рудознатцев, они должны были отправлять специалистов из разрядного города.

Посмотрим, как томские воеводы выполнили царский указ о повсеместных поисках медной руды. Получив царскую грамоту, они отправили по Томе, Оби, Чулыму, Ушайке и другим рекам детей боярских Юрия Тупальского, Юрия Трапезонского, Павла Рыхлевского, казачьего голову Зиновия Литосова, подьячего Захария Давыдова и служилых людей Семена Шатченина, Василия и Ивана Конаевых, дав им по немногу для образца присланной руды.

Ю. Трапезонский и З. Давыдов привезли с речки Киргизки «камни сырково с ыскрою» из береговой горы, Шатченин и Конаевы – с верховий Оби «земли, выпловков из горы с полуденную сторону, а походило на зеленую медь». Все эти находки без предварительной экспертизы были отправлены в Москву потому что, как писали воеводы, «в Томском опыту ис тех выпловков и ис камня зделать некому, рудознатцев и плавильщиков прямых нет». Тем более их не было в других острогах Томского уезда. На отписке томских воевод в Сибирском приказе была сделана помета: «показать руды в Большой казне». Очевидно, в то время мастера рудного дела были только в приказе Большой казны.

На 1660 – 1670-ые гг. приходится всплеск активности в поисках драгоценных и цветных металлов в уже достаточно освоённом верхотурско-тобольском районе. В мае-июле 1663 г. была организована экспедиция для проверки и оценки сведений, поступивших от чердынского крестьянина, рудознатца Сарапульского уезда М. С. Токарева⁵¹. Из Москвы из Приказа полковника Семена Полтева в Чердынь были направлены три стрельца во главе с Иваном Блиновым. Контроль над ходом работ осуще-

⁵¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 122. Оп. 1. Кн. 3. Д. 936, 937.

ствлялся из приказа Большого двorca. Проезд и подводы обеспечивал Ямской приказ. Чердынскому воеводе М. Голенищеву предписывалось найти серебряного мастера, работников и организовать охрану обнаруженного месторождения. В Чердыни к группе присоединились М. С. Токарев с четырьмя крестьянами, знавшими местонахождение руды, чердынский серебряник Андрей Вятчанин и шестеро пасмных работников во главе с Мокеем Свиреповым. Спасли, которые планировалось купить по пути, получили от чердынского воеводы. От Чердыни маршрут проходил по одному из известных водных путей, выводящих на восточные склоны Северного Урала «за Поманенную гору, меж Вагран озером на болото».

Найденная руда оказалась медной, но ни в Чердыни, ни в окрестных местах, в том числе, по видимому и на Пыскоре, не нашлось мастера умевшего испытать ее. Руда была отправлена в Москву в приказ Большого двorca. Сообщая о результатах поездки группы И. Блинова, чердынский воевода М. Голенищев писал, что не поставил караул около найденного месторождения, так как эта была территория Верхотурского уезда и «место закаменное, пустое».

Со второй половины 60-х гг. XVII в. на Урале был начат планомерный сбор информации о богатствах края путем поголовного опроса воеводами старожилов того или иного района. Сохранились «Распросные речи чердынцев и пермян по государеву указу о горах, озерах, зверях, серебре или меди и прочем на северо-восток от Перми» 1667 г. В данных документах нет свидетельств местных жителей о рудных признаках. В основном они рассказывали о Чусовском озере на севере, и кое-кому было известно о р. Печоре⁵².

Очевидно, в Соликамском уезде удалось получить кое-какие данные. И в 1667/68 г. в Соль Камскую был послан мастер Серебряной палаты Семен Парфенов. В конце сентября 1669 г. в Москве по указанию Приказа Тайных дел саксонский мастер Христиан Дробыш проводил опыты на серебро, в том числе, и с рудой, привезенной «от Соликамска с Чусовой» и с Камы⁵³.

«Урожайными» на паходки полезных ископаемых в Верхотурском уезде были 175 (1666/67) и 176 (1667/68) гг. Так, верхотурский ясачный вогул Демешка Ивашков принес в съезжую избу камень. Верхотурская администрация оказалась в затруднительном положении. В городе не было знатоков, кто бы мог сказать «какой тот камень или руда», и воевода с подьячим положили находку вогула «впросте». Да и Демешка больше не мог найти того места, где взял камень, поэтому воевода И. Я. Колтовский и подьячий В. Богданов сочли, что сообщать в Москву не о чем.

Прошел год, однако о находке Д. Ивашкова верхотурские власти не забыли. Узнав о приезде в Соликамск Семена Парфенова, они послали за ним. В Верхотурье серебряник произвел обжиг того камня, и «по обжигу объявилась серебряная руда». Мастер сказал, что в той руде будет сереб-

⁵² Там же. Д. 939.

⁵³ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 285. Л. 3.

ро. И. Колтовский послал верхотурского стрельца С. Борзунова с товарищем и пятью ясачными людьми искать Д. Ивашкова и руду. Найти вогула не удалось, тем не менее «по признашному камению» поисковики обнаружили руду в горе на р. Лобве и привезли 0,5 пуда породы.

Когда руду принесли в съезжую избу, воевода послал за С. Парфеновым, но тот не явился. Как потом выяснилось, мастер таким образом демонстрировал свою независимость от местной администрации. Тогда И. Колтовский велел «жечь» принесенный камень котельному мастеру. Однако серебряник отнял у него руду и пришел к воеводе «с невежеством», заявив, что он «прислан не по нем (т. е. воеводе – *авт.*), а велено де ему, Семену, делать особно». В своей отписке в Москву И. Колтовский по этому поводу заметил: «А только бы не мы, где было ему сыскать, он только признаку учинил, все было готово»⁵⁴.

При И. Колтовском были продолжены поиски руды на озере Вагране. Туда послали 16 работных людей «для руды» и им было выдано по пуду муки. С. Парфенов также провел опыты с вагранской рудой и сказал, что в ней «ничего не родилось»⁵⁵. В записях опытов на серебро, проведенных в 1669 г. Христианом Дробышем, упоминается и руда «с Верхотурья с Денешкина», из которой по опытам и расчету должно было выходить из пуда 8 золотников чистого серебра (т. е. 0,2%)⁵⁶.

Есть основания полагать, что озеро Вагран и Денешкин камень – это один и тот же район деятельности поисковиков в 60-ые гг. XVII в. На наличие такой связи обратил внимание известный уральский знаток архива Горного управления Н. К. Чупин⁵⁷. В документах исследователь обнаружил сведения о том, что в первые годы XVIII в. чердынские кузнецы, посланные в Нерчинск, сообщали местной администрации о существовании серебряной руды в районе озера Вагран. Это известие было повторено уже в Кунгуре в 1723 г. единственным оставшимся в живых кузнецом Корнилом Кузнецовым. По его словам «кто де оную руду нашел, того он не ведает; только, как сказывают, когда была работа на Григоровой горе, тогда и тут работали иноземцы»⁵⁸. В 1723 г. в верховья реки Вишеры и в район озера Вагран к старым коням ездили бергсоветник Михаэлис и горный офицер Порошин. В этой поездке, по словам последнего, в разных местах испытывалась руда, и находились признаки серебра.

Н. К. Чупин пытался определить легендарное озеро на карте, но уже к XIX в. он встретил на ней только реку Вагран. Обратившись к источникам, исследователь определил, что уже к середине XVIII в. озеро, находившееся

⁵⁴ Там же. Ф. 214. Оп. 3. Д. 788. Л. 190-195.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же. Ф. 27. Оп. 1. Д. 285. Л. 3.

⁵⁷ Чупин Н. К. О начале и развитии горного промысла в Богословском Урале // Горный журнал. 1873 № 1-6. С. 88-108.

⁵⁸ Там же. С. 90.

в верховьях одноименной реки, утратило свое прежнее название и стало называться «Крылышково» от имени проживавшего поблизости вогула. Современное картографирование районов поисков, позволяет подтвердить преемственность поисков, проводившихся в этих местах в XVII-XVIII вв. В то время поиски велись в районе верховьев реки Вагран и Денежкиного камня. По карте это довольно небольшой район обширного края.

В отписке, посланной в Москву в 1667/68 г., верхотурский воевода И. Колтовский и подьячий В. Богданов сообщили о находках медной руды на Тагиле. По указанию воеводы было привезено 2 пуда той руды. С. Парфенов выплавил из пуда 38 золотников меди (около 1%), другой пуд мастер оставил у себя, чтобы отвезти его в Москву. Ходили слухи, что серебряная руда есть на Лысьве. Один из солдат слышал об этом от строгановского крестьянина Р. Тетерина. И. Колтовский хотел послать того солдата к С. Парфенову, но мастер по каким-то причинам отказался, и тогда воевода посадил солдата в тюрьму до указа.

В 1666/67 г. на р. Усьве верхотурский ясачный вогул Тимошка Чаушков нашел камень, «а от него де светитца, что звестки». И. Колтовский послал на то место с вогулом стрельца Грязнова, и они принесли «от того камня небольшое место». Позже воевода показал его С. Парфенову, и мастер «с того камня вычистил искорку, а сказал, что де та искорка камень алмаз»⁵⁹.

В 1669 г. у Х. Дробыша была среди опытных образцов и руда «сибирская из Мурзина»⁶⁰. Мурзинская слобода была основана в 1639 г. в верхнем течении р. Нейвы тобольским сыном боярским Андреем Бужениновым. Именно около этой слободы Д. Тумашев «обыскал цветное камень, в горах хрустали белые, фатисы вишневые и юги зеленые и тунпасы желтые». Летом 1668 г. он привез в Москву эти находки⁶¹. Пока не удалось найти какие-либо данные о находках руды около Мурзинской слободы в то время.

С середины XVII в. начинается интенсивное освоение бассейна р. Исети. По мере заселения края русское население знакомилось с природными ресурсами этой территории, в том числе и с полезными ископаемыми. В 1667/68 г. приказчик Катайского острога М. Тырков прислал на Верхотурье 30 гривенок «желтовых» и мешок руды с Синарского озера. Все это И. Колтовский также отправил в Москву⁶². А Катайский острог вскоре стал перевалочной базой для экспедиций, отправлявшихся на Южный Урал для поисков месторождений серебра.

Первые опыты привезенных в Москву из этого района образцов были удачными. В связи с этим Сибирский приказ попытался активизировать

⁵⁹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 788. Л. 190-195.

⁶⁰ Там же. Ф. 27. Оп. 1. Д. 285. Л. 3.

⁶¹ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972. С. 242.

⁶² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 788. Л. 190-197.

участие местного населения в поисках полезных ископаемых. 20 января 1671 г. был подписан указ, адресованный от имени царя Алексея Михайловича тобольским воеводам князю И. Б. Реннину и стольнику князю И. Ф. Щербатому. Тобольской администрации предписывалось объявить «всяких чинов людям» в городах, острогах и слободах Тобольского разряда, чтобы они «сыскивали и проводывали серебряные и золотые руды и узорочного камня» и сообщали о своих находках воеводам. Тем, кто найдет, обещалось, что они «пожалованы будут из малых чинов в первую статью и обогачены»⁶³.

Возможно, реакцией на этот указ стало сообщение кузнецких служилых людей М. Попова и Е. Савинова о серебряной горе у Телецкого озера. 22 декабря 1671 г. они были допрошены в Сибирском приказе. Впервые сведения о серебряных рудах в степи у Телецкого озера были получены от служилых людей, посланных в те места из Кузнецкого острога воеводой А. Зубовым (1643-1648) для объясачивания коренного населения. В 1671 г. кузнецкий воевода Н. Доможиров (1666-1672) послал к Телецкому озеру для ясачного сбора М. Попова с 4 казаками. За подарки ясачный татарин Тажагул рассказал им о серебряной руде в горах, за которой неоднократно приезжали к нему горные калмыки. Тажагул дал калмыкам руды, но места не указал. Они выплавляли из той руды серебро, а на следующий год пригнали 300 баранов, за то, чтобы им указали сам рудник. Но татары баранов не взяли, руду не дали и место не показали. На третий год приехал князь черных калмыков – Танжинь и в уплату за серебряный рудник пригнал 300 быков, но татары вновь ничего не показали, опасаясь, что их прогонят с кочевий. Не показал Тажагул серебряный рудник и казакам, сославшись на зимнее время, но обещал это сделать, если воевода Н. Доможиров придет летом. Историю о серебряной горе у Телецкого озера слышал и Е. Савинов в период управления кузнецкого воеводы И. Кокошина (1664-1666). Очевидно, татары все-таки дали казакам какие-то образцы руды, потому что на допросе в Сибирском приказе М. Попов и Е. Савинов рассказывали, что отдали руду стряпчему Б. А. Зубову, сыну бывшего воеводы А. Зубова⁶⁴. Поскольку сообщение М. Попова и Е. Савинова было обнаружено нами в документах экспедиции Я. Хитрово (см. Гл. 5), то можно предположить, что группе из этой экспедиции, отправленной на Енисей во главе с капитаном К. Риманом в 1673 г., было поручено проверить сведения и о серебряной горе у Телецкого озера.

Также указом от 20 января 1671 г. ссыльным обещалось, что «их вины будут отданы» за находки руд. Таким путем решил получить свободу Григорий Афанасьев Мельник, сидевший в тобольской тюрьме. В 1675 г. он подал челобитную тобольским воеводам о том, что «знает руду медную ...

⁶³ Там же. Д. 837. Л. 112-113.

⁶⁴ Там же. Ф. 214. Оп. 3. Д. 881. Л. 98-101 об.

рад великим государям работать у той руды». Тобольские воеводы П. М. Салтыков и И. Ф. Пушкин взяли челобитчика в съезжую избу. В расспросе Мельник указал три месторождения медной руды на р. Оби недалеко от Кондинского монастыря*. При этом тюремный сиделец уверял, что ту руду можно взять «не с большими людьми и без снастей, потому что лежит по берегу много плитьем». Правда, захватить образцы с собой Мельник не смог, так как по дороге из Кондинского монастыря в Тобольск проводники его не отпускали.

Григорий был уверен, что известная ему руда является медной. Ему довелось видеть такую же руду у крестьянина Ирбитской слободы Ивана Шипицина, который умер около 15 лет назад. Когда-то давно И. Шипицин привозил эту руду с месторождения у Григоровой горы – сырьевой базы Пыскорского медеплавильного завода. До Григорий Афанасьев жил в Кондинской обители и работал на монастырской мельнице. Однажды он с бобылем Ларкой** искали на берегу Оби жерновой камень и нашли рудные плиты, начали их разбивать и «из плитья» стали выпадывать «межи крупинами красными по булавошной голове и менши». Из плиты в пуд можно было набрать таких крупин с пригоршню. Сам Мельник не умел плавить руду и провести опыты с найденной породой он не мог.

Однако ему было известно от старца Ионы, что около 10 лет назад в том же месте строитель старец Иван взял около пуда руды и возил ее в Москву, где тайно плавил, и из той руды «медь родилась, а, сколько ис пуда родилось, того он не ведает». Старцы скрывали свою находку длительное время, так как не хотели дополнительных налогов и «тягостей». Также Мельник рассказал и о месторождениях железной руды, которыми пользовались кондинские старцы. Они наладили свое небольшое железоделательное производство.

В феврале 1675 г. для проверки этого сообщения тобольские воеводы отправили сына боярского Юрия Стремилковского и подьячего Ивана Аксентьева. Наказ воевод поисковикам содержит подробную инструкцию их действий в случае обнаружения рудников. Они должны были с каждого месторождения (в том числе и железорудного) взять по три пуда руды и составить описание местности и выяснить перспективы разработок найденных рудников. В отряд Ю. Стремилковского и И. Аксентьева были включены Григорий Мельник, для рассылки тобольские стрельцы Ермолай Конищев и Афанасий Зубчеников. На Самаровском яме руководители отряда должны были взять 10 ямщиков или захребетников.

Время для проведения поисковых работ тобольские воеводы выбрали согласно рекомендациям Г. Мельника. Он советовал брать руду «по весне как почнет снег таять, потому что блиско воды, а как де снег стаит и лед

* Кондинский Троицкий монастырь возник в 1653 г. на правом берегу р. Оби при впадении в нее р. Кондушки.

** По сведениям Г. Мельника, на момент его челобития Ларка жил в Кондинском монастыре, приняв постриг под именем Ефросина.

пройдет и в та поры во всех трех местах руда будет в воде, и не осыхают те места из воды до Ильина дни (т. е. до 2 августа – *авт.*)»

В середине апреля Ю. Стремилловский и И. Аксентьев вернулись в Тобольск и подали воеводам досездную память. На дорогу в одну сторону у них ушло две недели. В указанных Мельником местах расчистив снег, поисковики взяли образцы породы. На лугу около монастыря с разрешения старцев они взяли 4 пуда уже приготовленной для плавки железной руды, потому что зимним путем взять породу с месторождения, которое находилось в 7 верстах от обители «на сторонней речке», было нельзя. Монахи не скрывали от светских властей, что в близлежащих притоках Оби «на железную руду камня много». Составители досзда не могли указать, сколько было необходимо для организации добычи руды работных людей и снастей. В тех местах жили в основном ясачные люди Кондинской волости, а русское население составляли 15 работников и вкладчиков Кондинского монастыря. В перспективе для рудного дела работников можно было брать с Демьяновского и Самаровского ямов «ямских охотников или от отцов детей и от братьей братью и от дядей племянников и захребетников»⁶⁵.

Результаты опытов привезенной руды не известны. Судя по всему, они не заинтересовали власти. В 1679 г. по ходатайству игумена монастыря Макария с братией царским указом Кондинской обители были отведены земли в радиусе трех верст от того места, где она стояла⁶⁶.

В Восточной Сибири новый всплеск интереса к поиску рудных месторождений приходится на вторую половину 1670-х – 1680-е гг. Толчком к этому послужило сообщение тобольских воевод царю Федору Алексеевичу осенью 1677 г. о находках старых рудников в бассейне р. Аргуни. В то же время были приняты меры по усилению управленческих структур в крае. В 1677 г. был создан новый Енисейский разряд, в который вошли Енисейск, Мангазея, Нерчинск, Албазин, Иркутск (с 1681 г.) и Красноярск (с 1681 по 1688 гг.). Это изменило статус енисейских воевод⁶⁷. В 1680 г. были выделены в самостоятельный уезд Иркутский, Селенгинский, Баунтовский, Баргузинский и Удинский остроги с приписанными к ним слободами. До того времени эта территория находилась в ведении енисейских воевод, которые назначали в Иркутск приказчиков из енисейских детей боярских.

В связи с находками в бассейне Аргуни в июле 1679 г. енисейскому воеводе И. Борятинскому и дьяку В. Телицыну был направлен царский указ. В документе можно выделить две части: первая посвящена конкретным обстоятельствам нахождения рудного месторождения, вторая была адресована и назначенному в Нерчинск Лисовскому, и енисейскому воеводе И. Борятинскому, и уездным приказчикам, чтобы они «в иных мес-

⁶⁵ СПФ ААН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 14. Л. 57-63 об.

⁶⁶ Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С. 120-122.

⁶⁷ *Вершинин Е. В.* Воеводское управление... С. 148.

тех в Нерчинских острогах и в уездах и в Албазинских и в иных острогах и в уездах» вели поиски всяких руд «с великим радением не оплошно». Опыты с найденными образцами должны были проводиться в Енисейске. А тем людям, «буде хто те руды сыщет и опыты учинит и плавить учнет», обещалось государево жалование и пожалование «в вышней чин». Ситуация повторяла 1654 г., когда центральная власть, также пытаясь активизировать поиски полезных ископаемых на востоке страны, рассылала главам разрядов необходимые указания.

Традиционным было и содержание наказа первому селенгинскому* воеводе И. Е. Власову, данного ему в феврале 1680 г. В одной из статей наказной памяти, в частности, воеводе повелевалось расспрашивать «иноземцов» «про Селенгинские и про Баргузинские и Иркутские и всех острогов и про Китайское, и про Индейское, и про Никанское царства, и про города, и про золотую руду, и про серебряную руду, и жемчуг и камень, и медь, и олово, и свинец, и железо, и про бархаты, и отласы, и камки, и кость добрую, рыба зуба, и про всякие узорочные товары, и про всякие уголья».

В Москве с нетерпением ждали сообщений И. Е. Власова. 26 января 1682 г. даже была послана грамота енисейскому воеводе А. П. Салтыкову, что государю не ведомо, «что в Селенгинску про те, про все статьи чинитца», так как до 25 июня 1681 г. И. Власов ничего не сообщил, и «знатно де то, что он, Иван, то великого государя дело поставил в оплошку и нерадение». Грамота аналогичного содержания была отправлена из Сибирского приказа и в Селенгинск. В ней напоминалось о выполнении статей наказа «всякими мерами накрепко», при этом обращалось внимание на то, что И. Власов должен был еще «для прииску и плавки руд мастеров сыскивать изо всяких чинов людей, кого б с такое дело стало б». В грамоте, посланной в Енисейск, А. Салтыкову предписывалось помогать И. Власову кадрами мастеровых людей. Пожалуй, никогда еще Москва не проявляла такого нетерпения в ожидании известий о полезных ископаемых из Сибири.

Получив эти указания из Сибирского приказа, енисейский воевода 30 мая 1682 г. отправил в Селенгинск нарочного с соответствующими распоряжениями⁶⁸. Как выясняется, в столице зря подозревали И. Власова в нерадении государеву делу. Уже в июне 1681 г. он получил первую информацию. Казачий десятник Елфимко Варламов принес из Баунтовского острога около полуфунта руды, которую ему дали баунтовские ясачные киндигиры Мунго и Дордуго. Тунгусы нашли эту руду на притоке р. Цыпы – р. Болбунке, в 4 днях пути от Баунтовского отрога. Мунго и Дордуго рассказали, что это была целая рудная гора, «а ту де руду подбирали они на земли, той горы осынь». Но ни тунгусы, ни Е. Варламов не знали,

* Первоначально воеводское управление нового уезда располагалось в Селенгинске и в документах 1680 – 1682 гг. уезд называется Селенгинским. Позднее центром уезда стал Иркутск. Это произошло не позднее 1684 г.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1081. Л. 104; Ф. 1121. Оп. 1. Д. 23. Л. 6-9.

что это за руда. Не смог ответить на этот вопрос и воевода И. Власов. Он писал в Сибирский приказ, что ему «руды знать не по чему, потому что в Селенгинском и в Баргузинском и в Иркутском плавильщиков и рудознатных мастеров нет».

Также И. Власов узнал от селенгинских служилых людей, что около Селенгинска есть старые копи. Монголы рассказывали им, что «тут иманы преж сего розные краски». Воевода отправил 20 служилых людей расчислить те старые копи и «вновь копать во все стороны по сажени и по две и болши». Служилым людям не удалось найти краски, хотя они выполнили все указания воеводы. Однако в старых копиях они нашли тонкие слои квасцов. И. Власов отправил принесенную руду и квасцы в Москву. На обороте сообщения из Селенгинска имеется помета, сделанная в Сибирском приказе: «Записать в книгу и послать о мастерах память кому учинить отпуск»⁶⁹.

Сохранилась отписка И. Власова енисейскому воеводе А. П. Салтыкову о находках слюды и синей краски. Служилый человек Прохор Меледин прислал воеводе отписку, что он нашел все на той же р. Бойбуке в 5 днях ходу от Баунтовского острога «в горе в синем камне руду». Вместе с отпиской было прислано 5 фунтов чистой руды и синего камня, «в котором та руда обыскана». Сообщение А. Салтыкову заканчивалось все той же припиской, что И. Власову не ведомо какая это руда и годится ли на что-нибудь найденная «краска», так как в его уезде нет специалистов⁷⁰.

В феврале 1684 г. И. Власов получил новое назначение в Нерчинск и передал управление Иркутским уездом новому воеводе Л. К. Кислянскому, который до этого времени был письменным головой в Енисейске. Еще на старом месте службы в конце сентября 1683 г. енисейский воевода К. О. Щербатый поручил ему «проведывать у иноземцов и у русских людей и сыскивать всякими мерами накрепко есть ли где серебряная и золотая и медная и оловянная и свинцовая руды, и слюда, и жемчуг, и сера горячая, и селитренные земли и нефти и камень и краски и квасцы, а где, по какой ведомости объявитца, на те места послать, кого пригож, служилых людей и с тех мест взять, сколько доведетца и привезть в Иркутский острог».

В связи с этим распоряжением 11 апреля 1684 г. Л. Кислянский послал «наспех» иркутского казака Якова Турчанинова и верхотурского иконника Василия Иванова Коротова в Баргузинский и Кузнецкий остроги и по р. Витиму⁷¹.

Л. Кислянский продолжил начинания своего предшественника по поиску различных полезных ископаемых на территории своего уезда. Так, осенью 1684 г. по его поручению оброчник Павел Микитин ездил из Иркутского острога вверх по р. Куде до р. Большой Бугылдеихи, разведал со-

⁶⁹ Там же. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1081. Л. 108-109; Ф. 1121. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.

⁷⁰ Там же. Ф. 1121. Оп. 1. Д. 43. Л. 155-158.

⁷¹ Там же. Д. 38. Л. 32.

ляное озеро и нашел около Байкала «с ангарской стороны» «красный вап», железную руду и белую краску. Местные жители рассказывали, что эту белую краску они добавляют при плавке железной руды, чтобы железо «равнее падало»⁷².

В 1695 – 1697 гг. были открыты залежи медной руды в разных местах Верхотурского уезда. Вновь была обследована Магнитная гора на р. Тагил, ставшая на многие десятилетия вперед основной рудной базой заводов Демидовых. Проводившиеся в XVII в. на Среднем и Северном Урале поиски полезных ископаемых создали хорошую основу для открытий XVIII в. С середины XVIII в. помимо больших запасов железной руды в районе Денежкина камня и р. Вагран были обнаружены и промышленные залежи медной руды. Один из найденных рудников находился в непосредственной близости от горы Денежкин камень. Обнаружили в медных рудах и серебро. Туринские рудники, поставлявшие сырье для Петропавловского завода, содержали до 7 золотников (около 30 г) серебра в пуде меди. Н. К. Чупин даже посвятил отдельный раздел своей работы обстоятельствам отделения серебра от меди⁷³. Итогом же длительных поисков в этих районах стала находка более сотни крупных рудников и строительство М. М. Походяшиным заводов, составивших Богословское горнозаводское хозяйство, которое во второй половине XVIII в. давало от 35% до 50% выплавленной в России меди⁷⁴.

В середине 1690-х гг. томские служилые люди начали продвижение в предгорья Кузнецкого Алатау. В 1695/96 г. князец Мышан из Шусской волости, стремясь получить защиту от русского царя и разрешение перекочевать «со всеми улусными людьми» в Томский уезд, сообщил о двух месторождениях серебряной руды на реках Каштак и Томи, а также медной – на р. Ушайка. Он передал томскому сыну боярскому Степану Тупанскому фунт (около 409,5 г) серебряной руды с р. Каштак. Получив это сообщение, томский воевода В. А. Ржевский отправил князца Мышана со служилыми людьми к предполагаемым месторождениям.

16 сентября 1696 г. образцы пород из указанных мест (из каждого по 2 пуда) были доставлены в Москву. Уже при первом осмотре греческие мастера во главе с Александром Павловым (Левандианом) и «рудных дел опытычнк», врач-иностранец Яган Пиллер(?) пришли к выводу, что хотя в руде, привезенной с Каштака, серебра нет, но «только знатно де, что взята вверху, а если де копать в глубину, не сумневаются они, что одиолочно серебряная прибыльная руда сыщется». Образцы же с Томи и Ушайки интереса не вызвали.

⁷² Там же. Д. 68. Л. 47-48.

⁷³ Чупин Н. К. О начале и развитии горного промысла... С. 106-108.

⁷⁴ Чудиновских В. А. Возникновение и развитие металлургического центра на Северном Урале во второй половине XVIII в. // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1976. Сб. 14. С. 72.

Параллельно с изучением в Москве каштакская руда была отправлена на экспертизу в Ригу и Амстердам. Рижский мастер Николай Миллер также предположил, что на глубине возможно залегание более богатой серебром руды. Однако дать конкретное заключение о прибыльности найденного месторождения он затруднился, так как не знал из каких слоев (верхних или на глубине) были взяты присланные образцы.

Ответ из Амстердама от бурмистра Николая Витсена пришел весной 1697 г. В письме сообщалось, что в опытах у хороших мастеров из получетверти золотника руды вышла «самая малая частка», т. е. руда была не богата серебром. Но они «чаяли», что глубже руда будет лучше. Амстердамские мастера объяснили, что серебряная руда растет в земле подобно огромному дереву, у которого в глубине корень, а вверх оно простирает ветви. И получается, что в горах, вверху, находятся только ветви, т. е. тонкие небогатые рудные жилы. А если копать вглубь, то можно дойти до самого дерева, т. е. можно ожидать более богатую руду. Очевидно, иностранные мастера имели в виду коренные месторождения серебра.

Царь Петр не стал дожидаться ответов из-за границы, и первые шаги были предприняты уже на основании мнений московских мастеров. 15 октября 1696 г. последовал царский указ, которым предписывалось томскому воеводе больше не присылать «руды» с Томи и Ушайки, а на Каштак послать отряд служилых людей во главе с сыном боярским, чтобы они искали руду – копали в глубину на 2 – 3 сажени и взяли 3 – 4 пуда руды. Также необходимо было разведать в тех местах «нет ли немирных иноземцов и, буде есть, каких родов, и есть ли какие леса». Вся информация и образцы должны были поступать в Сибирский приказ к боярину И. Б. Репнину⁷⁵. Таким образом, первоначальная разведка месторождения на Каштаке предполагалась по традиционной схеме, как это было на протяжении XVII в. в Сибири.

Тем временем в Москве иностранные мастера провели опыты с каштакской рудой. Так, 15 ноября Александр Левандиан при переплавке 4 фунтов (1638 г) породы получил 0,5 золотника (1,13 г) серебра, т. е. в руде, взятой практически из верхнего слоя, содержание серебра составляло 0,06%. Мастером Золотой палаты иноземцем Тимофеем Левкиным была составлена смета выхода серебра из 30 пудов руды. Он также высказал предположение, что на глубине руда будет лучше.

Скорее всего, по совету иностранных мастеров была составлена более подробная инструкция по забору проб на Каштаке, которую включили в царскую грамоту от 27 ноября 1696 г., адресованную томскому воеводе

⁷⁵ Документы о поисках серебра на Каштаке были скопированы Г. Миллером в 1740 г. в архивах приказных изб Томска и Тобольска. В 1750 г. по требованию тайного советника барона Черкасова и по ордеру академической канцелярии Г. Миллер составил из этих документов «Известие о промысле серебряной руды, который производился при реке Каштаке с 7205 по 7208 годы», которое в настоящее время хранится в РГАДА. Ф. 199. Оп. 3. Д. 93. Л. 5-83об.

В. Ржевскому. Во-первых, предписывалось копать в глубину или «куда жила той руды явитца» уже на 5, 6 и 10 сажень. Во-вторых, на каждой сажени необходимо было брать по 5 – 6 фунтов руды и складывать в отдельные мешки, к которым прикреплялся ярлык с указанием местонахождения и особенностей залегания породы, представленной данным образцом. Также в Москве интересовались не будет ли «в промыслу той руды людем большой тягости от убытков и ясапным людем разоренья, также и от иноземцов какой помешки и промышленным людем от них убийств». Томские власти должны были прислать подробную ведомость с описанием дороги от Томска до месторождения, окрестных лесов, нет ли в тех лесах каких-либо звериных промыслов. Царским указом князю Мышану обещались государева милость и жалованье, если от указанного им месторождения будет прибыль и если он покажет «иные прибыльные дела». В указе говорилось и о вознаграждении воеводе В. Ржевскому в случае успеха поисков серебряной руды.

После успешных опытов в Сибирском приказе начались переговоры с Александром Левандианом о его поездке на Каштак. Александр брался за это дело, если с ним отправятся еще 9 греческих мастеров. Были оговорены условия их найма. В течение полугода они должны были «сыскать прямую прочную прибыль в выплавке серебра или золота или свинца», т. е. наладить прибыльное производство. Если выполнить эту задачу за отведенное время не удастся, то мастера возвращались в Москву. При благополучном исходе греки оставались работать на заводе еще 4 года «с того числа как промысел поидет», получая по 2 из 10 пудов «что по промыслу явитца» (серебра, золота, меди или свинца), т. е. пятую часть. Свою долю от производства мастера должны были иметь сверх кормовых денег и «всяких харчей».

Было определено следующее ежедневное содержание греков на весь период их поездки в Сибирь: А. Левандиану – по 10 коп., остальным – по 8 коп. Подводы и продовольствие предоставляла казна. Последнее выдавалось либо в зачет кормовых денег, либо продавалось по ценам местного рынка. За 4 года греческие мастера должны были обучить рудоплавильному делу русских людей «сколько человек надобно».

Определяясь с количеством рабочей силы, А. Левандиан просил выделить ему на этапе проведения опытов «для подлинного уверенья, что будет ли в той руде прибыль прочная», 30 работных людей для копки земли и «сеченья» руды, а также 2 кузнецов. В случае успешных опытов для развертывания производства было необходимо 150 человек, «а буде поидет завод большой и с прибавкою, смотря по делу». Сверх этого для заготовки дров и угля требовалось 100 человек, умевших «жечь уголья».

Также была составлена смета необходимых припасов для организации заводского производства. А. Левандиан просил выдать оборудование для 2 кузниц, по 50 пудов свинца и железа, 10 пудов уклада, 20 больших юфтей для мехов, 10 железных труб длиной по сажени и 10 труб – по по-

луаршину, а также ежемесячно по 3 пуда говяжьего сала на свечи. Эта смета существенно отличается от тех росписей, которые составляли мастера, отправлявшиеся в геологоразведочные экспедиции в первой половине XVII в. Так, в списке снаряжения А. Левандиана отсутствуют топоры, кирки, заступы, различные химические материалы для выделения из руды цветных и драгоценных металлов. Очевидно, греческий мастер уже рассчитывал на местных ремесленников.

Все предложения мастера по организации производства серебра в Томском уезде были приняты. 18 декабря 1696 г. был подписан именной указ Петра Алексеевича о посылке в Томск «к рудоконным местам» 10 греческих мастеров. К сожалению, в документах названы имена не всех участников этой группы. Из именного указа известно, что в ее составе кроме А. Левандиана были Семион Григорьев, Спиридон Манойлов, Андрей Николаев и Федор Манойлов «с товарищи».

Спустя два дня, 20 декабря, из Риги пришло очередное письмо, в котором сообщалось, что «томская руда добра образцом и в глубине пребогатая». О результатах опытов, проведенных в Риге, царь Петр с восторгом писал томскому воеводе В. Ржевскому в пространной грамоте от 19 января 1697 г. В этом же послании сообщалось и о посылке в Сибирь греческих мастеров. В Москве им были выданы жалованье и кормовые деньги на год в размере 2999 руб. 30 коп. С детьми боярскими Михаилом и Григорием Шутовыми в Томск было отправлено все, что было затребовано А. Левандианом для организации производства, а также 500 руб. на кормовые расходы кузнецам (по 5 коп. в день), работным людям (по 3 коп. в день) и прочие издержки.

По прибытии греков и Шутовых томский воевода должен был определить к мастерам 2 хороших кузнецов, 30 работных людей и для охраны необходимое количество («смотря по делу и по вестям») служилых людей. Согласно грамоте, административные функции при организации производства возлагались на томского татарского голову Семена Лаврова и подьячего, назначенного воеводой. Прибыв к рудоконным местам, в первую очередь, необходимо было поставить избы, огородить их тыном и «обвести ровом со всякими крепостями, чтоб было от незапного неприятельского приходу безопасно». На этапе проведения разведки участники экспедиции должны были брать образцы руды по той же методике, которая была оговорена в грамоте от 27 ноября 1696 г., и высылать их через Томск в Москву.

В грамоте от 19 января 1697 г. содержались все распоряжения в соответствии с предложениями и условиями А. Левандиана. За исключением одного. Когда Александр с товарищами начнет получать свой пай от производства цветных и драгоценных металлов, томский воевода должен был перестать выдавать им «корм», «а сказать что быть ему довольну тем, что по договору достается из тех заводов». После выдачи А. Левандиану пятой части продукции, все остальное серебро, золото и медь предписыва-

лось доставлять в Сибирский приказ «со всяким бережением» и в сопровождении одного из греческих мастеров. Когда производство будет запущено, греки должны были обучить своему мастерству по 3 человека из русских «охочих» людей, чтобы после их отъезда дело не остановилось.

Пока греки были в дороге, в Томск ушло несколько царских грамот с наказами мастерам, чтобы они выполняли порученное им дело с «великим радением». Полученные из Риги и Амстердама заключения о каштакской руде вселяли большие надежды и в Москве с нетерпением ожидали результатов.

Выехав из Москвы в конце января 1697 г., А. Левандиан с товарищами добрались до Томска к началу июля. По дороге им еще пришлось провести разведку серебряной и медной руд в Верхотурском и Тобольском уездах по сообщениям верхотурского стрельца Ивана Пушкарева и котельника Калины Андреева. И хотя опыты с образцами, привезенными местными жителями, дали обнадеживающий результат, однако в указанных местах грекам не удалось обнаружить месторождений.

А в Томске воевода В. Ржевский, не дожидаясь Левандиана с товарищами, приступил к исполнению царских распоряжений. В июне 1697 г. 40 служилых людей под руководством детей боярских Степана Тупанского и Владимира Алпотова отправились на Каштак. Ими были обнаружены две рудоносные жилы. Но разведать как следует эти жилы они не смогли из-за грунтовых вод. Также руда была обнаружена в болоте. Служилыми людьми было составлено описание местности.

К моменту приезда греков в Томске было заготовлено около 20 пудов руды с Каштака, и воевода В. Ржевский приказал им в первую очередь заняться ее переплавкой. Буквально на следующий день после своего приезда в Томск А. Левандиан с товарищами начали строительство горнов для проведения опытов. Одновременно шла подготовка к экспедиции на Каштак. Все предписания московских властей были выполнены незамедлительно: собрана рабочая сила, приведен в готовность для отправки в поход «к строению рудоплавного дела» полк во главе с Семеном Лавровым. На 15 августа был намечен выезд.

15 сентября 1697 г. экспедиция добралась до места и приступила к строительству острога на мысу над речками Большой и Малый Каштак. Но достроить укрепления служилые и работные люди не успели. 21 сентября киргизские князья Утпала и Улагач Кашка с многочисленным отрядом совершили набег на недостроенный острог, «учинили бои и кругом запалили». Двое служилых людей были убиты и семеро ранены, в том числе и толмач Иван Шумилов. После двухдневных боев киргизы предложили начать переговоры.

В одном из донесений томскому воеводе В. Ржевскому С. Лавров подробно описал ход и содержание этих трудных переговоров. Будучи вассалами русского царя и признавая эту зависимость, киргизы крайне на-

стороженно воспринимали проявление любой активности служилых людей в их улусных землях. Киргизы считали, что все мероприятия на их землях должны были предваряться уведомлением царской грамотой контайши и заключением договора. Однако в отношении строительства острога и заведения рудного промысла на Каштаке этого сделано не было. Поэтому князям Утпале и Улагачу стало «болезненно» и они приказали своим улусным людям совершить набег. В ходе переговоров С. Лавров убедил киргизскую сторону, что русские пришли на Каштак по царскому указу и с сугубо мирными целями. Князцы согласились не препятствовать добыче руды и даже готовы были дать до Томска подводы для вывоза руды, но при одном условии – убрать острог. В конце концов стороны договорились, что русские все-таки достроят те постройки, которые уже были начаты и докопают ров вокруг острога, но нового ничего строить не станут. В случае невыполнения договора киргизы пригрозили ссорой.

К началу октября в Каштакском остроге были построены 4 стены общей протяженностью 80 сажень, по углам 4 жилых избы, над тремя из которых были возведены наблюдательные башни, а над четвертой – белая горенка для греческих мастеров. В горенке была сделана кирпичная печь, а перед горенкой – сени. Над проезжими воротами построили часовню во имя трех святителей Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста. Также на территории острога находились две кузницы, амбар для припасов, 4 земляных юрты для служилых и работных людей, а за острогом – баня. Когда основное строительство было завершено, часть служилых людей вернулась в Томск. С Семеном Лавровым остались подъячий томской приказной палаты Афанасий Пупков и целовальник Юшка Давыдов и 52 служилых человека, основным занятием которых была достройка острога.

Семену Лаврову как управляющему приходилось решать большое количество самых различных проблем. Он отвечал за устройство острога, за продовольственное обеспечение служилых и работных людей. Рудокопные работы велись круглосуточно, поэтому быстро закончился запас свечей. Беспреданно ломались кирпичи, и за короткий срок на их починку ушли почти все запасы кричного железа. В условиях постоянной сырости и грязи у работных людей быстро изнашивалась обувь, и в начале ноября многие ходили на работу босыми. И обо всем этом должен был заботиться С. Лавров. На нем же была отправка в Томск образцов руды, взаимоотношения с ясачным населением близлежащей округи, в том числе и сбор ясака, урегулирование конфликтных ситуаций.

С самого начала рудокопных работ поисковики столкнулись с проблемой отвода воды из подкопной ямы. Работные люди вытаскивали воду и грязь ведрами «с великой нуждою». В первой половине ноября ежедневно приходилось выливать по 400 – 500 ведер. К тому времени длина ямы составляла 16 сажень (около 34,5 м). В ней было поставлено 60 столбов, сверху и снизу сделаны мосты, и, чтобы земля не осыпалась, во многих местах стены

ямы были укреплены заборами. С расширением ямы количество воды увеличивалось, потому что со всех сторон в нее «подошли ключи большие». При таком объеме работ, круглосуточном режиме и болезнях не хватало рабочих людей, и С. Лавров просил прислать из Томска еще работников.

25 ноября земляные работы пришлось прекратить из-за морозов до весны, но вычерпывание воды продолжалось. Для «водяной» работы уже не требовалось большого количества рабочих людей, и мастер предложил отправить ненужных работников до весны в Томск. Тем более что многие сильно обносились и обморозились. Просили о смене и служилые люди. У них закончилось продовольствие, а без воеводы томского С. Лавров выдать им дополнительное питание из государственных запасов не мог.

Однако все эти усилия не дали ожидаемых результатов. В начале февраля 1698 г. С. Лавров доносил в Томск, что за рабочий сезон 1697 г. было «наломано» руды всего лишь около 40 – 50 пудов (655,2 – 819 кг). Греками были проведены опыты с двумя образцами руды, взятыми в подкопной яме на глубине 5 сажень (10,8 м) и в длину ямы на 15 и 18 сажень (32,4 и 39 м). В общей сумме из 8 фунтов (3276 г) руды было получено серебра весом «против алтына». С 1681 г. вес копейки составлял 0,42 г, следовательно, алтын весил 1,26 г. Если принять во внимание эти расчеты, то выход серебра составил 1,26 г. Таким образом, получается, что в найденной руде содержание серебра составило 0,03%. В зимнее время рабочие люди занимались вычерпыванием воды из ямы и заготовкой леса. По мнению С. Лаврова, это была «малая работа» и затраты на содержание рабочих людей не оправдывали себя. Он пытался говорить об этом А. Левандиану, но тот просил в работе ему не указывать.

Истекли полгода, отведенные договором греческим мастерам на заведение прибыльного сереброплавильного промысла. Однако А. Левандиан принял решение продолжить поиски, но переселиться «в горы». Были выбраны два места: вниз по р. Каштак в 500 саженьях от острога и «в горе» напротив острога. К весне 1698 г. там было построено по избе, и 9 марта начались земляные работы. Не была заброшена и прежняя подкопная яма, там были сооружены насосы, и продолжалась откачка воды. Но начать в ней добычу руды так и не удалось. 15 мая на Каштаке выпали «снеги великие в аршин с лишком» и вновь остро встала проблема отвода воды из ямы.

С началом нового рабочего сезона появились надежды на успешный исход дела. А. Левандиан обратился с просьбой прислать в Каштакский острог священника «для того, что ныне священник к нашему делу нам zelo нужен молебствовать и водосвятить..., а ныне мы видим на всех ямах знаки добрая». Он писал, что в их странах, «где серебро копают и плавят, без молебия и без водоосвящения не работают никогда», а вот «турков неверных», поэтому в них и «не ведет».

В конце мая томский воевода послал царю Петру Алексеевичу отписку с сообщением, что в 3 новых подкопах «явились 3 жилы в горе камен-

ной великим основанием, в одном подкопе явились две жилы», причем одна из этих жил по внешним признакам похожа на золотую. Этот документ был полон ожиданий скорого «доброе и пребогатое дела». В. Ржевский писал, что с мая начался «пущей промысел». Пока у рудоплавного дела трудилось около 50 человек. Но ожидалось, что «в скорых числах, если милости Бог призрит твоим (т. е. царя – *авт.*) счастьем, тако же и прилежною работаю греки», пойдет большая плавка руды, и тогда работных людей потребуются 250 человек. Воевода был озабочен, где же взять такое количество работников. «Охочих» людей к тому делу не было, и выход виделся через принуждение: царским указом определить к рудоплавильному заводу гулящих людей и отпущенных казачьих детей.

К концу августа поисковики многими подкопами «на сто сажень с лишком» подошли к одной «великой» жиле, которая уходила вглубь. Однако ее окружали обильные ключи и «промыслу водным течением чинило великий труд и остановку». Но самое главное, не наблюдалось изменений к лучшему в качестве руды. Она была жесткой, каменной, с примесью колчедана и бедна серебром. Качество руды явно не устраивало и центральную власть. В грамоте от 6 июля 1698 г. царь велел томскому воеводе «впредь худой же такой каменной колчеданной руды», как он прислал в июне, больше не присылать.

31 августа в Томск был отправлен весьма обстоятельный указ Петра I. Царь хотел еще раз взвесить все обстоятельства разработки месторождения на Каштаке. Если А. Левандиан даст заключение, что по всем опытам и приметам он «усмотрел в том заводе серебряные руды вpredь проку и прибыль нашел казне», томский воевода должен был выяснить «не явятся в том деле великие трудности и от воинских людей побиение и лошадиам отгоны, а людем промышленным помехи и страху, а в подкопах вода великая подоидет, и жилы поидут в глубину к мокротным и водным местам».

Если греческие мастера решат, что дальнейшие разработки месторождения бесперспективны, то томский воевода должен был срочным порядком писать в Нерчинск к воеводе Самойлу Николаеву, чтобы тот также быстро ответил удалось ли найти на р. Аргуни промышленные залежи серебряной руды. Если С. Николаев ответит, что месторождение найдено и у него есть работные люди, чтобы добывать руду, но нет мастеров, то необходимо было провести переговоры с А. Левандианом о его переезде в Нерчинск. Дело в том, что еще до поездки в Сибирь А. Левандиан проводил в Москве опыты с нерчинской рудой. Необходимо было выяснить возьмется ли он за ее разработку, сможет ли разделить без составов серебро и свинец.

В конечном итоге разработки на Каштаке были оставлены, острог разобран, а греческие мастера уехали в Нерчинск и приняли активное участие в организации первого в России сереброплавильного завода.

Итак, интенсивность процесса обнаружения признаков полезных ископаемых в XVII в. зависела от нескольких факторов: степень освоеннос-

ти той или иной территории (заселенность русским населением и уровень хозяйственного освоения), мероприятий правительства по стимулированию участия в поисковых работах местного населения, инициативности и исполнительности конкретных администраторов. В конце XVII в. к разработке полезных ископаемых были привлечены греческие мастера, что привело к смене технологий добычи и плавки. Изменен принцип стимулирования рудознатцев, степень их заинтересованности в результатах возросла, так как им была обещана доля прибыли от добываемого серебра. Еще одним нововведением петровской эпохи было проведение экспертизы руд в ведущих европейских центрах.

Привлечение и использование частной инициативы в поисках и разработке месторождений

Обещание царским указом 1654 г. большого жалования тем, кто найдет руды цветных и драгоценных металлов, должно было привлечь к этому делу местное население. О том, что на это рассчитывало правительство, свидетельствует и одна из первых отписок в Сибирский приказ воеводы И. Ржевского, назначенного в Енисейск в 1659 г. Он сообщал, что, приехав в острог, «велел сказать и биричем велел кликать по многие дни: хто ведает в Енисейском уезде и по рекам золотую и серебряную и медную руду и слюдные горы, и они б, приходя в съезжую избу, сказывали ему, Ивану»⁷⁶.

Несостоявшийся медеплавильный промысел А. Т. Жилина. Еще в 1641/42 г. енисейский посадский человек Алексей Тихонов Жилин Меньшой получил разрешение на поиски слюды вверх по р. Тунгуске и р. Тасеевой. К тому времени у Алексея был уже свой солеваренный промысел на р. Усолке (приток р. Тасеевой). В 1656/57 г. он привез в Енисейск около 40 пудов слюды. Как было положено с этого промысла у Алексея взяли десятую часть привезенной слюды (4 пуда) в казну. 1 пуд слюды для образца воевода М. Ртищев оправил с А. Жилиным в Москву.

Приехав в столицу, предприимчивый енисеец сумел добраться до самого влиятельного человека в окружении царя Алексея Михайловича, идеолога многих государственных начинаний этого времени, боярина Б. И. Морозова и подал на имя царя челобитную*. В этом документе А. Жилин сообщил, в том числе и о том, что «приискал в Енисейском уезде, выше того (т. е. того места, где нашел слюду – *авт.*) на сторонней речке в розных горах медную руду и тое руды опыт привез к великому государю к Москве». Далее А. Жилин просил дать ему «данную память» на владение теми местами, где он нашел слюду, на разработку медных место-

* А. Жилин был неграмотным. С ним в Москву приехали его племянники Василий Афанасьев и Лев Митрофанов, которые и писали челобитные Алексея.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 512. Л. 43.

рождений («медную руду в горах копать и из нее медь плавить»), а также разрешить ему «в иных *данных отводных местах* медных и серебряных и золотых и иных всяких руд приискивать и копать поволно на своих проторех». Слюдяной и медный промыслы А. Жилин просил на условиях десятинного оброка.

Просьба А. Жилина была не только удовлетворена, власти пошли дальше, разрешив ему искать цветные и драгоценные металлы «в иных сибирских городех и в уездах, в *данных и не в данных землях*», а «обыскав, копать и плавить поволно ж, чтоб ему доискатца прямых рудных жил и тем бы нашей, великого государя, казне впредь учинить прибыль»⁷⁷. Заметим, что выражение «плавить поволно» судя по контексту предполагало проведение лишь опытных плавок для определения месторождений серебра и золота. Разрешение же на промышленную разработку касалось только меди. Таким образом, государство отступило от своей монополии в деле поисков цветных и драгоценных металлов, разрешив частному лицу заниматься геологоразведками этих металлов и производить медь на оброчном праве. В это время правительство как никогда нуждалось в меди. В стране набирала силу денежная реформа, начался выпуск медных денег. В условиях роста расходов на войну с Польшей и поиска новых источников пополнения казны государство пошло на поддержку частной инициативы, не требовавшей вложения государственных средств и обещавшей сырье для Монетного и Пушечного дворов.

Это был уже второй случай, когда власть поступала таким образом. В 1648 г. казна сочла убыточным для себя дальнейшее производство меди на государственном Пыскорском медеплавильном заводе и передала его плавильщикам Тумашевым. В обоих этих случаях обращает на себя внимание то, что государство прибегло к использованию частной инициативы в кризисных ситуациях, когда собственные усилия не давали результатов.

Практика допущения частных лиц к организации производства меди получит свое дальнейшее развитие в России лишь в конце 1660-х гг. В 1669 г. иностранным купцам и промышленникам Марселисам будет разрешено заниматься разработками медных месторождений в Олонецком уезде⁷⁸. Всплеск же предпринимательского интереса к горнорудному делу приходится на середину 70-х гг. XVII в.⁷⁹

В грамоте от 26 ноября 1658 г., выданной А. Жилину, регламентировалась его деятельность, а также действия воеводской администрации в данной ситуации. Алексей должен был о своих находках сообщать воеводам тех уездов, где они обнаружены, и присылать образцы найденных руд. Во-

⁷⁷ ДАИ. Т. 4. С. 150-151.

⁷⁸ ДАИ. Т. 6. СПб., 1851. С. 165-166.

⁷⁹ См.: *Манькова И. Л.* У истоков российской модернизации // Уральский исторический вестник. 2000. № 5-6. С. 196-200.

еводы, в свою очередь, обязаны были все это отправлять в Сибирский приказ с Жилиным или «с кем доведетца», не чинить ему «никаких налогов и тесноты», оберегать от всяких «сторонних» людей, «чтоб ему и работным людем, которые у того слюдного и у медного промыслу будут, обид и налог никаких ни от кого не было». Енисейскому посаду предписывалось не выбирать Алексея и проживавших с ним братьев и племянников к государевым службам кроме слюдного и медного промыслов. Освобождались от всяких городских служб и работавшие у Жилиных люди.

В свою очередь, Алексей не должен был, занимаясь промыслом, «по недружбе» никого изгонять с их отводных угодий, если на этой земле он не предполагал рудных залежей, затевать там напрасные поиски и к этим угодьям «приметыватца», чинить обиды и притеснения их владельцам⁸⁰. По просьбе А. Жилина ему выдали пуд селитры из Пушкарского приказа для проведения опытов и казенную подводку с проводниками, чтобы добраться до Енисейска.

Проходили годы, однако сообщений о производстве меди и находках других руд от А. Жилина не поступало. Зато появились желающие прибрать к рукам отведенные ему земли. 8 марта 1664 г. руководство Сибирского приказа получило извет пятидесятника Якутского острога Федора Охлопкова. Он сообщал, что в Енисейском уезде есть соляная река и на ней серебряная руда, хорошая слюда и «оружейное доброе» железо, а также соляные промыслы и пашенные «пространные» места, а владеет этой рекой А. Жилин и всеми этими богатствами «корыстуетца и богатеет». Ф. Охлопков предлагал забрать эту территорию «на государя» и послать его к тем промыслам, а уж он-то «учинит на той реке великому государю прибыль большую и та де прибыль будет прочна».

Также пятидесятник сделал донос и на якутских воевод в связи с находками руды на р. Оленек, притоке р. Лены. Правда, изветчик не знал какая это руда («называли де тою руду серебряною»), но знал что в Якутске опыта с ней «не учинено» и образец до сих пор в Москву не послан⁸¹. Сохранившаяся в фонде Якутской приказной избы (РГАДА) отписка якутского воеводы И. Ф. Голенищева-Кутузова от 24 июля 1662 г., свидетельствующая об иной ситуации с рудой, найденной на р. Оленек.

Не известно чем завершилась история с находками руды на р. Оленек. Однако изветом Ф. Охлопкова на А. Жилина Сибирский приказ заинтересовался всерьез. Енисейскому воеводе был отправлен соответствующий запрос. Сохранилась отписка воеводы В. Голохвастова от 28 августа 1664 г. Он сообщал, что с 1 июля 1659 г. по 28 августа 1664 г. Жилин «не объявлял» в Енисейске «промыслу своесо меди, и золото и серебряные руды опыту», поэтому с него не было взято никакой десятинной пошлины.

⁸⁰ ДЛИ. Т. 4. С. 150-152.

⁸¹ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 512. Л. 46-47.

Любопытно, что в тот же день, когда воевода писал отписку в Москву, ему подал две челобитные подплавильщик медного дела Данила Михайлов. Трудно сказать, каким источником информации пользовался Д. Михайлов. Однако он знал такие подробности, как, например, что якобы Жилин сказал боярину Морозову, что нашел в Енисейском уезде в своем Усолье медную руду и накопил этой руды целый амбар. В связи с этим Алексей просил царя пожаловать дать для плавильного дела плавильщика. А еще будто бы Жилин получил «для тово медново заводу» из государственной казны 500 руб. серебряных денег. Позже сам Жилин этот факт отрицал.

Д. Михайлов писал, что по государеву указу было велено Жилину взять медного плавильщика с Соли Камской «с Пыскора от государева медново дела»*, который должен был работать на Жилина за наемную плату 50 руб. в год. Вот этим самым специалистом и оказался Д. Михайлов. Подплавильщик сообщал, что прожил у Жилина 4 года и за это время не видел ни руды в амбаре, ни того места, где якобы была найдена руда, а найма получал по 15 руб. медных денег на год. Чем же занимался Д. Михайлов в Енисейском уезде? По распоряжению А. Жилина он искал медную руду в монастырской вотчине** — копал «под монастырскую деревню 3 подкопа», но ничего не нашел. В челобитной он подчеркивал, что в своем Усолье Алексей «медной руды искать не велел».

Дальше челобитчик делился с государем своими выводами: «В том он, Алешка, тебе, великому государю, солгал для тово, что он во всяком своем тягле облегчен и тем твоими государевыми деньгами, которые даны ему на Москве из казны 500 рублей завладел напрасно». Михайлов добивался справедливости: чтоб государственные деньги за Жилиным «не залегли», и ему, Даниле, «в том медном деле от тебя (т. е. государя — авт.) в опале не быть», а самое главное, чтобы ему были возмещены недоплачиваемые ежегодно 35 руб. найма.

Вторая челобитная Михайлова рассказывала еще об одном «неблаговидном» эпизоде деятельности Жилина. В 1660/61 г. приезжали в его Усолье ясачные асаны Чолнок, Копонок и Андрюшка и сказали, что знают, где есть серебряная руда и хотели привезти ее к Жилину. Но якобы племянники Алексея начали избивать асанов. Сам же Михайлов советовал Жилину сообщить о серебряной руде государю, но последний хотел советчика побить.

Для проверки этих челобитных воевода послал енисейского сына боярского Ивана Максимова, подьячего Василия Порфирьева и казенного целовальника Михаила Фомина к А. Жилину. Какие же объяснения дал енисейский солевар? Он рассказал, что искал руды во многих местах, но найти не смог. На том месте, где он брал пробы, отвезенные в Москву, он копал вместе с плавильщиком Д. Михайловым, «но докопатца ... ника-

* Речь идет о казенном Пыскорском медеплавильном заводе (см. гл. 7).

** Имеются ввиду владения либо Енисейского Спасского, либо Енисейского Рождественского монастырей.

кой руды не мог, потому что де медная пожилина, которая преж тово была приискана, ушла в воду». С тем же плавильщиком он проводил опытные плавки с образцами, привезенными из других мест, «но медь не родилась». Поэтому воеводам «объявлять» и самому корытоваться было нечем. 500 руб. в Москве на рудный промысел он не получал. Что же касается асанов, то бить их не велел и «от себя не отсылал», наоборот давал им 30 лошадей, чтобы привезли к нему серебряную руду. Но они лошадей не взяли и руды не привезли, поэтому и сообщать воеводам было не о чем.

Жилиным так и не удалось организовать медеплавильное производство и найти месторождения цветных и драгоценных металлов. Вся последующая переписка Енисейска и Москвы касается только их солеваренных и слюдяных промыслов. В 1666 г. было принято решение сделать опись всех их земельных владений и недвижимости, проверить производство, и правильность уплаты налогов. В царском указе отмечалось, что вся поступившая из Енисейска в Москву слюда была плохого качества, поэтому предписывалось впредь брать с их слюдяных промыслов не 10-й, а 5-й пуд и только хорошей слюды⁸².

Инициативы Д. А. Тумашева. В главе 3 уже шла речь о железодельном заводе Тумашевых. В 1667 г. Дмитрий Тумашев обратился в Сибирский приказ с просьбой отпустить его в Верхотурье «для подлинного прииску золотые и серебряные и медные руды и всякого цветного узорочного камня на своих проторях, и ездить бы ему в Тобольском и Верхотурском уездах повольно». В конечном итоге появилась целая серия грамот, адресованных сибирским воеводам и приказным людям, позволявших Д. Тумашеву заниматься поисками рудников и самоцветов, в том числе и в Томском разряде. Местные власти должны были его «оберегать и налог и обид ему никаких не чинить», а также организовать экспертизу найденных месторождений, послать знающих людей. В случае обнаружения месторождений Дмитрий мог рассчитывать на государственную помощь деньгами и людьми, а также казенные прогоны на поездки из Сибири в Москву. Успех сопутствовал предприимчивому плавильщику только в поисках железных руд и самоцветов⁸³.

Поиски месторождений Г. К. Трубником. Новый всплеск интереса к поиску рудных месторождений в Восточной Сибири приходится на вторую половину 70 – 80-ые гг. XVII в. Толчком к этому послужило сообщение царю Федору Алексеевичу тобольских воевод Петра Большого Шереметева, Ивана Стрешнева и дьяка Григория Михайлова осенью 1677 г.

⁸² Там же. Л. 32-64; Александров В. А. Русское население Сибири XVII – начала XVIII в. М., 1964. С. 247-250

⁸³ Преображенский А. А. Предприниматели Тумашевы в XVII в. //Русское государство в XVII веке. М., 1961. С. 110-130.

о находках старых рудников на притоке р. Аргуни – р. Серебрянке. К тому времени отряды русских служилых начали закрепляться в среднем течении р. Амура и постепенно осваивать приамурские земли. Их опорными базами были Нерчинский острог (1654 г.) и Албазин (1665 г.).

В июле 1679 г. енисейскому воеводе И. Борятинскому и дьяку В. Теллицыну был направлен соответствующий царский указ⁸⁴. К тому времени изменился статус енисейских воевод. В 1677 г. был создан новый Енисейский разряд, в который вошли Енисейск, Мангазья, Нерчинск, Албазин, Иркутск (с 1681 г.) и Красноярск (с 1681 по 1688 гг.). Ситуация в чем-то напоминала 1654 год, когда центральная власть, также пытаясь активизировать на востоке страны поиски полезных ископаемых, и прежде всего меди, рассылала главам разрядов необходимые указания.

В указе 1679 г. можно выделить две части: первая посвящена конкретным обстоятельствам нахождения рудного месторождения на р. Серебряной, вторая содержит общие указания о проведении поисков руд по всему Енисейскому уезду. Содержание второй части указа было традиционным. Она была адресована и Лисовскому, и енисейскому воеводе И. Борятинскому, и уездным приказчикам, чтобы они «в иных местах в Нерчинских острогах и в уездах и в Албазинских и в иных острогах и в уездах» вели поиски всяких руд «с великим радением не оплошно». Опыты с найденными образцами должны были проводиться в Енисейске. А тем людям, «буде хто те руды сыщет и опыты учинит и плавить учнет», обещалось государственное жалование и пожалование «в вышней чин».

Царский призыв всем желающим искать руды цветных и драгоценных металлов нашел довольно широкий отклик у жителей Енисейского уезда. 5 марта 1680 г. одним из первых обратился в енисейскую приказную избу крестьянин Герасим Кириллов Трубник. Он просил дать ему разрешение на поиски руд в Енисейском, Красноярском и Мангазейском уездах «беспенно». В его челобитной был обозначен довольно обширный район предполагаемых поисков – почти весь бассейн р. Енисея и его притоков. Г. Трубник собирался искать «в горах и в камнях и по мелким ручьям». При этом он также просил дать ему гарантии безопасности, чтобы никто «не вступался» в его будущие рудные и слюдяные промыслы независимо от того будут ли они находиться на пустых землях или уже отведенных другим лицам. 12 марта предприимчивый крестьянин получил наказную память и был отпущен на поиски руд. Вместе с ним И. Борятинский послал плавильщика Семена Чуркина и рабочих людей⁸⁵.

Сначала Г. Трубник отправился вниз по Енисею в Мангазейский уезд. Прося в Енисейске разрешение на поиски руд в соседних уездах, Герасим и не подозревал с какими трудностями он может столкнуться на территориях, находящихся в другом административном подчинении. Мангазейского

⁸⁴ РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1081. Л. 21-33.

⁸⁵ Там же. Л. 89-91.

воеводу М. Беклемишева не удовлетворила та отписка, с которой Г. Трубиник приехал из Енисейска. Он отказался отпустить рудознатцев по своему уезду до соответствующего царского указа и отписки из Тобольска и обещал отправить запрос тобольскому воеводе А. Шенну. Г. Трубиник понимал, что на это потребуется определенное время, и попросил отпустить их обратно. Но воевода не разрешил им уехать. Через две недели «по неволе» Герасим подал челобитную на имя царя с просьбой отпустить его в Мангазейский уезд для поисков руд с мангазейскими служилыми людьми.

Лишь после этого М. Беклемишев разрешил ему ехать по уезду в сопровождении мангазейских служилых людей — иноземца Казимира Моря и стрельца Трофима Осипова. Сообщая о результатах этой поездки в Москву, воевода М. Беклемишев отметил, что «каменья» привезли в Мангазею именно мангазейские служилые люди. Г. Трубиник же выступал лишь в качестве эксперта в приказной избе. Очевидно, М. Беклемишев стремился таким образом в случае удачного результата обозначить свой приоритет в деле поисков рудных месторождений на территории своего уезда. И так, в мангазейской приказной избе Г. Трубиник свидетельствовал, что «в тех каменьях руды», тогда воевода велел в его присутствии провести опыт.

В воеводской отписке не сообщается о проведении опыта, лишь говорится о челобитье Г. Трубиника на плавильщика С. Чуркина, что он «похвалялся, не хотел в рудном плавлении никакова добра делать». На допросе Семен сказал, что еще в Енисейске подал воеводе сказку, что он «в рудах силы не знает и руд плавить не умеет, а есть плавильщики рудные в Енисейску лутче ево». Однако И. Борятинский послал его с Г. Трубником для рудоплавных работ «в неволю».

На исходе осени 1680 г. Герасим подал челобитную на имя царя, в которой просил отпустить его с плавильщиком и работными людьми на зиму в Енисейск и обещал весной 1681 г. вернуться обратно. С 2 пудами и 14 гривнами (около 35 кг) найденного «каменья» и тем, что получилось в результате опыта (14 золотников с полужолотником, т. е. около 60 г), он был отпущен в Енисейск.

4 декабря 1680 г. Г. Трубиник был допрошен о поездке в енисейской приказной избе. Он подробно описал места, где находил «незнатные руды камень цветом красное и вишневое, а в том камень искры что серебряные». Герасим жаловался на козипи М. Беклемишева, который в довершение ко всему отправил с рудознатцами суму с «худым опытом той руды», а «чистой опыт что серебро взял к себе». Из-за того, что мангазейский воевода не отпустил их сразу, они не успели добраться до Енисейска водой и остаток пути им пришлось проделать на нартах «с великою нужею», и от того Г. Трубнику «учинились великие убытки и разорения».

На обратном пути, пока шли Енисеем, в 6 днях ходу от Мангазеи Герасим видел на берегу напротив большого острова такую же неизвестную руду. Аналогичную породу он нашел на устье р. Бахты. Взяв образцы,

Г. Трубник продолжил свой путь в Енисейск, но на заставе в устье Подкаменной Тунгуски мангазейские служилые люди по указной памяти воеводы отняли у него образцы и увезли в Мангазею. Лишь немного руды удалось спрятать в судне. На будущее Герасим просил дать ему государеву грамоту для поисков руд в других уездах, иначе так же, как в Мангазее «ему учнут чинить задержки и убытки большие».

Г. Трубник передал енисейскому воеводе 2 пуда руды, из которых было взято к плавке 34 гривенки (около 7 кг) и выплавлено 27 золотников (около 115 г). Составляя отписку в Москву о результатах поисков руд, воевода не мог написать что же было получено при плавке, так как сам не ведал, «что в тех слитках родитца». И. Борятинский просил впредь посылать в города и уезды государевы грамоты, чтобы воеводы на местах не чинили препятствий поисковикам, а также прислать мастеров-плавильщиков, поташ и прочие составы для плавления руд⁸⁶.

Геологоразведки П. А. Свешника. Далеко не все жители Енисейского уезда спешили сообщать воеводам о своих находках необычных пород. Но не имея необходимых знаний и навыков в их определении, они вынуждены были обращаться к местным «знающим» людям, и сохранить в тайне такую информацию уже не удавалось. Так, серебряник Кириян Ульянов, которого енисейский воевода командировал в Нерчинск для поисков серебряной руды на р. Серебряной, перед отъездом подал челобитную. Он рассказал, что в 1675/76 г. енисейский посадский человек Петр Афанасьев Свешник давал ему плавить 2 небольших образца руды. Из одного куска Кириян выплавил ползолотника (около 2 г) серебра с медью. П. Свешник лишь сказал серебрянику, что нашел образцы в Енисейском уезде вниз по Енисею⁸⁷.

Получив такое сообщение, воевода И. Борятинский тут же допросил Петра. Он подтвердил сообщение К. Ульянова, но поставил под сомнение результаты опыта, так как серебряник плавил руду в горне, в котором он «делает серебряное дело и медь, а как де Кириюшка почал тое руду плавить и в то де время у горшка, в чем была та руда, дно прогорело и та де руда из горшка провалилась в горн и прильнула к горну тем обычаем, как бывает сок от железной руды». То, что оказалось на дне горна, плавильщик «отламывал молотком да емками». Все, что удалось достать из горна, он «разбивал на наковальне молотком и выбирал ис того соку малые крохи светлые и клал те крохи в новой горшок и те крохи плавил и серебра с ползолотника выплавил». Ульянов плавил руду, добавляя соль и мыло. После этого из той же руды и в том же горне таким же способом он выплавил около ползолотника (около 2 г) меди.

⁸⁶ СПФ ААН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 24. Л. 135-143.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1081. Л. 92-93.

П. Свешников сказал, что нашел руду в Енисейском уезде вниз по р. Енисею на устье р. Сыма «в Сымском крисляке выше зимовья, что называют зимовье Зябликово на берегу по край Енисея реки». Водный путь от того места до Енисейска занимал 8 дней в легких судах. Петр явно не хотел, чтобы власти заинтересовались его находкой. Он говорил, что не знает «из горы ли тое руду водою вымывает или откуда наносит, но част де как бывает летом вода большая и той де руды из воды видети нельзя, потому что де он тое руду взял в малую воду». П. Свешник попытался отвлечь внимание от своей персоны сообщением о находках руд другими людьми. Он рассказал, что осенью 1679 г. распространил о рудах старца Павла из Троицкого монастыря на Нижней Тунгуске*. От монаха П. Свешник узнал, что вниз по Енисею ниже Карасина песка набрала жонка Светлолобка около трех пудов медной руды. Но «чейная жена и где тое руду брала», старец не сообщил. Еще более «глухой» была информация о находке неизвестно где и кем некой серебряной горы.

Поскольку монастыри не были подконтрольны местной светской администрации, то в мае 1680 г. воевода И. Борятинский обратился в Енисейский Спасской монастырь к архимандриту Матфею с просьбой допросить старца Павла о тех рудах «подлинно вправду по иноческому обещанию». Через два дня архимандрит Матфей прислал в приказную избу допросные речи старца Павла, в которых он отрицал разговор со П. Свешником и сообщал, что «нигде никакие руды не знает»⁸⁸.

Вскоре П. Свешник был послан в Енисейской уезд на устье р. Сыма «для подлинного ведома тех руд сыскивать». Результаты его поездки в данное место не известны. Однако в росписи, проданной Г. Трубником мангазейскому воеводе М. Беклемишеву в том же году, написано, что П. Свешник принес енисейскому воеводе опыт медной руды и сказал, что нашел ее на Енисее в Мангазейском уезде «ниже Носовые реки на дресе». Г. Трубник безуспешно пытался найти то место.

В последующие годы посадский человек Петр Свешник продолжал заниматься поисками рудных месторождений. В марте 1683 г. он вместе с казачьим десятником Василием Свешниковым принес в енисейскую приказную избу «6 кусков плавленных из руды весом фунт 36 золотников (около 562 гр.), а сказали плавили они ту руду по Тунгуске реке выше Татарской речки, а ломали в каменной горе вверх сдучи по Тунгуске на левой руке, а мерою де той горы по реке вверх сажень с 10, а в вышину той горы не меряли». Сообщая об этой находке в Москву, воевода А. П. Салтыков писал: «...а что де в тех слитках родитца, того он не ведаст»⁸⁹.

---

* Очевидно, речь идет о Туруханском Троицком монастыре.

⁸⁸ Там же. Л. 94.

⁸⁹ СПФ ААН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 24. Л. 136, 143 об.

Поддержка Ангарской Спасской пустыни в деле заведения сереброплавильного промысла. 14 декабря 1682 г. в Сибирский приказ была подана челобитная, авторами которой были старцы во главе со строителем Вавилой Ангарской Спасской пустыни, расположенной рядом с Братским острогом Енисейского уезда⁹⁰. Им стало известно, что вверх по Енисею выше Красноярского острога, «в Крыгижской землице»*, на правой стороне реки, «отъезжая 3 дни», есть серебряная руда. Монахи просили разрешить им завести в том месте сереброплавильный промысел, при этом власти не должны были брать с них налогов в течение года с того момента, как они начнут плавить серебро. В течение этого же срока старцы готовы были заниматься промыслом и без данной грамоты на эти земли. У них было еще одно условие – разрешить им держать «работников и ремесленных и всяких людей ... безопасно, кто ни будет». Очевидно, монахи имели ввиду в том числе и беглых.

Любопытна аргументация ангарской братии своей просьбы. На нее обратил внимание еще С. В. Бахрушин⁹¹. Старцы писали: «В прошлых годах посылаемы были воеводы и приказные люди и немцы проводить серебряную руду. И в том государеве казне были убытки великие, а серебряной руды не доискались... А будет де Великие Государи того промысла не изволят им дать, а изволят посылать немец или каких иных людей, а с ними будут невольные и непожалованные люди, и тем людем никому в плавежу силы и равенства не узнать».

Скорее всего, они имели ввиду широкомасштабную безуспешную экспедицию, которая занималась поисками серебра на Южном Урале и в Сибири в 1669 – 1673 гг. (см. гл. 5). От участника этой экспедиции Карла Римана, посланного в 1673 г. на Енисей для проверки сообщений о серебряной руде, монахи и могли узнать об этой экспедиции. По сути дела ангарские старцы собирались добывать серебро в том же районе, где около 10 лет назад действовали К. Риман и тюменские стрельцы.

29 декабря 1682 г. выслушав выписки о челобитье строителя Вавилы с братией, «великие государи указали и бояря приговорили» разрешить старцам искать серебряную, медную и другие руды не только в заявленном районе, но и в иных местах, и «заводить заводы». Данный указ представляет интерес в двух аспектах. Во-первых, каково его место в процессе развития законодательства о горнорудном деле. Во-вторых, кто принимал участие в его создании, и как повлиял субъективный фактор на процесс выработки законодательных норм.

Для ответа на первый вопрос необходимо провести сравнительный анализ этого документа с данной грамотой А. Жилину 1658 г., жалованными грамотами 1675 г., выданными А. Винусу, Я. Галкину и Е. Ножев-

* Так в документе, должно быть – *Кыргизской землице*.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1081. Л. 115-116.

⁹¹ Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 4. М., 1959. С. 118.

никову о поисках руд, заведении заводов и Берг-привилегией 1719 г. – главного документа, который стал определять государственную промышленную политику петровского времени⁹²

Во всех рассматриваемых документах власть разрешала поисковикам искать цветные и драгоценные металлы на любых землях независимо от их принадлежности. В первой половине XVII в. такое право давалось только отрядам, посланным центральными властями. Таким образом, с середины XVII в. наблюдается устойчивая тенденция к отказу от государственной монополии на разведку цветных и драгоценных металлов. Берг-привилегией это положение было окончательно закреплено на уровне общероссийского законодательства.

В деле разработок найденных месторождений наблюдаются разные подходы к производству меди и драгоценных металлов. С середины XVII в. государство позволило частным лицам заводить медеплавильное производство, но в каждом конкретном случае оговаривались разные условия.

В жалованной грамоте А. Жилину 1658 г. была зафиксирована лишь обязательная поставка в казну десятого пуда меди. В других рассматриваемых документах вопрос об условиях был разработан более детально. Согласно грамотам 1675 г. устроители заводов освобождались от уплаты государственных пошлин и оброка на определенный срок. Для Виннуса, Галкина и Марселиса это было 20 лет, для Ножевникова – 15 лет. В грамоте ангарским старцам 1682 г. безоборочное и беспошлинное владение промыслом составляло 7 лет.

После истечения льготного срока ежегодно с каждой плавильной печи Виннус и Галкин должны были платить по 150 руб., Марселис – по 100 руб., Ножевников – по 200 руб. Другой принцип налогообложения зафиксирован в грамоте 1682 г. Государство вновь вернулось к привычной десятой доле от общего объема произведенного. Составители Берг-привилегии также сочли эту систему налогообложения заводов наиболее приемлемой.

Согласно грамотам 1675 г., в первую очередь, медь (также, как и железо) должна была поставляться в казну «сколько понадобится» по льготным для нее ценам. Перед торговой ценой Виннус должен был уступать 50 коп., Марселис – 25 коп., Ножевников – 69 коп. Оставшуюся медь они могли продавать самостоятельно, в том числе и за границу.

Ангарской братии уже разрешалось остальную медь «продавать по-волно, где похотят, на сфимки». При этом оговаривалась ситуация, что если «той меди год не будет, [то] у них взять в государеву казну, и им ту медь отдавать в государеву казну перед торговую ценою с уступкою, а уступать у пуда по полушлятинне (т. е. по 25 коп. – *авт.*)». После истечения льготных лет все заводовладельцы должны были с продаж платить пошлину согласно Торговому уставу и оброк с оброчных земель.

⁹² ДАИ. Т. VII. С. 53-57; ПСЗ. Т. 5, СПб., 1830. С. 760-762.

Если жалованными грамотами 1675 г. предпринимателям позволялся только поиск драгоценных металлов, то в 1682 г. ангарским старцам уже была разрешена и разработка месторождений серебра и золота. Берг-привилегия закрепила эту норму в общероссийском масштабе. Строителю с братией предписывалось плавить золото – «доброе и чистое против угорского золотого», а серебро – «чистое против любского ефимка», т. е. производить золото и серебро самого высокого качества. Для налаживания этого производства старцам уже не давались льготные годы. Прямо «с того числа как золото и серебро сыщут», они должны были отдавать в казну «безденежно» восьмую часть добытого, а все остальное золото и серебро продавать только государству из расчета «за доброй и чистой золотой по 30 алтын (90 коп.)», а за «доброй и чистой» ефимок – «по полтине з довесом».

Как отмечалось выше, старцам предписывалось продавать на ефимки и медь. Эти вырученные ефимки они также должны были отдавать только в казну «в довес по 14 ефимков в фунт, а денги за те ефимки имать из государевой казны по полтине за ефимок».

Условие о продаже меди на ефимки вызывает удивление. Дело в том, что торговля ефимками являлась государственной монополией, а их обращение внутри страны официально было запрещено. Согласно статье 73 Новоторгового устава 1667 г., иностранные купцы обязаны были предьявлять золотые и ефимки в таможах порубежных городов. В обмен они получали русские деньги по установленной таксе, на которые и производили закупку русских товаров для вывоза за рубеж. Следующая статья предусматривала конфискацию тайно ввезенных в Россию золотых и ефимков⁹³. Стоимость любских ефимков была одинаковой и в Новоторговом уставе, и в грамоте 1682 г., а золотой в документе 1667 г. стоил 1 руб.

К сожалению, вопрос о денежной системе последней четверти XVII в. еще не достаточно исследован. Как отмечает И. Г. Спасский, русская монетная система во второй половине XVII в. и в структурном, и в техническом отношении была безнадежно отсталой не только по сравнению с европейскими государствами, но давно уже не соответствовала развитию рыночных отношений и в самой России. Она располагала фактически единственным монетным номиналом – копейкой, вес которой был снижен в 1681 г. до 0,42 г. Большие неудобства составляло отсутствие тяжелой, крупной полноценной торговой монеты⁹⁴. Возможно, в условиях явного кризиса отечественной денежной системы государство вынуждено было допустить обращение золотых и ефимков на внутреннем рынке.

⁹³ Российское законодательство X – XX вв. Т. 4. М., 1986. С. 128, 143.

⁹⁴ Спасский И. Г. Денежное хозяйство Русского государства в середине XVII в. и реформы 1654 – 1663 гг. // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 152-153.

Грамота ангарским старцам 1682 г. также разрешала им заниматься добычей «узорочного камня», слюды и краски без предоставления льготных лет и обязательной уплатой восьмой части. Однако остальное они могли продавать «повольною ценою, где похотят в Московском государстве русским людям» с уплатой пошлины по торговому уставу. Все что они собирались продавать, необходимо было «объявлять и записывать в таможенных» «по таможенному праву». Согласно Берг-привилегии 1719 г., государство оставляло за собой приоритетное право покупки золота, серебра, меди и селитры по ценам, устанавливавшимся Берг-коллегией. Остальные металлы и минералы промышленник мог свободно продавать.

При составлении грамот 1675 г. явно учитывалась уже сложившаяся практика в отношении частных Тульских и Каширских железоделательных заводов⁹⁵. Строить заводы и сечь лес разрешалось только на государственных землях. Если возникала потребность в частновладельческих землях, то заводчики должны были договариваться с их хозяевами о найме. Такой же порядок содержался и в грамоте ангарским старцам 1682 г., но при этом было еще одно условие – «ясачных людей теми заводами не разогнать». В первой четверти XVIII в. государство поступало уже более бесцеремонно с частными владениями. Берг-привилегией разрешалось строить заводы на любых землях, но владелец земли, не желавший заниматься заводским делом, получал 32-ую долю прибыли от производства в его владениях.

Во всех грамотах оговаривалось, что «заводы заводить и строить и те руды плавить и ковать и делать наемными людьми своими проторми». В документе 1682 г. также обращалось внимание на то, чтобы «русских людей в неволю никого им не держать, наймывать их повольною ценою». При этом старцы в обязательном порядке должны были составить списки всех русских и иностранных мастеровых людей и подать их властям. В части, посвященной привлечению рабочей силы, данный документ фиксировал уже сложившуюся практику обязательного документального оформления любых передвижений людей по территории страны, которая в условиях крепостнического государства была унаследована и законодательством первой половины XVIII в. Владельцам других заводов запрещалось принимать мастеров и подмастерьев, живших на заводе Ангарской пустыни, без письменного отпуска.

В XVII – первой половине XVIII вв. тому или иному предпринимателю предоставлялось право на строительство определенного типа завода или мануфактуры с запретом другим строить аналогичное предприятие в близлежащей округе. Это прослеживается и в договорах с иностранцами, пожелавшими заниматься каким-либо производством в XVII в., и в петровских указах первой четверти XVIII в. В грамоте 1682 г. это положение тоже нашло отражение: «А иных иноземцам и русским людям в тех местех заводов не заводить и руд не искать». В то же время государ-

⁹⁵ Ср.: Крепостная мануфактура. Т. 1. Л., 1930.

ство ограничило право монастырской братии распоряжаться своими заводами. Они не могли без государева указа «на сторону иноземцом и русским людем» их продать, заложить и отдать на откуп, взять «с стороны к себе товарищей». Данные монастырские заводы должны были находиться в ведении приказа Большой казны, «кроме татиных и разбойных, и убивственных дел». Пока же заводы не были построены, все светские вопросы, связанные с пустынью, по-прежнему решал Сибирский приказ.

Итак, грамота ангарским старцам разрешала разработку золота и серебра негосударственному институту, хотя и с большим количеством различных ограничений. В вопросе свободной продажи меди на ефимки данный документ шел вразрез с существовавшим законодательством, но при этом, возможно, отражал реалии того времени, которые заставляли принимать нестандартные решения. Вместе с тем, в содержании грамоты прослеживается преемственная связь с законодательством и периода правления царя Алексея Михайловича, и первой четверти XVIII в. Кто же мог быть ее автором?

Грамота братии Ангарской пустыни появилась в декабре 1682 г. – в один из самых нестабильных периодов российской истории. Столица только что пережила драматические события стрелецкого бунта, «хованщины» и расправы с бунтовщиками. После казни князей Хованских (17 сентября 1682 г.) реальная власть стала сосредотачиваться в руках регентши малолетних царей Ивана и Петра, царевны Софьи Алексеевны, которая начала формировать свое правительство, при дворе происходила перегруппировка сил.

Одновременно шло становление и личной власти князя В. В. Голицына. 19 октября 1682 г. он был пожалован Царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберэгателем. Уже 20 декабря того же года В. В. Голицын сменил боярина М. Л. Плещеева в важнейших военных приказах – Иноземском и Рейтарском, а с 29 декабря Василий Васильевич возглавил Пушкарский приказ. Таким образом, к концу 1682 г. князь В. В. Голицын сосредоточил в своих руках руководство дипломатией и вооруженными силами Русского государства. Его возросшее влияние начало сказываться и на приказных назначениях⁹⁶. Учитывая такую значительную роль В. В. Голицына в важнейших государственных делах уже с осени 1682 г., можно утверждать, что именно ему принадлежит и авторство указа от 29 декабря 1682 г.

В результате принятого решения о разрешении старцам добывать и плавить цветные и драгоценные металлы 9 января 1683 г. последовал соответствующий указ руководству Сибирского приказа, предписывавший оповестить всех воевод и приказных людей, чтобы они «во всем их, строителя з братею, оберегали и никаких налог и обид им не чинили и работным людем наймоваться на их заводе работать не возбраняли».

⁹⁶ Лавров А. С. Регентство царевны Софьи Алексеевны. М., 1999. С. 81-84.

Однако глава Сибирского приказа князь И. Б. Репнин решил сначала выяснить, вся ли монастырская община поддержала челобитную строителя Вавилы, и хотят ли старцы заниматься поисками золотой и серебряной руды «своими проторями» (в своей челобитной они просили только о медной руде). Если монастырская братия соглашалась взяться за это дело, то воеводы Енисейского разряда должны были в городах, слободах и селах сказать всяких чинов людям, чтобы все желающие панимались к старцам «повольною ценою». Особо обращалось внимание на то, что найм должен быть добровольным. Если же строитель или иные жители монастыря начнут заставлять людей работать, «сказывая у себя и угрожая великих государей указом, чтоб они работали у них без найму или из найму по неволе», то люди не должны этому верить. Предполагалось, что енисейский воевода тщательно обследует район, где собирались работать старцы, чтобы «всяких чинов великих государей людем, которые на тех и около тех мест живут, какой тягости и разоренья и в соболином промыслу порухи и с иноземцы ссоры не было». Если же действия монахов могли затронуть чьи-либо интересы, то «им на тех местех того заводу заводить до указа великих государей не велеть и о том к великим государем писать подлинно». Данное решение руководства Сибирского приказа было оформлено указной памятью воеводе К. О. Щербатому только 12 октября 1683 г.⁹⁷

Пока не найдены документы о дальнейшем продолжении этих событий. Скорее всего, эта затея так и не была реализована. К тому времени уже стало известно о месторождениях серебра в бассейне р. Аргуни и перспективы их разработок представлялись более реальными.

Таким образом, во второй половине XVII в. государство пошло на предоставление «горной свободы» в деле поиска цветных и благородных металлов, сокращение своего монопольного права на разработку месторождений меди и серебра. Скорее всего, именно большая удаленность сибирской территории от центра заставила власть сделать этот шаг. Сравнительный анализ жалованных грамот и Берг-привилегии 1719 г. показал, что во второй половине XVII в. были заложены основы петровской политики по привлечению и использованию частной инициативы в горнорудном деле.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1081. Л. 120-127.

ГЛАВА 7. ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ МЕСТОРОЖДЕНИЙ ЦВЕТНЫХ И ДРАГОЦЕННЫХ МЕТАЛЛОВ

Пыскорское медеплавильное производство: от казенной мануфактуры до частного завода

Первым медеплавильным предприятием в России стал Пыскорский завод в Прикамье. Рудные жилы с богатым содержанием меди были найдены экспедицией В. И. Стрешнева в 1633 г. на Григоровой горе у р. Камы в Соликамском уезде и около деревни Романовой на р. Яйве в Чердынском уезде. Хотя экспедиция была непродолжительной, но ее участники успели возвести первые заводские постройки. На берегу Григоровского ручья был построен плавильный амбар размером 9 на 4,33 сажени (19,4 на 9,4 м). К амбару был прирублен пристен, а на ручье установлено мельничное водяное колесо. Через ручей была сделана заплоть «от горы до горы, рубленная городнями в две стены в длину 23 сажени (около 50 м), поперег городень саженная». Городни были присыпаны землей. Через систему труб вода поступала на мельничное колесо¹.

Так было положено начало первому казенному медеплавильному заводу. В 1634 г. для дальнейшего налаживания производства меди в Прикамье вновь был отправлен гость Надея Светешников. Вместе с ним были посланы ярославский подьячий Илья Кирилов*, рудознатец саксонец Арист Петцольт (Пецгольт) с товарищами и лекарь Ганс Вульф². Был среди участников этой группы и еще один человек, отправившийся в Соль Камскую по собственному желанию. В фонде Новгородского стола Разрядного приказа сохранилась жалоба ярославского воеводы А. Калыкова и дьяка И. Головкина на молодого подьячего Василия Ушакова, который

---

* После возвращения из Прикамья продолжил службу подьячим в Ярославле. С 1650 г. упоминается в документах как справный подьячий в Приказе Большого дворца и Монастырского приказа. В 1655 г. был пожалован в дьяки. В 1670/71 г. убит в походе в Астрахань и Понизовые города, организованного для подавления восстания С. Разина. См.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV – XVII вв. С. 235.

¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 175. Оп. 2. Д. 56. Л. 4.

² Материалы для истории медицины в России. Вып. 1. СПб., 1881. С. 108.

был отпущен в Москву бить челом государю о своем деле, но вместо столицы отправился с И. Кириловым «к государеву делу к медной руде»³.

Место, выбранное для завода экспедицией В. Стрешнева, было признано немецкими специалистами негодным из-за маловодности ручья. К тому же плотина с одной стороны была испорчена вешними водами. В 1634/35 г. завод построили вновь ниже по р. Каме приблизительно в 25 км от Григоровой горы на р. Камгорке на землях Пыскорского Преображенского монастыря – там, где уже действовала монастырская мельница (Рис. 12). Для заводских нужд была использована ее плотина⁴.

Необходимо отметить, что в документах XVII в. это производство в целом называлось «государево медное и рудное дело», а также различались отдельные циклы производства: «государево плавильное дело на Пыскоре», «рудодельное дело на Григоровой горе», «горное дело на Яйве реке на Кужгорте». В исследовательской литературе принято название «Пыскорский медеплавильный завод», объединяющее добычу руды и получение металла. Таким образом, завод состоял из трех частей: Григоровский, Кужгортский рудники и плавильня на Пыскоре (на р. Камгорке).

Для развертывания горного промысла на Григоровской горе казной были куплены (скорее всего у Строгановых) деревни Григоровская и Денисовская с пашнями, санными покосами и угодьями. В каждой деревне было по два крестьянских двора. Крестьяне были оставлены на прежней пашне. В качестве повинности они обрабатывали государеву пашню, урожай с которой шел на содержание заводских работников⁵.

К середине 40-х гг. на Григоровском руднике было 12 шахт с множеством боковых подкопов и разломов, их глубина достигала 10 – 15 саженей

Рис. 12. Схема расположения Пыскорского медеплавильного завода

³ РГАДА. Ф. 210. Д. 61. Л. 108. Впрочем эта жалоба не сказалась на дальнейшей судьбе В. Ушакова. Его карьера складывалась довольно успешно. В документах 1645 г. он уже упоминался в должности дьяка и сопровождал датских послов. В последствии Василий неоднократно выполнял различные дипломатические поручения и нес службу в различных приказах. См.: *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV – XVII вв. С. 534.

⁴ *Берх В.* Путешествие в города Чердынь и Соликамск. Для изыскания исторических древностей. СПб., 1821. С. 42-43.

⁵ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 175. Оп. 2. Д. 58.

(21 – 32 м)⁶. Как показало обследование этих рудников, проведенное в 20-ые гг. XVIII в., рудокопщики XVII в. вынимали только слой руды с высоким содержанием меди (дербеец), который был всего толщиной не более пальца и лежал между слоями с низким содержанием (шифер). По обнаруженной жилке дербееца прокладывались штольни, а шифер либо оставляли на месте, либо выбрасывали в отвалы⁷. На рудниках же осуществлялись толчение и промывка руды. На Григоровском имелась плавильня с одним кирпичным горном для проведения опытов, а также кузница. В 1646 г. в кузнице имелись 1 большая и 2 маленьких наковальни, 4 больших и 3 маленьких молота, прочее необходимое оборудование. Судя по перечисленным запасам завод снабжался шведским железом, карельским и сернуховским укладом⁸.

Поскольку технология производства того времени была рассчитана только на руды с высоким содержанием меди, а их слой был крайне не велик, то в сферу обязанностей всех управляющих входили не только организация разработок уже открытых месторождений и выплавка меди, но и постоянный поиск новых рудников.

В 1646 г. со всей остротой встал вопрос о дальнейшем существовании завода. Управляющим Ю. Теленевым был составлен всесторонний отчет о состоянии горного дела на Пыскоре. Эти документы позволяют судить о размахе геологоразведочных работ⁹. Наиболее активно они велись Н. Светешниковым. На р. Яйве им были обследованы Соколы горы ниже дер. Зуевой, Абрамова гора, которая упоминалась еще в отчетах экспедиции Г. Загряжского и С. Беликова. Около горы Вежайки вниз от Кужгорта по Яйве даже были поставлены избные срубы, но строения так и остались незавершенными, т. к. обнаруженные в горе рудные признаки не привели к промышленным залежам меди.

Были начаты работы и на Жуклиной горе. В двух подкопах «вышли» рудные признаки, но далее камень оказался «жесток» и работы были прекращены. Спустя 80 лет это место вновь попало в поле зрения рудознатцев. В. Геншин в «Описании уральских и сибирских заводов» упоминал,

⁶ Там же. Д. 60.

⁷ Геншин В. Описание уральских и сибирских заводов. М., 1937. С. 546.

⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 175. Оп. 2. Д. 58.

⁹ Там же. Д. 59. Сохранилось 5 росписей имущества, строений, шахт на Григоровском и Кужгорском рудниках, составленных под руководством Ю. Теленева (Д. 56, 57, 58, 59, 60). Датировка этих документов может быть произведена лишь по косвенным данным. Так, в тексте «Росписи на Григоровской горе государевым хоромам в деревне Григоровой» упоминается последняя дата замеров выкопанного в шахтах – «прошлого 154 году июня по 21 число». Следовательно, документ был составлен не ранее 1 сентября 1646 г. В «Росписи всяким железным снастям рудоделного дела ...» говорится о том, что крестьяне посеяли рожь на государевых землях «ко 155 году, и как Бог даст, рожь поспеет...», т. е. речь идет об озимой ржи, которую будут убирать в 1647 г. Эти данные дают основание датировать росписи осенью 1646 г.

что в 1716 г. вверх по р. Яйве близ дер. Жуклиной крестьянин баронов Строгановых Владимир Зуев нашел медную руду. Под руководством мастера Сергея Щелкунова была начата разработка этого месторождения, но вскоре по неизвестным причинам прекращена¹⁰.

В горе около Нижнего Романова искал медную руду еще отряд Ч. Бартенева и Г. Леонтьева в 1618 г. На том месте в 1646 г. еще можно было видеть полусгнившие избушки срубывшей этой экспедиции. Очевидно, и Н. Светешников возлагал надежды на открытие медного рудника около Нижнего Романова. Однако поиски оказались безуспешными. Составители описи 1646 г. зафиксировали на Романове следующие строения: недостроенную горницу на подклете и амбар размером 15,3 на 3 сажень (33 на 6,5 м), крыша которого была проломлена снегом. Рядом с горницей лежал заготовленный строительный материал. Постройки были заброшены видимо давно и находились в полусгнившем состоянии. Возможно, их возведение связано с планами Н. Светешникова. При нем также были проведены разведки на р. Каме ниже Пыскорской слободки. По извету плавилищника А. Тумашева был обследован Гиев камень на р. Каме в вотчине Строгановых. Были сделаны подкопы и шахта, но руды не нашли.

В 1637 г. получив новые известия о рудных признаках на р. Печоре и р. Цильме, Н. Светешников снарядил в те края соликамского целовальника Дементия Зырянова и Ивана Пыскорца с 13 работными людьми. Поисковики получили обнадеживающие результаты и руководитель отряда отправился в Москву с образцами найденной медной руды. Они явно рассчитывали на продолжение работ, оставив в районе поисков горные снасти. Также Н. Светешников начал обследования по р. Косью, но не успел их завершить. Им были выявлены только рудные признаки, в том числе и в Хлызине горе. Прокопы были сделаны в тех местах уже при следующих управляющих — Богдане Тушине и Кирилле Босове.

О Б. Тушине практически ничего не известно, даже его звание. К дворянам его причисляли монахи Пыскорского монастыря, вспоминая в 1671 г. о делах давно минувших лет¹¹. Устюжский купец гостиной сотни К. Босов был довольно известной личностью в деловом мире России. Свои огромные капиталы он нажил на пушном промысле и торговле в Сибири¹². Как и другим представителям купеческой верхушки, ему не раз приходилось выполнять различные государственные поручения и службы. На Пыскоре ему пришлось провести безвыездно 6 лет¹³. Таким образом, зная когда К. Босов был смещен следующим управляющим И. Аноф-

¹⁰ Гетши В. Описание уральских и сибирских заводов. С. 548.

¹¹ ДАИ. Т. VI. СПб., 1857. С. 155. К дворянам монахи причисляли и Тимофея Лодыгина, он был окольниковым.

¹² См.: Преображенский А. А., Перхавко В. Б. Купечество Руси IX – XVII века. Екатеринбург, 1997. С. 160-162.

¹³ РГАДА. Ф. 1177. Оп. 1. Д. 195. Л. 6-7.

риевым, можно заключить, что Б. Тушин и К. Босов управляли Пыскорским заводом с 1637/38 по 1642/43 гг.

В 1646 г. Кирилл Босов подал челобитную с просьбой о царском пожаловании за свою службу «в Перми у медного дела и у гор». Он писал о том, что служил без жалованья, корма, подмоги и в те годы «отбыл» от своего торгового промысла. При этом Кирилл указывал, что все, кто был на данной службе, в том числе и Надея Светешников, и Богдан Тушин, и те, кто были после, получили государево жалованье. К. Босов не остался без царского внимания. Ему была дана возможность совершить выгодную торговую операцию. Он получил из казны более 400 пудов табака и право его брату Ивану Еремсееву торговать в сибирских городах этим табаком, являвшимся запретным товаром¹⁴. Той же жалованной грамотой 1646 г. К. Босов был причислен к гостям – элите российского купечества. Впоследствии опыт работы К. Босова на медеплавильном заводе был учтен властями. Во время подготовки денежной реформы 1654 г. он был назначен управляющим Монетным двором в Москве.

Б. Тушин и К. Босов так же, как и их предшественники, занимались геологоразведкой. Поиски новых рудников велись по берегам р. Камы в окрестностях Григоровского рудника. В отчете 1646 г. отмечалось сколько поисковики делали подкопов и на какой глубине. Так, в горе выше дер. Тетериной были сделаны подкопы в 5 местах по 3 – 4 сажени (6,5 – 8,6 м), в которых были обнаружены рудные признаки. Скорее всего, разработка этого рудника так и не была начата. При его обследовании в 1722 г. были видны следы прежней незначительной работы. В 20-ые гг. XVIII в. предпринимались попытки разработки Тетеринского рудника, но работа осложнялась тем, что рудный слой залегал ниже уровня воды в Каме и штольни постоянно заливала вода¹⁵.

Также из отчета 1646 г. известно, что Б. Тушин и К. Босов посылали плавильщика Семена, немца Юрия Лозника и толмача Костю с работниками вниз по Каме во владения Строгановых. Они проводили разведку в горах ниже устья р. Кондас около Атаманской и Редикорской слобод теми же методами, что и у дер. Тетериной, но рудных признаков не обнаружили.

При этих управляющих плавильная часть завода вновь была перенесена. По мнению Д. А. Кашинцева, он был возведен под горой, возле той же р. Камгорки¹⁶. Пойму небольшой речки Камгорки перегораживала плотина длиной не более 70 м, при ней действовало мельничное колесо, называемое «немецким», с нижнебойным водяным приводом. От вращения колеса приводились в движение меха плавильных горнов, находив-

¹⁴ Там же. Подробнее об этой торговой операции см.: *Преображенский А. А., Перхавко В. Б.* Купечество Руси IX – XVII века. С. 141.

¹⁵ *В. Гентш.* Описание уральских и сибирских заводов. С. 549.

¹⁶ *Кашицев Д. А.* История металлургии. М.; Л., 1939. С. 32.

шихся в бревенчатом амбаре, покрытом тесом. Одна сторона плавильного амбара была вкопана в левый крутой берег речки. На том же склоне, поблизости, находилось несколько (более двух) кирпичных обжигательных (гармахерских) горнов с трубами и кирпичный сарай с печью. В устье реки была небольшая пристань, где летом приставали суда с рудой, сплавленные с рудников вниз по Каме¹⁷.

Однако и это место оказалось неудачным. Б. Тушин и К. Босов неоднократно сообщали в Москву (последний раз в декабре 1642 г.), что «заплоту испортило водою, а плавильну горою зарушивает безпрестанно». Но столичные власти не давали разрешения на их ремонт и «заводить новые заводы», пока не будет найдена «подлинная руда»¹⁸.

Это свидетельствует о том, что в конце 1630 – начале 1640-х гг. Пыскорский завод испытывал серьезные трудности с сырьем. Руда добывалась на Григоровском и Кужгорском рудниках с большими перебоями. Так, за 2 летних месяца 1641 г. было добыто 150 пудов, с сентября по декабрь только Григоровское месторождение дало 510 пудов, а за январь 1642 г. на Григоровой горе «уломано» 1000 пудов, на Кужгорте – 400 пудов. В конце 1641 г. немецкие мастера покинули завод и дальнейшие работы велись уже под присмотром русских урядников¹⁹.

Отчет Б. Тушина и К. Босова с вышеприведенными данными, составленный в октябре 1642 г., явно свидетельствовал о наращивании добычи руды и вселял надежду на дальнейшую успешную работу завода. В Москве было принято решение послать на Пыскор нового управляющего – купца гостиной сотни Ивана Анофриева. Сохранилась наказная память от 25 января 1643 г.²⁰ Ему предстояло принять у К. Босова все строения, запасы, оборудование, оставшиеся денежные средства, именную роспись постоянных работников, а также рудники. Наконец-то в Москве было принято решение по поводу сообщений Б. Тушина и К. Босова о бедственном состоянии плотины и плавильни. И. Анофриеву предстояло на месте оценить ситуацию и либо отремонтировать старые, либо найти новое место для завода.

Наказная память И. Анофриеву даст возможность определить круг обязанностей и возможностей данного должностного лица. Скорее всего, другие управляющие заводом получали аналогичные указы. Можно выделить несколько направлений в его деятельности: расширение сырьевой

¹⁷ Берх В. Н. Путешествие в города Чердынь и Соликамск... С. 51.

¹⁸ Там же. С. 51-52.

¹⁹ Там же. С. 52.

²⁰ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 122. Д. 765. Опубликовано: Берх В. Н. Путешествие в города Чердынь и Соликамск... С. 48-54. А. А. Преображенский ошибочно указал, что И. Анофриев принимал завод у В. Шорина. См.: Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII в. М., 1972. С. 239.

базы, обеспечение завода топливом и вспомогательной рабочей силой, учет денежных средств и основных показателей производства. Также он мог ходатайствовать перед центральными властями о нуждах завода и наказывать провинившихся работников. По каждому из отмеченных выше направлений в наказе содержались комментарии. Несомненно первостепенным вопросом для Пыскорского завода была проблема рудных ресурсов. Рекомендации И. Анофриеву по организации поисков новых месторождений практически не отличались от наказов руководителям геологоразведочных экспедиций, организовывавшихся казной на протяжении всего XVII в. Столичные власти не полагались полностью на заводских специалистов и требовали присылки в приказ Большой казны результатов опытов и образцов найденных руд. Также обращалось внимание на тщательную разведку месторождений по извещениям людей. За информацию о прибыльном месторождении обещалось «государево жалованье многое, смотря по руде, рублей по пятидесяти и по ступи больше».

В материалах о Пыскорском заводе просматривается явное стремление властей сделать привлекательным для населения горноплавильное дело в том смысле, чтобы люди не боялись, что его заведение поблизости принесет им убытки. Так, например, в 1635/36 г. Пыскорский монастырь получил вместо земель на р. Камгорке, взятых под завод, р. Мечку и Нагаеву пустошь – территорию, гораздо большую по площади. В царской жалованной грамоте 1641 г. на последнее обстоятельство особенно акцентировалось внимание. Это была компенсация за причиненное монахам неудобство (новые владения находились далеко от монастыря) и за обретение в их монастырской земле промышленных залежей медной руды. В то же время это была и своеобразная назидательная акция, чтобы люди не утаивали обнаруженные месторождения и тогда за сообщение они получают большое государево жалованье подобно Пыскорскому монастырю²¹.

О том, насколько остро для завода стояла сырьевая проблема, свидетельствует тот факт, что вслед за И. Анофриевым из Москвы к Соли Камской был послан «для рудного сыску» чиновник довольно высокого ранга – стольник Тимофей Лодыгин. И. Анофриев должен был обеспечить его деньгами, снастями и мастеровыми людьми²².

О геологоразведочной деятельности Т. Лодыгина мало что известно. В отчете 1646 г. отмечена на Григоровой горе «Тимофеевская шахта Лодыгина»²³. Это говорит о том, что он вел поиск не только новых мест, но и проводил горные работы на старых рудниках. Вряд ли его можно причислять к управляющим Пыскорским заводом. Перед ним ставились толь-

²¹ Берх В. И. Путешествие в города Чердынь и Соликамск... С. 42-47.

²² Там же. С. 55.

²³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 175. Оп. 2. Д. 60. Л. 2.

ко поисковые задачи и он действовал обособленно. И. Анофриеву предписывалось брать с него расписки за все выданное из заводских запасов.

Следующим направлением деятельности управляющих являлось обеспечение завода топливом. Заготовкой дров и угольным «пожегом» занимались угольники – люди, имевшие необходимые навыки в этом деле. В помощь к ним управляющий должен был нанять «деловцов охочих». Для промышленной выплавки меди требовалось большое количество древесного угля. На Пыскоре уголь пережигали не «в ямах», как практиковалось в России в XV – XVII вв., а по саксонскому образцу – «в кучах», что позволяло пережигать гораздо большее количество угля. Для этого был взят у Пыскорского монастыря «луг для сенных покосов медного дела, угольных пожегов на кровлю»²⁴.

Контингент занятых в заводском производстве можно разделить на две группы: постоянные и временные наемные работники. К первой группе относились квалифицированные кадры: плавильщики, подплавильщики, горные мастера. До 1642 г. техническое руководство и ядро специалистов на заводе составляли мастера-контрактеры из Германии. По сведениям В. Геннина, их было около 15 человек²⁵. Но к этой информации необходимо относиться осторожно, так как в сочинении В. Геннина содержится много неточностей в отношении событий XVII в. Например, он несколько раз упоминал, что руда на Пыскоре была найдена при царе Алексее Михайловиче. На самом деле при втором Романове медеплавильный завод уже переживал упадок. Из отчета 1646 г. известно, что немецкие специалисты проживали в двух избах на Григоровой горе.

Плавильщики были высшим звеном среди технического персонала, им подчинялись мастера и работные люди. В помощниках у плавильщиков были подплавильщики. Нам известны имена только двух русских плавильщиков – Александра Тумашева и Семена Колокольника. Совершенно очевидно, что А. Тумашев имел особое положение на заводе. Он не только плавил медь, но и занимался поисками новых месторождений, его опыту доверяли управляющие, его подпись стояла на отчетных материалах 1646 г. наряду с подписями административного персонала.

Были среди пыскорских мастеров и опальные люди. Часть из них была занята в шахтах. На Григоровой горе они жили вместе с наемными горными работниками в большой избе. Для плавильных работ на завод были присланы преступники определенной категории. В наказе И. Анофриеву 1643 г. предписывалось составить именную роспись, в том числе и «ссылочным денежного дела вором». Взойдя на российский престол Михаил Федорович отменил смертную казнь за подделку денег, заменив наказание торговой казнью и надеясь, что это урезонит «денежных воров». Од-

²⁴ Берх В. И. Путешествие в города Чердынь и Соликамск... С. 43.

²⁵ Геннин В. Описание Уральских и Сибирских заводов. С. 547.

нако смягчение наказания дало обратный эффект – количество фальшивомонетчиков увеличилось, и власти были вынуждены прибегнуть к крайним мерам. Указом 1637 г. предписывалось всех пойманных за подделку денег до появления данного документа, «бив кнутом по торгом нещадно, розослати в городаы в тюрьмы на смерть, скованных, и железа залить до их смерти», а «для улики» выжечь на щеках «вор». Впредь же указывалось всех фальшивомонетчиков и тех, кто будет «заведомо покупать воровские деньги», казнить старинным способом – заливать горло расплавленным металлом²⁶. Очевидно на Пыскор были отправлены мастера-фальшивомонетчики, совершившие преступления до 1637 г.

Обеспечение производства неквалифицированной рабочей силой происходило путем поденного или помесячного найма желающих. Поиск «охочих» людей для работы на заводе вряд ли был проблемой для управляющих, так как в первой половине XVII в. шло активное заселение территории Верхнего Прикамья русским населением. Судя по наказу И. Анофрисеву, центральные власти не регламентировали жестко периодичность выдачи зарплаты повременным работникам (поденно или помесячно), лишь бы было выгодно казне, расценки оставались прежними.

В заводской административный аппарат входили целовальники и урядники. Очевидно, последние следили за порядком на горных работах. Каким образом формировались их кадры в документах не отмечено. На целовальников возлагались учет денег, материалов, продукции, ведение приходных и расходных книг. Их посылали с различными поручениями за пределы завода. Так, например, целовальники ездили в Кайгородский уезд за колчеданом для плавильных работ²⁷. Как уже отмечалось выше, целовальник Дементий Зырянов возглавлял экспедицию на Печору и Цильму, посланную Н. Светешниковым в 1637 г. А работные люди в этом отряде находились под управлением Девятка Агафонова, который в документах 1646 г. значился как урядник. Кстати, в данных документах среди целовальников горного дела упоминается и Дементий Зырянов²⁸. Таким образом, получается, что они прослужили на заводе практически весь период его действия.

Целовальники выбирались из населения Соликамского уезда. Важно было, чтобы это были люди грамотные и достаточно состоятельные, чтобы в случае недостачи могли расплатиться своим имуществом. Так, например, в 1646 г. в приказе Большой казны по заводским отчетным документам не досчитались 70 руб. Управляющему Юрию Теленеву было предписано либо взыскать эти деньги с прежнего целовальника Антона Южаннинова, либо

²⁶ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII в. Л., 1986. С. 175.

²⁷ Архив СПб ИИ РАН. Ф 175. Оп. 2. Д. 59. Л. 7.

²⁸ Там же. Л. 6; Д. 56. Л. 6; Д. 60. Л. 6.

прислать в Москву отчетные документы о расходовании данной суммы. Ю. Телепнев обратился к соликамскому воеводе с просьбой прислать А. Южаннинова на Григоровский рудник. Но к тому времени последний, будучи уже ларечным целовальником в Соли Камской, вместе с таможенным и кабацким головой Богданом Зыряновым обвинялся в недостатке казне 2266 руб. За такую растрату виновные были препровождены в Москву²⁹.

Трудно сказать сколько целовальников и урядников одновременно несли службу на Пыскорском заводе. Осенью 1646 г. Ю. Телепневу помогали составлять отчет трое целовальников горного дела Леонтий Жданов, Дементий Зырянов, Любим Жданов и два урядника Костя Лысковец и Десятко Агафонов. В августе того же года Ю. Телепнев просил соликамского воеводу И. В. Львова выслать к рудному медному делу целовальников Давыда Пинегина и Афанасия Швецова, которые были отпущены за хлебными запасами в Соль Камскую и не спешили возвращаться обратно³⁰.

До 1643 г. на Пыскорский завод присылалось по два управляющих: один – представитель купечества, второй – из служилого сословия. Судя по документам, И. Анофриев и следующий за ним управляющий Юрий Телепнев уже не имели «напарников». И. Анофриев управлял заводом не более двух лет. В силу каких-то обстоятельств (возможно, смерти Ивана) заводские дела передавал Ю. Телепневу купец торговой сотни Алексей Иванович Анофриев. Скорее всего, это произошло в начале 1645 г., так как Ю. Телепнев в отчете о произведенных при нем работах в шахтах начинал отчет от 15 апреля 1645 г.³¹ Ю. Телепнев уже представлял другую категорию заводских управляющих – служилое сословие.

К сожалению, пока не обнаружено сведений о функционировании плавильного производства при И. Анофриеве и Ю. Телепневе. В сохранившихся отчетах 1646 г. имеются только описания состояния Григоровского и Кужгортского рудников. Григоровский оставался самым крупным заводским поселением. Там находились «боярские хоромы», в которых проживал Ю. Телепнев. В 1645/46 г. ряд жилых и хозяйственных построек (например, бывшие избы немецких специалистов) был перенесен на новое место. В Григоровском заводском поселке было 9 изб, баня, житница, кузница, плавильня для медных опытов. Также к поселку примыкали деревни Григоровская и Денисовская. Алексей Анофриев передал Ю. Телепневу 7 старых и 5 новых шахт на Григорове.

На Кужгорте заводское поселение состояло из двух изб, бани и амбара для хранения запасов и снастей. Ко времени приезда Ю. Телепнева постройки были в ветхом состоянии и не пригодны для жилья. Видимо, горные работы на Кужгорте уже не велись.

²⁹ Там же. Ф. 122. Оп. 1. Д. 822, 836.

³⁰ Там же. Д. 841.

³¹ Там же. Ф. 175. Оп. 2. Д. 56. Л. 6.

В середине 1640-х гг. Пыскорский завод переживал явно не лучшие времена. Мастеров, связанных с плавильным производством, отпускали для работы в другие места. Так, по просьбе Петра Марселеса и Флимона Акемы на их железоделательный завод на р. Ваге были командированы с Пыскора угольные мастера Ларка и Девятко «на время, покаместа они к нашему (т. е. государеву – *авт.*) делу будут не надобны». Зимой 1647 г. они были отпущены в Прикамье за своими семьями³². В 1646 г. плавильщик Семен Колокольник и Александр Тумашев, подплавильщик Данило Кашинец по царскому указу были отправлены в Верхотурье для поисков медной руды (см. гл. 3).

Отчет Ю. Теленнева о состоянии шахт на Григоровском руднике свидетельствовал о явном истощении месторождения – рудные слои среднего качества имелись лишь в трех местах, а новые рудники так и не были найдены. В Москве было принято решение о прекращении казенного содержания завода и передаче его заводскому плавильщику Александру Тумашеву с сыновьями в частное пользование с условием сдачи меди по фиксированной цене в казну. Их деятельность на заводе продолжалась до 1656/57 г., пока окончательно не истощились Григоровский и Кужгортецкий рудники. Причем даже после остановки завода Тумашевы не могли покинуть Соликамский уезд. Им было приказано искать в тех местах новые месторождения. До 1666 г. они были вынуждены жить на Пыскоре, так и не найдя рудников³³. Таким образом, даже став арендаторами завода, Тумашевы оставались в определенном смысле подневольными людьми.

По сведениям В. Геннина, после Тумашевых завод пытался привести в действие «пский присланный из Москвы иноземец», но вскоре он умер, после чего завод был окончательно заброшен³⁴. Столичные власти вновь вспомнили о Пыскорском заводе в 1671 г. на пике новой волны активизации поисков цветных и драгоценных металлов. Соликамскому воеводе было предписано выяснить «сыскивают ли» медную руду в районе старого медеплавильного завода, и по каким причинам производство было заброшено. Были допрошены монахи Пыскорского Преображенского монастыря и крестьяне из Денисовской и Григоровской деревень. Они еще помнили имена управляющих заводом и единодушно называли причину остановки завода – «в горах медная руда вынялась». В начале 70-х гг. на Григоровой горе ломали только камень для соляных промыслов³⁵.

Производительность завода и количество произведенной меди не известны. По объему добытой за 7 месяцев руды и среднему содержанию меди в ней Д. А. Кашинец рассчитал среднегодовую выплавку в 600 пу-

³² РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 15.

³³ ДАИ. Т. VI. СПб., 1857. С. 61.

³⁴ Геннин В. Описание Уральских и Сибирских заводов. С. 548.

³⁵ ДАИ. Т. VI. С. 155.

дов или 10 т меди³⁶. Но это всего лишь теоретический расчет для идеальных условий работы.

Такую производительность для завода А. В. Черноухов посчитал весьма завышенной, с чем невозможно не согласиться³⁷. Предприятие работало нерегулярно, так как постоянно существовала проблема истощения руд и оползания берега реки, на которой находился завод. За 8-9 лет управления заводом Тумашевыми было сдано в казну около 900 пудов меди, что характеризует производительность завода на уровне 100 пудов в год³⁸.

Основная часть произведенного металла поступала в казну, главным образом, на Пушечный двор³⁹. Тумашевым было дано право продавать медь и населению по цене 4,25 руб. за 1 пуд. Казна же закупала у них металл по 3 руб. Для сравнения отметим, что в 1625 г. в шведских городах купцы могли купить красную медь по цене 6 руб. 40 коп. за пуд., а за ее вывоз в Россию еще приходилось платить немалую пошлину⁴⁰. По подсчетам Дмитрия Тумашева их медеплавильный завод принес казне прибыли более 1500 руб.⁴¹

Таким образом, история Пыскорского завода показывает, что для государства всегда на первом месте стояла прибыль казне, и в зависимости от нее варьировались остальные условия. Оценив, что дальнейшее казенное содержание Пыскорского завода становится невыгодным, власть отказалась от своего монопольного права на производство меди и допустила в эту сферу арендные отношения. Тем не менее, передав завод в частные руки, государство оставило за собой право контроля, регламентации сбыта продукции и действий заводчиков.

Нерчинский сереброплавильный завод: от замыслов до реализации

К истории строительства первого в России сереброплавильного завода исследователи обращались неоднократно. В 1955 г. была опубликована обстоятельная статья О. И. Кашик, в которой реконструируется история Нерчинского завода с 1704 по 1730 гг.⁴² На конкретном материале автор показала основные принципы промышленной политики Петра I в действии.

В 1963 г. В. Г. Изгачев предпринял попытку доказать, что строительство Нерчинского (Аргунского) сереброплавильного завода началось

³⁶ Кашицев Д. А. История металлургии. С. 37.

³⁷ Черноухов А. В. История медеплавильной промышленности России XVIII – XIX вв. Свердловск, 1988. С. 35.

³⁸ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь... С. 239.

³⁹ См.: Описание актов собрания графа А. С. Уварова. Акты исторические, описанные И. М. Катаевым и А. К. Кабановым. М., 1905. С. 521, 537.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 27. Д. 34. Л. 35-40.

⁴¹ ДАИ. Т. VI. С. 61.

⁴² Кашик О. И. Основание первого в России сереброплавильного завода. // Ученые записки кафедры истории СССР и кафедры всеобщей истории Иркутского государственного педагогического института. Вып. XI. Иркутск, 1955. С. 53-91.

в XVII в.⁴³ Пафос статьи был направлен на доказательство того, что честь открытия месторождения и строительства завода в бассейне Аргуни принадлежит отнюдь не иностранцам, в частности, грекам Александру Левандиану с товарищами, а русским рудознателям при помощи коренных жителей. Автор особо подчеркнул роль рудознатца Якова Галкина.

А. К. Трошин в книге, посвященной воеводе И. Е. Власову, также затронул вопрос о находке и попытках освоения месторождения серебряной руды в бассейне Аргуни в XVII в.⁴⁴ Исследователя, в первую очередь, интересовала роль в этом деле И. Власова. Он пришел к выводу, что под руководством именно этого воеводы было разведано месторождение серебряной руды промышленного значения, и началось строительство Нерчинского сереброплавильного завода, которое было временно прекращено с отъездом группы рудоплавных мастеров под руководством Я. Галкина в Москву в 1692 г. О поисках месторождения серебряной руды в бассейне Аргуни упоминается в монографиях В. А. Александрова «Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.)» (М., 1969) и А. А. Кузина «История открытий рудных месторождений в России» (М., 1961). Все отмеченные выше работы объединяет то, что они написаны в основном на одной и той же источниковой базе, основу которой составляет столбец № 1081 из фонда Сибирского приказа (Ф. 214) (РГАДА). Это довольно обширное дело (214 л.) позволяет восстановить общую канву событий и активно используется нами и в данной работе.

Вместе с тем, привлечение значительного комплекса ранее неиспользованных документов из фонда «Портфели Миллера» (Ф. 21) (СПФ ААН) позволяет не только заполнить ряд пробелов в истории открытия и строительства Нерчинского сереброплавильного завода, но и определить роль в этих событиях различных властных структур центрального и местного уровня, проследить процесс выработки управленческих решений и их реализации в специфических условиях самого отдаленного района восточных владений России, ответить на вопрос, почему же Нерчинский сереброплавильный завод так и не был построен в XVII в.

О находках старых рудников на притоке р. Аргунь р. Серебрянке тобольские воеводы Петр Большой Шереметев, Иван Стрешнев и дьяк Григорий Михайлов сообщили царю Федору Алексеевичу осенью 1677 г. К тому времени отряды русских служилых начали закрепляться в среднем течении р. Амура и постепенно осваивать приамурские земли. Их опорными базами были Нерчинский острог (1654 г.) и Албазин (1665 г.).

⁴³ Изгачев В. Г. Строительство первого Аргунского сереброплавильного завода в XVII в. // Ученые записки Читинского педагогического института. Общественные и гуманитарные науки. Вып. IX. Чита, 1963. С. 66-80.

⁴⁴ Трошин А. К. Иван Евстафьевич Власов, воевода – рудознатец XVII в. М., 1963.

Объясчавание коренного населения этой территории проводилось традиционными методами. Одной из самых надежных гарантий, что ясак будет уплачен, был захват аманатов. Местные князцы разными способами стремились выручить из заложников своих близких, и в том числе делились ценной для русских информацией о рудных месторождениях. Вот таким образом в 1675/76 г. нерчинский приказчик Павел Шульгин впервые узнал от посланника «мугайского Дай контайши»* Бугонца о находках серебряной и оловянной руд в степи недалеко от р. Аргунь. Последний рассказал, что его правитель посылал людей с верблюдами к тем месторождениям. Но у контайши нет своих плавильщиков, поэтому он хотел «для подлинного объяву» отвести ту руду вверх по р. Ану к своему «кутухте»**. В то же время Бугонцай был уполномочен найти в Нерчинске русских рудознатцев и плавильщиков серебряной и оловянной руд.

П. Шульгин решил отправить небольшую группу из 5 служилых людей во главе с Василием Миловановым на Аргунь к намясинским тунгусам для разведки руд в том месте, где ее нашли монголы. Этому отряду не удалось найти месторождение, но они привезли в Нерчинск «золотника по четыре (около 17 г – авт.) серой да желтой руды». Эти образцы Милованов выменял на подарки в Намясинских улусах у князца Анги. Выяснилось, что в Нерчинске сидел в аманатах его сын Аранги и именно его контайша посылал на поиски руд к Аргуни.

Аранги называл желтую руду золотой, а серую – серебряной. Он указал более конкретное место рудных находок – это притоки Аргуни р. Олтача (Золотая), р. Мунгуча (Серебряная), р. Тузьяча (Оловянная). Путь до тех речек занимал дней пять. Получив эти сведения, П. Шульгин вновь отправил 10 служилых людей под началом Филиппа Свешникова с 4 тунгусами – вожами. Чтобы тунгусы добросовестно выполнили свою работу, им были даны подарки (сукна, котлы, разная железная мелочь). Перед Ф. Свешниковым стояла задача произвести досмотр места, и особо обращалось внимание на наличие леса поблизости.

Тунгусы привели отряд к старым рудным разработкам на р. Тузьяча и р. Мунгуче***. По сообщению Ф. Свешникова, они обнаружили «старых многих плавилен з 20 и болши и копано знать из горы». Служилым людям так и не удалось выяснить у местного населения, чье же это было производство. По мнению иностранца Избранда Идеса, посланного российским правительством в Китай в 1692 – 1695 гг. и проезжавшего по

* *Контайша или хунтайджи – титул правителя Джунгарского ханства, титул правителя государства Алтын-ханов.*

** *Тэгэн-хутухта или богдо-гэгэн (монг.) – титул главы ламаистской церкви в Монголии.*

*** *О поездке Ф. Свешникова в документе написано: «... доезжали де они до одной речки, что называют мугайские люди и тунгусы Тузьячею и Мунгучею реками, а ехали де они из Нерчинского до той речки пять ден середнею ездою». Таким образом, Тузьяча и Мунгуча воспринималась служилыми как одна река.*

р. Аргунь и р. Серебрянке, в прежние времена в этих местах занимались добычей серебра «пючжу и монголы»⁴⁵.

Ф. Свешников привез в Нерчинск «серого камня, что называют оловянною рудою, 2 пуда (около 32 кг – *авт.*) да желтого камня пезнатной руды пол семь гривенки (около 1 кг 439 г – *авт.*), которую имали они около серой руды да розных земель в пяти узлах фунтов с 6 (около 2 кг 458 гр.), которые земли имали они над тою же речкою у старых у розных плавлен». Согласно их описанию, жила серой руды шла в гору шириной на сажень. В трех саженьях от жилы они осмотрели подкоп «великой» и обнаружили в нем входы и глубокие подкопы, которые были «затвержены сланью и хрящем и большим каменем». Про лес Ф. Свешников сообщал, что он «всякой от того места на горах по камению в полуверсте и в верстах в четырех и в пяти есть и около тех мест».

В тот период еще не было установлено четкой границы на южном побережье приамурских колонизируемых земель. Как считает Е. Л. Беспрозванных, в 1675 г. посольству Н. Спафария в Китай не поручалось рассматривать пограничный вопрос, так как русское правительство не видело необходимости в разграничении русских и цинских владений, поскольку рубежи двух государств еще не сблизились вплотную. В выписке о путях в Цинскую империю говорилось, что вдоль р. Аргунь живут «государевы ясачные люди», между реками Ган и Хайлар кочуют подданные халхаского правителя Цэнэн-хана (Халха тогда еще не входила в состав Цинской империи)⁴⁶. Это подтверждается и сообщением Ф. Свешникова. Он сказал, что ближайшая округа месторождения не заселена, а «города и юрты и многие жилища и мельницы каменные и жерновы и осыпи земляные на водном месте» находятся от Нерчинска «в 30 днищах (т. е. днях – *авт.*)».

По возвращению отряда Ф. Свешникова на поиски рудных месторождений был вновь отправлен В. Милованов, но уже с другим проводником, тунгусом Даяном, который решил, что предыдущий отряд по незнанию вожей не дошел до Мунгучи (Серебряной) реки. В конечном итоге он привел В. Милованова на то же место, где был Ф. Свешников.

В Нерчинске дело с привезенной рудой застопорилось, так как оказалось, что в остроге нет рудознатцев и плавильщиков. Однако через некоторое время в 1676/77 г. в Нерчинск вернулся из Албазина бронный мастер Кузьма Новгородец, и П. Шульгин велел ему провести опытную плавку. Из 10 гривенок (около 2213 г) серой руды у него получилось 90 золотников (383 г) свинца с оловом, т. е. около 17%. Повторный опыт был проведен возвращавшимися из Китая вместе с Н. Спафарием купцами

⁴⁵ *Избрант Идес и Адам Брант. Записки о русском посольстве в Китай (1692 – 1695). М., 1967. С. 161.*

⁴⁶ *Беспрозванных Е. Л. Приамурье в системе русско-китайских отношений. М., 1983. С. 34.*

греками Иваном Юрьевым и Спиридоном Астафьевым. Из 14 гривенок (около 2870 г) руды они выплавляли 3,75 гривенки (около 829 грамм) свинца, т. е. 29 %. Изучив образцы руды и исходя из убеждения, что свинцовые и серебряные руды залегают вместе, греки дали П. Шульгину совет «копать глубоко и искать знающими людьми», чтобы получить серебряную руду. Привезенная же порода была взята сверху (об этом свидетельствовали и служилые люди).

Нерчинский воевода отправил пуд руды с отпиской и полученными результатами опытов через Тобольск в Москву. 3 февраля 1678 г. нерчинские служилые люди доставили все это в Сибирский приказ. А 28 февраля последовало распоряжение царя Федора Алексеевича передать привезенную из Даурии руду дворцовому, оружничему, боярину Б. М. Хитрово и дьяку Б. Силину в Золотую палату. Одновременно эти же люди руководили и Серебряной палатой. По неизвестным причинам образцы даурской руды пролежали в Сибирском приказе и Золотой палате почти два года. Лишь в 1680 г. были проведены первые опытные плавки.

Больше года не было реакции центральных властей на сообщение тобольских воевод о находках рудного месторождения на р. Серебряной. Возможно, это было связано с дворцовыми перипетиями того периода. По мнению ряда исследователей, 1679 г. стал переломным в царствовании Федора Алексеевича. К тому времени вокруг молодого царя сформировалось новое окружение. В результате споров по поводу женитьбы монарха в 1679 г. был положен конец всесилию И. М. Милославского и его партии, начался новый период царствования Федора, полный серьезных преобразований в различных областях, которые в известной мере предвосхитили последующие реформы начала XVIII в.⁴⁷

28 июля 1679 г. енисейскому воеводе И. Борятинскому был направлен обстоятельный царский указ за приписью дьяка Сибирского приказа С. Таркова. В этом документе можно выделить две части: первая посвящена конкретным обстоятельствам нахождения рудного месторождения на р. Серебряной, вторая содержит общие указания о проведении поисков руд по всему Енисейскому уезду.

Документ начинался повтором сообщения тобольских воевод 1677 г. о находках месторождения на р. Серебряной. В связи с этим енисейскому воеводе предписывалось в Енисейске и Даурских острогах найти кузнецов, серебряников, бронников, рудознатцев и плавильщиков, одним словом тех, «кто такие места и руды знает» и послать их под началом головы Самойла Лисовского для «рудного дела в Нерчинские остроги без мотчанья». Мастерские люди должны были быть обеспечены необходимыми рудознательными и кузнечными припасами и «заводами». Из Нерчинска С. Лисовскому

⁴⁷ См.: Преображенский А. А., Морозова Л. Е., Демидова Н. Ф. Первые Романовы на российском престоле. М., 2000. С. 338-402.

предстояло отправить их под охраной нерчинских служилых людей на те места, где была найдена руда. Они должны были расчистить старые подкопы, заложить новые шурфы и, «доискався в глубли подлинныя руды, взять сколько доведетца», привести в Нерчинский острог, где мастерам провести опытную плавку. Если опыты дадут положительный результат, то Лисовский сам должен был выехать к месторождению «для подлинного ведома» или, в крайнем случае, послать тайно самых знающих и надежных людей, чтобы провести досмотр местности, составить описание и взять новые пробы руды «по скольку пуд доведетца». В Нерчинске необходимо было в присутствии Лисовского провести повторные опыты, а затем их результаты прислать в Енисейск «тот час не замотчав». Обращает на себя внимание, с какой тщательностью должны были на месте, еще в Нерчинске, исследовать найденные руды. Пока не ставился вопрос об организации там производства и о рентабельности месторождения.

Содержание второй части указа было традиционным. Она была адресована и С. Лисовскому, и енисейскому воеводе И. Борятинскому, и уездным приказчикам, чтобы они «в иных местех в Нерчинских острогах и в уездах и в Албазинских и в иных острогах и в уездах» вели поиски всяких руд «с великим радением не оплошно». Опыты с найденными образцами должны были проводиться в Енисейске. А тем людям, «буде хто те руды сыщет и опыты учинит и плавить учнет», обещалось государево жалованье и пожалование «в вышней чин».

В конце указа его составители вновь возвращались к отправке экспедиции С. Лисовского. Была сделана любопытная приписка: «И о том против сего [нашего великаго государя указу]* и чего к тамошним мерам будет в сем нашем великаго государя указе и не написано, велеть дать ему, Самойлу, о всем наказную память за дьячею приписью подлинно». Если вспомнить царские указы о проведении экспедиций в первой половине XVII в., то в них мы увидим, что центральная власть полностью регламентировала все стороны организации экспедиции. В конце 70-х гг. XVII в. правительство уже понимало, что ему трудно предусмотреть все обстоятельства проведения той или иной экспедиции на окраине государства и поэтому давало возможность местной администрации действовать согласно возникавшим ситуациям, но под своим контролем.

Вместе с указом в Нерчинский острог была направлена наказная память С. Лисовскому. Дело в том, что до 1680/81 г. в Нерчинск не направлялись воеводы из Москвы. Этот небольшой острог управлялся головами, назначавшимися из тобольских, а с 1677 г. енисейских служилых людей. Наказ С. Лисовскому был связан с его назначением в Нерчинск вместо А. Строганова. Поэтому обязанности С. Лисовского, отразившиеся в наказе, были существенно шире, чем только организация геологоразведочных работ. По су-

* Текст в квадратных скобках в документе зачеркнут.

ти дела его функции совпадали с воеводскими. Когда царский указ достиг Енисейска, С. Лисовский находился на службе в Баргузинском остроге на Байкале, срочным порядком он был отозван и послан в Нерчинск.

Согласно царскому указу, енисейский воевода И. Борятинский в июле 1680 г. отправил в Нерчинск для рудного дела четверых посадских людей: рудознатца и плавильщика Киприяна Ульянова, серебряника Якова Федорова Корелу (по выбору енисейских посадских людей), кузнецов промышленных людей Гурьяна Митрофанова и Дмитрия Куванина. К. Ульяновым была составлена роспись необходимых рудознатных и кузнечных инструментов: «4 лома больших, 8 керок, 10 заступов круглых, 2 молота больших, 6 клинов, клещи большие, ковш с трубкою, 10 тоноров, двой мехи большие, пуд железа прутowego». Как докладывал в Москву енисейский воевода, все железные снасти были изготовлены в Енисейске из железа, собранного с местных кузниц в уплату десятинного оброка. Кроме этого, по распоряжению И. Борятинского в Нерчинск было доставлено 30 пудов кричного железа из Балаганского острога.

В начале 1680 г. в Сибирском приказе вспомнили об образцах руды, присланных из Нерчинска. Выяснилось, что из Золотой палаты так и не сообщили о проведении опытов с этими образцами и тогда руководство приказа решило само провести опытную плавку. К тому времени в Москву еще были присланы образцы руды из Красноярска. 20 февраля 1680 г. мастер Христиан Дробыш, проведя опыты, дал заключение: «Ис красноярской руды железо плохое в ковку не годитца, а ис даурской свинец, а серебра и меди и в той даурской руде нет».

10 июля 1680 г. в Золотой палате мастерами золотого дела иностранцами Тимофеем и Еремеем Левкиными* также были проведены опыты с «даурской присылки руд из пяти мест». Однако у них из этой руды «по опыту объявилось» серебро: из «полу третя» пуда (около 40950 г) получилось 12 золотников (около 51 г), т. е. около 0,1 %. Они дали заключение, что если такой руды много, то можно строить большой завод. По их подсчетам из 20 пудов (около 327 кг) руды должен был получаться 1 фунт (около 410 г) чистого канительного серебра, а также свинец. Через несколько дней Левкины повторили опыт в присутствии стольника К. А. Яковлева из Сибирского приказа, и вновь было получено серебро.

Х. Дробышу был учинен допрос – зачем он сказал «неправду» про даурскую руду. Мастер объяснил свои результаты другой методикой проведения опыта. Он плавил образцы руды в большом горне, «как плавят в немецкой Саксунской земле». Позже он понял, что даурская руда «большо-

---

* Братья Левкины приехали в Россию в начале 1670-х гг. в качестве «нововыезжих иноземцев». Левкин Еремей (Герман) Иванович (Herman Lesken) – купец, арендатор пороховой мельницы. Левкин Тимофей (Дирик) Иванович (Dietrick Lesken) служил золотым мастером при дворцовых палатах с 1670-х гг. до 1700 г., умер в 1715 г. См.: Ковригина В. А. Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой четверти XVIII вв. М., 1998.

го огня не подымет, выходит от малого огня», поэтому «от большого огня вся сторела и серебра в той руде не объявилось, а объявился свинец». Левкины проводили опыты в малом горне, поэтому у них получилось серебро. 20 июля Х. Дробыш повторил плавку и получил серебро.

В Сибирском приказе «для подлинного уверенья» Левкины в присутствии Х. Дробыша провели еще один опыт. Результат оказался прежним – это была серебряносодержащая руда. Теперь предстояло определить выгодно ли вести промышленные разработки руды, найденной в Даурии. В России еще не было подобного опыта, поэтому приходилось обращаться к свидетельствам иностранных мастеров. Напомним, что из 2,5 пудов руды было выплавлено 12 золотников серебра. Еремей Левкин заявил, что в Саксонии ведут разработки менее богатых рудных месторождений (при содержании в этом же объеме руды 3 – 4 золотника серебра). При этом Дробыш заметил, что в таких случаях добычей и плавкой серебра занимаются все желающие на оброчном праве («емлют с той руды в курфюрштову казну десятую пошлину»).

26 июля перед дьяками Сибирского приказа он вновь осмотрел образцы руды, из которой Левкины выплавили серебро, и сказал, что «де та руда худая железная, а чаит де будет из нее немного серебра, и то де серебро не на прибыль и работником плавить ис той руды серебро не ис чего». По свидетельству Дробыша, в Саксонии из 2,5 пудов серебряной руды выплавливали 15 – 20 золотников (около 64 – 85 г) чистого канительного серебра (т. е. около 0,15 – 0,2 %), 5 – 8 фунтов (около 2045 – 3272 г) свинца и 3 – 4 фунта (около 1227 – 1636 г) меди.

Таким образом, Сибирский приказ получил два совершенно противоположных заключения специалистов о даурской руде. Три месяца прошли в раздумьях. Лишь 1 ноября боярин князь И. Б. Репнин и стольник К. А. Яковлев приняли решение провести более тщательную разведку найденного месторождения на р. Серебряной. Изложенные в их приговоре рекомендации как осуществлять эти мероприятия в основном совпадали с указаниями енисейскому воеводе И. Борятинскому 1679 г. Но на сей раз поисковики должны были определить величину месторождения, возможности для строительства завода и острога в данном месте. Впервые центральные власти заинтересовались «сколь далеко те места от Китайского государства и не чаят ли в том с Китайским государством ссоры». Если же строительство острога рядом с месторождением грозило раздорами с Китаем, то необходимо было выяснить возможно ли возить руду в Нерчинск и не будет ли это накладно. Обстановка в Приамурье становилась все более тревожной. Цины вели подготовку к агрессии против России. Как видно из данного документа, российские власти пытались сохранить мир на юго-восточных рубежах и ничем не спровоцировать военный конфликт с маньчжурами. В это время еще продолжалась война России с Османской империей за Правобережную Украину.

В 1680 г. руководство Сибирского приказа по-прежнему рассчитывало проводить опытные плавки руды силами местных мастеров в Нерчинске. О всех трудностях нерчинский воевода должен был сообщать в Енисейск. Решение о продолжении поисков месторождения серебра в Даурии было оформлено царским указом от 16 ноября 1680 г.

В связи с возрастающим значением Нерчинска в конце 1680 – начале 1681 гг. в этот острог был направлен воевода из Москвы Ф. Д. Восейков. Поэтому голова С. Лисовский так и не успел выполнить указание о проведении геологоразведки на р. Аргунь, теперь этим предстояло заняться Ф. Восейкову. 25 июня 1681 г. из Москвы был отправлен очередной указ по этому поводу. В Сибирском приказе только что произошла смена руководства. Вместо боярина князя И. Б. Репнина, стольника К. А. Яковлева, дьяков Л. Ермолаева и С. Таркова были назначены окольных И. И. Чаадаев*, думный дьяк И. С. Горохов и дьяк В. Кирипанов. В январе 1680 г. в штате приказа появился дьяк С. Румянцев. Как и предыдущий руководящий аппарат приказа, это были опытные администраторы, имевшие большой опыт работы в других приказах. Кроме того, С. Тарков и С. Румянцев в конце 1650 – начале 1660 гг. были на дьяческой службе в Сибири. Смена руководства Сибирского приказа не отразилась на отношении центра к разведке рудных месторождений в Даурии. Этот вопрос по-прежнему оставался в поле внимания центральных властей. Появление указа от 25 июня 1681 г. было связано с тем, что столичные власти беспокоило отсутствие сообщений из Нерчинска по этому поводу.

Однако нараставшая в Приамурье напряженность не позволяла провести тщательное обследование найденных рудников. Осенью 1681 г. воевода Ф. Воейков сообщил в Москву, что из Нерчинского острога на Аргунь «для плавки серебряных и иных руд и для опыту и подлинного розыску нерчинских казаков к тем рудам в нынешнем в 190 (1681) г. послать за малолетством никоими мерами не смел для того, что в земле стоит шатость и войны большие». Ф. Воейков принял решение построить на Аргуни острог в 10 верстах от обнаруженных рудников. Он обещал послать поисковиков к месторождению, как только «в Мунгалских землях шатости и войны не будет».

При Ф. Воейкове обследование рудников в бассейне Аргуни так и не было проведено. Трудно сказать, то ли действительно обстановка в крае не позволяла заняться этим делом, то ли воевода не проявил достаточного рвения. В январе 1683 г. енисейский воевода А. П. Салтыков переправил в Москву челобитную серебряника К. Ульянова, который был послан в Нерчинск для поисков руд цветных и драгоценных металлов еще в 1679/80 г. Он просил разрешить ему вернуться в Енисейск, так как

* И. И. Чаадаев возглавлял Сибирский приказ непродолжительное время. В 1683 г. отписки из Сибири вновь адресовались И. Б. Репнину. В Указателе имен к сборнику сочинений современников петровской эпохи «Рождение империи» (М., 1997) отмечено, что И. Б. Репнин возглавлял Сибирский приказ в 1679 -- 1697 гг. (С. 481)

в Нерчинске скитается «промеж двор» без дела и государева жалования и «помирает голодною смертию», а воевода Ф. Воейков ему «служилых людей не даст, сам не едет», серебряника «бранит и кнутом грозит».

В конце января 1684 г. Ф. Воейков сообщил енисейскому воеводе К. О. Щербатому, что 5 июня 1683 г. он уже было снарядил на Аргунь для поисков руд К. Ульянова и отряд под руководством сына боярского Григория Лоншакова. Но 4 июня в Нерчинск явились посланцы монгольских тайшей Дагины Катуня и его детей из-за р. Аргунь с озера Далая (Далай-нор). Монголы требовали вернуть ясачных братских людей, «которые в прошлых годах вышли из мунгальские земли под вашу, великих государей, высокую руку в вечное холопство в Нерчинской острог». Те братские люди продолжали жить «на прежних своих порозжих землях у Байкаловского моря и за Байкалом на Орхоне острове и на Верхоленской стороне», а ясак они платили в Нерчинске. Угрожая войной, посланцы сказали Ф. Воейкову, что они «збираютца де всею мунгальскою землею и даст де им, мунгальским тайшам, Китайской богдохан в помочь под даурские остроги, и тех де братских ясачных людей и тунгусов возьмут они и не волею». В такой ситуации нерчинский воевода вновь отложил обследование рудников на Аргуни. Подобная же информация о надвигающейся угрозе поступила из Селенгинского острога.

В начале 1684 г. нерчинским воеводой стал И. Е. Власов и начался новый этап обследования рудных залежей в даурских землях. В мае 1684 г. к И. Власову явился серебряник К. Ульянов. Из его рассказа выяснилось, что посланные с ним в 1679 г. для участия в экспедиции С. Лисовского (так и несостоявшейся) товарищи не добрались до конечного пункта назначения. По дороге в Нерчинск группа енисейских мастеров встретила в Иркутском остроге ехавшего на воеводство в Даурию Ф. Воейкова. Из всей группы нерчинский воевода взял с собой только К. Ульянова и рудокопное оборудование. От К. Ульянова И. Власов узнал, что при прежнем воеводе так и не было проведено обследование рудников на р. Серебряной.

Очевидно, в это время обстановка в крае стала на короткий период спокойнее, и И. Власов смог отправить отряд Г. Лоншакова к месторождению. С ним поехали казачий десятник Ф. Свешников и С. Гаврилов (уже побывавшие в тех местах), 30 служилых людей и 10 тунгусов для «проведывания неприятельских воинских людей». У отряда было две задачи: 1) провести разведку о возможном приходе «китайских воинских людей» под Нерчинский острог и ясачные волости; 2) выбрав удобное время, идти на р. Мунгуча к старым рудным местам и копиям, где раньше Ф. Свешников брал руду.

И. Власов имел довольно богатый опыт руководства геологоразведками ещё будучи селенгинским воеводой. Поэтому его рекомендации Г. Лоншакову отличает более детальное описание как проводить земляные работы и брать образцы руды. Он велел: «...хряц и камень и всякую слань выломать до чиста и дойти до самых рудных жил и по тем жилам

где мочно копать заступы, а где заступы копать не мочно и в тех местах велел ломать ломы железными, чтоб теми жилами идти сажень 5 или 6, а будет мочно и гораздо болши, и взять руды не тех рудных жил из глубины, а не сверху и немалое число, чтоб было пуд сто или болше». Поисковики должны были составить подробное описание рудных мест и окрестностей (лес, реки, пашенные земли, удаленность от монголов, ближайший тайша и «сколь люден»). Опять обращалось внимание на то, что не вызовет ли пребывание русских в тех местах конфликта с Китайским государством.

Отряду Г. Лоншакова повезло, они спокойно добрались до старых копей в урочище у р. Мунгуча. Расчистив старые ямы, служилые люди обнаружили две рудные жилы, из которых раньше добывали руду, но они были тонкими. Из них было взято поисковиками около 3 пудов породы. Г. Лоншаков с товарищами заложили рядом новый шурф глубиной 3 сажени, в длину и ширину по восьмой доле сажени и вышли на жилу. Та жила была толщиной 5 четвертей, а шириной – 1 аршин. Из нее было взято около 60 пудов руды. Новая яма находилась в 56 саженях от старой, а та была расположена в 92 саженях от р. Тузяча. Впервые в доезде Г. Лоншакова было четко определено, что р. Тузяча была притоком р. Мунгуча, которая впадала в р. Аргунь. От месторождения до р. Аргунь было 8 верст. Как и предыдущий отряд, Г. Лоншаков насчитал около 20 старых плавлен выше старой копи и ниже по р. Тузяча.

О лесе Григорий сообщил, что «в версте и менши» от рудных мест леса дровяные, а «хоромной лес верстах в 10 и менши». Он сделал заключение, что можно поставить острог и завести завод для плавки руды, так как место «угожее» и много пашенных земель, «хотя де на 500 дворов». Относительно возможности конфликта с Китайским государством Г. Лоншаков считал, что «ссоры быть не для чего, потому та де земля не Китайского государства, а кочуют де около тех рудных мест мугалы, дагины, катуни, крайные улусные люди с ясачными людьми сповал (т. е. сплошь – авт.) намясинского да копорского родов, которые ясачные люди тех родов платят вам, великим государем, повольной ясак лошадми и рогатым скотом в Аргунской острог». Путь из Нерчинска до Аргунского острога занимал десять дней степью на верблюдах, а оттуда до рудных копей можно было добраться за половину дня.

В Нерчинске из привезенной руды И. Власов организовал проведение трех независимых опытов. Бронному мастеру Кузьме Новгородцу (который плавил руду при П. Шульгине), серебрянику Киприану Ульянову и нерчинскому служилому человеку кузнецу Лариону Семенову было выдано по пуду породы. В присутствии воеводы отдельно друг от друга они провели опытные плавки. В итоге получились свинец с оловом, у первых двух – по 3 фунта (около 1228 г) (т. е. 7,4% содержание), у кузнеца – 5 фунтов (около 2047 г) (т. е. 12,5% содержание). Как отмечено выше, в 1680 г. в Москве иностранные мастера получали из той руды серебро.

Но в Нерчинске провести подобные опыты не смогли. Кузьма, Кириан и Ларион сказали, что «какая де та руда и есть ли в ней серебро и с чем ее и какими мерами начисто плавить того они де не знают». Других же рудознатных мастеров и плавильщиков в Нерчинске не было.

В Сибирский приказ к боярину князю И. Б. Репнину* И. Власов отправил 11 фунтов полученного сплава свинца с оловом, 25 пудов руды, из которой делали опыты, 2 пуда породы из тонких жил в старой яме. Груз и соответствующую отписку воеводы в Москву повезли участвовавший в поездке с Г. Лоншаковым казак С. Гаврилов и сын боярский И. Милованов. На обороте этой отписки имеется резолюция – записать в книгу, руду принять, найти мастеров-рудознатцев и учинить опыт.

Одновременно И. Власов доложил о результатах обследования месторождения енисейскому воеводе боярину К. О. Щербатому и послал ему 5 пудов руды из новой и 0,5 пуда из старой жилы. С. Гаврилов и И. Милованов проехали через Енисейск 14 сентября 1684 г., а воевода К. Щербатый стал проводить свои опыты с доставленной ему рудой (по его сообщению он получил 5 пудов и 37 гривен (около 89,5 кг) даурской руды).

Очевидно, вместе с посыльными в Москву приехал в Енисейск серебряник К. Ульянов, где ему вновь пришлось проводить плавку той же руды. Как сообщил воевода К. Щербатый, вместе с К. Ульяновым в проведении опытов участвовали еще один серебряник, котельник и кузнецы (фамилии не назывались). Результаты оказались еще хуже, чем в Нерчинске. Из 5 пудов 37 гривен руды было выплавлено 27 гривенок (около 5535 г) свинца с оловом, т. е. удалось выделить из руды около 6% свинца и олова. К. Щербатый отправил в Москву с казаком Дмитрием Протопоповым лишь 3 гривенки (около 615 г) полученного сплава, так как посыльный отправился на нартах. Оставшаяся часть результатов плавки была доставлена в столицу позже. В конце своей отписки по поводу проведенных опытов енисейский воевода спрашивал продолжать ли добычу руды. Однако для продолжения работ не было необходимых специалистов ни в Енисейске, ни в острогах Енисейского разряда, и К. Щербатый ждал дальнейших указаний из Москвы.

Отписка была подана в Сибирский приказ 23 июля 1685 г., а 24 августа последовал царский указ к новому енисейскому воеводе стольнику С. А. Собакину. Ему предписывалось выяснить у И. Власова во сколько будет обходиться дальнейшая добыча и плавка свинца в Нерчинске, «по чему пуд (свинца – авт.) учтет ставитца», не будет ли это убыточно для казны и в тягость людям. Отписку следовало подать в Сибирском приказе боярину И. Б. Репнину. В Москве как будто уже забыли, что в 1680 г. опыты братьев Левкиных и Х. Дробыша показали наличие в даурской руде серебра и спустя 5 лет были готовы довольствоваться и свинцом.

* В 1670 – 1672 гг. И. Б. Репнин был воеводой в Тобольске. См.: Вершинин Е. В. Воеводское управление в Сибири... С. 173.

Необходимость принятия срочных мер по нормализации обстановки в Приамурье и Забайкалье вновь отодвинула окончательное решение о разработке месторождения на р. Тузюча. В июне 1685 г. маньчжуры осадили Албазин, Селенгинск, Удинск. Нерчинский гарнизон в меру своих возможностей помогал Албазинцу. Аргунский острог подвергся нападению со стороны чемчагиров и карапутов. Цины заявили о своих претензиях на всю Восточную Сибирь. Однако московское правительство не собиралось поступаться этой территорией. В конце 1685 г. в Сибирь был отправлен стольник Ф. А. Головин. Ему вменялось в обязанность отстоять русские рубежи в Восточной Сибири дипломатическим путем и «воинским промыслом». Для организации обороны Ф. Головину передавалась власть над огромной территорией Иркутского, Нерчинского и Албазинского уездов. В официальных документах он назывался воеводой, вскоре был назначен великим и полномочным послом для ведения переговоров с маньчжурскими представителями на пограничном съезде.

Одновременно была организована отправка в Сибирь новых воинских отрядов из центральной части страны. Для этой цели из 12 стрелецких приказов, находившихся в Москве, было отобрано 500 стрельцов, которые должны были составить ядро новых формирований. Из Стрелецкого приказа на службу в Дауры были посланы полковники Ф. Скрипицын, П. Грабов и подполковник С. Богатырев. В Сибири к ним присоединился ранее уехавший из Москвы полковник А. Смаленберг. Сибирским воеводам было указано скомплектовать отряды общей численностью в 1400 человек.

В конце марта 1686 г. Ф. Головин приехал в Тобольск, следом за ним прибыли московские стрельцы, и началась подготовка к походу в Приамурье. Через два месяца отряды под руководством Ф. Головина двинулись в путь. Тем временем вновь начались тяжелые бои за Албазин. С большим трудом флотилия Ф. Головина добралась к концу сентября до Рыбинского острога, где и остановилась на зимовку⁴⁸.

В ноябре 1686 г. Ф. Головин принял решение отправить в Нерчинск 100 пудов пороха, ручные гранаты и 370 пищалей в сопровождении 170 служилых людей. Одному из руководителей отряда прапорщику из полка П. Грабова Лаврентию Андрееву Нейдгарту* было дано задание по дороге и около Нерчинска «приискивать серебряных и иных рудоплавных

* В «Указателе» В. Железнова Лаврентий Нейдгарт (Нейтгарт, Нейтарт, Нейтор, Кехтер. Правильно Neidhart) упоминается как пушечный мастер и рудознавец. См.: Железнов В. Указатель мастеров русских и иноземцев, работавших в России до XVIII века. СПб., 1907. С. 39. С 1670-х гг. и до начала XVIII в. он (сначала в звании прапорщика, затем подполковника) был связан с поисками медной руды и выплавкой меди в окрестностях г. Казани и в Кузгурском уезде, служил на Казанском медеплавильном заводе. В 1675 г. Л. Нейдгарт работал на Х. П. Марселеса и Е. Фандергатена и был послан ими вместе с Еремеем Траделом в Поморье для поисков различных руд. См.: ДАИ. Т. 6. СПб., 1851. С. 166-167. Сам Лаврентий рассказывает Ф. Головину, что еще при царе Алексее Михайловиче «у рудоплавных многих дел ... бывал посылан из приказа Тайных дел многожды».

⁴⁸ Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М., 1969. С. 143-148.

мест со всяким радением, потому что он к прииску серебряных и медных и иных руд заобычен». Поводом для такого задания послужили сообщения нерчинских служилых людей.

В мае 1687 г. маньчжуры отошли от Албазина и лето прошло относительно спокойно. Появилась возможность заняться рудными делами. После проведенных ранее плавов, отсылки в Москву и Енисейск образцов породы в Нерчинске оставалось 26,5 пудов руды. В мае же воевода И. Власов выдал Л. Нейдгарту для проведения опыта 5 пудов руды. Прапорщик выплавил 1 пуд 10 фунтов сырого свинца, т. е. ему удалось выделить из руды 25% металла. Далее из свинца Л. Нейдгарт получил 13,5 золотников (около 57,5 г) чистого серебра. Таким образом, согласно проведенным опытам, руда с р. Тузьяча имела содержание серебра 0,07%. О своих результатах Лаврентий продиктовал сказку сотнику Якову Федорову Якимовых, а руку к ней приложил вместо прапорщика по его велению полуполковник С. Богатырев. В июле 1687 г. И. Власов послал Л. Нейдгарта со служилыми людьми к старым коням на р. Мунгуча*. Поисковики должны были также присматривать и новые рудные места.

После приезда в Сибирь Ф. Головина нерчинский воевода был уже подотчетен ему, а не енисейскому и тобольским воеводам. 29 июля И. Власов отправил Ф. Головину отписку о рудных делах, результаты опыта Л. Нейдгарта и его отчет. В ответном послании в Нерчинск Ф. Головин велел И. Власову, как только вернется Л. Нейдгарт из поездки на р. Мунгуча, тщательно провести опыт и о результатах сообщить ему с «нарочными посыльщиками наскоро». Сообщение же Ф. Головина о вестях из Нерчинска было получено в Сибирском приказе 11 декабря 1687 г.

Пока отписка Ф. Головина шла до Москвы, в столице также происходили события, связанные с даурской рудой. 28 сентября Яков Галкин** известил главу Стрелецкого приказа думного дьяка Ф. Шакловитого, что в Сибирском приказе лежит образец привезенной свинцовой руды без опыта, «а та де руда, где она взята, в тех местех с серебряною рудою лежит вместе». Галкин просил дать ему для опыта 3 – 4 пуда той руды. 10 октября от имени царей Ивана и Петра и царевны Софьи последовало распоряжение И. Б. Решнину отправить 4 пуда руды в Стрелецкий приказ.

Полученная от Ф. Головина отписка вновь возбудила интерес к даурской руде у центральных властей. Вспомнили и о том, что до сих пор не выполнено указание, данное енисейскому воеводе Ф. Собакину в 1685 г., о выяснении «во что будет ставится пуд свинца» в Нерчинске. Царским указом от 23 декабря 1687 г. вся руда, присланная раньше и Ф. Головиным, была

* Так обозначено место поисков в отписке И. Власова Ф. Головину.

** Галкин Я. Г. – вологодский торговый человек. В 1674 – 1675 гг. вместе с переводчиком Польского приказа А. А. Виниусом получил разрешение на поиски различных руд «по всем городам и уездам» и заведение медеплавильных заводов с весьма широкими привилегиями. Однако найти рентабельных месторождений им не удалось. См.: ДАИ. Т. VI. СПб., 1851. С. 158-165.

передана из Сибирского приказа в Стрелецкий приказ. Вместе с рудой была направлена память, в которой сообщалось о всех находках полезных ископаемых в Восточной Сибири с 1681 г. (руда, жемчуг, соль, краски)⁴⁹.

13 января в Стрелецком приказе Я. Галкин провел опыты с даурской рудой и представил подробные расчеты о рентабельности ее разработки. В результате переплавки в горне 0,5 пуда руды у него получилось 4 фунта свинца (т. е. удалось выделить 20%), из этого свинца было выплавлено 2 золотника (около 8,5 г) серебра. Таким образом, согласно опыту Я. Галкина в даурской руде содержалось 0,1% серебра. Эти данные совпадали с результатами плавки, проведенной Левкиными в 1680 г. Торговая цена 1 золотника (4,26 г) серебра составляла 2 ал. 4 ден. (8 коп.).

Далее в записке Я. Галкина были приведены расчеты затрат и получаемой выгоды при добыче и переработке 10, 100 и 10000 пудов руды. Вряд ли стоит доверять этим расчетам, так как они были сделаны явно на основе столичных расценок без учета специфики расположения месторождения, стоимости рабочей силы в Сибири, затрат на доставку в Москву и т. д. Однако приведем эти расчеты, чтобы увидеть их логику, и именно на их основе будет приниматься решение о строительстве завода.

Таблица 1. Прибыль от добычи и переработки 10 пудов руды

количество	затраты	«цена в деле»	торгов. цена	прибыль
163,8 кг (10 пудов) руды	Кормовые 1 мастеру и 2 работным за добычу и доставку; 5 возов угля. Всего 1 руб.			
32,76 кг (2 пуда) свинца		1 руб.	1 руб. 40 коп.	40 коп.
142 гр. (33,3 золотника) серебра		1 руб.	1 руб. 67,5 коп.	67,5 коп.

Таблица 2. Расчеты стоимости серебра, получаемого из даурской руды, согласно данным таблицы 1

Количество серебра	Реальная цена	Торговая цена	Прибыль
409,5 гр. (1 фунт)	2 руб. 88 коп.	7 руб. 68 коп.	4 руб. 80 коп.
4 кг 95 гр. (10 фунтов)	28 руб. 80 коп.	76 руб. 80 коп.	48 руб.
16,38 гр. (1 пуд)	115 руб. 20 коп.	307 руб. 20 коп.	192 руб.

⁴⁹ СПФ ААН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 13. Л. 1об., 8 об.

Таблица 3. Прибыль от добычи и переработки даурской руды

Количество руды	Количество полученного из нее свинца	Количество полученного из нее серебра	Прибыль
1638 кг (100 пудов)	327,6 кг	1 кг 422 гр.	16 руб. 65,5 коп.
16380 кг (1000 пудов)	3276 кг	14 кг 220 гр.	166 руб. 55 коп.
163800 кг (10000 пудов)	32760 кг	142 кг 200 гр.	1665 руб. 50 коп.
1638000 кг (100000 пудов)	327600 кг	1425,5 кг	16655 руб.

Таблица 4. Прибыль от изготовления денег из даурской руды

Кол-во денежн. сплава		Стоимость денежн. сплава		Кол-во полученных денег	Затраты на их изготовление	«Всего в деле станет»	Прибыль
1638 кг (100 пудов)		1728,12 руб.		39965,5 руб.	599,4 руб.	10662,63 руб.	29302,56 руб.
серебро	медь	серебро	медь				
1427 кг	211 кг	16655 руб.	63,12 руб.				

Примечание: В денежный сплав добавлялась к серебру восьмая доля меди. Из 1 пуда сплава выходило по 400 руб., за эту работу переделщики получали 6 руб.

20 января цари Иван и Петр и царевна Софья были ознакомлены с расчетами Я. Галкина и, «слушав сей докладной выписки в комнате, указали к окольному и воеводе Федору Алексеевичу Головину и в Нерчинской к стольнику и воеводе Ивану Власову послать свои, великих государей, грамоты, чтоб они о сыску и о береженье серебряной руды, которая прислана из Нерчинского, учинили по сему их государеву указу и по статьям, что писаны ниже сего». Эти статьи станут основным руководством к действию для сибирских властей на протяжении нескольких лет, и Москва будет требовать их неукоснительного выполнения.

В нашем распоряжении имеется лишь копия XVIII в. с царского указа от 20 января 1688 г., куда были включены и статьи. Они были повторены в наказе следующему нерчинскому воеводе Ф. И. Скрипицыну, который также сохранился в списках экспедиции Г. Миллера.

В статьях, адресованных Ф. Головину и И. Власову, было, пожалуй, больше вопросов, чем реальных рекомендаций. Ставившиеся перед сибирскими властями задачи можно разделить на четыре группы:

1. Выяснение расположения и размеров месторождения, возможностей его разработки, а также «сколько давно и от ково та руда в тех местех сыскана, и той руды сибирские жители русские или иных народов люди не емлют ли, и буде емлют хто и коль давно и что ис той руды плавят и куды отвозят».

2. Установление и защита государственной монополии на разработку данного месторождения. Для этого необходимо было «учинить в том месте крепость, и осторожность какую пристойно по рассмотрению, чтоб бы- ло от неприятельские и от воровских людей безопасно».

3. Организация добычи и переработки руды. В связи с этим предписы- валось «построить рудоплавные заводы большие, чтоб на тех заводах ис той руды серебра было в выходе немалое число».

4. Оценка во сколько будет обходиться казне производство 1 пуда сере- бра с учетом расходов, а также каково содержание свинца и серебра в руде.

Строительство завода требовало решения целого ряда вопросов. Вое- воды должны были определить сколько необходимо для его строительст- ва леса, железа и «иных всяких припасов и снастей», можно ли все это взять на месте или привозить из Москвы и других районов. В указе обе- щалось все необходимое по получении воеводских росписей выслать не- медленно. Интересовал столичные власти и вопрос о рабочей силе: «каки- ми людьми те заводы строить, и на тех заводах каким мастеровым людям и скольким человеком быть пригож и какими людьми копать». В статьях поднималась проблема транспортировки руды, а самое главное, «по сколько пуд в сутки той руды на завод привозить и переплавливать моч- но и по сколько серебра в выходе будет».

Свои доклады о выполнении статей, чертеж и серебро Ф. Головин и И. Власов должны были отправлять в Стрелецкий приказ «вскоре» с нарочными московскими стрельцами Никитой Васильевым и Филип- пом Еровиновым, которые специально для этого посылались в Нерчинск.

В Москве хотели как можно скорес наладить в Даурии производство серебра, но вставала еще одна важная проблема – финансовое обеспече- ние задуманного. В царском указе от 20 января определялись следующие источники финансирования: 1) местные доходы, «какие есть палицо»; 2) займ в размере 500 руб. у приказчиков купца Афанасия Филатьева, ко- торые находились в Сибири (очевидно, с ним уже была договоренность, так как вместе с указом нарочные должны были привезти в Нерчинск и соответствующее письмо от А. Филатьева); 3) займ у торговых людей на месте под расписки, «покамест казна с Москвы будет прислана»; 4) по- сылка из столицы 1500 руб. На изготовление железа «к тому делу» пред- писывалось подрядить жителей Енисейска.

В завершении статей говорилось о том, чтобы Ф. Головин и И. Власов о всем вышешисанном «учинили росматрение накрепко, чтоб в том вели- ких государей казне убытку и людям напрасные тягости и оскорбление не было». В экземпляре статей, адресованных непосредственно И. Власову,

также было добавлено: «И естли ево ж службою и радением те заводы устроятца и серебра в выходе и к Москве в присылке немалым числом и недорогою ценою будет и за то от них, великих государей, будет он взыскан их государевою мноюю милостию».

В том же документе от 20 января 1688 г. давалось распоряжение «учинить» указ о том, чтобы «для поспешения к тому делу» послать из Москвы группу рудоплавных мастеров во главе с Я. Галкиным. Мастера также должны были доставить из столицы в Нерчинск 1500 руб., «на заслоны, на трубицы, на цырены» 100 пудов дощатого («немецкого») и 50 пудов укладного железа, 50 юфтей яловичных кож для изготовления мехов, а также составы для плавки серебра. Список составов, очевидно, был составлен Я. Галкиным, в него вошли по 1 пуду сулема, мышьяк, нашатырь, квасцы, винный камень, селитра, жженое мыло, бура.

Принятое царями и Софьей решение о строительстве большого завода на притоке Аргуни было плохо продуманным и крайне поспешным, ведь еще не были известны масштабы месторождения, материальные и людские ресурсы далекого даурского края, не была разрешена проблема с Китаем. Явно этот вопрос решался с подачи главы Стрелецкого приказа Ф. Шакловитого, не представлявшего реальной ситуации, обусловленной спецификой Восточной Сибири того времени.

16 января 1688 г. Я. Галкин сообщил в Стрелецкий приказ, что в Сибирском приказе есть еще около 60 пудов руды, присланной с Верхотурья. Последовал царский указ о ее передаче Ф. Шакловитому с товарищами. На следующий день боярину И. Б. Репнину было дано указание послать из Сибирского приказа к Ф. Головину и И. Власову послушные грамоты, чтобы они выполняли распоряжения Стрелецкого приказа по горнорудным делам. 23 января воеводе Ф. Головину был отправлен указ о том, чтобы в дальнейшем о всех находках и испытаниях руд, соли, жемчуга и пр. и о выполнении работ на месторождении серебра он сообщал в Стрелецкий приказ. Таким образом, пользуясь близостью к царскому двору, Ф. Шакловитый взял в свои руки сначала руководство освоением первого открытого в России месторождения серебряной руды, а затем добился подчинения всех дел, связанных с полезными ископаемыми, Стрелецкому приказу.

Согласно царскому указу, в Москве началась срочная подготовка снаряжения группы Я. Галкина в Нерчинск. Первоначально в состав этой группы были включены: купец гостиной сотни Сергей Семенов, тяглецы из Коношенной овчинной слободы Василий Архипов и Леонтий Иванов, тяглец казенной слободы Яков Нестеров и тяглец стрелецкой сотни Иван Григорьев. Позже последний был заменен на Микиту Плаченого. В Нерчинск денежную казну (1500 руб.) и мастеров сопровождал стрелецкий пятидесятник Алексей Москвин⁵⁰.

⁵⁰ РГАДА. Ф. 1112. Д. 48. Л. 13; СПФ ААН. Ф. 21. Оп. 4. Кн. 13. Л. 9об.-10.

Была составлена роспись предстоявших затрат на покупку необходимого снаряжения (табл. 5).

Таблица 5. Расходы на приобретение снаряжения группы Я. Галкина

Предмет покупки	Цена за 1 пуд	Цена всей партии	Где и как приобретен
100 пудов дощатого железа	1,5 руб.	150 руб.	Покупка в торговых рядах
50 пудов уклада	70 коп.	35 руб.	Покупка в торговых рядах
20000 гвоздей «сканных»	20 коп.	4 руб.	Покупка в торговых рядах
50 пгт. «кож яловичных большой руки»	2 руб. юфть	100 руб.	Покупка в торговых рядах
5 кож сыромятных	1 руб.	5 руб.	Покупка в торговых рядах
сулема	24 руб.	24 руб.	Взято в Пушкарском приказе «безденежно»
мышьяк	2 руб. 20 коп.	2руб. 20 коп.	Взято в Пушкарском приказе «безденежно»
напатырь	5 руб.	5 руб.	Покупка в торговых рядах
винный камень	10 руб.	10 руб.	Покупка в торговых рядах
Квасцы немецкие	1 руб. 20 коп.	1 руб. 20 коп.	Покупка в торговых рядах
селитра	5 руб.	5 руб.	Взято в Пушкарском приказе «безденежно»
20 кусков мыла жженого	70 коп. (сырое)	14 руб.	Покупка в Тобольске

По предварительным расчетам на эти покупки требовалось 366 руб. 40 коп. Царским указом от 5 февраля 1688 г. было предписано часть необходимого «купить ис Стрелецкого приказа на Москве в рядах у торговых людей прямою ценою бес передачи», остальное взять в Пушкарском приказе (см. таблицу). Этим же указом было определено жалованье Я. Галкину – 50 руб., его товарищам – по 15 руб., а «как будут у дела, кормовых давать смотря по делу да хлебных запасов чем им сытыми быть». Деньги на припасы и жалованье предстояло взять в приказе Большой казны. 25 февраля группа Я. Галкина отправилась в путь.

Однако не только царский двор заинтересовался даурским месторождением серебра, но и частные предприниматели – иностранцы. В марте 1688 г. (т. е. спустя несколько дней после отъезда Я. Галкина) голландский купец Кондратий (Кунраад) Филиппович Нордерман подал главе Посольского приказа боярину, князю В. В. Голицыну свой проект освоения этого месторождения⁵¹.

⁵¹ РГАДА. Ф. 151. Д. 40. Л. 1-8.

Еще в мае 1681 г. К. Нордерман обратился в Сибирский приказ с просьбой дать ему руды, которую плавил братья Левкины, так как он «хочет верно послужить великому государю, ис тех руд опыт учинить». Тогда Кондратий получил 5 фунтов руды (почти 2,5 кг), но результаты его опытов остались не известны и не востребованы Сибирским приказом⁵².

Письмо к В. В. Голицыну иноземец начал с мотивации своих предложений – показать «всех унижайшую и послушнейшую службу их царскому величеству и всему государству». По его мнению, даурская руда была лучшей из всех, которые ему приходилось испытывать. Она была мягкой и легкой «в деле», поэтому Нордерман считал, что для ее разработки будет достаточно двух мастеров. Один должен был уметь «в гору, где руда обретается, войти», а другой – быть хорошим плавильщиком, чтобы уметь отделять серебро и свинец, «чтоб обо сохранно были». Как окажется позже, эта проблема станет неразрешимой для Л. Нейдгарта и Я. Галкина, получая серебро, они теряли свинец.

Других мастеров и работников к тому делу, считал Нордерман, «довольно обретаетца в землях их царского величества и не требе есть великие протори в начале для мастеров вводити (т. е. не требуется больших затрат на тех мастеров – *авт.*)». Организация сереброплавильного завода в Даурах могла принести в кратчайший срок большую прибыль, если за дело возьмется «искусный муж». По мнению Кондратия, даурское месторождение имело ряд преимуществ: 1) серебряная руда залегала вместе со свинцовой, и поэтому свинец не надо было специально добавлять для выплавки серебра, как это вынуждены были делать в Саксонии; 2) даурская руда не требовала многократных (как саксонская и другие) разогревания, дробления и промывки, поэтому для этого не нужно большого количества работников и средств; 3) в России работные люди «к найму дешевле».

К. Нордерман считал, что полученный свинец будет востребован в большом количестве в самой Сибири и порубежье, «понеже земля сильно пребывает и людьми умножается». «А пену серебряную, от сего заводу происходящую, чрез всю Россию и порубежные земли свозить мочно», и это покроет все расходы.

Далее в письме излагались конкретные предложения. Для того, чтобы получить в Саксонии двух хороших мастеров, доктора и окулиста, предлагалось послать курфюрсту ряд подарков из горностаев и соболей, двух белых ястребов и кречетов. К. Нордерман просил выдать ему на подотчет 10 сороков соболей (по 300 руб. каждый), чтобы он мог заняться наймом необходимых искусных специалистов в Саксонской земле. Кондратий уверял, что эти затраты вскоре оправдаются тысячекратной прибылью от разработки даурского месторождения, но только хорошие мастера смогут обеспечить этот успех. Таких мастеров много в других государствах, но их

⁵² Там же. Ф. 214. Оп. 3. Д. 1081. Л. 95.

трудно привести «в странную землю», так как на родине они имеют «изобильное пропитание».

Как видно из письма, К. Нордерман уже давно примерялся к разработке рудных богатств Сибири. Он проводил самостоятельный сбор информации. Так, от дворянина Рыленского Кондратий узнал, что на р. Ангаре «обретаюца черные каменя, чистыми серебряными жилами устроены, где тебе есть быти в серебряной яме». Сайдас Кулмаметев и другие бухарцы «объявили» ему, что недалек от реки Акстиса «в великом изобилии обретаеця» свинцовая руда. К. Нордерман знал, что «русское стекло, всякие хрустали и великие горы магнитовые яко же и преизрядные и многие железные руды» есть в Сибири, в Персии и около Новой Земли. Свой краткий экскурс о богатствах русских земель иноземец закончил выводом, что для их разработки необходимы «искусные испытатели и прямые работники».

В последней части письма излагалось самое главное, ради чего оно было написано. Оказывается около 10 лет назад сначала окольный И. И. Чаадаев, а затем князь И. Б. Репнин* предлагали К. Нордерману организовать товарищество для строительства Даурского сереброплавильного завода. Но тогда Кондратия испугала слишком большая удаленность того места. Сейчас же он просил, если не удастся найти за рубежом «добро искусного к рудам и разумного мужа», дать ему к тому делу «полную мочь». К. Нордерман обещал «лучшими мерами радети, чтоб поставить такое товарищество», и сам он будет наследовать в нем малую часть, чтоб «иных лутчим подобием возбудить». Он просил закрепить его привилегию царским указом. При этом у него было одно условие, чтобы прежнему его компаньону Я. Г. Галкину «тут дело не было», так как последний и так уже «учинил ему многие убытки». Еще в 1675 г. К. Нордерман, Я. Галкин и А. Виниус получили упоминающуюся выше жалованную грамоту на право поисков полезных ископаемых и строительство предприятий. В том же году к ним присоединился нидерландец, купец Вахромей Меллер. Ему был выделен «четвертый жеребий» во всех будущих производствах. После 1682 г. К. Нордерман и В. Меллер просили новую жалованную грамоту на тех же условиях, но без двух других компаньонов, так как последние отошли от дел⁵³.

В 1688 г. К. Нордерман вновь хотел создать товарищество только с Вахромеем Меллером, при этом он просил «старое их привиле (т. е. привилегии – *авт.*) обновити» и дать жалованную грамоту на их имя. Эта просьба оставалась в силе и в том случае, если «царское величество те даурские заводы уступить не изволят, но крепко намерены суть их про себя держать». К. Нордерман планировал заняться горнорудными делами в других местах.

* Скорее всего, свои предложения К. Нордерману И. И. Чаадаев и И. Б. Репнин делали как руководители Сибирского приказа. Поскольку И. И. Чаадаев был на этой должности с 1681 г. и не позднее 1682 г., то события, описываемые в письме, происходили на более 7 лет назад.

⁵³ Демкин А. В. Западноевропейское купечество в России в XVII в. Вып. 1. М., 1994. С. 24-25.

Но этим планам не суждено было осуществиться. В мае 1689 г. К. Нордерман был арестован по делу Квирина Кульмана – проповедника одного из религиозных учений, близких к квакерам. Всеми ипнверческими общинами Немецкой слободы это учение было признано еретическим. 4 октября 1689 г. Нордерман и Кульман были сожжены вместе с еретическими сочинениями⁵⁴. В. Меллер женился на Анне Акеме. После смерти ее сына от первого брака Ивана Акемы она наследовала в 1693 г. железодельательные Пороховские, Угодские и Истинские заводы. Вахромей стал надежным помощником супруги в управлении этими заводами, которые позже были переданы по наследству их сыновьям Вахромю и Петру Меллерам⁵⁵.

Вернемся к событиям в Нерчинске. Пока группа московских рудознатцев добиралась до места назначения, Ф. Головин и И. Власов начали осуществлять указные статьи с теми силами, которые имелись в их распоряжении. Ф. Головин прибыл в Нерчинск в августе 1689 г., поэтому до этого времени вся нагрузка по освоению аргунского месторождения легла на плечи И. Власова. Ф. Головин выступал лишь в роли своеобразного транслятора информации из Нерчинска в Москву и распоряжений из столицы.

Воеводы вновь обратились к сказке Л. Нейдгарта, составленной после первой поездки на Аргунь. Его свидетельство было крайне важным как единственного специалиста, побывавшего на месторождении. Л. Нейдгарт рассказал, что ему удалось найти жилу в одной из ям и прокопать в глубину 2,5 сажени. Тогда было взято около 6 пудов руды. Он не смог определить на сколько глубоко уходила жила, так как она «пошла в каменную гору, а обломать ему тое жилу також и в иных таких ямах руды искать было некем, только де людей с ним было 15 человек». По свидетельству Л. Нейдгарта, из Нерчинска до месторождения путь занимал тихим ходом на верблюдах около 6 дней, скорым – 4 дня. Можно было добираться и по Аргуни, а от нее до рудных копей было около 20 верст и меньше. Рядом же с месторождением реки были небольшие и «леса мелкие», а «большой лес от тех мест версты з 2». По мнению прапорщика, на одной из речек можно выбрать «пристойное место» и построить плавильный завод. Но поскольку около тех рудных мест жили «розных владельцев иноземцы мунгалы и тунгусы кочевьями и те рудоплавные места поддалися к Мунгальской земле», то для добычи руды необходимо было отправлять большое количество людей.

Л. Нейдгарт считал, что основу будущего завода должны составить две плавильни: одна – для плавки руды, другая – для отделения серебра от свинца. По его подсчетам на различные снасти и печи требовалось 50 пудов связного железа, 15 пудов уклада и различные химические составы. Кроме того, что вез из Москвы Я. Галкин, Лаврентий считал еще необхо-

⁵⁴ См.: *Ковригина В. А.* Немецкая слобода Москвы и ее жители в конце XVII – первой половине XVIII вв. М., 1998. С. 179-181.

⁵⁵ Там же. С. 185, 212.

димыми для плавки серебра антимон^{*}, ртуть и поташ. Для производства нужны были два плавильных мастера, мастер, который умел серебро «мягчить, чтоб шло во всякое дело», плотник, умеющий стронть плотины и «всякие к тому мельничные заводы», угольный и меховой мастера и к каждой печи по 6 работников. Но печи и плотину еще предстояло построить и обеспечить безопасность производства. Для этого тоже требовались люди. Л. Нейдгарт не мог сказать сколько будет нужно для этого людей, на этот вопрос могли ответить только мастера-плавильщики.

В конце сказки Лаврентий советовал еще раз послать осмотреть месторождение, определить точное место под завод, вновь «окопать» жилу и другие ямы, взять «немалое число» руды, сначала сделать опыты, а потом уже смотря по результату принимать решение о строительстве завода. Эта сказка с первой отпиской Ф. Головина была отправлена в Москву. 5 января 1689 г. «великие государи, слушав сен выписки, указали» взять антимон из Пушкарского приказа, а ртуть — из приказа Большой казны безденежно. И все это отправить со стрелецким пятидесятником Леонтием Титовым и десятником Андреем Сысовым из Москвы в Нерчинск на ямских подводах, а поташ «в тот отпуск» дать им в Вологде или других городах.

Тем временем воевода И. Власов пытался развернуть производство серебра в Нерчинске. 19 октября 1688 г. он сообщил Ф. Головину, что посылал 10 служилых людей под руководством Якова Телицына с 6 верблюдами на Аргунь к месторождению, чтобы взять как можно больше руды. 15 августа отряд вернулся в Нерчинск и привез 40 пудов (около 655 кг) руды. На эту поездку потребовалось 2 недели и 3 дня. В остроге имелось еще 35 пудов (около 573 кг) руды, привезенной в 1684 г.

В присутствии И. Власова Л. Нейдгарт выплавил из 75 пудов руды 18 пудов и 30 фунтов (около 307 кг 125 г) сырого свинца, из которого получилось 2 фунта 14 золотников (около 879 г) чистого серебра. О проведенных опытах Л. Нейдгарт подал сказку, отметив, что больше того, что вышло, он выплавить не мог. Таким образом, у него получилось 0,07% содержание серебра в руде. Лаврентий понимал, что его опыты не совершенны и не позволяют получить максимальный выход. Одной из самых серьезных была проблема получения наряду с серебром чистого свинца. Эта часть опыта была описана следующим образом: «А как плавил серебро и свинцу на костях и как серебро с свинцом разделяется, серебро оставается наверху, а свинец входит в кости». И. Власов распорядился взять 4 пуда «свинцовых костей» и плавить их в малых горнах. В конечном итоге с большим трудом удалось отделить от костей 8 фунтов (3276 г) свинца. Далее «для вернейшего и совершенного познания» воевода велел положить 1 фунт свинца на кости и снова плавить. В результате этой плавки получилось небольшое количество серебра.

* Под копией сказки Л. Нейдгарта, посланной в Москву, содержалась просьба воевод послать «в прибавку» антимону (сурьмы) и ртути по пуду, 10 пудов поташа. В торговых рядах ртуть стоила по 20 руб. пуд, антимоний — по 6 руб. пуд, поташ — по 60 коп. пуд.

На время плавки к Л. Нейдгарту в качестве работников были определены 1 служилый и 1 промышленный человек. Нанять на эту работу в Нерчинске никого не смогли «за конечным малолюдством», поэтому так и осталось неизвестным сколько денег необходимо на найм работников. Л. Нейдгарт получал свой оклад как прапорщик, поэтому ему также не заплатили за проведение плавки. В связи с этим И. Власов не смог предоставить смету о стоимости 1 пуда серебра. Он считал, что это можно сделать только после приезда московских мастеров. Полученное серебро сразу же было отправлено в Москву со стрельцами Н. Васильевым и Ф. Еровинным. Им также было дано поручение, встретив по дороге Я. Галкина, передать ему распоряжение, чтобы московские мастера, добираясь до Нерчинска, попутно выясняли в каком остроге дешевле нанять работных людей.

В отписке, сопровождавшей донесение И. Власова, Ф. Головин сообщил в Стрелецкий приказ, что еще руды привезти не успели, так как спешили отправить нарочных и началось наступление «китайских воинских людей» под Албазином.

Ф. Головин также сообщил, что вышла записка с 500 руб. от приказчиков А. Филатьева. Было принято решение послать уведомительное письмо купца к своим приказчикам не в Енисейск, а в Иркутск, так как оттуда было ближе до Нерчинска и деньги можно было получить быстрее. Но осенью 1688 г. из Иркутска сообщили, что люди А. Филатьева туда не приезжали, у лавочного сидельца «денег по осмотру не сыскано». Тем не менее Ф. Головин обещал, что если И. Власову срочно понадобятся деньги, то он все, что сможет, «доправит» с приказчика А. Филатьева и отправит в Нерчинск.

Вместе с серебром и сказкой Л. Нейдгарта стрельцы М. Васильев и Ф. Еровинн отвезли в Москву и первый отчет И. Власова о выполнении указных статей. Отчет был составлен в виде ответов на каждую статью. Нам представляются эти ответы крайне важными, так как это было мнение, оценка реальной ситуации администратора, которому непосредственно предстояло выполнить царское поручение, построить сереброплавильный завод. Чтобы ответить на ряд вопросов, И. Власов допросил Ф. Свешникова и В. Милованова, ездивших к месторождению еще в 1679 г. Их рассказ о том, что раньше на месторождении брали руду люди монгольского данконтайши и, не имея рудоплавильных мастеров, отправляли ее к монгольскому гегенкутухте, был дополнен интересными деталями. Так, русские служилые люди узнали, что монголы вывезли руду на 70 верблюдах. Если вспомнить, что отряд Я. Телицына на 6 верблюдах привез 40 пудов руды, то монголы своим караваном могли вывезти около 467 пудов (около 7 650 кг). Однако у кутухты из той руды была выплавлена только «малая доля» свинца, серебро выплавлять там не умели.

И. Власов сообщил, что «русские и ясашные люди той руды наперед сего не имывали и вперед по указу имать никому не велено». В царских статьях указывалось поставить около месторождения для охраны крепость. Воевода не мог «вскоре» выполнить это распоряжение «за конеч-

ным малолюдством». Вообще он считал, что строить крепость не целесообразно, необходима была «малая осторожность», чтобы не побудить неприятеля на то «завидное дело». Но если все-таки в Москве будет принято решение строить на Аргуни острог, И. Власов настаивал на переводе в него 1000 служилых людей «для всякого тайного остерегательства жителем». Как мы помним, еще в 1681 г. на Аргуни уже был построен воеводой Ф. Воейковым Аргунский острог. В ответах И. Власова приведено его описание: «2 избы и наверху тех изб парублены облам и около тех изб поставлен надолоб, а болши того никаких креп нет. И жителей в том Аргунском остроге служилых и всяких чинов людей 20 человек». Таким образом, этот острог не мог служить надежным укрытием при освоении месторождения.

И. Власов был и против поспешного строительства большого завода, приводя ряд веских аргументов. Он полагал, что это будет крайне убыточно для казны, так как «за конечным малолюдством» в даурских острогах всякая наемная работа «вышемерно» дорога. На годовую крестьянскую работу нанимали работников, обеспечивая питанием, за 18 руб., хороших – за 20 руб., «а хуже того нет кому 15 рублей в год». В Нерчинске пуд ржаной муки стоил 91 коп., а иногда и гораздо дороже, пуд меда – 48 коп. И. Власов предлагал «для хлебной пахоты и умножения людей» перевести из Верхотурского, Тюменского и других уездов 500 семей пашенных крестьян, поселить их на Аргуни, тогда «теми пашенными крестьяны мочно великие заводы держать и без наймов», а за это с крестьян не брать никакие налоги* и заставлять делать всякие «заделы» кроме десятинной пашни. Таким образом, речь шла о прообразе приписки крестьян к заводу. Такая практика имела место на заводах Марселиса и Акемы, уральских железоделательных заводах на протяжении всего XVII в.

По мнению И. Власова, пока не будет построен острог и переведены служилые и крестьяне, необходимо было «держатъ те рудокопные места по-прежнему, чтоб неприятелю того не дать знать, что те места великим государем для прибыльных дел годны». Но это не означало полного бездействия. Он предлагал «со всякою осторожностью», насколько возможно, добывать руду и по немного перевозить на верблюдах в Нерчинск и «ставитъ то в небольшое надобе». Когда приедут московские мастера, то найдя удобное место поставить небольшой завод. Лесов в даурском крае, считал воевода, хватит и на большой завод, и на острог, а железная руда есть в Телембинском остроге (это намного ближе Енисейска) и можно было подрядить местных жителей на изготовление кричного железа. Пуд железа в Телембинске стоил 1 руб.

На все остальные вопросы, связанные со строительством большого завода, И. Власов намеревался получить ответы от группы мастеров Я. Галкина, а также обещал составить чертеж местности. Он не успел этого сде-

---

* Имелись в виду ямские и полоняничные деньги, стрелецкий хлеб, «всякие столовые обиходы», сани, телеги, хомуты и пр.

лать из-за наступления неприятеля. Также воевода сообщил, что не было возможности произвести расчеты себестоимости серебра, так как Л. Нейдгарт плавил без составов и труд работников не оплачивался. Проведенные опыты показали, что был крайне необходим «совершенный» рудознательный мастер, который бы умел «из свинца взять серебро дочисто, также, отделяя серебро, свинец ис костей дочиста ж выгнать».

Итак, для того, чтобы построить большой завод, необходимо было поставить острог и заселить его людьми. В Москве также думали над этой проблемой, и решить ее было поручено Сибирскому приказу. Царским указом от 13 апреля 1689 г. князю И. Б. Репнину было предписано «поселить на житье московских стрельцов* и розных чинов ссыльных людей, которые сосланы за вины в Сибирь в розные города из Стрелецкого приказа и из приказа ж Большие казны со 191 (1682/83) г. 242 человека». Ссыльных необходимо было собрать с семьями из разных сибирских городов и привезти в Нерчинск «без мотчанья», а оттуда отправить в новый острог. Они должны были его охранять и работать на сереброплавильном заводе. У острога предполагалось поселить 500 семей пашенных крестьян и гулящих людей, «которые посланы в низовые сибирские города из верховных городов и нынешнюю зиму (т. е. 1688/89 г. – *авт.*) были в Енисейску». Крестьяне должны были заниматься хлебопашеством и работать «у серебряного дела».

Вопросами же денежного и хлебного обеспечения переселенцев должны были заняться Ф. Головин, И. Власов и уже назначенный на место последнего стольник Федор Скрипицын, который в должности полковника был послан на службу в Дауры еще в конце 1685 г. вместе с Ф. Головиным. Размеры жалованья переселенцам на дворовое строение и заведение хозяйства в данном указе не определялись. К нему прилагались пофамильные росписи ссыльных, которых предстояло поселить в новом остроге на Аргунь.

Следующие распоряжения о сереброплавильном заводе последовали из Москвы только в октябре 1689 г. Как известно, конец лета и начало осени 1689 г. выдались тяжелыми для столицы и правящей династии. Плачевный исход Крымского похода 1689 г. подвел черту под неудачной и непопулярной внешней политикой правительства регенства царевны Софьи. Женитьба Петра в январе того же года лишила законной силы опеку правительницы над младшим братом. Налицо был династический кризис. Неустойчивое равновесие сил между Нарышкиными и Милославскими не могло долго продолжаться. 8 августа – 7 сентября 1689 г. сторонниками Софьи была предпринята попытка дворцового переворота, жестко подавленная Петром. Ф. Шакловитый был арестован и после следствия казнен. 8 сентября руководителем Стрелецкого приказа был назначен сторонник Нарышкиных боярин, князь Иван Борисович Троекуров⁵⁶.

* Речь идет о стрельцах, присланных в Сибирь с Ф. Головиным в 1686 г.

⁵⁶ См.: Лавров А. С. Регенство царевны Софьи Алексеевны. М., 1999. С. 137-168.

В октябре 1689 г. государев двор вновь занялся вопросами, связанными со строительством завода на Аргуни. Указом от 23 октября было подтверждено решение строить завод и острог, поселить там 229 ссыльных, кроме тех, кто сослан в Сибирь «за церковную противность и за богохульные и непристойные и ко всякому воровству задорные слова и за волшебство и за волшебные письма», а также 500 крестьянских семей. К указу прилагался список 13 ссыльных, которых не следовало посылать в новый острог. Таким образом, цифра 242 человека в предыдущем указе относилась только к ссыльным. Очевидно, это было общее количество сосланных в Сибирь из Стрелецкого приказа и приказа Большой казны с 1682/83 г.

Ссыльных в Сибири селили в разных городах, чтобы они были «в розни» и «никакова воровства от них в Сибири не было». Теперь же предстояло свести вместе 229 человек и это вызывало серьезную тревогу у сибирских воевод. Им представлялось невозможным выполнить этот царский указ. Во-первых, города находились друг от друга на большом расстоянии и быстро собрать всех ссыльных было «немочно». Во-вторых, в Нерчинске не было такого запаса хлеба, чтобы их прокормить. И самое главное, было опасно селить ссыльных на Аргуни, так как «то место от Китайского государства в самом ближнем месте», и они могли уйти в Китай. В Сибирском приказе хранилась ведомость сбежавших в Китай из даурских острогов с 1682/83 г. Таких было «многое число» и не только ссыльные, но и свободные люди. В сибирских городах ходили заманчивые слухи, что беглецы получали в Китае «немалое» жалованье и жилье.

Серьезные опасения вызывала напряженная военная обстановка в районе месторождения. В июне 1689 г. маньчжуры предприняли новое наступление на Албазин, а затем вышли в окрестности Нерчинска, взяв под контроль дорогу в город по р. Шилке. Воеводы писали в Стрелецкий приказ, что «то место, где серебряная руда объявилась за Амуром рекою, на стороне Китайского государства, и кочуют к тому месту в ближних местах мунгальские многие люди, а по вестям китайцы с мунгалы одной веры и во всем у них сходно». Была опасность, что монголы будут приходить на новый острог войной и не дадут пахать пашни. Еще были свежи в памяти нападения маньчжуров на Албазин и Селенгинск, и местная администрация апеллировала к наказу Ф. Головину «не вступаться в китайские земли за Амур». В связи с этим у воевод возникал вопрос как быть с острогом у рудных мест и выполнять ли распоряжение о его заселении, ведь до сих пор не было известно принесет ли найденная руда прибыль, но то, что предстояли «великие» расходы и «жилецким людям в подводах большая тягость», в этом они были уверены.

Серьезные проблемы возникали и с финансовым обеспечением новопоселенцев. И. Б. Реннин сообщил в Стрелецкий приказ, что в Сибирском приказе денежной казны в приходе «ни откуда ничего не бывает опричь того, что в купецкой палате соболиную казну на денги продают и на

товары меняют». Вырученные таким образом средства посылались в сибирские города на жалованье служилым людям «против окладов их з большою недодачею, потому что в Сибири во всех городех денежные казны тамошних доходов збирается малое число». Крестьянам, соглашавшимся пахать государеву десятинную пашню в новом месте, как правило, давали «подмогу» по 10 руб., иногда больше или меньше в зависимости от размеров запашки. Но в последнее время ситуация ухудшилась из-за «умаления денежные казны», и государевым указом было велено давать в сибирских городах пашенным крестьянам и ссыльным, которые подражались пахать десятинную пашню, только по 4 руб. Те же, кто приходил в Сибирь «своею волею», и вовсе оставались без «подмоги».

В Сибирском приказе считали, что селить людей на Аргуни без денег и хлебных запасов не следует. В самом приказе на это средств не было, но зато имелось предложение сибирских воевод о другом решении продовольственной проблемы нового острога. В 1686/87 г. из Тобольска и других сибирских городов было прислано в Восточную Сибирь 580 семей для поселения в Иркутском, Братском и Балаганском острогах, где были пустые плодородные и безопасные земли. Они должны были обеспечивать хлебом служилых людей, находившихся на р. Лене, так как там была «хлебная великая нужда». Крестьян селили без «подмоги», давая лишь небольшое количество хлеба. Но селились они уже в освоенном районе рядом со старыми крестьянами и при их помощи могли первое время прокормиться. Однако в таком месте, как бассейн р. Аргунь, найти средства к существованию таким образом было нельзя. Очевидно, из числа этих же семей центральные власти и собирались отправить 500 семей в новый острог у серебряного рудника (см. об указе от 13 апреля 1689 г.). Но выполнение этого распоряжения вновь обострило бы хлебную проблему в Забайкалье и на р. Лене. И тогда возникла мысль, что крестьяне, поселенные в Иркутском, Балаганском и других острогах могут обеспечивать хлебом и даурские остроги «без большие хлебные скудости». Все эти аргументы были сообщены государям и они распорядились «отписать о том для ведома» из Сибирского приказа в Стрелецкий. Но решение продовольственной проблемы было только половиной дела, Ф. Головин и И. Власов рассчитывали, что переселенные на Аргунь крестьяне помимо хлебопашества будут еще и работать на сереброплавильном заводе.

В начале августа 1689 г. в Нерчинск прибыл Ф. Головин для проведения переговоров с Китайским посольством. 27 августа был подписан Нерчинский договор с Китаем, в том числе и об установлении границы по рр. Горбице и Аргунь. Находясь около полугода в Нерчинске Ф. Головин также занимался и решением проблемы заселения будущего острога. Скорее всего, его отписка, где он сообщает о своих действиях по выполнению указных статей о строительстве завода, была отправлена в Москву в конце марта 1690 г. До этого времени ссыльные для поселения на Аргуни так и не

приехали. Ф. Головин сообщал, что «которые есть ссыльные люди в Ыркуцку, присланы с 196 (1687/88) году из Сибирского приказа, и те самые нужные». Многие же ссыльные «розбежались и не токмо их в новопостроенной крепости держать для обороны и в старых острогах при хлебных местах ни в какой чин многие не годятца». Он принял решение оставить в Нерчинске «для новопостроенной крепости» 292 старых и новоприборных казака и стрельцов из Албазина и других сибирских городов.

Во исполнение государева указа енисейский воевода Я. Вяземский послал в Нерчинск 106 женатых и 54 холостых пашенных крестьян и гулящих людей, которые были присланы к нему из Тобольска в 1687/88 г. По сказкам крестьян стало известно, что из тех присланных лучшие люди были оставлены и поселены «в пашню» в Енисейском и Брацком уездах. По дороге в Нерчинск крестьянам пришлось «кормиться христовым именем» и некоторые сбежали в Иркутске. Ф. Головин считал, что если приехавших крестьян послать в новопостроенный острог и дать им ссуду по 10 руб. на 1 десятину пашни, то это только «поморить их голодную смертью» с женами и детьми, и они все разбегутся. Воевода обосновывал это тем, что хлеб и его перевозка от Енисейска до Нерчинска стоили дорого и крестьянам, «кроме своего крестьянского заводу, жен и детей поднять будет нечем». Он предлагал увеличить ссуду вдвое.

Но прежде чем селить на Аргуни крестьян, по мнению Ф. Головина, необходимо было привезти из Удинска в новую крепость семенной хлеб и «крестьянский завод», поселить «хотя малое число» оставленных им в Нерчинске служилых людей, «чтоб пришед пашенным крестьянам на степи от иноземцов, докамест поселятся, была оборона». Он предлагал помочь крестьянам добраться от Удинска до Нерчинска, дав им собранные с ясачных людей подводы. Пока все эти вопросы не были решены, Ф. Головин велел посланным из Енисейска крестьянам до указа «быть на пашне» без ссуды в Иркутске. Он надеялся, что если их все-таки переведут, то за время пребывания в Иркутске они успеют хотя бы немного поправить свое материальное положение, чтобы «итти на Аргуню к рудокопному месту». Таким образом, на протяжении 1689 и начала 1690 гг. в Москве и Сибири решали проблему заселения острога, который предстояло построить около сереброплавильного завода. При этом вопросы оценки месторождения на сколько оно могло обеспечить рудную базу для этого завода, рентабельности производства оставались по-прежнему открытыми.

В конце марта – начале апреля 1689 г. в Нерчинск приехали московские мастера во главе с Я. Галкиным. По распоряжению Ф. Головина Л. Нейдгарт остался там же и должен был работать вместе с приехавшими. Накануне приезда в Нерчинск Ф. Головина (конец августа) И. Власов послал рудознатцев и своего сына Петра к руднику. Но они не успели провести обследование, потому что «в то время шли с великими войски сухим путем и на бусах китайские великие послы».

В присутствии Ф. Головина Я. Галкин и Л. Нейдгарт провели плавку той руды, которая имелась в Нерчинске. Результаты получились прежними и воевода сделал вывод, что мастера не умели «в совершенство учинить опыту и отделить серебро от свинцу». Во время пребывания Ф. Головина в Нерчинске к месторождению никого не посылали, так как после отхода китайских войск наступила осень и «заморозе стали быть великие, а многие изменники онкачане и братские люди стояли в стени в тех краях». Из-за наступившей зимы не удалось в полной мере и выполнить условия Нерчинского договора — эвакуировать крепостное имущество из Албазина и перенести Аргунский острог на левую сторону р. Аргуни. Ф. Головин опасался, что маньчжуры воспользуются этой задержкой и нарушат обязательство не заселять амурские берега. После подписания договора сложная обстановка на дальневосточных границах сохранялась на протяжении почти 10 лет⁵⁷.

Указом от 30 октября 1689 г* новому нерчинскому воеводе Ф. Скрипичину было дано распоряжение вновь провести обследование рудного месторождения, выяснить его рентабельность и затраты на организацию завода, составить чертеж. Для этого ему следовало отправить к руднику с Я. Галкиным стрельцов М. Савельева, А. Лифанова и П. Кондратьева, которых специально для этого послали из Москвы. С ними также поехали сын боярский В. Казанцев с 30 служилыми людьми. Отряд добирался до места речным путем и находился в поездке с 13 мая по 1 июля 1690 г. В Нерчинск было привезено 53 пуда (около 868 кг) руды, из которой было выплавлено 16 пудов 20 фунтов (около 270 кг) свинца, из которого получили 1 фунт 38 золотников (около 571 г) серебра, т. е. 0,06%. При плавке Я. Галкин использовал селитру и горячую серу.

Для плавки серебра были сделаны печи и горн. Я. Галкин не нанимал работников для плавки, так как, по мнению Ф. Скрипичина, «у малого плавежу делать работным людям нечего», да и нанять в Нерчинске «за конечным малолюдством» было некого. Сам же Я. Галкин объяснил почему «при плавке работали своею работою» тем, что работа была тяжелая и наемщиков не нашлось. Ф. Скрипичин сообщал, что из-за нехватки людей не смог построить острог на Аргуни и организовать доставку руды в Нерчинск. Остается неясным вопрос, где же были 292 служилых, которых собирался оставить в Нерчинске Ф. А. Головин. Возможно, это так и осталось благим пожеланием Федора Алексеевича, так как никакими другими документами, кроме его отписки в Москву, ни прямо, ни косвенно этот факт не подтверждается.

20 июля 1690 г. воевода отправил выплавленное серебро, чертеж и сказку Я. Галкина в Стрелецкий приказ, при этом сообщив, что до сих

* Указ получен в Нерчинске 9 марта 1690 г. Таким образом, нарочные добирались от Москвы до Нерчинска 4 месяца и 9 дней.

⁵⁷ См.: Александров В. В. Россия на дальневосточных рубежах. С. 194-195.

пор в Нерчинск для поселения в новом остроге никто не приехал и об отсутствии хлеба для выдачи жалованья московским мастерам. В конце своей отписки Ф. Скрипицын отчитался о затратах на проведенную плавку. В этой смете были учтены жалованье мастерам, стоимость дров и угля, кирпичи на печи и горн и др. Всего было израсходовано 61 руб. 7 коп.

На поездку в Даурию группы Я. Галкина возлагались большие надежды. От мастеров ждали квалифицированного заключения о месторождении и целесообразности строительства завода. От сообщения Я. Галкина зависел весь дальнейший ход действий. Итак, что же сообщил рудознатец в своей сказке? Я. Галкин писал, что «без великих снастей, кузнецов и плотников пазездом невозможно не токмо что новых жил искать и ис старых копей очищать было некем, потому что та рудная жила из мяжкой земли пошла в каменную гору и над нею стоит каменной утес». Он приводил уже известные расстояния от Аргуни и прежнего Аргунского острога до горы, отмечал, что около нее кочуют ясачные тунгусы, а лесов близ горы мало. По его мнению, поселенье можно было строить ниже по р. Аргунь на ее притоке р. Урове (Уроле), там есть вода, достаточно лесов, пашенных земель и сенокосов. По его мнению, в Нерчинске можно было нанять людей на крестьянскую работу «на готовом хлебе и на харчу» за 25 – 30 коп. в день. Я. Галкин считал, что «великих заводов заводить вскоре не для чего», пока не будут очищены старые штольни и не осмотрены «многие» рудные жилы, т. е. речь шла об оценке рудной базы завода. Рудознатец приводил расчеты количества людей для производства, если «великие государи изволят впредь быть у той горы ... и многими людьми будут рудные жилы расчищены». Если проводить плавку в малых ручных горнах, то к каждому горну требовалось по 4 наемных работника в сутки, дроблением руды должны были заниматься другие люди. Но опять возникал вопрос где взять людей, в Аргунском остроге их было крайне мало, а у горы и вовсе было пустое место.

К сказке Я. Галкина прилагался доезд сына боярского В. А. Казанцева, в котором было дано подробное описание маршрута к горе, ее окрестностей и также делался вывод, что город возможно построить только на р. Урове (Уроле). В. Казанцев отметил, что больше 53 пудов руды взять не смогли, потому что пошла каменная порода. В дополнение к свидетельствам Я. Галкина и В. Казанцева в Москве были допрошены стрельцы М. Савельев, А. Лифанов и П. Кондратьев, которые были специально посланы в начале ноября 1689 г. в Нерчинск, чтобы принять участие в поездке к месторождению вместе с Я. Галкиным. Они давали показания в Стрелецком приказе 1 декабря 1690 г. Их сообщения в основном касались описания возможных путей до месторождения. Перед ними стояла задача разведать водную и сухопутную дороги к руднику. Стрельцы добирались от Москвы до Нерчинска 5 месяцев и 12 дней. Они приехали в Нерчинск 18 апреля и 5 недель ждали полой воды. Таким образом, водным путем к руднику можно было выйти только во второй половине мая. Обрато от

месторождения отряд с 53 пудами руды отправился по суше и попали в «грязи и топи великие», поэтому пришлось снова выходить к реке. На дорогу назад было затрачено две недели. Стрельцы пришли к выводу, что этим путем возить руду в Нерчинск нельзя.

Жизнь в Нерчинске оказалась крайне трудной для московских мастеров. Очевидно, уже в конце 1690 г. они подали челобитную, что «оскудали и одожили великими долгами ... и платишком обносились». Еще по указу И. Власова им было положено поденного корма: Я. Галкину по 5 коп., остальным – по 3 коп. и хлебных запасов по 2 пуда ржаной муки на месяц. Из-за «малолюдства» рудоплавное дело встало, и мастера простаивали (не по их вине). При этом они писали, что работа у них тяжелая, платье и обувь изнашивались, «а что доведется купить в Нерчинске и то десятерною ценою». Видимо, мастера выполняли какую-то работу, потому что они не жаловались, что им не дают поденных кормовых. Их не устраивали размеры жалованья – «а тем поденным кормом не только платье, но и кормиться нельзя». Я. Галкин с товарищами просили увеличить им жалованье «против великой нерчинской и аргунской дороговизны» и, самое главное, отпустить их в Москву, дав на подъем и подводки денег. Согласно сметному списку Нерчинска с 1 июня 1689 г. по 1 апреля 1690 г. (10 месяцев) Я. Галкину было выдано по 1,5 руб. за месяц, а его пятерым товарищам – по 90 коп. Всего из присланных на строительство завода денег было они получили 60 руб.⁵⁸

В 1691 г. «великие государи, слушав сею челобитную в комнате», указали отозвать из Сибири Я. Галкина с товарищами, нерчинскому восводе Ф. Скрипицыну «накрепко» беречь денежную казну и рудоплавные припасы, пока не приедут из Москвы другие мастера. В 1692 г. Я. Галкин с Сергеем Семеновым Никитиным, Яковом Нестеровым и Леонтием Ивановым Поповым отправились в Москву, а еще два мастера Василий Архипов Рагозин и Никита Плаченный остались в Нерчинске «за скудостью» и просили отпустить их, когда «они насаженной свой хлеб с поль снимут»⁵⁹. Таким образом, в 1691 г. осуществление плана строительства сереброплавильного завода было приостановлено. Вряд ли можно считать началом заводского производства плавку 128 пудов руды в Нерчинске в 1689 – 1690 гг. Правительство столкнулось с трудноразрешимой проблемой отсутствия человеческих ресурсов в малоосвоенном районе. Без решения этого вопроса пребывание мастеров в Нерчинске становилось нецелесообразным. Об Аргунском месторождении на какое-то время было забыто.

В начале 1692 г. московское правительство приняло решение послать с торговым караваном полуофициальную миссию в Пекин, во главе которой был поставлен Избранд Идес. И. Идес и его спутник Адам Брант оставили путевые заметки о своем путешествии в Китай (1692 – 1695 гг.).

⁵⁸ *Кашик. О. И.* Основание первого в России сереброплавильного завода С. 57.

⁵⁹ Там же.

Их путь проходил через Аргунский острог, оттуда они добрались и до старых рудников на р. Серебрянке. Путешественники увидели заброшенные штольни, заваленные камнем, большое количество шлака. Позже И. Идес писал: «Я привез образчик руды в Московию и не сомневаюсь, что его царское величество вскоре повелит возобновить добычу; дело стоит труда, тем более, что в тех местах нет никакого недостатка в дровах»⁶⁰.

И. Идес оказался прав. В апреле 1695 г. царь Петр Алексеевич затребовал к себе в Преображенское все материалы о поисках серебряной руды в бассейне Аргуни. Выслушав доклад по этому делу, он распорядился передать его дальнейшее ведение из Стрелецкого в Сибирский приказ. 24 апреля вместе с документами были переданы слиток серебра весом 30,5 золотников (около 130 г) и 3 мешка руды весом 10 пудов 4,5 фунта (около 165,6 кг), а также чертежи Нерчинска, Аргунского острога и «рудоконного дела». А через три дня царь распорядился послать 10 фунтов (около 4 кг) руды «для подлинного опыту» в немецкие города с иноземцем Владимиром Фангевеком.

Еще 10 фунтов руды было отправлено «за море» для проведения опыта с гамбургским куном Матвеем Поппе. Петр хотел знать прибыльно ли ту руду добывать большим заводом, сколько нужно составов, сколько они будут стоить «по заморской цене». Если мастер давал положительный ответ на первый вопрос, то тогда ему поручалось «сыскивать знающих мастеров» и приглашать их на службу в Россию, узнать какое они хотят жалованье и на сколько лет смогут приехать. Все известия М. Поппе должен был посылать в Сибирский приказ. Подобные миссии были поручены еще ряду иноземцев⁶¹.

Уже 11 августа 1695 г. из Амстердама пришел первый ответ от В. Фангевера. Он сообщал, что мастер, делавший опыт, «чае если завести завод, будет корысть, потому что как пойдет та жила глубже и шире, что тако руда будет богаче». По заключению мастера из 100 фунтов руды должно было выплавляться 60 фунтов свинца, а затем – 3 лота (около 38 г) серебра. Узнать содержится ли в руде золото, ему не удалось из-за ее небольшого количества. Таким образом, согласно зарубежной экспертизе в аргунской руде содержалось 0,09 % серебра.

Итак, спустя четыре года правительство вновь вернулось к вопросу о месторождении серебра в далеком Приамурье. Впервые за проведением экспертизы руды обратились к квалифицированным специалистам за рубежом. Постепенно это становилось обычной практикой. Результаты опытов «за морем» удовлетворили московские власти. Весной 1697 г. только что назначенному в Нерчинск воеводе С. Ф. Николаеву было дано распоряжение «по прежним осмотрам» И. А. Власова, Я. Галкина и Л. Нейдгарта в тех местах, где были найдены рудники, наломать руды и искать новые «прибыточные» жилы, чтобы «тому руды упромышлять».

⁶⁰ *Избрант Идес и Адам Брайт*. Записки о русском посольстве в Китай. С. 161.

⁶¹ СГПФ ЛАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 13. Л. 89-92.

Добытую руду необходимо было в Аргунском острожке «в особой анбар скласть и покрыть сколко возможно». В Москве помнили об острой нехватке людей в районе месторождения. Поэтому если «по осмотрам той руды жилы обявятся многие и от воинских людей взять будет возможно и безопасно», то С. Николаев должен был послать из Нерчинска служилого человека «добра и смышлена, кого б с такое дело стало», чтобы он провел осмотр местности около Аргунского острожка и рудников и выяснил есть ли там «добрые и к селитьбе, и к пашне пригодные места», которые были бы еще и безопасны от «неприятельских людей».

Если такое место будет найдено, то нерчинский воевода должен был взять из Иркутска, Илимска и Енисейска 700 и больше «семьянистых, добрых и охочих мужиков» и поселить их там, обещая льготы (т. е. освобождение от налогов – *авт.*) на несколько лет. Соответствующие указы были направлены воеводам этих острогов. Так, например, в указе от 15 мая 1697 г. енисейскому воеводе Б. Д. Глебову предписывалось, как только от С. Николаева поступит запрос на переселенцев, сыскать в Енисейске охочих людей, «сколко семей пристойно», взять с них поручные записи и послать с провожатыми в Нерчинск⁶².

8 января 1699 г. в Москву пришло сообщение о смерти С. Николаева. Однако он успел послать в Аргунский острог нерчинского пятидесятника Якова Кожевника и рудоплавного мастера Никиту Васильева*. Они привезли полпуда руды, которая вместе с их сказками была отправлена в Москву. Поисковики сообщали, что «болши того в тех ямах рудных жил нет и признаку нет, толко в них песок да дресва». Также не смогли они найти рудные признаки и в горе у р. Мунгучи. По их подсчетам выходило, что доставка 1 пуда руды в Аргунский острог наемными работниками будет обходиться около 3 руб. Я. Кожевник и Н. Васильев обращали внимание на то, что добывать руду необходимо большим количеством людей в целях безопасности от монголов. Они сообщали, что «под пашню и на селитьбу земли много, а леса никакова нет»⁶³.

В начале 1699 г. в Сибирский приказ поступили челобитные от рудознатных мастеров Александра Левандиана и Спиридона Мануйлова об отпуске их в Китай «для торгу» и в Дауры для поисков руды на Аргуни, при этом они давали обязательство «чинить опыты будучи на своих проторях». До 1699 г. они занимались малоуспешными разработками месторождения серебряной руды на р. Каштак в Томском уезде. Греческие рудознатцы получили разрешение выехать в Китай, но дороге им предстояло обследовать «горы, где руда сыскана». Глава Сибирского приказа

* Возможно, это тот самый Никита Васильев Плачезный, который приехал вместе с Я. Галкиным, в 1692 г. он не смог вернуться в Москву «за скудостью» и остался в Нерчинске.

⁶² Там же. Д. 25. Л. 302-302 об.

⁶³ Там же. Д. 12. Л. 276 об.-277.

А. Виниус хотел получить полное заключение специалистов о возможностях строительства сереброплавильного завода в бассейне Аргуни⁶⁴.

В июне 1700 г. мастера прибыли в Нерчинск и сразу же отправились к месторождению. С ними были посланы 12 работников и 15 казаков из Аргунского острога. Недалеко от прежних разработок они заложили новую штольню глубиной 6 сажень и обнаружили новую жилу. Из нее накопали и перевезли в Аргунский острог 20 пудов руды. Всю ее А. Левандиан переплавить не смог из-за нехватки угля. Из 4 пудов (около 66 кг) руды он выплавил 9 фунтов (около 3,68 кг) свинца, а затем получил 5 золотников (около 21 г) серебра, т. е. удалось выделить из руды 0,03 %, это в два раза меньше, чем получал Я. Галкин и в три раза меньше данных «заморской» экспертизы⁶⁵.

В 1701 г. один из греков-мастеров, Константин Яковлев, сообщил в Сибирский приказ о результатах обследований группы А. Левандиана. В отчете указывались все те же трудности в разработке месторождения – трудно найти работников, нанятые люди работали крайне неохотно, так как жалованье было низким (25 коп. в день), а цены на хлеб – высокие. Он также представил расчеты количества людей для обслуживания одной плавильной печи – 1 мастер, 2 подмастерья, 7 работников для добычи руды и жжения угля. За неделю в такой печи можно было перерабатывать 1200 пудов породы и получать 67,5 пудов свинца и 15 фунтов 60 золотников серебра, расходуя при этом 60 телег угля. Таким образом, планировалось получать из руды 0,05 % серебра. После поездки на месторождение А. Левандиан и К. Яковлев уехали из Нерчинска в Китай для торговли пушниной.

Переписка между Нерчинской приказной избой и Сибирским приказом, а затем приказом Большой казны* о деньгах, работниках для завода, целесообразности строительства завода продолжалась не один год. Нерчинские воеводы сменявший отца Иван Николаев и затем Юрий Бибииков не могли решить эти вопросы. В 1704 г. последний получил указ, предписывавший построить сереброплавильный завод в районе Аргунского острога на левом берегу реки Алтачи, впадавшей в Аргунь.

Не известно были ли предприняты Ю. Бибииковым какие-либо действия для выполнения указа. Исследователи единодушны в том, что решающую роль в организации строительства завода сыграли следующий нерчинский воевода П. А. Мусин-Пушкин и его сын Федор. О. И. Кашик считает датой основания Нерчинского завода 1704 г. Под руководством нерчинского воеводы и А. Левандиана к осени этого года были построены

* Указом от 31 октября 1700 г. в приказе Большой казны было учреждено особое ведомство «для ведения золотых, серебряных и иных руд». Этими вопросами стали весть окольный А. Т. Лихачев и дьяк К. Борин. Главе Сибирского приказа А. А. Виниусу было предписано передать им все рудные дела. См.: СИФ ААН. Ф. 21. Оп. 4. № 12. Л. 277-277об.

⁶⁴ Кашик О. И. Основание первого в России сереброплавильного завода. С. 59-60.

⁶⁵ Трошин А. К. Иван Евстафьевич Власов, воевода – рудознатец XVII в. С. 39.

горн, кузница и подсобные помещения, проведена опытная плавка 60 пудов руды, 1005 пудов заготовленной руды осталось к следующему году.*

В 1704 г. на строительстве завода было задействовано 19 наемных работников. В 1705 г. под руководством А. Левандиана и прикомандированного к нему в ученики «для науки рудоплавного дела» Афанасия Попова в заводском строительстве и производстве был занят 51 работный человек. Иностранцы мастера работали на заводе за пятую долю получасных серебра и свинца⁶⁶. Для охраны завода, который стал называться Нерчинским, были наняты ясачные тунгусы. В 1707 г. А. Левандиан был отпущен в Москву, а производство возглавил его земляк Семен Григорьев сын Музорант⁶⁷. Так было положено начало развитию сереброплавильного производства в России (*Рис. 13. Форзац II*).

Итак, первые известия о месторождении серебряной руды в бассейне Аргуни были получены в Москве в 1677 г., решение о строительстве сереброплавильного завода впервые было принято в 1688 г., но его осуществление началось только в 1704 г. Две крайних даты разделяет почти 30 лет. Для того, чтобы возник завод, была необходима определенная совокупность условий (факторов) и отсутствие хотя бы одного из них делало задачу неосуществимой.

Попробуем определить этот комплекс условий:

1. Наличие промышленной сырьевой базы. Первые опыты 1680 г. показали, что в обнаруженной руде содержится серебро. Однако промышленные залежи были определены только в 1700 г. греческими мастерами под руководством А. Левандиана и Константина Яковлева.

2. Наличие специалистов, способных оценить месторождение, наладить его разработку и производство свинца и серебра. Местные мастера К. Новгородец, К. Ульянов, Л. Семенов смогли только выплавить свинец. Л. Нейдгарт и Я. Галкин также не умели качественно разделить серебро и свинец. Специально присланный из Москвы Я. Галкин не выполнил поставленной перед ним задачи – провести полноценное обследование рудника, сославшись на то, что для этого сначала нужно расчистить старые штольни «многими людьми». Однако в 1704 г. греческие мастера с 19 наемными работниками не только смогли расчистить старые жилы, но найти новые и добыть 1065 пудов руды.

3. Наличие квалифицированного администратора, способного мобилизовать для строительства завода имеющиеся материальные и челове-

---

* А. К. Трошин определяет дату основания завода 1705 г. Скорее всего, такая датировка связана с тем, что А. К. Трошин не был знаком ни со статьей О. И. Кашик, ни с документами, на которых базируются ее выводы. А. А. Кузин безосновательно называет датой «подлинного основания завода» 1700 г. и связывает это с приездом А. Левандиана (С. 113).

⁶⁶ Кашик. О. И. Основание первого в России сереброплавильного завода. С. 62-63.

⁶⁷ Корепанов Н. С. Никифор Клеопин / Очерки истории Урала. Вып. 11. Екатеринбург, 2000. С. 66.

ские ресурсы. Несомненно воевода И. Власов и стольник Ф. Головин были опытными организаторами, стремились выполнить поручение правительства построить сереброплавильный завод. Но к тому времени еще не сложился весь комплекс необходимых для этого условий. Вместе с тем, воеводы Николаевы и Ю. Бибилов, имея более благоприятные обстоятельства, не смогли ими воспользоваться. Начать строительство завода удалось только более энергичному и деятельному П. Мусину-Пушкину.

4. Безопасность района добычи руды. Этот фактор был крайне важен в условиях пограничной зоны с враждебными соседями. Только после заключения Нерчинского договора 1689 г. к началу XVIII в. ситуация стала стабильной. Военная напряженность в крае сдерживала и крестьянскую колонизацию, и освоение рудников в бассейне Аргуни.

5. Наличие рабочей силы и ее продовольственное обеспечение. Согласно отпискам нерчинских воевод, именно «крайнее малолюдство» стало главной причиной невыполнения царского указа 1688 г. о строительстве завода. Кроме того, постоянная зависимость местного населения от хлебных поступлений из-за Байкала создавала до конца века трудное положение в районе. Центральная власть пыталась решить эти проблемы путем массового переселения ссыльных и крестьян в Нерчинский край. Как свидетельствуют факты, грандиозные планы правительства о переводе на Аргунь 500 или 700 крестьянских семей практически были не осуществимы. Так, например, в 1699 г. воевода И. Николаев сообщил, что из 100 семей верхотурских пашенных крестьян, высланных в Нерчинск из Тобольска, были поселены на десятинную пашню только 30 семей. Такое малое количество устроенных в пашню воевода объяснял отсутствием средств и зерна для подмоги и ссуды. По официальным данным из этой партии верхотурских крестьян по дороге умерли 24 главы семейства, вообще же умершие были почти в каждой семье⁶⁸.

Как показали исследования О. И. Кашик, до 1710 г. главную роль на заводе играл вольнонаемный труд промышленных и гулящих людей. С 1706 до 1714 г. работало ежегодно 50 – 60 наемных работников. В 1707 г. по указу должны были перевести из Енисейского уезда 150 крестьянских семей и поселить их «в Аргунску у рудного промыслу». Однако согласно ведомости о Нерчинских заводах, присланной в Берг-коллегию в 1721 г., было отмечено только 78 семей, переселенных из Енисейского уезда. С 1710 г. они начали работать на заводе вместо обработки государевой десятинной пашни. В том же документе 1721 г. все население, приписанных к заводу деревень составляло 422 человека. С 1713 г. количество рабочих на заводе стало пополняться за счет ссыльных. По данным 1713 – 1719 гг. их было от 20 до 50 человек⁶⁹.

⁶⁸ Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1956. С. 214-215.

⁶⁹ Кашик О. И. Основание первого в России сереброплавильного завода. С. 64-71.

6. Наличие финансового обеспечения. Еще в 1688 г. казна выделила на строительство завода 1500 руб., которые были доставлены в Нерчинск. Однако имея даже финансовые средства, но при жесткой регламентации их расходования, которая не учитывала специфики края, где стоимость жизни была значительно выше, чем в других уже освоенных сибирских районах, нерчинские воеводы не смогли ими воспользоваться в должной мере. Позже в процессе развития торговли с Китаем существенно выросли местные доходы от сборов таможенных пошлин. В конце XVII в. эта статья доходов в Нерчинске была больше, чем в каком-либо другом сибирском городе. Таким образом, в начале XVIII в. казна вполне могла рассчитывать и на местные денежные средства при организации сереброплавильного производства.

Сибирский приказ установил максимальные размеры расходов на производство 1 фунта серебра. Разрешалось не приостанавливать работ даже, если серебро обойдется до 10 рублей за 1 фунт. В том случае, если фунт серебра будет обходиться 15 руб. и больше, воеводы должны были в срочном порядке сообщать в Москву и продолжать поиски руд более богатого содержания⁷⁰. На сколько установленные пределы затрат соответствовали экономическим интересам государства? По мнению О. И. Кашик, Сибирский приказ предвидел нерентабельность производства в первые годы, но считал необходимым основать завод. В 1688 г. торговая цена 1 фунта серебра составляла 7 руб. 68 коп. (см. табл. 2). Из этого количества серебра (без учета добавки меди) чеканили 11,5 руб. (см. табл. 4). Таким образом, если принимать во внимание данные 1688 г., то установленные Сибирским приказом нормы явно делали производство убыточным. В условиях начавшейся Северной войны торговая цена серебра несомненно должна была вырасти, но на сколько? Если исходить из того, что в 1704 г. было изменено количество содержания серебра в 1 руб., и вследствие этого из 1 фунта серебра стало выходить 14,6 руб. и вряд ли торговая цена совпадала с этим количеством. Она явно была выше, даже если прибавить размер прибыли 1688 г., то торговая цена была не ниже 18 руб. 42 коп. Следовательно, едва ли правительство затевало нерентабельное производство даже на первых порах.

Таким образом, опираясь на выросшие к началу XVIII в. материальные и человеческие ресурсы Нерчинского края, государство смогло реализовать давнюю задачу – наладить собственное сереброплавильное производство, и сложившийся комплекс факторов позволил это сделать.

⁷⁰ Там же. С. 61.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

XVII столетие – важный «стартовый» этап в выработке методов, форм и механизмов участия государства в создании отечественной промышленности. В этот период по мере освоения территории Урала и Сибири происходило накопление необходимых знаний и навыков для развития региональной металлургической базы. Возможность ее становления была определена совокупностью таких необходимых условий, как открытие рудных месторождений, пригодных для промышленной разработки, достаточный уровень технического развития горных работ и металлургии, наличие квалифицированного административного руководства и горных специалистов, рабочей силы, финансов, продовольствия и обеспечения безопасности работ. Большое значение имело осознание этих проблем на государственном уровне и принятие адекватных мер властными структурами.

Уникальность ситуации заключалась в том, что при «статичности» общероссийской жизни в XVII в. эти районы представляли собой своеобразные зоны динамичных трансформаций, происходивших в процессе их активной колонизации. Менявшиеся пространственные, социально-экономические, информационные региональные условия заставляли правительство приспосабливаться к ним, искать разные пути в достижении целей. В связи с этим, следует отметить, принципиальное отличие отношения государства, с одной стороны, к железу и, с другой, к цветным и драгоценным металлам, что нашло отражение в различных государственных подходах к поиску и разработкам их рудных месторождений.

Производство черного металла воспринималось государством как неотъемлемая составляющая существования общества, удовлетворявшая повседневные потребности. Присоединение обширной территории Северной Азии, необходимость ее ускоренного освоения поставили перед государством проблему обеспечения русского населения металлическими изделиями. Ее решение требовало от властей немедленного реагирования и активных мер. Государство взяло на себя доставку «с Руси», сначала изделий, а позже и сырья для кузнечного производства. Стремясь сократить возникавшие в связи

с этим казенные расходы, правительство увидело выход в палаживании местного железодельательного производства. В тот период этот вопрос рассматривался только как проблема регионального уровня, поэтому основная тяжесть его решения была возложена на местную администрацию. На рубеже XVII и XVIII вв. стала очевидной возможность использования уральского промышленного потенциала уже в общегосударственном масштабе.

Поиски руд в XVII в. объективно совпадали с этапами, направлениями и районами заселения урало-сибирских территорий и пачинались, главным образом, вдоль основных транспортных речных магистралей. Немаловажную роль в достижении успешных результатов играла и степень заселенности края. Ключевым фактором в промышленном освоении стали миграции русского населения на той территории, где имелись рудные залежи. В процессе поисков под влиянием иностранного и отечественного опыта, технико-технологического уровня того времени, геологических особенностей залегания руд, опытным путем формировались методы выявления, испытания и добычи полезных ископаемых. Появились местные рудознатные мастера, занимавшиеся этой деятельностью профессионально. В первой половине XVII в. распространению навыков кузнечного ремесла и производства железа способствовали посылки в указанном порядке кузнецов из поморских уездов и Казани. Их деятельность была сосредоточена на обеспечении казенных нужд: в оружейном деле, строительстве, обслуживании мельниц и солеварении. Во второй половине столетия к этой практике стали обращаться все реже. Прогресс в развитии местного оружейного литейного дела подтверждают неоднократные упоминания об организации литья пушек в городах Сибири к концу XVII в. С 1670-х гг. наряду с казенными ремесленниками в среде местных крестьян и служилых людей появились оброчные кузнецы и рудоплавильщики, что было продиктовано потребностями рынка.

Следствием геологоразведочных работ этого периода стало открытие нескольких месторождений наиболее доступных и относительно легкоплавких медных и железных руд, при которых возникли Пыскорский медеплавильный и ряд железодельательных заводов. Постепенно произошел переход от обработки привозных полуфабрикатов к железодельательному производству на местной сырьевой базе. К концу столетия были открыты промышленные запасы железной руды. Это стало возможным благодаря накопленному за столетие опыту геологоразведок и металлообработки местным населением. Своеобразным показателем высокой степени развития геологоразведочных знаний и уровня производства металла на урало-сибирских территориях стали масштабные изыскания рудников и мест для строительства доменных заводов, организованные государством с помощью десятков слободских кузнецов и рудоплавильщиков в конце XVII в.

Важной составляющей этого развития явился административный опыт, приобретенный в ходе строительства и управления казенными заво-

дами. Необходимость развития регионального металлургического производства в полной мере осознавалась местными властями. Подтверждением тому являются усиления воеводских администраций по организации железоделательных предприятий на территории своих уездов. По нашим данным в разные периоды на протяжении XVII в., в урало-сибирском регионе действовало 5 казенных заводов по производству кричного железа: в Томске, Арамашевской и Ницинской (Ощесковской) слободах, «Невьянское рудное железное дело» (Ницинский завод) и Красноробский завод.

Железоделательные предприятия, построенные на казенной основе, стали первыми такого рода в России, так как в районах традиционного промысла железо изготовляли, в основном, частные мелкие производители, которые работали на нужды и населения, и казны. На основе территориально-административных управленческих структур начала складываться региональная система руководства розыском и разработкой рудных месторождений, строительством железоделательных предприятий. В результате целенаправленной государственной политики по созданию в крае собственного металлургического производства на Урале появились специализированные поселения металлургов – рудные слободы – предтечи городов-заводов. Тогда же были заложены и основы приписной системы. К концу XVII в. потребности населения края в наиболее необходимых изделиях из железа были в основном удовлетворены местным производством.

В силу экономических представлений того времени, развивавшихся в русле раннего меркантилизма, обретение и разработка источников драгоценных металлов считались прибыльным делом (накопление богатства, изготовление денег). Россия не имела собственных месторождений серебра и золота, поэтому их поиски являлись важной государственной задачей. Изготовление пушек, колоколов, различной утвари требовало больших затрат меди. Старые медные рудники в Поморье были уже истощены, и медь приходилось закупать за границей в значительном количестве. Необходимость сокращения экспортных расходов делала актуальной для государства проблему обретения собственных меднорудных месторождений.

Изначально существовала государственная монополия на поиски, добычу и переработку руд цветных и драгоценных металлов. Однако, на протяжении XVII в. эти государственные подходы пересматривались, власти пошли по пути постепенного расширения привлечения и использования предпринимательской деятельности. Сравнительный анализ жалованных грамот на поиски и освоение руд цветных и драгоценных металлов и законодательных актов первой четверти XVIII в. дает возможность сделать вывод о том, что основы петровской политики по привлечению и использованию частной инициативы в горнорудном деле были заложены уже во второй половине XVII в. К концу столетия в монопольном ведении государства осталась только разработка месторождений серебра и золота. В тот период стала обычной практика поддержки желающих заниматься поис-

ками и разработкой рудных месторождений. Им разрешалось вести поиски на любых землях, независимо от их принадлежности. Правительственные решения по этому поводу носили исключительно прецедентный характер. Лишь Берг-привилегией 1719 г. привилегии промышленников были закреплены в общероссийском масштабе

В 1610 – 1630-е гг. поиск руд цветных и драгоценных металлов осуществлялся экспедициями, посланными из Москвы. По нашим данным, в этот период было организовано пять геологоразведочных экспедиций. Лишь в 1633 г. поиски меднорудных месторождений (хотя искали золото) увенчались успехом – в Соликамском и Чердынском уездах были открыты промышленные залежи медной руды и на их основе был построен казенный Пыскорский медеплавильный завод. После периода интенсивных геологоразведочных мероприятий первой трети XVII в. центральные власти довольно длительное время не занимались организацией поисковых экспедиций, акцент был перенесен на соответствующие поручения местным воеводским администрациям. Лишь в 1669 – 1674 гг. была организована крупнейшая из всех проводившихся вплоть до начала XX в. геологоразведочная экспедиция на Южный Урал и в Восточную Сибирь.

Первые сведения о рудных богатствах Сибири стали поступать в Москву от служилых людей, отправлявшихся для «проведывания и приведения под высокую государеву руку новых земель». Со второй половины 20-х гг. XVII в. сбор информации о рудах и, в первую очередь, о серебре перестал носить случайный характер, а стал целенаправленным, важным государственным делом. В наказах сибирским воеводам центральная власть предписывала, в том числе, собирать сведения о природных богатствах края и особо «проведывать» о серебре.

Значительная удаленность восточносибирских территорий от центра не позволяла эффективно осуществлять оперативное управление поисковыми экспедициями из Москвы. Поэтому после неудачной экспедиции Я. Хрипунова на Верхнюю Тунгуску (1628 – 1630 гг.) были изменены организационные принципы поисков руд. Из центра поступали только директивные указания, и сохранялось условие обязательной отправки в Сибирский приказ отчетов о проведенных разведках, образцов найденных руд и результатов опытов. Все остальные вопросы решались местными воеводами.

Проведение геологоразведок служилыми людьми, посланными местными воеводами, было малоэффективно. То, что они привозили, в большинстве случаев оказывалось пустой породой. Столичные власти пытались найти выход из сложной ситуации путем рассылки в уездные города образцов медной руды (1645 г., 1654 г.). Однако и это не приносило ожидаемого результата. Интенсивность процесса обнаружения признаков полезных ископаемых зависела от нескольких факторов: степени освоенности той или иной территории (заселенность русским населением и уровень хозяйственного освоения), мероприятий правительства по

стимулированию участия в поисковых работах местного населения, инициативности и исполнительности конкретных администраторов. На протяжении всего XVII в. острой проблемой являлось отсутствие необходимых знаний и специалистов, способных правильно определить рудные проявления цветных и драгоценных металлов, квалифицированно провести геологоразведку и экспертизу.

Первоначально сведения о находках цветных и драгоценных металлов поступали в один из приказов, который организовывал подготовку экспедиции для проверки полученных известий и руководил ее проведением. Это могли быть в первой трети XVII в. приказы Большой казны и Казанского дворца, Аптекарский и Посольский приказы. Позже все «сибирские» находки поступали в Сибирский приказ, а «прикамские» горнорудные дела курировал приказ Большой казны. Поисками серебра на Южном Урале и в Восточной Сибири (1669 – 1674 гг.) первоначально руководил Сибирский приказ, но в силу значимости проводившихся мероприятий розыски возглавил Приказ Тайных дел. В период регентства царевны Софьи Алексеевны все горнорудные дела были переданы из Сибирского приказа в Стрелецкий приказ. Необходимо отметить, что управленческие решения 1682 – 1689 гг. отличаются рядом новаторских начинаний в этой сфере, но после отстранения от власти правительства Софьи Алексеевны прежний порядок был восстановлен. Сибирский приказ вновь стал заниматься поисками руд в Сибири.

В процессе подготовки геологоразведочных экспедиций центральные власти брали на себя решение таких вопросов, как определение руководящего и кадрового состава экспедиций, источников и размеров финансирования, снабжение снаряжением. Структура руководства экспедиции в данном случае соответствовала административной практике XVII в. Как и при любом государевом поручении (будь то воеводство или посольская служба), во главе экспедиции стояли служилый человек (стольник, дворянин, сын боярский, воевода) и подьячий или письменный голова.

Большое значение имел подбор мастеров-рудознатцев, умевших провести опыты с найденной рудой, определить в ней содержание того или иного металла, а также оценить перспективность разработок месторождения. Как правило, таких специалистов приглашали из-за границы. В экспедициях на Урале и в Сибири побывали десятки английских, немецких, греческих мастеров. Вместе с тем, в некоторых из них уже участвовали и русские мастера-самоучки. Кроме главного специалиста-рудознатца (или специалистов) в каждую экспедицию посылался вспомогательный персонал. Как правило, это были люди, связанные с металлургическим производством – денежные мастера, плавильщики, кузнецы.

Экспедиции, работавшие в Прикамье и Поморье, были небольшими по составу, как правило, в них участвовало несколько служилых людей для оперативной связи с Москвой. Специфический состав имели экспе-

---

диции Я. Хрипунова, П. Годунова и Я. Хитрово. С ними были посланы большие воинские отряды для обеспечения безопасности горных работ. Эти экспедиции, сформированные по типу военных подразделений (полков), занимались поиском и разработкой руд драгоценных металлов за пределами русских владений.

Денежное и продовольственное обеспечение поисковиков возлагалось в основном на местные власти за счет городских сборов в казну, дополнительных поборов с населения не вводилось. Однако с появлением экспедиций в том или ином районе у крестьян и посадских людей возникали новые обязанности в связи с обеспечением поисковиков подводами, зачастую их принудительно привлекали к землекопным работам. Государство осуществляло контроль за использованием казенных средств через ценовальников, выбиравшихся из посадского и крестьянского населения близлежащих населенных пунктов.

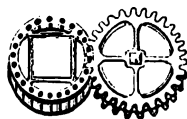
Проведение поисковых работ являлось разновидностью государственной службы и регламентировалось в наказах руководителям экспедиций. В этих документах определялись задачи и функции основного состава, давалась подробная инструкция о действиях экспедиции. Анализ наказов позволяет получить представление о правительственной концепции организации геологоразведочных работ. Поскольку поиски цветных и драгоценных металлов проходили на землях, различных по форме собственности, этническому составу населения, степени освоения, то власти стремились учитывать эту специфику территорий. Наказы составлялись в Москве еще до отправки экспедиций и базировались в основном на умозаключениях и столичных представлениях об условиях деятельности поисковиков в восточных районах. Данные документы строились на принципах, которым следовало государство в разных сферах общественной жизни: предпочтение присоединения новых территорий мирными средствами, регламентация прав и обязанностей должностных лиц согласно сложившейся административной практике и др.

Реальная жизнь вносила свои поправки, поэтому в ходе деятельности экспедиций центральные власти корректировали свои инструкции указами и грамотами, осуществляя оперативное руководство ими, исходя уже из конкретных ситуаций. Непосредственное исполнение управленческих решений возлагалось на местных воевод, как правило, глав разрядов. При этом прослеживается различная степень предоставлявшейся им самостоятельности. Это зависело от удаленности района, необходимости быстрого принятия решения в экстремальной ситуации и в случае, когда действия участников экспедиции вторгались в сферу компетенции воевод.

На рубеже 1660 – 1670-х гг. государство мобилизовало весь свой накопленный опыт в деле организации геологоразведки для проведения изысканий серебряных месторождений на Южном Урале. Попутно были проверены сведения, поступающие с Алтая и из Восточной Сибири. Развертыванию

широкомасштабных работ предшествовал подготовительный этап: приглашение на российскую службу иностранных специалистов-рудознатцев, проведение нескольких предварительных экспедиций, подтвердивших сведения о рудных залежах, неоднократное апробирование присланных образцов в Москве, давшее положительный результат. Отряд под руководством Я. Хитрово был готов не только заниматься поисками месторождений, но и развернуть работы по строительству сереброплавильного завода. Имевшиеся в верхотурско-тобольском районе материальные и социальные ресурсы позволяли это сделать. Используя методы обеспечения этих поисковых работ рабочей силой, продовольствием, финансами, транспортом и оборудованием были традиционными для феодального государства. Основная часть этих организационных проблем возлагалась на местные власти. Однако все огромные затраченные усилия не принесли ожидаемых результатов – месторождения серебра так и не были найдены. Вместе с тем, геологоразведочные поиски 1670-х гг. положили начало промышленному освоению Южного Урала и показали потенциальные возможности края по организации и решению крупномасштабных задач. Были установлены рудные месторождения железа, на базе которых в середине XVIII в. возникло несколько доменных заводов.

Организованное государством в 1696 г. обширное обследование и оценка уже обнаруженных месторождений железной руды в районах Среднего Урала, последовавший за этим указ 1697 г. о начале строительства в Зауралье крупных казенных вододействующих мануфактур, открытие и начало освоения сереброплавильных рудников в бассейне р. Аргунь стали своеобразным итогом поисковой деятельности всего XVII в. В результате сделанных тогда открытий рудных месторождений были созданы условия для начала интенсивного строительства доменных заводов и формирования крупнейших центров отечественной металлургической промышленности. Опыт, приобретенный в XVII в., лег в основу государственной промышленной политики в последующие столетия.

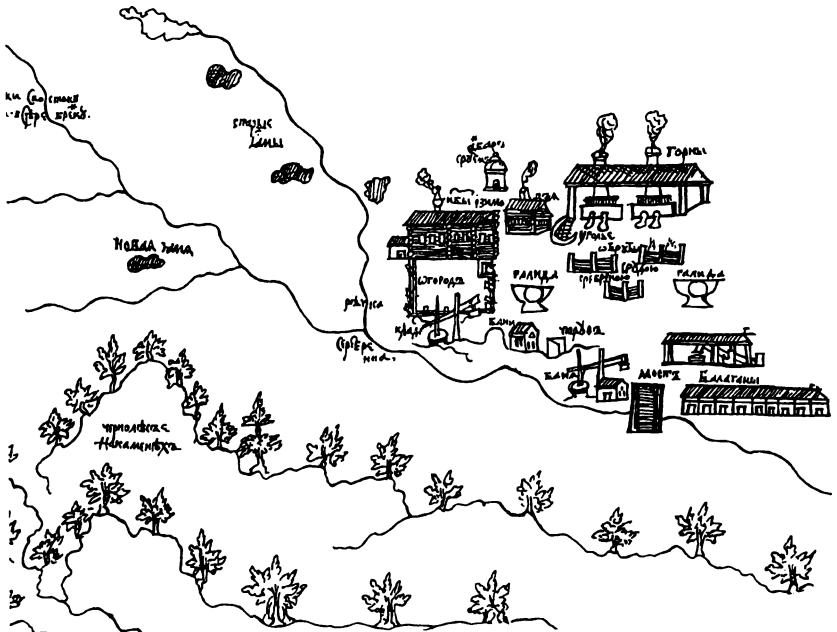
SUMMARY

The book presents results of the research into the role played by the state in the origins of the Russian industry, with the XVIIth century Ural and Siberian metallurgy taken as an example. The history of iron, non-ferrous and precious metals deposits prospecting and development on the vast territories of Northern Asia, from the Kama-river basin to the Pacific Ocean, was chosen as an object for study. It was the time of these territories active colonization by Russian explorers. Constantly changing situation in terms of lands acquisition, social and economic conditions, information circulated in the region, forced the government to adapt to diverse shifts and to search for inventive means to reach its goals. This practical experience became a foundation for the state industrial policy during subsequent centuries.

The authors examined methods and forms of state participation in the development of mining business; the process of administrative decisions making and the factors of influence. Significant attention was paid to central and local administrative authorities participation in the initiating, management and control over the ore fields prospecting and their development. The succession in state approaches towards the development of industry in the XVIIth and the first quarter of the XVIIIth century was shown. The detailed history of all expeditions that searched for silver, gold and copper ore in the Ural and Siberian territory in the XVIIth century is presented as well as the account of construction of the first iron, copper-melting and silver-melting plants.

The book was written on the base of extended complex of archival and published sources as well as archaeological data of field investigations.

УКАЗАТЕЛИ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Агафонов Девятка, урядник 250, 251
Агрикола Г. 177
Акема Анна, вдова Ф. Акема 274
Акема Иван, заводчик 274
Акема Филимон, заводчик 252, 277
Акинфов И. П., снисейский воевода 209
Акишин М. О., историк 95
Аксентьев Иван, подьячий 215, 216
Александров В. А., историк 18, 42, 82, 195, 204, 231, 254, 265, 282
Алексеев В. В., историк 7
Алексеев Иван, кузнец 28
Алексеев Нехорошко, ясачный сборщик 191
Алексеев С. 161
Алексей Михайлович, царь 190, 202, 204, 209, 214, 227, 249
Алтын, хан 207
Алыпка, вогул 205
Амосов Сергей, кузнец 23
Анга, князец 255
Андерсон Петер, прапорщик 167
Андреев Давыд 178
Андреев Дмитрий, стрелецкий десятник 101, 102, 103
Андреев Любим, тарский служилый человек 142
Андреев Калина, котельник 222
Андрю, богдойский хан 195
Андрюшка, ясачный асан, 229
Аничков Г. М., думный дворянин 183
Анофриев Иван, купец 244, 246 – 250
Аранги, князец, 255
Аранов Фрол, слободчик 51, 80
Араул, сын шингальского князца 195
Армаков В. А., снисейский воевода 117, 122, 123, 143-146
Арсеньев Кирилл, стольник, 110
Архинов Василий, тяглец, 270
Артемьев Иван, охочий человек 198
Астафьев Спиридон, греческий купец 257
Астраханцев Степан, майор 89
Афанасьев Василий, 227
Афанасьев Григорий, монастырский жилец, 215
Афенбах Иван, прапорщик 153, 158
Бабаев Михаил, сотник 156
Базаров Иван Матвеев, кузнец, 26
Байлов Артемий, верхотурский сын боярский 60, 70
Бабич В. К., металлург, 52
Байкашин М., тобольский сын боярский 147, 148
Бакланов Н. Б., историк 58
Баландин Василий, сотник 156
Балганча (Былалга), юкагирский шаман 188
Барнешлев А. А., якутский воевода 31
Бартенев Авраам Чулов сын 131
Бартенев Чулов Иванович, дворянин 98 -100, 102-105, 109-113, 119, 121-125, 127, 129-135, 137, 138, 245
Бархат Тимофей, житель Осинской слободы 134, 135
Бастби Уолтер, английский мастер 99
Батыйка, подьячий 156
Бахорев Иван Афанасьев, кузнец 66
Бахурев Савватий Иванов, кузнец 66, 81
Бахрушин С. В., историк 16, 18, 28, 31, 44, 158, 206, 236
Бахтеяров Еналей, письменный голова 192, 193
Безнин Иван, кузнец 56
Безнины, 57
Бекетов П. И., стрелецкий сотник 145, 146, 199, 205

- Беклеминшев М. П., мангазейский воевода 233
Бекман Р. 105
Беликов Сергей, подьячий 98, 99, 103, 104, 110, 113, 135-140, 244
Белоглаз Федор, стрелец 183
Белозерец Осип, гулящий человек 83
Белокрылов Русинко, соликамский посадский человек 132, 133
Белоус Афанасий, солдат 168
Белюсов М. Д., историк 58
Бергманы, рудознатицы 99
Бернсл Вилим, иностранец 205
Берх В., историк 9, 55, 141, 247-249
Беспровзванных Е. Л., историк 256
Бессонов Мартын, серебряник 29
Бибииков М. А. слободской приказчик 33, 96, 164
Бибииков Юрий, нерчинский воевода 287, 289
Биргильда, банкир 159
Блинов Иван, 210, 211
Богатырев С., подполковник 265, 266
Богданов Василий Максимов, подьячий 211, 213
Богомолы Вихорко Иванов, кузнец 57
Богомолы 57
Бодай, якутский мегинский князец 192
Болотников И., дьяк 104, 145
Болтин А. Ф., томский воевода 209
Болтурин, князец 145
Борбой (Богдой), хан 194, 197, 198
Борзунов Степан, верхотурский стрелец 151, 212
Борни К., дьяк 287
Борисов А., конюх 168, 177
Борятинский И. П., енисейский воевода 31, 216, 232, 234, 235, 257-260
Босой (Босов) Кирилл Алексеевич, кузнец 245-147
Ботога, тулгусский князец 192
Бояришинова З. Я., историк 18
Бояшев Ф. М., верхотурский воевода 73
Брагин С., конюх 168
Брант Адамс, посол 256, 284
Бублейников В. Г., историк 12
Бугойцай, хан Джунгарии 255
Буд Яков, серебряник 156
Будаков Илья, приказчик Ирбитской слободы 40, 91
Будаков Мирон, приказчик Тагильской слободы 74
Будаков Семен, приказчик Чусовской слободы 51, 149
Буженинов Андрей, тобольский сын боярский 46, 72, 213
Буза Елисей, енисейский десятник 188
Буйносов-Ростовский А.И., тобольский воевода 72
Булмер Я., английский дворянин 105
Бурнаш Иванко, кузнец 80, 81
Буткеев Влас, верхотурский сын боярский 174
Буцнинский П. Н., историк 10, 58, 60, 63, 64, 75
Бухряков Василий, таможенный голова 205
Былалга см. Балганча
Быковский В., служилый литвин 146
Бычков Федор, крестьянин 133
В
Вавила, старец 236, 241
Варламов Елфим, казачий десятник 217
Василевский Л. П., историк 42
Василевский Р. С., историк 29, 54
Василий Шуйский, царь 99
Васильев В. 161
Васильев И., дьяк 133
Васильев Кондратий, крестьянин, кузнец 26
Васильев Никита, рудознатец 286
Васильев Никита, стрелец 269, 276
Васильев Третьяк, дьяк 210
Ватер Джон, английский рудознатец 105-107, 109, 112, 113, 119, 120, 125, 127, 129-132, 134, 135
Введенский А. А., историк 98
Ведмин Семен, приказчик 26
Веймарн И. И., историк 8
Вельяминов М., тобольский воевода 57
Венгерский Иван 160
Веригин К., племянник Я. Хрипунова 115
Верхоланцев Артем, крестьянин 130, 133
Вершинин Е. В., историк 17, 35, 40, 59, 60, 77, 105, 116, 146, 161, 190, 200-202, 206, 217, 264
Веселовский С. В., историк 104, 105, 165, 243, 244
Вилков О. П., историк 18, 77, 78
Виннус А. А. 96, 236, 237, 266, 273, 287
Вировский Владимир, селитренный мастер 157
Вискунов М., стрелец 29
Витовтов Федор, подьячий 112
Витсен Николай, амстердамский бургомистр 96, 220
Витчевский В., историк 11
Власов И. Е., селенгинский, нерчинский воевода 18, 84, 216, 218, 254, 262-264, 266, 268, 269, 274-278, 281, 281, 284, 285, 287, 290

- Власьев Ворошилка, пушкарь 41
 Власьев Пикита, московский стрелец 269
 Внуков Макар, подьячий 121
 Власьев Василий, 198
 Восейков Пикита Савинов, служилый человек 110, 144-146
 Восейков Ф. Д., нерчинский воевода 31, 261, 262, 277
 Волков Григорий, стольник 110
 Володимерен П., томский служилый человек 141
 Володимеров Василий, полуголова 156
 Волохов Степан, казак 33
 Вольинский Н. В., тобольский воевода 116, 117, 142, 145, 146
 Вольинский Сергей, дворянин 106
 Вольинский П., устюжский воевода 120
 Ворогов Ф. И., промышленник 83
 Вороженка Константин Харитонов, крестьянин 205
 Воронин Владимир, заводовладелец 97
 Воротынский И. М., боярин 133, 134
 Вострово Шумок, служилый человек 207
 Вульф Ганс, лекарь 242
 Вычегда Иван, Казак 119, 148
 Вяземский Я. И., енисейский воевода 281
 Вятчанин Андрей, серебряник 211
- Гаврилов С., казак 262
 Гаврилов Тимофей, кузнец 31
 Гагарин А. Ф., томский воевода 57, 58
 Гагарин И. П., иркутский воевода 120
 Гагарин С. Н., верхотурский воевода 62-64, 118, 264
 Газенвинкель К. Б., историк 104
 Гаев Евсей, староста 46
 Гай-Тимур, шингальский князец 195
 Галкин Иван, енисейский сын боярский 198, 199, 205
 Галкин Яков Галактионов, серебряник, торговый человек 236, 237, 254, 266-268, 270-274, 276, 279, 281-285, 287, 288
 Генин В., управляющий заводами, историк 8, 11, 17, 58, 244-246, 249, 252
 Герман И. Ф. управляющий заводами, историк 8, 17
 Герольт Ганс, рудознатец 107, 108, 113, 136, 137
 Гессен Ю.И., историк 11
 Главандер, живописец 158
 Глебов Б. Д., енисейский воевода 286
 Глебов М. Б., якутский воевода 188, 190
 Глебов Моисей, соликамский воевода 112
- Гоголин Павел, промышленный человек, рудоплавильщик 85
 Годунов Борис, царь 21, 138
 Годунов П. И., тобольский воевода 71, 77, 152, 154-156, 158, 159, 161, 175, 182, 297
 Голенцев-Кутузов И. Ф., якутский воевода 208, 229
 Голенцев М., чердынский воевода 211
 Голиков А. 112
 Голиков Ф., трубач 167
 Голицын А. А., тобольский воевода 92
 Голицын В. В., князь 240, 271, 272
 Головей Христофор, рудознатец 201
 Головин Алексей, сын боярский 110, 112, 114, 129, 130-133
 Головин Ф. А., стольник 265, 266, 268, 269, 274-276, 278-282, 289
 Головин П. П., якутский воевода 54, 188, 189-191
 Головкин И., дьяк 242
 Голохвастов В. Е., енисейский воевода 229
 Гольденберг Л. А., историк 15
 Горбунов Моисей, крестьянин 34
 Горохов И. С., думный дьяк 261
 Гофман Андерс (Андрей), немецкий ткач 153
 Грабов П., полковник 265
 Грамотин И. Т., думный дьяк 99
 Греков Тимофей, серебряник 177
 Григорьев Лавр, ленский служилый человек 188
 Григорьев Иван, тяглец 270
 Григорьев П., кузнец 80
 Григорьев П., дьяк Костромской чети 114
 Григорьев Семюк, греческий рудознатец 222
 Гришков В. В., историк 99, 110
 Грязев И., дьяк 104, 145
 Грязнов, стрелец 213
 Гулкан, тунгус 188
 Гурыга Иван, писарь 72
- Давыдов Захарий, подьячий 210
 Давыдов Юшка, целовальник 224
 Далкай см. Ловкай
 Далгунта (Далгитта), юкагирский шаман 188
 Далмат, старец 92
 Даян, проводник-тунгус 256
 Данилевский В. В., историк 12
 Данилов Богдан, торговый человек 22, 35
 Дворяннов Б. С., верхотурский воевода 204
 Девятко, угольный мастер 252

- Дементьев Федор, посадский человек 137
 Демидовы, заводовладельцы 14, 59, 219
 Демидов А. П., заводовладелец
 Демидов П. А., заводовладелец 96
 Демидов Фома, крестьянин 129, 133
 Демидова П. Ф., историк 108, 257
 Демкин А. В., историк 107, 273
 Дерябин А. Ф., историк 8, 9
 Дещаль Кристоф, прапорщик 158
 Дивов С. В., томский воевода 57
 Дишин Григорий, приказчик Ирбит-
 ской слободы 32, 77
 Дмитриев А. А., историк 44, 58
 Догина Катуй, монгольский тайша 262
 Дожиров П. Б., кузнецкий воевода
 214
 Долматов Кирилл, крестьянин 129,
 130, 133
 Дордуго, ясачный 217
 Дорогобужский П. А., ссыльный куз-
 нец 31, 206
 Дробыш Христиан, саксонский рудоз-
 натец 153-155, 157, 158, 160-166, 168,
 169, 175, 179-183, 211-213, 259, 260,
 265
 Дубенский А. А., красноярский воевода
 31, 117
 Дук Лаврин, поручик 157
 Дунаев Иван, казачий пятидесятник 166
 Дурищин Тимофей, гулящий человек 62

 Евдокимов Онисим, приказчик М.
 Строганова 129, 133
 Египта см. Имгота
 Едуган, хан 166
 Ежевский Григорий, приказчик Пыш-
 минской слободы 33
 Ездоков Василий, пятидесятник 85
 Елизаров П. К., соликамский воевода
 204
 Елистратов Семен, кузнец 24
 Ерастов Иван, красноярский сын бояр-
 ский 188
 Еремеев Василий, подьячий 209
 Еремеев Иван, купец 246
 Еремеев Федор, кузнец 56, 57
 Ермис Иван, 205
 Ермолаев Л., дьяк 261
 Еровнин Филипп, стрелец 269, 276
 Есюя, дочерский князец 196
 Ефимов Елисей, кузнец 34
 Ефимьев (Якимов, Колмогор) Богдан,
 кузнец, рудоплавильщик 24, 25, 38,
 62, 63, 65, 66, 72

Ждан, пош 133
 Жданов Леонтий, целовальник 251
 Жданов Любим, целовальник 251
 Жилин Алексей Тихонов, посадский
 человек 227-230, 236, 237
 Жилны, посадские люди 42
 Жуков Д., кунгурский воевода 36
 Журавлев Осип, приказчик 130
 Забелин И. Е., историк, 107
 Загряжский Г. А., тобольский воевода
 36, 64, 98, 99, 102-104, 110, 113, 114,
 135-140, 146, 245
 Залетахин Борис, мастер 134
 Заливнин Влас, тобольский сын бояр-
 ский 70
 Заозерская Е. И., историк 5, 16, 17, 59,
 60, 63, 70
 Затякин Иван, кузнец 39
 Захаров Симон, казак 33
 Зверев С. В., историк 99
 Звягин С. Л., подьячий 201
 Зеленый Роман, толмач 107, 131
 Зиновьев Антон, винокур 203
 Зиновьев Дмитрий, дворянин 195, 196
 Злотников М. Ф., историк 11, 58
 Зорен Иван Федоров, служилый чело-
 век 110, 114
 Зубов А. И., кузнецкий воевода 214
 Зубов Б. А., стряпчий 216
 Зубченков Афанасий, стрелец 217
 Зуев Владимир, крестьянин 245
 Зырянов Богдан, кабацкий голова 251
 Зырянов Дементий, целовальник гор-
 ного дела 245, 252, 253
 Зюзин А., посол 106

Иван III, царь 105
 Иван IV, царь 98, 134
 Иван, старец 215
 Иван Алексеич, царь 240, 266, 270
 Иванов Алексей, мельник 38
 Иванов Анкиий, приказчик Верхолен-
 ского острога 85
 Иванов Бажен, крестьянин, кузнец 26
 Иванов Вихор, кузнец 56
 Иванов Г., мастер 161
 Иванов Дмитрий (Кузнец), кузнец 90
 Иванов Игнатий, казак 85
 Иванов Константин, десятник 198
 Иванов Леонтий, тяглец 270
 Иванов Максим, кузнец 84
 Иванов Петр, кузнец 22, 124
 Иванов Постник, енисейский служи-
 лый человек 187
 Иванов Потешка, кузнец 31, 206
 Иванов Савва, стрелец 101
 Иванов Стефан, кузнец 94
 Иванов Трифон, кузнец 94

- Иванов Федор, промышленный человек, рудоплавильщик 23, 85, 161
 Ивашков Демешка, ясачный вогул 211, 212
 Ивлев Митка, солдат 168
 Игнатий, митрополит Сибирский и Тобольский 94
 Игнатъев Пикита Зиновьев, крестьянин 137, 139
 Идез Избрант, посол 255, 284, 285
 Изгачев В. Г., историк 253, 254
 Измайлов А., окольный 104
 Измайлов Л. Т., верхотурский воевода 32, 76, 77, 205
 Измайлов П., устюжский воевода 165
 Ильин Казарин, стрелец 101
 Имгонга (Егитта), юкагирский шаман 188
 Иноземец Тимофей, бронник 96
 Инсберх Яган, серебряник 156
 Иона, старец 215
 Иосиф, священник 136
 Исаак, игумен 50, 92
 Исаак, священник 143
 Исаев Дмитрий, серебряник 121, 135
 Исаков Наум, стрелец 140
 Истомин Второв, подьячий 203
- Казаков С., конюх 168**
 Казанцев В. А., сын боярский 282, 283
 Калачников Рохманинко, крестьянин 132, 133
 Кальков А., ярославский воевода 242
 Камбайка, витимский тунгус 191
 Камынин И. Б., верхотурский воевода 39, 48
 Кан Маркан, монгольский князец 197
 Каншор-мурза, кабардинский мурза 108
 Караулов Г., дьяк 169
 Карбышев Сергей, кузнец 38
 Картман Вулерт, слесарь 157
 Кафенгауз Б. Б., историк 14, 59, 63
 Кафтырв Д., воевода 23
 Кашин О. И., историк 18, 84, 253, 284, 287, 288, 289, 290
 Кашин В. П., историк 18
 Кашинцев Данила Владимиров, подплавильщик 203, 252
 Кашинцев Д. А., историк 16-18, 58, 76, 246, 252
 Кашширов Иван, переводчик 108
 Каюра Михаил, крестьянин 132, 133
 Кельтя, якутский князец 101-103, 124, 126
 Кизыл Пятуньо, казак 56, 57, 141
 Кишфин Матвей, лекарь 111, 114, 120
- Киририанов В., дьяк 261
 Кирилов Емельян, посадский человек, серебряник 25
 Кирилов Илья, подьячий 242, 243
 Кирилов Иосиф, кузнец 94
 Кирилов Максим, ясачный сборщик 191
 Кирлин Михаил, верхотурский стрелец 200
 Кислянский Л. К., иркутский воевода 218
 Китырин Емелька, солдат 168
 Кичигин А. И., маркшейдерский ученик 186
 Клементьев Кузьма, кузнец 28
 Клементьев Осип, посадский человек 136
 Клеопин Никифор, 288
 Клепиков Дмитрий, тобольский сын боярский 175
 Клубков-Мосальский С. В., томский воевода 23, 189
 Кобылинский Федор, сын боярский 70
 Кобыльский И. С., томский воевода 189
 Ковригина В. А., историк 157, 259, 274
 Коет Елисей, шведский пушечный мастер и рудознател 109
 Кожевник Яков, пятидесятник 286
 Кокошин И. Р., кузнецкий воевода 214
 Колесников Василий, енисейский атаман 197, 198
 Коломогорцев И. И., историк 18
 Колодин Василий, целовальник 88
 Колодов А., дьяк 169
 Колокольник Семен, плавильщик 202, 203, 249, 252
 Колокольников Андрей, литейщик 35
 Колтовский И. Я., верхотурский воевода 71, 150, 205, 211-213
 Ком Юрий, стекольный мастер 158
 Конаев Василий, служилый человек 210
 Конаев Иван, служилый человек 210
 Конанов Семейка, посадский человек 122
 Кондратьев П. 282, 283
 Конницев Ермолай, стрелец 215
 Конкаров Борис 192
 Коновалов Ю. В., историк 24, 59, 76, 81
 Копонюк, ясачный асан 230
 Копылов А. Н., историк 18, 28, 42, 53, 82, 83, 86, 206
 Копылов Д. 188 - 190
 Корела Яков Федорович, серебряник 259
 Корсепанов П. С., историк 186, 288
 Коронеос К. П., археолог 92

- Коростель Ганка, солдат 168, 183
 Коротков Василий Иванович, иконник 218
 Корсаков В. Л., туринский воевода 63
 Костоголоу П. Л., археолог 92
 Котега, тунгусский князец 197, 198
 Крамаренков В. И., историк 8, 9, 17, 60, 186
 Кривецкий К., трубач 167
 Кривошеков И. Я., историк 135, 145
 Крижанич Ю., писатель 7, 182
 Кровков М. О., якутский воевода 54
 Куванин Дмитрий, кузнец, промышленный человек 259
 Кувакин Пил, кузнец 86
 Кузин А. А., историк 15, 16, 105, 151, 171, 254, 288
 Кузнец Иван, крестьянин 130, 133
 Кузнец Осип, посадский человек 133
 Кузнец Семен Семенов, кузнец 84
 Кузнецов Корнил, кузнец 212
 Кузьмин Антон, прапорищик 167, 184
 Кулаков Яков, десятник 198
 Кулмаметев Сайдас, бухарец 273
 Кулмаметев Азбакей, служилый татарин 159
 Кульман Квирин, проповедник 274
 Куратов А. А., историк 60
 Курялов В. Н., историк 18
 Курлаев Е. А., историк, археолог 19, 92
 Куру Б. Г., историк 195
 Куслинский (Клинский) Альбрехт, плавильный мастер 158
 Кушева Е. П., историк 108

Лавага, тунгусский шаман 192
 Лавров А. С., историк 24, 278
 Ладкай см. Ловкай 194, 194
 Лаврентий, митрополит Казанский и Свияжский 156
 Лавров Семен, татарский голова 222-225
 Лазарев Пров, енисейский служилый человек 188
 Лазарко, самосед 139
 Ларка, бобыль (Ефросин, монах) 215
 Ларка, угольный мастер 252
 Левандиан Александр Павлов, греческий рудознател 219-223, 225, 226, 254, 286-288
 Левкин Еремей, мастер 259, 260, 264, 267, 274
 Левкин Тимофей, мастер 220, 259, 260, 264, 267, 272
 Леонтьев Гавриил, дьяк 98, 100, 101, 103-106, 110-113, 115, 119, 121-123, 125, 127, 129-135, 137, 138, 247
 Леонтьев Михаил, солдат 168
 Леонтьев Перфилий, крестьянин, рудоплавильщик 86
 Леонтьева Г. А., историк 194-196
 Лепихин Федор, кузнец 28
 Лепихин Яков, слободчик, атаман 33, 34
 Лисицын Федор, приказчик 96, 97
 Лисовский Самойло, голова 216, 232, 257-259, 261
 Литвинов Василий, рудознател 13, 100, 107, 133, 134
 Литвинов, Моисей, рудознател 13, 100, 107, 112, 121, 135
 Литвинов Яков, рудознател 13, 100, 101, 106, 107, 113, 123, 127, 129-133
 Литкин Христофор, поручик 167, 180, 184
 Литосов Зиновий, казачий голова 210
 Лихачев А. Т., околыничий 287
 Лихачев Максим, верхотурский подьячий 201
 Лихачев Ф., дьяк 133
 Лифанов А., стрелец 282, 283
 Лобанов Иван Иванович, князь 195
 Лобутин Дмитрий, верхотурский сын боярский 68
 Ловкай, братский князец 191, 192
 Лодыгин Гаврила, чердынский воевода 121
 Лодыгин Тимофей, стольник 245, 247
 Лоншаков Григорий, сын боярский 262-264
 Лозник Юрий, немец 246
 Лот, старец 150, 152, 154, 158, 159, 161, 163
 Лотов Семен, бронник 33, 34, 171
 Лукиан, старец 50, 92
 Лукина С. М., историк 18
 Лукьянов Афанасий 203
 Лукьянов Первый, серебряник 133
 Лысковец Константин, урядник 251
 Львов И. В. соликамский воевода 251
 Львов М. Д. верхотурский воевода 41
 Любомиров П. Г., историк 11, 12, 88
 Ляпин Яков, кузнец 34

Мазега, сын пингальского князца 195
 Макарий, старец 216
 Макаров Василий, стрелец, котельник 25
 Макаров Максим, крестьянин 140
 Максимов Абрам, кузнец 24, 38
 Максимов Иван, серебряник 25
 Максимов Иван, енисейский сын боярский 230
 Малявкин С., литавщик 167, 184

- Ман Роланх, селитренный мастер 153
 Манин В. А., историк 18, 27
 Маноїлов Д., кузнец 28
 Маноїлов (Мануйлов) Спиридон, греческий рудознатец 222, 286
 Маноїлов Федор, греческий рудознатец 222
 Манькова И. Л., историк 19, 93, 228
 Марков Демка, крестьянин 133
 Марков Митрофан, крестьянин 132, 133
 Марков П., приказчик 113
 Марселлис Петр, заводовладелец 236, 252
 Марселлис Христиан, заводовладелец 265
 Марселлисы, купцы, заводовладельцы 228, 277
 Мартынова В. Н., металлург 52
 Маскин Матвей, дьяк Сибирского приказа 96
 Матфей, архимандрит 235
 Матюков (Силин) Василий, кузнец 39
 Матюшин И., боярин 201
 Матюшкин С., подьячий 120
 Машанова Л. В., историк 18
 Мелдин Прохор, служилый человек 218
 Мелехов Осип, серебряник 129
 Меллер Андрей, огнестрельный мастер 157
 Меллер Вахромей, голландский купец 273, 274
 Меллер Петр, заводовладелец 276
 Мельник Григорий Афанасьевич, тюремный сиделец 214, 216
 Мерик Д., английский купец 106
 Милославские 278
 Милославский И. М. 257, 264
 Мещерский П. Ф., верхотурский, сургутский воевода 34, 201
 Мещеряк П., казак, 147
 Микитин Дмитрий, лекарь 168
 Микитин Оника, енисейский служилый человек 187
 Микитин Павел, оброчник 218
 Микитин Степан, стрелец, кузнец 25
 Микитин Терентий, чердынский цelloвальник 134
 Микифоров Б., бронный мастер 32
 Микифоров Петр, кузнец 24, 25
 Микулин Иван, майор 156, 167, 177
 Миллер Г. Ф., историк 9, 10, 32, 41, 58, 60, 63, 76, 93, 203, 209, 220
 Миллер Иоаган, рижский мастер 96
 Миллер Николай, рижский мастер 220
 Милованов Василий, служилый человек 255, 256, 276
 Милославский Д. И., верхотурский воевода 200
 Митрофанов Гурьян, кузнец 259
 Митрофанов Лев, племянник Л. Жилина 227
 Михаэлис, бергсоветник 212
 Михаил Федорович, царь 23, 38, 62, 104-106, 131, 144-146, 190, 193, 202
 Михайлов Григорий, дьяк 231, 254
 Михайлов Данила, подпавильщик 230
 Михайлов Ивашка, пятидесятник 35
 Михайлов Клим, мельник 203
 Михайлов Ф., конюх 168
 Михалев А., пятидесятник 42
 Моисеев К., бронный мастер 31
 Мокринский Григорий, тобольский сын боярский 70
 Мокринский Иван, березовский сын боярский 117
 Мокринский Савватий, тобольский сын боярский 68, 70, 72
 Мокринский Тимофей, тобольский сын боярский 70
 Молофей, плавильщик 109
 Морозов Б. И., боярин 227
 Морозова Л. Е., историк 257
 Моря Казимир, служилый иноземец 233
 Мосин А. Г., историк 24
 Москвин Алексей, пятидесятник 270
 Москвитин И. Ю., землепроходец, пятидесятник 189, 190, 192
 Музорант Семен Григорьевич, греческий рудознатец 288
 Мукотей, тунгусский князец 197
 Муравьев Василий, верхотурский сын боярский 62, 70
 Мясин Кондратий, якутский служилый человек 192
 Мусин-Пушкин П. А., нерчинский воевода 287, 290
 Мусин-Пушкин Ф. П., сын П. А. Мусина-Пушкина 287
 Мыченишов Василий, староста 121
 Мышан, князец 219, 221
 Мясник Ларнон, орловский посадский человек 133
 Назимов Богдан, тобольский сын боярский 70
 Накоряков Федор, стрелецкий десятник 95
 Нармацкий А., брат Я. Хрипунова 115
 Нарышкин Г. Ф., верхотурский воевода 45
 Нарышкин Матвей, голова московских стрельцов 156
 Нарышкины 278
 Наумов Д., чердынский и соликамский воевода 36

- Нащокин П. О., томский воевода 211
 Нащокин Ф. И., кузнецкий воевода 53
 Нейдгарт Лаврентий Андреевич, рудознатец 13, 265, 266, 272, 274-276, 278, 281, 282, 285, 288
 Несецов Осип, верхотурский сын боярский 72
 Нестеров Яков, тяглец 270, 284
 Никитин Н. И., историк 25
 Никитин Сергей Семенов, мастер 284
 Никифоров Осип, тобольский атаман 161
 Николаев Андрей, греческий рудознатец 222
 Николаев И. С., перчинский воевода 287, 289
 Николаев С. Ф., перчинский воевода 226, 285, 286, 289
 Никон, старец 50, 92
 Никифоров Щеранко, крестьянин 136
 Новгородец Дмитрий, тарский служилый человек 142
 Новгородец Кузьма, бронный мастер 256, 263, 264, 288
 Новгородов Семен, кузнец 39
 Новомбергский Н. Я., историк 15
 Новосилычев У. В., письменный голова 41
 Ножевников Е., рудознатец 236, 237
 Нордерман Кондратий Филиппович, голландский купец 271-274
 Обедин Иван, пушкарь 206-208
 Оглоблин П. П., историк 10, 63
 Одинцова М. К., историк 18, 86
 Одоевский Н. И., глава Сибирского приказа 203
 Окладников А. П., историк 98
 Оконничников Харлам, табачный голова 205
 Окунь, якутский князец 101-103, 124, 126, 191
 Оладын В. Д., илимский воевода 84
 Олег Ярославич, ярославский великий князь 166
 Олень Алексей, служилый человек 194
 Онтропов Сергей, серебряник 134, 135
 Онуфьев П., ротмистр 179
 Ордин-Нащокин А. Л. 7
 Орлова Н. С., историк 197
 Ортока, дочерский князец 198
 Осипов Даниил, бронник 78, 96
 Осипов Семен, усольский оконечник 62, 200
 Осипов Трофим, стрелец 233
 Остужьев П., ротмистр
 Охлопков Федор, пятидесятник 229
 Охлупин П., посадский человек 121
 Ошанин А. Л., енисейский воевода 103
 Ошанина Е. Н., историк 20, 37, 38
 Павел, старец 235
 Павленко Н. И., историк 7, 8, 11, 13, 14
 Павлов М. А., историк 11
 Павлов Р. М., верхотурский воевода 45
 Павлоцкий Карп, тобольский сын боярский 70, 74
 Панкратов Трофим, драгун 150
 Пантелеев Ф., пушкарь 148
 Панютин Федор, тобольский сын боярский 183
 Парамонов Максим, пушкарь 157
 Парфенов Кирюшка, канатный мастер 157
 Парфенов Пятулька, красноярский служилый человек 207
 Пасынков Т., конох 168
 Парфенов Семен, серебряник 211-213
 Пахалуев Михаил, стрелец, серебряник 25
 Пашков А. Ф., енисейский воевода
 Персов А. М., историк 108
 Перфильев Максим, енисейский польдьячий 98, 105, 147, 148, 190, 191
 Перфильев Яков, бронник 34
 Перхавко В. Б., историк 17, 110, 245, 246
 Перхуров Андрей, верхотурский сын боярский 61
 Перхуров Панкратий, верхотурский сын боярский 66, 70, 76, 77, 201
 Петр I, царь 7-9, 11, 14, 220, 222, 225, 226, 240, 253, 266, 268, 278, 285
 Петров Иван, гуляющий человек 63
 Петровский Никифор, поручик 166, 180, 181
 Петцоль Арист, рудознатец саксонец 242
 Пиллер Яган, врач 219
 Пинегин Давыд, целовальник 251
 Питирим, старец 93
 Платонов С. Ф., историк 7
 Плачсний Никита Васильев, рудоплавный мастер 270, 284, 286
 Плещеев М. Л., боярин 240
 Плотников Г. С., протоирей 93
 Плутиня Микитка Максимов, солдат 168
 Поддеев М., дяк 106
 Покровский Н. Н., историк 204
 Полевой Б. П., историк 188, 189, 190
 Полибин Ф. П., енисейский воевода 198, 205, 206, 209
 Поливанов Богдан, сын боярский 70
 Полтев Семен, полковник 210
 Польшман (Пульман) Хотлиб (Богдан, Иван), плавильный мастер 158

- Поляк Матюшка 161
Полянский Еремей Леонтьевич, подьячий 151, 164, 166, 167, 174, 175, 179, 183
Полянский Иван, подьячий 153, 154
Пономарев Демьян Фарофонов, посадский человек 137
Попов Афанасий, рудоплавный ученик 288
Попов Леонтий Иванович, мастер 284
Попов М., казачий десятник 214
Попше Матвей, гамбургский купец 285
Пороча, шаман 188
Порошин, горный офицер 212
Порфирев Василий, подьячий 230
Поскочин Лев Миронович, переписчик 26, 27, 76
Потапов Степан, ротмистр 167, 180, 181
Потонша (Потошадунск) Иван, казанский жилец 134
Потонша Яков 134
Потылицын Ф., служилый человек 207
Похабов Иван, енисейский сын боярский 197
Походянин М. М., владелец заводов 219
Поярков Василий, якутский письменный голова 193, 194
Преображенский А. А., историк 16, 17, 29, 34, 60, 76, 78, 87-90, 110, 151, 204, 205, 213, 231, 245-247, 253, 257
Приклонский М. В., енисейский воевода 85
Прокопьев Борис, слободской приказчик 88
Прокофьев Василий Сергеевич, дьяк 104, 105
Прокофьев Герасим, крестьянин, кузнец 26
Прокопьев Левка, кузнец 28
Прокофьев Сачка, кузнец 28
Прокофьев Т., казак 147
Прокофьев Федор, солдат 168
Прокофьев Филка, кузнец 28
Пронский П. И., тобольский воевода 23, 30
Проскурак Игнат, тарский служилый человек 142, 144-146
Протасьев Д. П., верхотурский воевода 95, 96
Протопопов Дмитрий, казак 264
Пушков Афанасий, подьячий 224
Пушов Федор, крестьянин 133
Пушкарев Иван, стрелец 223
Пушкин В. Н., якутский воевода 54
Пушкин И. Ф., тобольский воевода 215
Пыскорец Иван 245
Пятаков Стенька, казак 50
Радилов М. И. томский воевода 56
Разин Степан, руководитель восстания 242
Рассадович А. Н., археолог 59, 68, 93, 94
Резун Д. Я., историк 29, 54
Ремезов Максим Клементьев, крестьянин, кузнец 26
Ремезов С. У., тобольский сын боярский 48, 76, 94, 97, 171, 173
Рена Иван Иванович, наводной мастер, плавильщик 108, 114-116, 118-121, 125, 144, 148
Решнин И. Б., тобольский воевода 159, 160, 163, 173, 179, 214, 220, 226, 241, 260, 261, 264, 266, 270, 273, 278, 279
Ржевский В. А., томский воевода 219, 221, 222, 223, 227
Риман Карлус, капитан 152, 156, 161, 163, 165, 183, 214, 236
Рогозин Василий Архипов, мастер 284
Рихтер Ганц, немецкий ткач 153
Родес, шведский резидент 195
Ролькиный, командир полка 195
Ртищев М. Г., енисейский воевода 227
Рукин Федор, тобольский сын боярский 93
Румянцев Н. П., коллекционер 37
Румянцев С., дьяк 261
Русинов Моисей, стрелец 142
Рыболов Первушка, крестьянин 129, 133
Рыленский, дворянин 273
Рындин М., прапорщик 179
Рыхлевский Павел, томский сын боярский 210
Рябинин Матвей, жилец 110
Сабуров С. Ф., тобольский воевода 41
Савельев М., стрелец 282, 283
Савин Терентий, енисейский стрелецкий пятидесятник 101-103, 116, 121, 144, 191
Савинов Е., кузнецкий служилый человек 214
Савич А. А., историк 41
Садин Иван, орловский целовальник 134
Садум, царь 197
Салманов Петр Иванович, письменный голова 143
Саломатов Василий, целовальник 204
Салтыков А. П., енисейский воевода 217, 218, 235, 261
Салтыков И. И., тобольский воевода 203, 204

- Салтыков М. М., кравчий 130-132, 135
Салтыков П. М., тобольский воевода 182, 215
Самойлов Иван, служилый человек, приказчик 85, 198
Санников Ф. И., унтер-шхтмейстер 186
Сапоговская Л. В., историк 7
Сафьянов Кузьма, серебряник 201, 202
Сапожников Иван, крестьянин 129
Сверчков С., трубач 167
Светешников Иадя Андреевич, ярославский купец 110, 111, 242, 244-246, 250
Светлолобка, 235
Свечник Андрей Лаврентьев, посадский человек 82, 83
Свешник Петр Афанасьевич, посадский человек 234, 235
Свешников Василий, казачий десятник 235
Свешников Филипп 255, 256, 262, 276
Свиринов Мокей 211
Свирский Михаил, верхотурский сын боярский 174
Севергин А. П., историк 55
Сентов Розгильдей, толмач 100
Селезнева И. А., историк 113
Селетцын Иван, верхотурский подьячий с приписью 152, 200
Селин Михаил Петрович, казачий голова 151, 152, 156, 158, 160, 162-165, 169, 175, 177, 183
Семенов Ганка, толмач 198
Семенов Ларион, кузнец 263, 264, 288
Семенов С., казак 147
Семенов Сергей, купец 270
Сербина К. П., историк 57
Сергеев В., дьяк 103, 108, 110, 113, 141
Сергеев В. И., историк 18, 53
Серебряник Василий Артемьевич, качинский казак 109
Серебряник Кондратий, мастер 120
Серебряник Федор Иванович, рудозна-тец, серебряных дел мастер 194
Серебряников Василий Богданов, беломестный казак, серебряник 26
Серебрянниковы Никита и Петр, серебряники 29
Серко Ивашко, кузнец 80
Сигов С. П., историк 58
Силли Б., дьяк 257
Симонс Кристоф, прапорщик 158
Скалон В. П., историк 18
Скорородов Семен, десятник 192, 193
Скрипичин Ф., полковник 265
Скрипичин Ф. И., перчинский воевода 268, 278, 282-284
Скрябин Михаил Федорович, красноярский воевода 83, 206-208, 210
Скурхин Петр, пятидесятник 96
Снитер Ундрик, полковник 156
Смаленберг А., полковник 265
Собакин А. С., томский воевода 30
Собакин С. А., енисейский воевода 264, 266
Соколов Гришка, крестьянин 74
Соколов Кирилл, верхотурский посадский человек 72
Солдатов (Лукин) Матвей, крестьянин, кузнец 39
Соловьев С. М., историк 105
Софья Алексеевна, царевна 240, 266, 268, 270, 278, 296
Сохломых, хан 166
Спасский И. Г., историк 238
Спафарий Николай, иностранный посланник 256
Стадин Николай, полковник 152-154, 158
Старков Роман, томский сын боярский 209
Стахов Калина, подьячий 118
Степанов Ануфрий, служилый человек 199
Степанов Илимко, крестьянин 62, 200
Степанов Терентий, посадский человек, серебряник 29
Стремилковский Юрий, тобольский сын боярский 215, 216
Стрешнев В. И., стольник 98, 99, 103, 104, 108, 110, 111, 114, 120, 141, 242, 243
Стрешнев И. И., тобольский воевода 110, 231, 254
Стрешнев М. Ф., верхотурский воевода 72, 200-205
Стрешнев Григорий, сын М. Ф. Стрешнева 201, 203
Стрешнев Петр, сын М. Ф. Стрешнева 201, 203
Строганов А., перчинский голова 258
Строганов Андрей, землевладелец 130, 132, 133, 136
Строганов Д., землевладелец 81
Строганов Иван, землевладелец 136
Строганов Максим, землевладелец 129, 130, 133, 136
Строганов Никита, землевладелец 100, 119
Строганов Петр, землевладелец 130, 132, 133, 136, 137
Строганов Яков, землевладелец 98, 134
Строгановы, солепромышленники и землевладельцы 13, 20, 22, 44, 45, 98, 100, 111, 127, 131, 243, 245

- Струмилин С. Г., историк 12, 94
 Сумароков А. М., красноярский воевода 183
 Сумороков Семен, подьячий 156
 Сухотин С., кунгурский воевода 46
 Сушинский Иван, верхотурский сын боярский 174
 Сысоев Андрей, десятник 275
- Тажагул, ясачный татарин 214
 Тайбердеев Баймурат, ясачный вогул 200
 Танжиль, калмыцкий князь 214
 Тарков С., дьяк 257, 261
 Татарин Василий 203
 Татищев В. Н. государственный деятель, историк 8
 Таусеня Яков, кузнец 86
 Текутьев Иван, поручик 161
 Теленев Ю. В., управляющий 203, 204, 244, 250-252
 Телицын Василий Иванович, дьяк 216, 232
 Телицын Яков, служилый человек 275
 Телянко, вогул 200
 Телятевский Ф. А., тобольский воевода 73, 74
 Тентюков Т., туринский ясачный татарин 46, 63
 Тесков Ф., трубач 167, 184
 Тетерин Р., крестьянин 213
 Тимофеев Малафей, крестьянин 201
 Тимошка, затворщик 68
 Титов А., историк 10, 60, 182
 Титов Леонтий, пятидесятник 275
 Тихомиров В. В., историк 15
 Токарев М. С., рудознатец 210, 211
 Томилов А. Г., историк 18
 Томкоя, тунгусский шаман 188
 Тонкой, татарин 130, 133
 Тонхотаров Лякчин, татарин 130, 133
 Традел Еремей, рудознатец 265
 Транзонский Юрий, томский сын боярский 210
 Третьяков Григорий, подьячий 205
 Троекуров И. Б., боярин, князь 278
 Трошин А. К., историк 254, 287, 288
 Трубецкой А. Н., тобольский воевода 22, 62, 64, 65, 142, 145, 204
 Трубиш Герасим Кириллов, крестьянин 231-235
 Тумашев А. И., металлург, рудознатец 91, 109, 141, 202, 204, 205, 245, 249, 252
 Тумашев Д. А., металлург, рудознатец 15, 38, 48, 56, 78, 87-89, 91, 92, 160, 177, 213, 231, 253
 Тумашев В. А., металлург, рудознатец 78, 90
 Тумашев И. А., металлург, рудознатец 90
 Тумашев П. А., металлург 90
 Тумашевы 17, 87, 89, 91, 109, 205, 253
 Тупальский Юрий, томский сын боярский 210
 Тупанский Степан, сын боярский 223
 Турский Василий, сын боярский 182
 Турухай Табунаг, монгольский князец 198, 199
 Турченинов Яков, иркутский казак 218
 Тутолмин В., ротмистр 179
 Тушин Богдан, дворянин, управляющий заводом 245-247
 Тыгичей, сын шингальского князца 195
 Тырков Андрей, тобольский подьячий 161
 Тырков Михаил, приказчик 151, 213
 Тюхин Михаил, переписчик 24, 46
- Уваров А. С., коллекционер 253
 Уваров Ф. Ф., енисейский воевода 22, 197
 Улагач Кашка, киргизский князец 223, 224
 Ульянов Киприан, серебряник 234, 259, 261-264, 288
 Ульянов Фабин, английский купец 107, 131
 Уразов Михаил, казачий десятник 199
 Усов Михаил, крестьянин 74, 75
 Устюгов Н., историк 41
 Утпала, киргизский князец 223, 224
 Ушаков Василий, подьячий 242, 243
 Ушаковский Александр, приказчик 90
 Ушаров Тимофей, промышленный человек 208
- Фадеев Абрам, кузнец 39
 Фалентин Христиан, саксонский рудознатец 153
 Фангвер Владимир, иноземец 285
 Фандергатен Е., управляющий заводом 265
 Фандерисин Давыд, полковник рейтарского строя 167, 174, 175, 181
 Фаннемин Анна, жена Т. Фаннеминна 114
 Фаннемин Тимофей, толмач 108, 140
 Фатеев Терентий, ясачный человек 95
 Федор Алексеевич, царь 166, 216, 231, 256, 257
 Федоров Анисим, казак 160
 Федоров Афанасий Анисимов 160
 Федоров Кубас, затворник 73

- Федоров Кузьма, бронник 31
 Федоров Осип, пушкарь 157
 Федотов Иван, крестьянин 139, 140
 Фефилов Стенан, тобольский сын боярский 48, 158
 Фефилов Федор, тобольский сын боярский 152, 159, 161, 163, 176
 Филатьев Афанасий, купец 271, 276
 Филиппов К., стрелец 147
 Филиппов Петр, служилый человек 1122
 Фирсов В. Я., металлург 52
 Фомин Михаил, целовальник 230
 Францесков Д. А., якутский воевода 194, 195
 Фридрих Ганц, стекольный резец 158
 Фрик Кондратий, мастер-ювелир 107
 Фрик Самуил (Самойло), рудознател 107, 108, 113, 136, 137, 140
 Фролов Осип, кузнец 26
- Хабаков А. В., историк 12, 13
 Хабаров Ерофей, землепроходец 194-196, 199
 Харин В., бронник 96
 Харитонов Елисей, кузнец 24
 Хворово К., сын боярский 164
 Хилков И. А., тобольский воевода 71
 Хитрово Б. М., боярин 184, 257
 Хитрово Венедикт Яковлевич, стольник 151, 166, 175, 180
 Хитрово Яков Тимофеевич, думный дворянин 151, 152, 164, 166-168, 170, 173-175, 177, 179-187, 214, 296, 297
 Хмыров М. Д., историк 9
 Хованский А. А., тобольский воевода 57, 116, 117
 Холодов А., думный дьяк 169
 Хрипунов Яков Игнатьевич, енисейский воевода 53, 98, 99, 101-105, 109-111, 114-127, 141, 142-148, 168, 178, 191, 295, 297
 Христина, шведская королева 195
 Хрушев Ф. Г., верхотурский воевода 35, 88, 150, 162, 163
- Ценен-хан, монгольский хан 197-199, 256
 Цзини, манчжурская династия 196
- Чаадаев И. И., околыничий 261, 273
 Чаплин Никита, подьячий 72, 73
 Чапурин Алексей, кузнец 24, 38
 Чауков Тимошка, ясачный вогул 213
 Чарторыйский Кондратий, землевладелец 153
 Чашников Иван, приказчик 134
- Чекола, тунгус 102
 Челышев Янаклыч, стольник 110
 Черепанов Петр, казак 182, 183
 Черкасов, тайный советник 220
 Черкасский Д. М., боярин, князь 104, 145
 Черкасский П. Я., тобольский воевода 97
 Черкасский П. М., тобольский воевода 97
 Черниговский Ф., приказчик 65
 Черницын, монах 93
 Черноухов А. В., историк 253
 Чернышев Кузьма, приказчик 96, 97
 Чечинин Третьяк, землепроходец 196
 Чигирка, башкир, подьячий 156
 Чистой Назар, дьяк 201, 202
 Чолнок, ясачный асан 231
 Чубаров Андрей Алексеевич, полковник 156
 Чудиновских В. А., историк 219
 Чупин П. К., историк 212, 219
 Чуплов Иван, священник 94
 Чуркин Семен, плавильщик 233
- Шаблинский Н., 161**
 Шавр Михаил, служилый человек 208
 Шадр Иван, кузнец 86
 Шакловитый Ф., глава Стрелецкого приказа 266, 270, 278
 Шампакан, богдойский хан 194-196
 Шангин Иван, служилый человек 84
 Шатчинин Семен, служилый человек 210
 Шаховской И. Ф., томский воевода 56
 Шаховской С. И., енисейский воевода 147, 148
 Шашков А. Т., историк 33-35
 Швецов Афанасий, целовальник 251
 Шени А. С., тобольский воевода 233
 Шени М., воевода 104
 Шепелев Агей, полковник 168
 Шереметев П. В., тобольский воевода 32, 231, 254
 Шереметев Ф. И., боярин 105, 201
 Шерстобоев В. Н., историк 18
 Шестаков О., кузнец 36
 Шилов М., кузнец 37
 Шиншин Иван, крестьянин 215
 Шиншонко В. Н., историк 10
 Шмоль Павел, подмастерье 107, 108, 113
 Шорин В., купец 247
 Шорыгин Петр, красноярский служилый человек 207
 Шпилькин Василий Григорьевич, подьячий 197

Штиль Рыцарь (Ричард), англичанин-
плавильщик 201, 202
Шубин Ефим Иванов, тобольский сын
боярский 40, 156, 161, 163, 176
Шульгин Иван, тобольский сын бояр-
ский 61-63, 70, 72, 73
Шульгин Павел, нерчинский приказ-
чик 255-257, 263
Шумилов Иван, толмач 223
Шунков В. И., историк 290
Шунь-Чжи, маньчжурский император
197
Шутов Григорий, сын боярский 222
Шутов Михаил, сын боярский 222
Щелкунов Сергей, плавильный мастер
245
Щербатый И. Ф., тобольский воевода
160, 214
Щербатый К. О., енисейский воевода
218, 241, 262, 264
Щербатый О. И., томский воевода 190

Юринов Ф., плавильщик железа 48, 86
Южаков Федор, крестьянин 48
Южанинов Антон, целовальник 250, 251
Юрьев Василий, служилый человек 194
Юрьев Данила, стрелец 142
Юрьев Иван, греческий купец 257
Юшков Никита, подьячий 164

Якимовых Яков Федорович, сотник 266
Якоб (Яков I), английский король 105
Яковлев И., бронник 96
Яковлев К. А., енисейский воевода 35,
259-261
Яковлев Константин, греческий мастер
287, 288
Яковлев М., конох 168
Яковлев Михаил, крестьянин 130
Якубовский Мокей, поручик 167
Яналов Тетеря, вогульский сотник 205
Янковский Артемий, ротмистр 167
Ярцов А. С., историк 8
Ястребов Е. В., историк 17, 151, 171

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Абакан, р. 44
Абрамова гора 136, 244
Ай, р. 150, 172, 181, 186
Актис, р. 273
Актай, р. 37
Алалык, (Алакуль) оз. 172
Алапаевский з-д 48, 96
Алапанха, р. 96
Алатырь, г. 157
Албазинский, о-г (Албазин) 31, 54, 194, 196, 217, 232, 254, 256, 258, 265, 266, 276, 279, 281, 282
Албазинский у. 265
Алдан, р. 188
Алдома, р. 189
Алтай 44, 297
Алтача, р. (приток р. Аргунь) 255, 287
Алтырская земля 205
Амстердам, г. 56, 96, 220, 223, 286
Амур (Чиркол), р. 44, 188-190, 194-196, 199, 232, 254, 279
Ан, р. 255
Ангара (Верхняя Тунгуска), р. 29, 82, 85, 99, 101, 104, 115, 117, 119-121, 123, 125, 141, 147, 148, 191, 197-199, 273, 295
Ангарский, о-г 158
Ангарская Спасская пустынь 236, 239, 240
Англия 99, 106, 107, 157
Ановерская земля см. Ганноверская земля
Англинская земля 101, 102, 141
Арамашевская сл. 25-27, 56, 76, 77, 86, 174, 181, 184, 294
Арамилская сл. 26, 27, 50, 51, 81, 86
Аргунский з-д см.: Нерчинский з-д
Аргунский, о-г 263, 265, 277, 282, 283, 286, 287
Арзамас, г. 36
Аргунь, р. 194, 216, 226, 232, 241, 254-256, 261-263, 270, 274, 275, 277-283, 285-288, 289, 298
Архангельск, г. 37, 40, 152
Астрахань, г. 97, 108, 242
Атаманская сл. 246
Атбашский, о-г 27
Ачинская земля 189
Аятская сл. 26, 27, 80, 81, 86, 89, 96
Багаряк, р. 50
Багаряцкая сл. 50
Байкал, оз. 193, 196-198, 219, 259, 262, 290
Балаганский, о-г 85, 259, 286
Балакина, д. 50
Баргузин, р. 193, 197-199
Баргузинский, о-г 199, 216-218, 259
Барневская сл. 27
Баунтовский, о-г 199, 216, 217
Бахта, р. 233
Белая, р. 84
Белое, оз. 55
Белое городище 92
Белозерский у. 105, 115
Белослудская сл. 26, 27, 174, 181, 184
Белоярская сл. 27, 50, 86
Березов, г. 111, 123, 143
Бнабья (Бнабская) гора (камень) 152, 159, 161, 163, 175, 181
Бисертские юрты 45
Бишкильская сл. 27
Бобровка, р. 149
Богдойская земля 196
Болбук (Бойбук), р. 217, 218
Боренка, р. 153
Боровск, г. 104, 163
Боровский у. 153
Браденбургская земля 158
Братская земля 145

- Братский, о-г 105, 197, 236, 280
 Братский у. 281
 Бугылденха Большая, р. 218
 Буженай, оз. 199
 Будкинская сл. 27
 Бутальский, о-г 188
- Вага**, р. 252
 Вагран, оз. 211, 212, 219
 Вагран, р. 213
 Вежайка, гора 244
 Великий Устюг, г. 21-23, 37-40, 65, 117, 118, 120, 165, 166, 176
 Верейский у. 153
 Верхнеиницкая (Яланская) сл. 27
 Верхнетагильская сл. 26, 50
 Верхоленский, о-г 192
 Верхотурский у. 21, 22, 24-28, 33, 37, 40, 44, 45, 70-72, 78, 86, 87, 95, 96, 135, 168, 174, 177, 180, 181, 200-202, 204, 205, 211, 223, 231, 277
 Верхотурье, г. 20-27, 29, 33-34, 37-41, 45, 62-66, 70, 72-75, 78, 91, 95, 96, 116, 134, 150, 161-165, 169-171, 174, 178, 180, 184, 200-204, 211-213, 231, 252, 270.
- Волга, р. 152
 Воронеж, г. 167
 Вильгорт, д. 37
 Виллой, р. 46
 Витим, р. 190, 192, 199, 218
 Вишера, р. 56, 135
 Вишерский волок 45
 Вологда, г. 21, 170, 171, 275
 Волчья гора 51
 Выйский з-д 50
 Вымь, р. 114, 140
 Вычегда, р. 137, 138
 Вышегород, г. 153
 Вятка, г. 21, 36
- Гадена**, р. 150
 Гап, р. 256
 Ганновская земля 153
 Гданьск, г. 153
 Германия 259
 Гнев камень 245
 Голландия 96, 106
 Горбница, р. 280
 Григорова гора (Григоровский рудник) 105, 129, 130, 135, 203, 214, 215, 242-244, 246-249, 251, 252
 Григоровская, д. 242, 252
- Далай (Далайнор)**, оз. 262
 Далматовский Успенский мон-рь (Исетская пустынь) 33, 50, 51, 92-94, 149, 150, 159, 161, 172
- Даурня 54, 192, 195, 196, 259, 261, 265, 272, 283, 286
 Даурский з-д см.: Перчинский з-д
 Даурский, о-г 32, 85, 183, 257
 Двина, р. 36, 114
 Дедилов, г. 104
 Демьянский ям 27, 216
 Денежкин камень 212, 213, 219
 Денисовская, д. 252
 Дмитровский у. 153, 154
 Дон, р. 166
 Дрезден, г. 153
 Дубческая сл. 53, 83
 Дючерская земля 196
- Екатеринбург**, г. 19, 186
 Енисей, р. 18, 42, 53, 82, 83, 141, 152, 183, 206, 207, 214, 232 – 236
 Енисейск, г. (Енисейский о-г) 22, 28, 29, 31, 32, 35, 42, 43, 53, 82, 83, 101-103, 105, 110, 114, 116-118, 122, 123, 140, 144-148, 190, 191, 196, 198, 199, 205, 206, 209, 210, 216-218, 227, 229, 231-236, 257-259, 261, 264, 266
 Енисейский у. (край) 28, 40, 53, 82, 206, 227, 229, 230, 232, 234, 235, 257, 281, 290
 Енисейский Спасский мон-рь 42, 94, 235
 Енисейский Троицкий мон-рь, 94
 Еравнинское оз. 197-199
 Еренский городок см.: Яранск, г.
- Железенка (Каменка)**, р. 50, 92, 93
 Железенское поселье Далматовского Успенского мон-ря 55, 93
 Жуклина гора 244, 245
- Забайкалье** 18, 44, 54, 197, 265
 Зауралье 22, 26, 33, 41, 44, 45, 77, 160, 228
 Зауралье Южное 149
 Звенигородский у. 153
 Зенова, р. 138
 Зeya, р. 193-196
 Златоуст, г. 171, 173
 Зуева, д. 244
 Зыряновка, р. 96
 Зябликово зимовье 235
- Иднская волость** 84
 Иднский, о-г 29, 84, 85
 Ижма, р. 137, 140
 Илим, р. 84
 Илимский, о-г 31, 32, 84, 206, 286
 Илимский у. 84
 Им, р. 144, 145
 Ингалинская сл. 27

- Ингода, р. 199
 Индигирка, р. 188
 Индия 106, 217
 Ирбитская сл. (Ирбит, г.) 26, 27, 32, 33, 37, 38, 40, 70, 75-77, 172, 174, 181, 184, 201, 215
 Иргенский, о-г 199
 Иргень оз. 199
 Иртыш, р. 40, 141
 Иртыш (Иредьяш), оз. 150, 152, 159, 172, 173, 186
 Иркутск, г. 31, 32, 84, 85, 216-218, 232, 262, 276, 286, 280, 281, 286
 Иркутский у. 84, 218, 265
 Исетская пустынь см.: Далматовский Успенский мон-рь
 Исетский з-д 51
 Исетский, о-г 27, 149
 Исеть, р. 44, 46, 50, 51, 92, 93, 150, 151, 160, 162, 172, 214
 Исма, р. 153
 Истинские з-ды 274
 Истрица Малая, р. 153
 Кабакова, д. 46, 96
 Кабарда 108
 Кавказ 152
 Кадом, г. 156
 Кадь, р. 136
 Казанский, у. 13
 Казань, г. 31, 38, 45, 62, 87, 91, 92, 117, 133, 152, 155-158, 164, 166, 168, 169, 173, 177, 179, 206, 209, 265, 292
 Казанский з-д 91, 265
 Казачий луг, д. 40
 Кай-городок, г. 36, 114, 171
 Кайгородский у. 36, 250
 Калининская сл. 50
 Кама, р. 44, 45, 100, 129, 135, 184, 211, 242, 243, 245-247
 Камгорка, р. 243, 246, 248
 Каменка (Железенка), р. 94, 97
 Каменский з-д 51, 55, 94, 97
 Камышевская (Камышловская) сл. 26, 27, 50, 149
 Канин нос, мыс 138, 139
 Кабала (Караболка), р. 159, 171
 Карелия 5
 Каслинский з-д 186
 Катайский, о-г 27, 33, 45, 50, 149-151, 159, 162-164, 166, 169-171, 173-178, 180, 183, 184, 213
 Качинская земля 117
 Каштак, р. 219-221, 223-226, 286
 Каштакский, о-г 224, 225
 Кеврола, р. 114, 136, 138
 Кеврольский, о-г 36
 Кеврольский у. 36
 Кирсево, д. 37
 Керетская земля 207
 Кетский, о-г 92, 144
 Кеть, р. 204
 Киргизка, р. 210
 Киргизская земля 209, 236
 Киргинская сл. (о-г) 78, 174
 Киренга, р. 192
 Китай 106, 133, 194-198, 217, 255, 256, 260, 263, 270, 279, 280, 284, 286, 287, 291
 Козмодемьянск, г. 156
 Койва, р. 136
 Кокшайск, г. 156
 Колва, р. 140
 Колчеданский, о-г 27, 45, 50, 92, 93
 Кольский, о-г 114
 Кондинский Троицкий мон-рь 95, 215, 216
 Кондратьева вотчина Чарторыжского 153
 Конда, р. (Восточная Сибирь) 54
 Кондас, р. 246
 Кондушка, р. 215
 Копчиковы Чусовские юрты 200
 Костыльникова, д. 40
 Косьва, р. 135, 136, 138, 245
 Кошай, застава 22, 41
 Красноборский з-д 55, 56, 93, 294
 Красновинерск, г. 135
 Красногорская сл. 28
 Краснопольская сл. 26, 27, 33, 46, 48, 86, 88, 90, 96
 Красноярск, г. (о-г) 28, 31, 32, 40, 83, 102, 110, 117, 152, 172, 182, 183, 206-208, 216, 232, 235, 259
 Красноярская сл. Верхотурского у. 26, 34
 Красноярский у. 28, 31, 44, 83, 151, 182, 232
 Кубовка, р. 83
 Кула, р. 218
 Кужгорский рудник 244, 247, 251, 252
 Кузнецкая земля (край) 18, 30, 53, 56
 Кузнецкий о-г (Кузнецк, г.) 18, 23, 53, 151, 172, 214, 218
 Кузнецкий Алатау, горы 219
 Куларовская сл. 27
 Кунгур, г. 36, 44-46, 55, 212
 Кунгурский у. 44, 46, 265
 Курляндская земля 158
 Куртамыш, о-г 156
 Куйская сл. 27
 Кызылташ, оз. 171
 Кыштымский з-д 186

- Лансырь, д. 37
Лена, р. 23, 42, 54, 105, 123, 188, 190,
192, 196, 229, 280
Ленский у. 211
Лобаново, с. 155
Лобва, р. 212
Лозьва, р. 46
Лопские погосты 5
Лужецкий мон-рь 153
Луза, р. 134, 135
Лысьва, р. 213
Любек, г. 105
- Магнитная, гора 50, 53, 56, 95, 186, 219
Маковской, о-г 40, 109, 142, 148, 205
Малая Сосьва, р. 41
Мама, р. 199
Мангазейский у. 40, 232, 233, 235
Мангазея, г. 43, 216, 232-234
Манчжурия 196
Маньзя, р. 82
Марково городище, д. 40
Маслянка, р. 161
Маслянская сл. 27
Маян, оз. 27
Мезенский у. 36
Мезень, р. 26, 114, 136, 138
Мейсен, г. 153
Меркушино, д. 40
Мехонская сл. 27, 28, 169
Меча (Мечка), р. 248
Миасская сл. 27
Можайск, г. 153
Можайский у. 153
Молва, р. 48
Монголия 198
Морозово, д. 40
Москвина, р. 139, 140
Москва, г. 5, 6, 21-23, 30-38, 45, 53, 56-
58, 62, 64, 72, 77, 83, 87, 88, 95-139,
141, 145-186, 190, 193, 195-217, 219-
223, 227, 230, 231, 233-235, 243-248,
251, 252, 254, 257-261, 264-271, 274-
288, 290, 294-297
Москва, р. 153
Московия, 285
Московский у. 109
Московские з-ды 97
Мунгача, р. см.: Серебряная, р. приток
р. Аргуни
Мунгальская земля 274
Мурзинская сл. 27, 46, 48, 50, 87, 94,
164, 213
Мышкино, с. 153
- Нагаева пустошь 248
Наденно Усолъе, о-г см.: Усолъе Наденно
- Пара, р. 153
Парымский о-г (Парым) 111, 141, 142-
144
Невьянская волость 73
Невьянская (острог) сл. 25-28, 33, 37-
40, 46, 48, 58-66, 70-77, 86, 94, 96, 172,
181, 184, 201
Невьянский (Федьковский) з-д 48, 55,
92, 96, 97
Невьянское рудное железное дело
(Ницинский, Невьянский железодо-
лательный з-д) 10, 12, 16, 17, 38, 55,
56, 58-60, 63, 65, 66, 68, 70, 71, 73, 75,
77, 78, 81, 91, 94, 294
Невьянский Богоявленский м-рь 26
Негла, р. (Награ) 41
Нейва, р. 23, 25, 26, 38, 40, 46, 48, 51, 56,
62, 88, 96, 97, 213
Нерога, р. 188, 189
Неромка, р. 38
Нерча, р. 199
Нерчинск, г. 13, 31, 35, 97, 214, 216-218,
226, 232, 254-270, 273-287, 290, 291
Нерчинский (Аргунский) з-д 18, 253,
254, 287, 290
Нерчинский у. 265
Нижиеннинская (Красная) сл. 27, 77
Нижнетагильский з-д 50
Нижний Новгород, г. 155-157
Никанское царство 197, 217
Нимское зимовье 147
Ница, р. 30, 40, 46, 56, 62, 64, 77, 81, 174
Ницинская-Ошепковская (Верхнени-
цинская) сл. 25, 26, 39, 40, 56, 59, 70,
75, 171, 174, 181, 184, 294
Ницинский з-д см.: Невьянское рудное
железное дело
Новая Белоярская сл. 27
Новая Земля, о. 273
Новгород, г. 5, 108
Новошымнинская сл. 27, 50
Новый Уральский городок (о-г) 174,
175, 179, 180, 183
Посовая, р. (приток р. Енисей) 235
- Обь, р. 40, 95, 106, 141, 143, 210, 215,
216
Оджал, д. 189
Ока, р. (приток р. Ангары) 147
Окладникова сл. 138
Окуневская сл. 27
Олекма, р. 194
Олекменский, г. 190
Оленек, р. 208, 229
Олонецкий у. (край) 42, 228
Орел-городок, г. 44, 100, 105, 109, 112,
113, 119, 121, 127, 130, 134-136

- Орловская сл. 129
 Оса, р. (приток р. Ангары) 147, 199
 Осинская сл. 134
 Ослянка, р. 136
 Ослянские горы 136
- Павдинский камень** 135
 Павловские з-ды 97
 Пекин 284
 Пелым, г. 41, 111, 184
 Переславль-Залесский, г. 172
 Пермь Великая (Чердынь) 20, 21, 23, 38, 99, 100, 125, 135, 141, 211, 246
 Персия 106, 273
 Петропавловский з-д 219
 Печора, р. 109, 112, 121, 130, 135, 137, 140, 211, 245, 250
 Пинга, р. 139
 Пинчуга, р. (приток р. Ангары) 82
 Поволжье 156
 Подгородная, волость (Верхотурского у.) 26, 181
 Подгородная, волость (Тобольского у.) 27
 Полевской з-д 51
 Полоцкий у. 153
 Полюдова гора 135
 Польша 105, 106, 210, 228
 Поморье 6, 18, 135, 294, 296
 Помянная гора 135, 211
 Поротва, р. 153
 Пороховские з-ды 274
 Преображенское с. 285
 Приамурье 194, 197, 260, 261, 265, 286
 Прибайкалье 18, 84
 Прикамье 55, 98, 100-102, 105, 111, 114, 135, 141, 242, 295
 Приуралье 20, 22, 36, 44
 Пруссия 153
 Псков, г. 153
 Пустозерский, о-г 36, 114, 137, 140, 206
 Пустозерский у. 36
 Пыскорский з-д 8, 9, 48, 87, 141, 202-205, 211, 215, 228, 229, 242-253, 292, 294
 Пыскорский Преображенский мон-рь 243, 245, 248, 249, 252
 Пышма, р. 46, 50, 51, 92, 149
 Пышминская сл. 26-28, 33, 34, 50, 92, 172, 174, 181
- Ратуи, р. 153
 Редикорская сл. 246
 Реж, р. 37, 38, 46, 51
 Рига, г. 56, 96, 153, 220, 222, 223
 Розверна, р. 153
 Романово, с. (Романова, д.) 132, 242
- Романово Нижнее, д. 245
 Романово, рудник 245
 Россия 5-8, 11-21, 42, 45, 53, 57, 60, 78, 79, 93, 97, 99, 105-111, 114, 120, 125, 151, 154, 184, 187, 194, 195, 201, 203, 219, 226, 228, 238, 242, 245, 249, 253, 254, 259, 260, 265, 270, 273, 284, 288, 289, 293
 Ростес (Растес), с. 26, 135
 Рудная сл. (Рудное) 10, 27, 30, 38, 58-60, 63, 64, 68, 70, 71, 75, 76, 79, 81
 Руза, р. 153
 Рузский у. 153
 Русское гос-во 15, 152, 250
 Русь 11, 13, 17, 44, 54, 139, 291
 Рыбинский, о-г 265
- Саксония (Саксонская земля)** 154, 182, 259, 260, 272
 Салтаново, погост 80
 Самара, г. 110
 Самаровский ям 27, 215, 216
 Санкт-Петербург, г. 19
 Саранульский у. 210
 Саянский камень (горы) 207
 Свердловская обл. 52
 Свияжск, г. 156
 Северная Азия 7, 292
 Северный Ледовитый океан 105
 Селегова, д. 81
 Селенгинск, г. (о-г) 216-218, 262, 265, 279
 Селенгинский у. 217
 Серебрянка (Серебряная), р. (приток Чусовой) 136, 184, 200
 Серебрянка (Мунгача), р. (приток Аргунь) 232, 234, 255-257, 260, 262, 265, 266, 285, 286
 Селенга, р. 196-199
 Серпухов, г. 5
 Сибирь 6, 8-10, 14, 17-22, 25, 27-30, 33-37, 39-48, 56, 58-60, 63, 65, 93, 95, 100, 102, 104, 105, 110, 114, 115, 116, 118, 126, 145, 151, 152, 160, 164, 165, 167, 173, 182, 187, 189-197, 201-204, 217, 220-222, 231, 236, 262, 264, 266, 271, 272, 277-280, 284, 289, 291, 292, 294, 295
 Сибирь Восточная 18, 28, 32, 43, 82, 85, 102, 105, 152, 187, 216, 231, 265, 267, 270, 286, 294-296
 Сибирь Западная 17, 18, 25, 40, 43, 53, 82, 88, 90, 151, 204, 205, 213, 247, 253
 Силм, р. 195
 Симбирск, г. 152
 Симога, р. 137, 140
 Синарское оз. 151, 213

- Смоленск, г. 104
 Советная гора 55
 Соколы горы (на р. Яйве) 244
 Соликамск (Соль Камская), г. 9, 21-23, 37, 44, 45, 55, 62, 65, 66, 92, 97, 109, 112, 114, 117, 119, 132, 135, 137, 141, 172, 184, 202, 211, 230, 247-251
 Соликамский у. 111, 135, 140, 211, 242, 252, 294
 Соловецкий мон-рь 92, 133
 Сольвычегодск (Соль Вычегодская), г. 21, 40, 44, 137, 171
 Сорока, р. 171
 Сосьва, р. 46
 Среднее Зауралье 51
 Средний Урал 43, 46, 54, 94, 219, 228
 Степанова, д. (на р. Тагил) 62
 Стреловская, д. 40
 Строгановых вотчина 111, 132, 136, 246
 Суксунский з-д 55
 Сунгари, р. 196
 Сургут, г. 34, 111, 141, 142-144
 Сургутский у. 35
 Сухона, р. 106
 Сухая, р. 85
 Сым, р. (приток р. Енисей) 235
 Тавда, р. 46
 Таволга, р. 48
 Тагил, р. 38, 45, 46, 50, 51, 53, 56, 62, 87, 95, 200, 202, 203, 205, 213, 219
 Тагильская волость 73
 Тагильская сл. 25-27, 37, 40, 58, 61, 62, 65, 70, 72-75, 86, 172, 174, 181
 Тагильский волок 45, 50
 Таз, р. 40
 Тара, г. 111
 Тассева, р. (приток Тунгуски) 144, 145, 227
 Татарская, р. (приток Тунгуски) 235
 Телембинский о-г 54, 277
 Телецкое, оз. 214
 Темников, г. 156
 Терский городок (Терка) 108
 Терсютская сл. 27
 Терек, р. 108
 Тесьма (Тасма), р. 150-152, 154, 158, 161, 169, 172, 173-175, 181, 186
 Тетерина, д. 246
 Тетеринский рудник 246
 Тетерины горы 136, 205
 Теча, р. 92, 159
 Тихий океан 188, 190
 Тобол, р. 46, 151, 159, 171
 Тобольск, г. 19, 21-23, 29, 30, 32, 35, 38, 40, 45, 53, 54, 57, 61-66, 70-78, 82, 102, 104, 109, 111, 114, 116, 118, 120, 121, 123, 126, 141, 142-148, 151, 154, 155, 158-165, 168, 169, 174, 179-183, 209, 215, 216, 220, 233, 257, 264, 265, 271, 280, 281
 Тобольский в. 25-28, 32, 70, 76, 78, 81, 168, 175, 223, 231
 Томск, г. 18, 22, 23, 30, 31, 53, 56-58, 64, 65, 188-190, 209, 210, 220-226, 294
 Томский у. 152, 172, 210, 219, 222, 286
 Томь, р. 53, 210, 219, 220
 Тотьма, г. 172
 Туба, р. 44
 Тубинская земля 207
 Тузяча, р. (приток р. Аргунь) 255, 263, 265, 266
 Тула, г. 5
 Тульский з-д 12, 239
 Тумашевский з-д 48, 55, 66, 78, 92, 94, 96, 97, 252
 Тунгуска, р. 82, 84, 102, 103, 105, 108-110, 114, 117, 120, 122, 144 -147, 152, 187, 190, 227
 Тунгуска Верхняя см.: Ангара
 Тунгуска Нижняя, р. 235
 Тунгуска Подкаменная, р. 234
 Тура, р. 40, 45, 46, 51, 136, 174
 Туринск, г. (о-г) 27, 29, 46, 63, 64, 184, 204
 Туринские рудники 224
 Туринский у. 40, 46, 63, 168, 174, 180
 Турция (Османская империя) 36, 260
 Турухан, р. 40
 Туруханский Троицкий мон-рь 42, 235
 Тюменский в. 40, 169, 174, 277
 Тюмень, г. 21, 29, 34, 111, 161, 163, 165, 167, 179, 180, 182, 183
 Удинск, г. (Удинский о-г) 216, 265, 281
 Угольские з-ды 274
 Украина Правобережная 260
 Уктусский з-д 51
 Ура, р. 191
 Урал 6, 8, 9, 10, 14, 16, 17, 19-24, 27, 29, 30, 37, 42-44, 52-56, 59, 66, 78, 80-82, 87, 90, 93, 95-97, 152, 165, 167, 173, 182, 184, 204, 207, 211, 212, 244, 249, 253, 288, 291, 293, 295
 Урал Западный 17
 Урал Приполярный 140
 Урал Северный 211, 219
 Урал Южный 41, 150, 151, 154, 159, 166, 187, 186, 213, 236, 294-297
 Уральские горы (хребет) 21, 35, 42, 46, 51, 97, 99, 136, 151, 161, 162, 173, 175, 178, 180, 182-184, 209
 Уржум, г. 156
 Уров, р. 283

- Уса, р. 140
Усолка, р. (приток р. Тасеевой) 227
Усолье Иркутское 42
Усолье Паденно, о-г 110
Усолье Усть-Кутское 42, 84
Усольская вотчина Енисейского Троицкого мон-ря 95
Усольская гора 135
Устюжна Железнопольская, сл. 5, 21, 55, 56
Устюжский у. 21, 166
Усть-Ирбитская сл. 26, 77, 174
Усть-Тунгусская, д. 40
Устюг Великий, г. 172
Усьва, р. 100, 185, 213
Утка, р. 45
Утянская (Утецкая) сл. 27
Уфа, г. 45, 177, 179, 180
Уфа, р. 150, 172
Ушайка, р. 210, 219, 220
- Хайлар, р. 256
Хиллок, р. 199
Хлызина гора 245
Холмогорский у. 138
Холмогоры, г. 138
Худынка, р. 194
- Федьковка, д. 48, 89, 92, 96, 97
Федьковка (Федки Южакова), р. 48
- Царево Кокшайск, г. 156
Царево Санчурск, г. 156
Царицын, г. 97
Центральная Россия 20, 153
Цесарская земля 107, 108
Цильма, р. 112, 121, 135, 140, 245
Цивильск, г. 156
- Чаронская округа 28
Чебоксары, г. 156
Чердынский у. 111, 140, 242, 294
Чердынь, г. 9, 37, 44, 55, 119, 121, 122, 135, 141, 210, 211, 247-249
Черемнское с. (Верхотурский у.) 48
- Черкасские горы 108
Чиво, оз. 21
Чикман, р. 136
Чиркол р. см.: Амур
Чубаровская сл. 27
Чулым, р. 210
Чусовая, р. 41, 45, 46, 51, 110, 129, 132, 133, 136, 138, 184, 200
Чусовое (Чусовское) оз. 51, 211
Чусовская застава 200
Чусовская сл. 26, 27, 45, 51, 184
Чусовская-Уткинская сл. 51
Чусовские вотчины Строгановых 45
Чусовской городок (Пижнин) 133
Чусовской Успенский мон-рь 136
- Шадринская сл. 27
Шайтанский з-д 51
Шаманская земля 101, 102, 141
Швеция 105, 106
Шестаковская, д. 84
Шилка, р. 191-197, 199, 279
Шувакинский з-д 92
Шунгала, р. 194
Шурала, р. 48
Шусская волость 219
- Юкагирская земля 188
Юрмыцкая сл. 27
- Ядрин, г. 156
Язьва, р. 135
Яик (Урал), р. 150
Яйва, р. 100, 121, 127, 129, 131, 132, 134, 135, 242, 244, 245
Якутск, г. (о-г) 31, 32, 53, 54, 83, 188-194, 208, 209, 229
Ялуторовская сл. 27
Ямыш, оз. 42, 174
Яна, р. 188
Янда, р. 188
Яранск, (Еренск) г. 137, 156
Ярославль, г. 21, 171, 172, 183, 184, 242
Ярославский у. 152, 165, 166, 183, 184

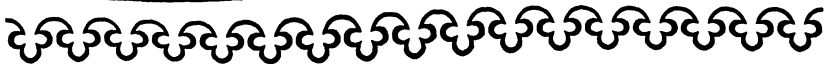

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией
АИА – Архив Института археологии АН СССР
Архив СПб ИИ РАН – Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН
АКА УрГУ – Архив кабинета археологии Уральского государственного университета
ГАСО – Государственный архив Свердловской области
ГАШ – Государственный архив в г. Шадринске
ДАИ – Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографической комиссией
ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РИБ – Российская историческая библиотека
СГГД – Собрание государственных грамот и договоров
СПФ ААН – Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук
ТГИАМЗ – Тобольский государственный историко-архитектурный музей заповедник
ЧОИДР – Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете

- в. – век
вв. – века
г. – год, город
гг. – года
д. – деревня
з-д – завод
о-г – острог
оз. – озеро
р. – река
с. – село
сл. – слобода
у. – уезд

СООТНОШЕНИЕ ЕДИНИЦ ИЗМЕРЕНИЙ

ЛИНЕЙНЫЕ МЕРЫ

Аршин – 0,72 м
Верста путевая – 1080 м
Вершок – 0,045 м
Сажень – 2,16 м

МЕРЫ ВЕСА

Берковец – 163,8 кг
Гривенка малая – 204,7 гр.
Золотник – 4,27 гр.
Пуд – 16,38 кг
Фунт – 409,5 гр.

СИСТЕМА ДЕНЕЖНОГО СЧЕТА

Алтын – 3 коп.
Деньга – 0,5 коп.
Полтина – 50 коп.
Полуполтина – 25 коп.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	5
<i>Глава 1. Государство и проблемы обеспечения черным металлом восточного фронта</i>	20
Поставки железа из метрополии	20
Организация кузнечного производства	22
Государственные приоритеты и специализация кузнецов	29
<i>Глава 2. Освоение месторождений железной руды и строительство казенных заводов</i>	43
Направления колонизационных потоков и открытия рудников	43
Строительство казенных железоделательных предприятий	56
<i>Глава 3. Возникновение негосударственных железоделательных промыслов</i>	80
Кустарное рудоплавильное производство	80
Железоделательный завод Тумашевых	87
Монастырские железоделательные промыслы	92
В преддверии эпохи петровских преобразований	95
<i>Глава 4. Поиски месторождений цветных и драгоценных металлов, организованные центральными властями в первой половине XVII в.</i>	98
Инициирование поисковых работ	99
Подготовка экспедиций	104
Государственный контроль и оперативное управление	127
<i>Глава 5. Поиски серебра на Южном Урале и в Сибири (1669—1673 гг.): мобилизация административных и хозяйственных ресурсов центра и периферии</i>	149
Проведение горных работ под руководством П. И. Годунова (1669 г.)	154
Поиски серебряной руды Ф. Фефиловым и М. Селиным (1670—1671 гг.)	158
Проведение поисковых, горных и рудоплавильных работ под руководством Я. Т. Хитрово (1672—1674 гг.)	166
<i>Глава 6. Организация поисков месторождений цветных и драгоценных металлов местными властями</i>	187
Разведка полезных ископаемых в процессе присоединения новых территорий	187
Поиски рудных месторождений на осваиваемых землях	199
Привлечение и использование частной инициативы в поисках и разработке месторождений	227
<i>Глава 7. Первые опыты промышленного освоения месторождений цветных и драгоценных металлов</i>	242
Пыскорское медноплавильное производство: от казенной мануфактуры до частного завода	242
Нерчинский серебронплавильный завод: от замыслов до реализации	253
<i>Заключение</i>	291
<i>Summary</i>	298
<i>Указатель имен</i>	300
<i>Указатель географических названий</i>	313
<i>Принятые сокращения</i>	320
<i>Соотношение единиц измерений</i>	321

CONTENTS

<i>Introduction</i>	5
<i>Chapter 1. State and Problems of the Eastern Frontiers Black Metal Provision</i>	20
Iron deliveries from metropolis. Organization of blacksmith's production. State priorities and blacksmiths' specialization: arms production, mills servicing, ship-building, and salt production.	
<i>Chapter 2. Opening of the Iron-ore Deposits and State Factories Building</i>	43
Colonization streams directions and mines opening. State iron factories building; iron and arms production in Tomsk, "Neviyansk mining and iron field", "Iron field in Aramashevskaya sloboda".	
<i>Chapter 3. Non-state Iron Industries Rise</i>	80
Handicraft iron-ore-melting production. Tumashev family iron factory. Monasteries' iron industries. On the eve of Peter the Great reforms.	
<i>Chapter 4. The Search of the Non-ferrous and Precious Metals, Organized by the Central Authorities in the First half of XVII</i>	98
Initiation of the search works. Preparation of the expedition: personnel forming, development of the issues of the financial and field provision, equipment preparation, Tsar orders to the expeditions. State control and operative management: Ch. Bartenev and G. Leontiev expedition 1618-1620. G. Zagryazgsky and S. Belikov expedition 1626-1627, V. Streshnev and V. Sergeev expedition 1633, Y. Xripunov expedition 1628-1630.	
<i>Chapter 5. The Search of Silver in the Southern Ural and Siberia (1669-1673): Mobilization of the Central and Peripheral Administrative and Economic Resources</i>	149
Mining works conducting under the direction of P. I. Godunov (1669). Silver iron-ore search by F. Fefilov and M. Selin (1670-1671). Search, mining and iron-ore-melting works conducting by Y. T. Khitrovo regiment (1672-1674): expedition personnel forming and its financial provision, preparation of the ammunition and supplies, order to the expedition leader Y. T. Khitrovo, expedition activity.	
<i>Chapter 6. Organization of the Non-ferrous and Precious Metals Deposits Search by the Local Authorities</i>	187
Prospecting of the fossils in the process of the new territories annexation. Mining deposits search on the assimilated territories. Attraction and use of private initiative in the search and working of cooper and silver deposits: failed cooper-melting field by A. T. Zhilin, D. A. Tumashev initiatives, deposits search by G. K. Trubnik, prospecting by P. A. Sveshnik, support of Angara Spasskaya desert in the affair of silver-melting field organization.	
<i>Chapter 7. First Experiences in the Industrial Assimilation of the Non-ferrous and Precious Metals Deposits</i>	242
Pyskorskoye cooper-melting production: from the state manufacture to the private factory. Nerchinskii silver-melting factory: from the projects to the realization.	
<i>Conclusions</i>	291
<i>Summary</i>	298
<i>Index of Names</i>	300
<i>Geographical Index</i>	313
<i>List of Abbreviations</i>	320
<i>Table of the Units of Measurements Correlation</i>	321

Научное издание

Курлаев Евгений Анатольевич
Манькова Ирина Леонидовна

**Освоение рудных месторождений
Урала и Сибири в XVII веке:**
у истоков российской промышленной политики

Макет и оформление
С. С. Ермолаев

Издательство «Древлехранилище»
Лицензия № 00226 от 11.10.99
Тел./факс.: (095) 245-30-98

Формат 60x90/16. Гарнитура «Петербург».
Бумага офсетная. Печать офсетная.
20.25 п. л. Тираж 800 экз. Заказ № 121.

Отп. в ИПП «Гриф и К», г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а

